ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Поступила: 08.07.2020г.
Сдана на рецензию: 20.07.2020г.
Подписана к печати: 30.07.2020г.

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ НОСИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

К.С. Анумян, С.С. Мисисян

Российский университет дружбы народов
ORCID ID: 0000-0001-6125-4942
karpisanumyan93@mail.ru
Российско-Армянский университет
ORCID ID: 0000-0003-3779-8995
serine.misisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Тема настоящей научной статьи находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистической научной мысли: эмотиологии, лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики. Данное исследование посвящено рассмотрению особенностей выражения эмоции в армянской и русской этнолингвокультурах. Актуальность исследования определяется его связью с когнитивно-коммуникативной парадигмой современных лингвистических исследований, основанной на учете преобладающей роли человеческого фактора во всех областях человеческой деятельности, в частности, в плане интерпретации окружающего мира. Авторами рассмотрены спорные вопросы взаимоотношения удивления со смежными явлениями. Результаты проведенного исследования в своей совокупности указывают на превалирование в эмоции удивления культурного составляющего, что проявляется как в различном количестве и семантике средств его объективации в языке, так и в специфике их дискурсивной активности, особенностях внутренней формы, метафорической и паремиологической интерпретации. На основе анализа конкретных примеров доказывается, что носители армянской и русской этнолингвокультур достаточно часто демонстрируют схожие выражения эмоции удивления, однако количественные показатели свидетельствуют о более высокой степени выраженности исследуемой эмоции в русской этнолингво-

культуре. При этом существенных различий в этнокультурном сознании, приводящих к коммуникативным барьерам при вербализации изучаемой эмоции, не выявлено.
Ключевые слова: эмотиология, удивление, этнолингвокультурная специфика, вербализация эмоций, эмоция удивления.

Различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются различными мировидениями.
Вильгельм фон Гумбольдт

Поскольку в основе мировоззрения и мировосприятия каждого народа лежит уникальная система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, изучение влияния этнического и социокультурного факторов на сознание носителя определенной этнолингвокультуры представляет особый научный интерес. Этнический и социокультурный факторы выявляются, в частности, в национально-этнических особенностях репрезентации и восприятия тех или иных эмоций.

Некоторые исследователи рассматривают эмоции как универсальную конструкцию, полагая, что большая часть эмоционального опыта основана на биологическом опыте. Тем не менее, эмоции не только биологически детерминированы, но также подвержены влиянию окружающей среды. Следовательно, при изучении многих аспектов эмоций обнаруживаются этнолингвокультурные различия.

Эмоция является сложным образованием, включающим универсальный, национально-специфический и индивидуальный компоненты, в которых находят свое отражение образы сознания, имеющие свою специфику в каждой конкретной этнолингвокультуре и определяющие выбор языковых единиц для репрезентации конкретной эмоции.

Национальные особенности эмоциональной сферы во многом зависят от экстралингвистических факторов. Совокупность уникальных для конкретной культуры эмоциональных выражений определяет специфику менталитета.

С точки зрения этнологии, лингвокультурологии и других смежных дисциплинарных областей современной науки установление причин расхождений в способах репрезентации тех или иных базовых эмоций является архиважной задачей. Любое исследование, посвященное объективации эмоций, должно иметь в своей основе четкое разграничение универсальных и национально-специфических компонентов языковой ментальности. Это – фундамент любого исследования, позволяющего говорить о специфике той или иной этнолингвокультуры, поскольку посредством определения границ уни-

версального и его природы, посредством сопоставления этнолингвокультур можно выявить их национальную специфику.

В процессе межъязыкового сопоставления способов репрезентации эмоций обнаруживается устойчивое соотношение универсального и идиоэтнического компонентов. Следует отметить, что понятийный компонент эмоции при этом носит универсальный характер, а национально-культурная специфика проявляется в других компонентах. Рассмотрим данный процесс на примере эмоции *удивления*.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу эмпирического материала, рассмотрим, что же представляет собой эмоция *удивления*, какую она играет роль в русской и армянской этнолингвокультурах. Начиная лишь с недавних пор, считается общепризнанной точка зрения, что при межкультурном общении первопричинами непониманий являются различия этнокультурного сознания коммуникантов, а не различия между языками, следовательно, вопрос межкультурных общений надлежит пониманию в качестве «проблемы общения разных национальных сознаний» [1].

Цель статьи – рассмотреть особенности выражения эмоции удивления в армянской и русской этнолингвокультурах, выявить культурную составляющую изучаемой эмоции, исследовать семантику средств ее объективации в русском и армянском языках, изучить специфику их дискурсивной активности, особенности внутренней формы, метафорическую и паремиологическую интерпретацию.

Основой изучения данной проблемы послужили научные работы российских и зарубежных ученых: В.И. Шаховского, И.А. Васильева, Л.Я. Дорфмана, Е.П. Ильина, З.З. Исхаковой, И.С. Карабулатовой, Е.Ф. Тарасова, К.Д. Ушинского, К. Изарда, Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др.

Повышенное внимание к проблемам этнолингвокультурологии, наблюдаемое в научных кругах, объясняется, прежде всего, значительным повышением роли этнической принадлежности в речевом поведении носителей различных языков. «Интерес к языковой деятельности различных этнических образований обусловлен усилением позиций человеческого фактора в языке, свидетельствующего о смене базисной парадигматики» [2]. Изучением вопросов взаимодействия языков, а в частности, близкородственных, занимались такие ученые-исследователи, как Ф.Г. Фортунатов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, У. Сафран, Х. Тололян, Г. Шеффер, К. Платт, Э. Скиннер, А. Бра, Р. Коэн, Р. Хетлаге, Т. Фаист, Р. Льюис, С. Хантингтон и др.

Для достижения поставленной цели были использованы методы сравнения, изучения и обобщения опыта, а также обзорно-аналитический метод,

включающий теоретический анализ литературных источников по проблеме исследования.

Изучение языковых контактов не только в виде результатов языкового взаимодействия, но и антропоцентрически ориентированной парадигмы представляет собой новый подход в лингвистике. Новым подходом также является сравнительно недавно возникшая в лингвистических учениях дисциплина – эмотиология – наука, изучающая эмоции (лингвистика эмоций), в рамках которой проводится данное исследование. «Эмоция *удивления,* как и любая реализованная в коммуникативном акте эмоция, чаще всего несет в себе большую долю экспрессии. Кроме этого – *удивление* в основном представлено проективно построенным текстом, то есть идиоматична. Следовательно, изучение языковых реализаций эмоции *удивления* с необходимостью требует обращения к тем аспектам языковых единиц, которые аккумулируют культурную информацию и отражают соотношение: "язык-человек-культура"» [3]. Общеизвестно, что изучением таких проблем занимается лингвокультурология. Как указывает С.Г. Воркачев, предметом лингвокультурологии «… является язык и культура, находящиеся в диалоге, взаимосвязи между собой. … Лингвокультурология занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира» [цит. по: 4].

Тем не менее, эмоция удивления, будучи одной из базовых эмоций, неоднократно становилась предметом изучения лингвистов. При этом до сих пор нет исчерпывающего лингвистического описания данной эмоции. Большая часть работ носит фрагментарный характер. Попытки создания идеографического словаря, или тезауруса, содержащего максимально полный перечень слов и выражений эмоции удивления, отличались рядом недостатков, таких как, например, недостаточная разработанность универсальных семантических критериев для классификации имеющегося материала, отсутствие экспликаций употребления и сочетаемости слов и выражений. Другим распространенным видом исследований являются описания отдельных языковых или речевых особенностей выражения эмоции *удивления*, которые, однако, также оказываются недостаточными ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое поле «Удивление».

Не существует также единого подхода к описанию вербализации эмоций в целом, так как, «всякий раз, как предпринимается попытка оседлать эмоции, вновь и вновь приходится удивляться тому, как трудно подвести их под какую-либо общую предметную область; запрячь в логику той или иной парадигмы…» [5]. Однако, основополагающими на данном этапе развития лингвистической науки являются два подхода – смысловой/прототипический (А. Вежбицкая, Л.Н.

Иорданская, А. Зализняк) и метафорический (Н.Д. Арутюнова, G. Lakoff, M. Johnson, Z. Kövecsés). Исходя из того, что ни один из вышеуказанных подходов не является исчерпывающим, наиболее продуктивным мы считаем их синтез, предложенный в работах Ю.Д. Апресяна и В.Ю. Апресян.

Удивление – одна из самых сложных в числе базовых эмоций. Одной из особенностей эмоции удивления является отсутствие противоположной эмоции. Эта особенность не дает возможности установить оппозиции, которые позволили бы выделить существенные для *у*дивления параметры.

К спорным вопросам можно отнести проблему взаимоотношения удивления со смежными явлениями (любопытство, любознательность). В научной литературе принято выделять два подхода к решению данного вопроса. Представители первого подхода рассматривают удивление как безусловно-рефлекторную первичную реакцию, впоследствии приводящую к любопытству [6]. Второй подход примечателен тем, что в эмоции *удивления* выделяются две области: 1) *собственно удивление* и 2) *страсть к удивлению,* выражающуюся в эмоциональных значениях: *любопытство* (желание испытать удивление) и *любознательность* (стремление к познанию) [7].

И.А. Васильев, выделяя три стадии возникновения и развития эмоции удивления, рассматривает ее как сложную эмоцию, имеющую несколько областей [8]. Первая стадия – *недоумение*, возникающее при относительно малой уверенности в правильности прошлого опыта, в случае несогласования некоторого явления с этим опытом.

Вторую стадию ученый связывает с *«анормальным» удивлением*, являющимся следствием заострения противоречия, осознания несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом.

Третья стадия – *изумление*, возникающее в случае абсолютной уверенности в правильности предыдущих результатов мыслительного процесса и прогнозирования результатов, противоположных возникшим. *Изумление* часто протекает как аффект с соответствующими физиологическими и психологическими реакциями.

Общеизвестно, что каждый язык обладает своей особенной системой обозначения реалий. При этом различия в языке отражают различия в национальной ментальности, более того, каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира». Несмотря на то, что эмоция удивления универсальна, она несет в себе определенную культурную составляющую, которая по-разному выражается в плане содержании фразеологических единиц разных языков.

Учитывая лингвистические и психологические особенности выражения эмоции удивления, можно выделить следующие универсальные характеристики: «*удивление* – неопределенное амбивалентное эмоциональное состояние, поддающееся градации и имеющее короткий период протекания; *удивление* стимулирует процесс познания и может иметь заметное физиологическое влияние на человека» (выделено нами – К.А., С.М.) [9].

По словам В.И. Шаховского, «эмоция особенно четко акцентируется, когда она разворачивается визуально, через невербальные средства» [10].

Несмотря на некоторые различия в национальной ментальности, носители различных культур, благодаря существующим универсальным эталонам, адекватно воспринимают большинство адмиративов. В подтверждение приводим несколько эталонов экспрессии удивления, представленных в книге Е.П. Ильина «Эмоции и чувства» [6].

Таблица 1. Эталоны экспрессии удивления.

1-й эталон	2-й эталон	3-й эталон	4-й эталон	5-й эталон	6-й эталон
глаза широко открыты	поза застывшая	интонации восклицательные	взгляд вопросительный	глаза широко открыты	брови подняты
рот приоткрыт	растерянность	рот приоткрыт	лицо застывшее	уголки губ опущены	взгляд вопросительный
брови подняты	интонации восклицательные	всплескивает руками	уголки губ опущены	лицо застывшее	растерянность
на лбу морщины				поза застывшая	

Интересно отметить, что длина словаря экспрессивных признаков удивления состоит из 11 суждений; из них чаще всего использовались следующие: «глаза широко открыты» – в 70% случаев, «брови подняты» – в 57%, «рот приоткрыт» – в 40%, «взгляд вопросительный» – в 30%.

Как в русском, так и в армянском языках под удивлением понимается эмоциональное состояние, вызываемое странностью или непонятностью, необычностью или неожиданностью, достигая высшей степени своего проявления в лексеме «изумление». Данное эмоциональное состояние в данных

языках обозначается также лексемами «ошеломление», «огорошивание», «ошарашивание» // «*շշմել*» [shshmel], «*ապշել*» [apshel].

В армянском языке, как и в русском, *удивление* выражается разными способами, в том числе прямым выражением с помощью частей речи: н-р, существительным *զարմանք* [zarmanq] // удивление (изумление); прилагательными *զարմանալի* [zarmanali], *զարմանահրաշ* [zarmanahrash], *զարմացած* [zarmats'ats], *շշմած* [shshmats] // удивительный, дивный, удивленный, ошеломленный; глаголами *զարմանալ* [zarmanal], *ապշել* [apshel] // удивляться, ошеломляться; междометиями *վա՜յ, վո՜ւյ, ա՜խ, պահո՜* և այլն [vay!, vuy!, ax!, paho! ev ayln] // вай! вуй! ах! ого! и т.д. Большинством из этих способов можно выразить как *удивление*, так и радость, страх, злость и др. Косвенно же выражается с помощью фразеологизмов: *Աչքերին չհավատալ* [Achqerin chhavatal]; *ականջներին չհավատալ* [akanjnerin chhavatal]; *աչք(եր)ով տեսածին չհավատալ* [achq(er)ov tesatsin chhavatal]; *ականջով լսածին չհավատալ* [akanjov lsatsin chhavatal]; *աչքով տեսածին* [achqov tesatsin], *ականջով լսածին չհավատալ* [akanjov lsatsin chhavatal]; *ինքն իրեն չհավատալ* [inqn iren chhavatal] // Не верить (не поверить) своим /собственным/ ушам (глазам)/ самому себе. *Մազերը բիզ-բիզ կանգնել* [Mazery' biz-biz kangnel]; *մազերը բիզ-բիզ ցցվել* [mazery' biz-biz ccvel]; *մազերը բիզ-բիզ տնկվել* [mazery' biz-biz tnkvel]; *մազերը բիզ-բիզ ելնել* [mazery' biz-biz elnel] // Волосы дыбом /встают, поднимаются, становятся/. *Զարմանք կտրել* [Zarmanq ktrel] // Сильно удивляться, поражаться. *Բերանը բաց մնալ* [Berany' bats' mnal]; *աչքերը ճակատին թռչել* [achqery' twakatin t'r'chel]; *աչքերը գագաթին թռչել* [achqery' gagat'in t'r'chel]; *խսկց. «աչքերը քյալլեն թռչել»* [xskc. «achqery' qyallen t'r'chel»]; *աչքերը դուրս պրծնել* [achqery' durs prc'nel]; *աչքերը կուլ գնալ* [achqery' kul gnal] (о сильном удивлении, усталости или при сильной боли) // Глаза на лоб (из-подолба) лезут /полезли, вылезут и т.д./ или Глаза вон лезут или Глаза вылезают из орбит /у кого/. *Զարմանքը շարժել* [Zarmanqy' sharjhel] // Удивлять, изумлять. *Զարմանքը տանել* [Zarmanqy' tanel] // Большое удивление. *Զարմանք կտրել* [Zarmanq ktrel] // Сильное удивление, изумление [примеры приведены по: 11, 12, 13].

«Самое важное в нашей жизни – это наши чувства, восприятие прекрасного, моральные поступки, духовное сознание. И ни одно из этих понятий не является чисто рациональным и объективным», – отмечают Лакофф и Джонсон [14].

О необходимости подробного изучения языковых средств выражения эмотивности писали многие лингвисты. Так, например, выдающийся ученый В.И. Кодухов еще в середине 90-х годов прошлого столетия отмечал, что

каждый автор стоит «... перед необходимостью адекватного отбора языковых средств для решения вопросов, связанных с определением идентичности человека (гражданской, национальной, социальной и даже половой)» [15]. Иными словами можно сказать, что для выражения своего отношения к окружающей действительности человек (как субъект) должен подобрать (осознанно или неосознанно) соответствующие языковые формы, а регулируют этот процесс отражения именно эмоции как психическое определение значения объектов мира для каждого индивидуума. Анализируя реальные проявления взаимоотношений трех составляющих (человек – мир – эмоции), З.З. Исхакова отмечает, что «... эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому более или менее типизированными. Таким образом, эмоции всегда имеют причину, субъект и объект» [16]. Ярко видна и взаимосвязь эмоции с когницией, ибо эмоции связаны с разумом: «в некоторой мере эмоциональность свойственна обычным состояниям сознания, и она предшествует когнитивным процессам» [17].

«*Удивление* – состояние, вызванное **сильным** впечатлением от чего-либо необычного, неожиданного, странного, непонятного» (выделено нами – К.А., С.М.) [18]. В русском языке важность придается силе воздействия. Удивление характеризуется как когнитивная эмоция, возникающая в неожиданной ситуации, являющаяся адекватной реакцией на отклонение от нормы.

Сложность и разноплановость эмоции удивления отражается также в способах передачи ее семантики. В устной коммуникации удивление выражается посредством лексического и синтаксического наполнения высказывания, интонации, мимики и жестов. Неустные способы передачи удивлений в основном выражаются описательно или с помощью паремий. В письменной коммуникации – с помощью графических средств и авторских ремарок, в которых отражаются особенности речи испытывающего эмоцию удивления человека и его поведения.

Как показывает языковой материал, прямых речевых актов (или прагматически построенной информации) при выражении удивления намного меньше, чем косвенных (т.е. проективно построенных) речевых актов.

Учитывая тот факт, что между концептуальным и языковым содержанием определенной лингвокультуры могут быть различия, можно прийти к выводу, что выражение эмоции *у*дивления, будучи способом репрезентации языковой «картины» мира, во многом зависит от национального мышления. Следует также отметить, что чаще всего человек какое-то решение принимает сначала под воздействием эмоций, и лишь спустя некоторое время пытается найти рациональное объяснение для принятого решения.

На основе анализа научной литературы можно заключить, что в научных кругах за последнее десятилетие возрос интерес к языковому аспекту исследования эмоций.

В подтверждение приведем статистические данные. Так, запрос в поисковой системе научных работ “Google Scholar” по ключевому слову «особенности выражения эмоции удивления» выдает 17 400 научных работ, из коих 11 400 опубликованы за последние четыре года.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что интерес в русскоязычной научной среде к исследуемой теме имеет тенденцию к росту.

Однако следует отметить, что в научной литературе по исследуемой проблематике наблюдается дефицит работ, посвященных этнолингвокультурному аспекту репрезентации изучаемой эмоции.

Перспективными представляются лонгитюдные исследований, учитывающие этнолигвокультурную специфику репрезентации эмоции удивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Изд-во «Эйдос», 1996. С. 8.
2. *Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф.* Украинская диаспора Тюменской области: история, язык, культура. Тюмень, Печатник, 2006. С. 7.
3. *Анумян К.С.* Лингвокультурологические особенности выражения удивления в коммуникации // «Методология андрагогического образования в контексте третьей модернизации Казахстана: тенденции, проблемы, пути решения»: материалы международной научно-практической конференции. Нур-Султан, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020. СС. 65–66.
4. *Ламбарджян С.П.* Персуазивность в зеркале антропоцентризма / С.П. Ламбарджян. Ер.: «Лимуш», 2017. С. 26.
5. *Дорфман Л.Я.* Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997. С. 138.
6. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. С-Пб.: «Питер», 2001. С. 262.
7. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения в 2-х т. Т.1 / К.Д. Ушинский. М.: «Педагогика», 1974. 520с.
8. *Васильев И.А.* Эмоции и интеллект / И.А. Васильев, Ю.Е. Виноградов, А.А. Виноградова // Искусственный интеллект и психология. М.: «Наука», 1976. СС. 133–227.
9. *Мисисян С.С.* Основные структурные особенности семантического поля «удивление» в русском языке. Дис… канд. филол. наук. Ер., 2018. 139с.
10. *Шаховский В.И.* Голос эмоций в языковом круге homo sentries. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 116.
11. *Бедирян П.С.* Развернутый толковый словарь идиом армянского языка / П.С. Бедирян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2011.1408с. (на арм. яз.)
12. *Сукиасян А.М., Галстян С.А.* Фразеологический словарь армянского языка. Ер.: Изд-во Ереванского университета, 1975. 618с. (на арм. яз.)
13. Русско-армянский фразеологический словарь / Под ред. Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Ер., Изд-во Ереванского университета, 1975. 616с.

14. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. P. 188.
15. *Карабулатова И.С.* Провидческий дар В.И. Кодухова в решении проблем этноязыковой политики: воспоминания о разговорах с учителем // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX-ой Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова (г. Покров, 15–17 мая 2019г.) / Отв. ред. А.В. Пузырев. М.: МПГУ, 2019. С. 12.
16. *Исхакова З.З.* Гендерный дейксис [Эл. ресурс]: монография / З.З. Исхакова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 51.
17. *Izard C.E.* The psychology of emotion. New York, Plenum Press, 1991. P. 69.
18. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. С-Пб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.gramota.ru/ (дата обращения: 02.04.2020)

ETHNOLINGUOCULTURAL FEATURES OF EXPRESSING THE EMOTION OF SURPRISE: ON THE EXAMPLE OF NATIVE SPEAKERS OF ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

K. Anumyan, S. Misisyan

ABSTRACT

The topic of this article is at the crossroads of the most important disciplinary areas of modern linguistic academic thought: emotiology, linguoculturology, psycholinguistics, ethnolinguistics. The study is devoted to the consideration of the features of expressing the emotion of surprise in Armenian and Russian ethnolinguocultures. The relevance of the study is determined by its relationship with the cognitive-communicative paradigm of modern linguistic research, based on the predominant role of the human factor in all areas of human activity, in particular, in terms of interpreting the world around us. The authors have examined the controversial issues of the relationship between the emotion of surprise and the related phenomena. The results of the study indicate a prevalence of the cultural component in the emotion of surprise, which is manifested both in the different quantity and semantics of the means of objectifying it in the language, as well as in the specificity of their discursive activity, the peculiarities of the internal form, metaphorical and paremiological interpretation. Based on the analysis of the specific examples, it is proved that the carriers of Armenian and Russian ethnolinguocultures quite often show similar expressions of the emotion of surprise. However, quantitative indicators indicate a higher degree of severity of the studied emotion in the Russian ethnolinguoculture. At the same time, there have been no significant differences in ethnocultural consciousness leading to communicative barriers in verbalising the studied emotion.

Keywords*:* emotiology, surprise, ethnolinguistic specificity, verbalization of emotions, emotion of surprise.

УДК 070:13

Поступила: 01.09.2020г.
Сдана на рецензию: 02.09.2020г.
Подписана к печати: 20.10.2020г.

ПОСТСОВЕТСКИЕ АРМЯНСКИЕ СМИ: ОТ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ К НЕЗАВИСИМОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

М.Э. Авакян

Российско-Армянский университет
marvolskaya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье предпринята попытка дать оценку минувшим десятилетиям становления независимой прессы в Армении. В сфере научных и социологических исследований в силу краткости сроков и недостаточности фактологического материала объектом внимания ученых становились лишь локальные аспекты функционирования СМИ Армении: в частности, непростая судьба конкретных изданий и журналистов, освещение отдельных проблем, реакция изданий на те или иные политические и социальные события.

Ключевые слова: независимая Армения, новые печатные СМИ, партийная пресса, кризис.

1991–1994гг. определяются как начало профессионализации армянской независимой журналистики, характеризующийся значимыми изменениями, в том числе и в сфере СМИ. С одной стороны, активная политическая жизнь только-только провозглашенного независимого государства[1], а с другой – усилившаяся связь Республики Армения с многочисленной армянской диаспорой мира, а также все связанное с возрождением традиционных армянских партий и их «присутствием» в стране, – послужили мощным стимулом к восстановлению и усилению т.н. «партийной прессы». В частности, с 1991 года в стране начали выходить в свет несколько новых газет – органов политических партий, соответственно. Тенденции «независимой» журналистики начали проявляться и на национальном телевидении: «Система армянского телевидения значительно отличается от других телеструктур, существующих во всем мире: во многих аспектах мы заметно отстаем, и на то существуют определенные субъективные и объективные причины. Долгие годы государство владело монополией на телевещание. Но время вносит кор-

[1] 21 сентября 1991 года в Армении был проведен референдум о независимости.

рективы в самые, казалось бы, незыблемые структуры: в январе 1991 года была организована альтернативная студия **А1**. Создана она была силами энтузиастов, начинающих, как говорится, с нуля, без технического и иного оснащения. <…> Сегодня студию можно назвать профессиональной. **А1** совершенно независима – и в финансовом и других аспектах»[2][1]. На армянском ТВ была организована новая информационно-аналитическая передача «Айлур», которая родилась благодаря талантливой и прогрессивной работе журналистов новой волны, чего не наблюдалось в период 1989–1991 годов. Продожалась война в Карабахе, и в прессе по-прежнему преобладали пафосно-национальные публикации и антиазербайджанская пропаганда. Однако отличие «новой» прессы заключалась в том, что на смену публицистам-непрофессионалам, журналистам первой волны независимости пришли постоянные корреспонденты с постепенно растущим профессиональным журналистским уровнем. «Кто говорит, что мы все только и дерем глотки о политике! Чушь – мы взахлеб пытаемся просто жить, хотя бы и в словах. И с каждой рваной раной на теле страны уцелевшие счастливо вздрагивают – и долго-долго говорят об этом.

То, о чем рассказано в этом выпуске – не мольба об помощи – как вам это удается сделать? Попытайтесь прочесть иначе иначе, примерьте увиденное и услышанное к разным точкам на карте. Как бы ни развивались события, итог у всех неизменен – льется кровь[3].

Понимаете ли вы, что происходит! Агонирующая империя пытается продлить жизнь кровопусканием. Как ни прискорбно это признавать, услужливых, готовых на все рук в этой стране хватает. На этот раз они понадобились и в Закавказье. Что там происходит сегодня, догадываются многие по ту сторону гор, а здесь...здесь идет война. Взаправдашняя – такая, как в Афганистане. Только “наши” теперь давят танками своих же, а в “духах” теперь ходят армянские ополченцы.

Прошедшие сумасшедшие годы надежд наконец-то убили в народе в “доброго царя” и народных заступников от номенклатуры. Но не исчезла вера в людей, иначе,наверное, не было бы смысла делать этот выпуск»[4][2]. Известные еще с советских времен журналисты, пишущие, некоторые – на рус-

[2] *Авакян, М.* А I просит эфир // «Республика Армения», № 10 (545), 22 января 1993г.

[3] Как не провести здесь параллелей с сегодняшним временем, когда Азербайджан вновь, спустя 30 лет, развязал кровопролитную агрессию против армян, начиная с 27 сентября 2020 года, развязав очередную войну.

[4] Специальный выпуск Информационного еженедельника «Глашатай» (русское издание еженедельника «Муненик»), май 1991г.

ском языке, развернули активную деятельность в становлении свободной прессы Независимой Армении, среди них – Мгер Давоян, Аветис Серопян, Сергей Джанян, Арам Карапетян, Рузанна Петросян, Нелли Геворкян, Ашот Газазян, Ашот Арамян, Михаил Дилоян, Герман Авакян – известный фотожурналист, Мария Авакян и др.

Мы были свидетелями рождения многих изданий, имеющих очень короткую жизнь: орган партии Национального самопределения (АОД) на двух языках – «Свобода» (арм. вариант: «Ազատություն»)[5], которые просуществовали недолго; печатный органы «Армянского общенационального движения» (АОД) (арм. «Հայոց Համազգային Շարժում» (ՀՀՇ)) и др. Но и здесь журналисты, не умеющие молчать, писали о насущных проблемах: уроках истории[6] [3], Карабахской войне, социальных проблемах, вопросах беженства. «До чего мы дошли в результате развала Союза: ставшие независимыми, мы на деле оказались вынужденными вести кровопролитную борьбу, пытаясь доказать миру свою историческую принадлежность к тому или иному региону, брошенными на произвол судьбы, изгнанными с родных мест, в одночасье ставшими беженцами. Это слово, казалось, оставшееся в далеком прошлом, мы вспоминаем в связи с геноцидом 1915 года, великой Отечественной войной, неожиданно вовалось в нашу жизнь и очень быстро стало привычным. Но привычным ли?»[7][4]. Пожалуй, лишь газеты «Азг»[8] и «Еркир»[9], не ограничивавшиеся партийной тематикой, отличающиеся информативностью и высокой журналистской культурой, сохранили планку наиболее читаемых в Армении газет[10].

---

[5] В самом начале газета «Свобода» привлекла в себе известных журналистов, представителей армянской интеллигенции.

[6] См.: *Авакян, М.* Уроки Первой мировой войны или Севрский мир с Турцией // «Свобода», март 1996г.

[7] *Авакян, М.* Сегодня время работает на нас, а вернее – на будущее // «Свобода», № 4 (35), февраль 1994г.

[8] «Азг» – первая независимая газета в Республике Армения. В течение прошедших лет газета издавалась стабильно.С 1999 года «Азг» имеет сайт, который ежедневно обновляется. Интернет-версия газеты представлена на шести языках: армянском, русском, английском, турецком, арабском, персидском. Читают ее в 70 странах мира, ежедневно в среднем 2500 человек.

[9] Газета «Еркир» – официальное издание Верховного органа Армении АРФ «Дашнакцутюн».

[10] Дело в том, что главными редакторами только этих газет были профессиональные журналисты, когда-то работавшие в СМИ на Западе и ставившие во главу угла в первую очередь информацию, а не пропаганду. Они, не жалевшие партийных денег на покупку лент «Рейтер», «Франс-Пресс» и «Ас-сошиэйтед Пресс». В результате, из партийных газет только «Азг» и «Еркир» избежали славы «агитлистков».

Начавшийся в 1991 году экономический кризис привел к тому, что вплоть до 1994 года, т.е. в период Карабахской войны, пресса Армении находилась, практически, на грани выживания. Известно, что зимой 1992–1993гг. из-за блокады и жесточайшего энергетического кризиса был приостановлен выпуск почти всех армянских газет, кроме официальных «Айастани Анрапетутюн» и ее русского эквивалента «Республика Армения», а также спонсируемых из-за рубежа печатных органов зарубежных партий «Азг» и «Еркир»[11].

Это были очень тяжелые годы для Армении, впоследствие названные «темными»: в следующую же зиму, такую же суровую, как и предыдущая,1993–1994гг., многочасовые отключения электроэнергии привели к тому, что жители Независимой лишились самого популярного источника информации – телевидения, а влед за ним – и радио. Информационный вакуум могли заполнить лишь газеты: к тому времени некоторые из них начали выходить почти регулярно. Однако, как это не прозвучит невероятно, купить газеты могли далеко не все, и даже публичные библиотеки не имели в то время средств для подписки. Журналисты находились не в лучшем состоянии: они получали мизерную зарплату и гонорары[12]. После энергетического кризиса 1992–1993гг. последовало резкое подорожание газетной бумаги, что привело к тому, что к началу 1994 года в Армении практически не осталось изданий, основанных на самоокупаемости[13][5]. То есть «выжили» только те газеты, которые сумели найти платежеспособных спонсоров или учредителей, а также те немногие, которые смогли сохранить с лучших (советских) времен достаточный запас бумаги[14]. Как было уже отмечено, несмотря на то, многие газеты стали выходить в свет достаточно регулярно, приблизительно к 1994 году резко упал уровень популярности аудитории к печатным СМИ, и не только по экономическим причинам. Произошло резкое изменение социально-политического климата в стране, а вместе с ним – снижение социальной активности у неселения.

---

[11] Официальные газеты были перемещены в здание Президентского дворца, где имелось круглосуточное электроснабжение, а у газет «Азг» и «Еркир» были собственные источники электроэнергии.

[12] Достаточно вспомнить, что за статью получали несколько драмов, в зарплата составляла 100–150 др. (За 1994г. курс драма к российскому рублю упал на 1,32 руб. за 1 др. Максимальная стоимость драма за год была зафиксирована в первой половине октября и равнялась 11,34 руб., а минимальная – в середине сентября и составляла 6,76 руб.). В долларовом эквиваленте – 0,2144$).

[13] См.: Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. Ер., Кавказский институт СМИ, 2005.192с.

[14] Это были бывшие издательства и типографии ЦК КПСС и ВЛКСМ.

Так или иначе, как и в других странах постсоветского пространства, сегодняшнее состояние СМИ Армении резко отличается от советской прессы и от первых, неоднозначных лет становления независимости страны. Бросая ректроспективный взгляд на прошедшие десятилетия, можно сказать, что пройден значительный путь – от первых «кустарных» попыток воплощения свободного слова до уже вполне определившейся современной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авакян, М.* A I просит эфир // «Республика Армения», № 10 (545), 22 января 1993г.
2. Специальный выпуск Информационного еженедельника «Глашатай» (русское издание еженедельника «Муненик»), май 1991г.
3. *Авакян, М.* Уроки Первой мировой войны или Севрский мир с Турцией // «Свобода», март 1996г.
4. *Авакян, М.* Сегодня время работает на нас, в вернее – на будущее // «Свобода», № 4 (35), февраль 1994г.
5. Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. Ер., Кавказский институт СМИ, 2005.192с.

POST SOVIET ARMENIAN MEDIA: FROM SOVIET PROPAGANDA TO INDEPENDENT JOURNALISM

M. Avakyan

ABSTRACT

This scientific article attempts to assess the past decades of the establishment of an independent press in Armenia. In the field of scientific and sociological research, due to the shortness of time and the lack of factual material, only the local aspects of the Armenian media's functioning became the object of attention of scientists: in particular, the difficult fate of specific publications and journalists, coverage of certain problems, the reaction of publications to certain political and social events.

Keywords: independent Armenia, new print media, party press, crisis.

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-11

Худавердян А.Ю. [a], Енгибарян А.А. [b], Матевосян Р.Ш. [b], Алексанян Н.Г. [c], Хачатрян А.А. [d]

[a] Институт археологии и этнографии НАН РА, ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
[b] Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци, ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
[c] Республиканский медицинский центр «Армения», ул. Маркаряна, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
[d] Центр арменоведческих исследований Ширака, ул. Мясникяна, 118, Гюмри, 3114, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru (Худавердян А.Ю.); ripmatev@mail.ru (Енгибарян А.А.); Azatengibaryan@mail.ru (Матевосян Р.Ш.); alexanyannune@gmail.com (Алексанян Н.Г.); smuseum@web.am (Хачатрян А.А.)

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ
(по остеометрическим материалам городских и сельских поселений)

Анализируются различия в антропологических характеристиках горожан и жителей села с целью выявления возможных основ сложения антропологических особенностей городского и сельского населения Армянского нагорья. Материалы погребений датируются I–III вв. н.э. Наблюдается некоторое совпадение картин дифференциации древнего населения Армянского нагорья по данными остеометрии и краниометрии, что говорит о неоднородности местных групп и контактах с кочевыми племенами.

Ключевые слова: Армения, эпоха античности, остеология, городское и сельское население.

Введение

Для расогенетической истории Армянского нагорья чрезвычайно важен период античности. Мы неоднократно демонстрировали высокий уровень интенсивности межкультурных взаимоотношений населения Армении с группами Восточной Европы и Центральной Азии [Худавердян и др., 2020]. Получены убедительные антропологические доказательства непосредственного влияния скифов Поднестровья, степей Причерноморья и Украины, сарматов Волго-Уралья и саков Центральной Азии на автохтонное население Армянского нагорья. Очевидные миграционные импульсы на территорию Армянского нагорья с севера из Восточной Европы и Центральной Азии прослеживаются по антропологическим данным начиная с VIII в. до н.э. и усиливаются в эпоху античности и раннего средневековья [Худавердян и др., 2018a, 2020].

Исследований, посвященных остеометрии античного населения Армянского нагорья, не проводилось. Не вызывает сомнений тот факт, что морфологические особенности посткраниального скелета не только отражают экологические условия обитания палеопопуляций [Алексеева, 1998], но могут также использоваться при изучении дифференциации групп различного происхождения — как на уровне больших рас, так и на более низких таксономических уровнях [Громов и др., 2015; Радзюн, Казарницкий, 2011; Широбоков, Черных, 2016]. Мы должны констатировать, что синхронные остеологические серии с территории Южного Кавказа отсутствуют. Вероятно, причина отнюдь не в отсутствии скелетных материалов, а в том, что антропологи при работе с костными останками обычно отдают предпочтение краниологическому анализу [Абдушелишвили, 1978a, 1978b; Касимова, 1960]. Приводимые в публикуемой работе остеометрические данные позволяют более полно охарактеризовать особенности физического типа античного городского и сельского населения Армянского нагорья. Для сравнительного анализа особенностей посткраниальной морфологии позднеантичного населения были привлечены 44 остеологические серии по различным этническим группам Евразии.

Материалы и методы

Исследованы материалы позднеантичных памятников Ервандашат, Бениамин, Черная крепость I, Вардбах (рис. 1). Серия Бениамин включает 63 посткраниума различной сохранности и комплектности. Из них 10 скелетов принадлежали мужчинам, 23 — женщинам, 30 — детям. Суммарная серия из сельских поселений с территории Ширакской равнины (Черная крепость I, Вардбах) включает 9 мужских скелетов и 4 женских. Несмотря на удовлетворительную сохранность костей посткраниального скелета комплектность их была плохой. Это обстоятельство существенно осложняет проведение полновесного внутригруппового анализа. Хоронили умерших в указанных могильниках в ка-

менных ящиках и грунтовых могилах. Антропологический материал могильника Ервандашат представлен 2 разновозрастными индивидами обоего пола, которые были погребены в больших карасах (пифосах). Для сравнительного анализа мы использовали раннесредневековые серии из памятников Двин, Уши и Зарни Эр [Худавердян и др., 2018a, 2018b].

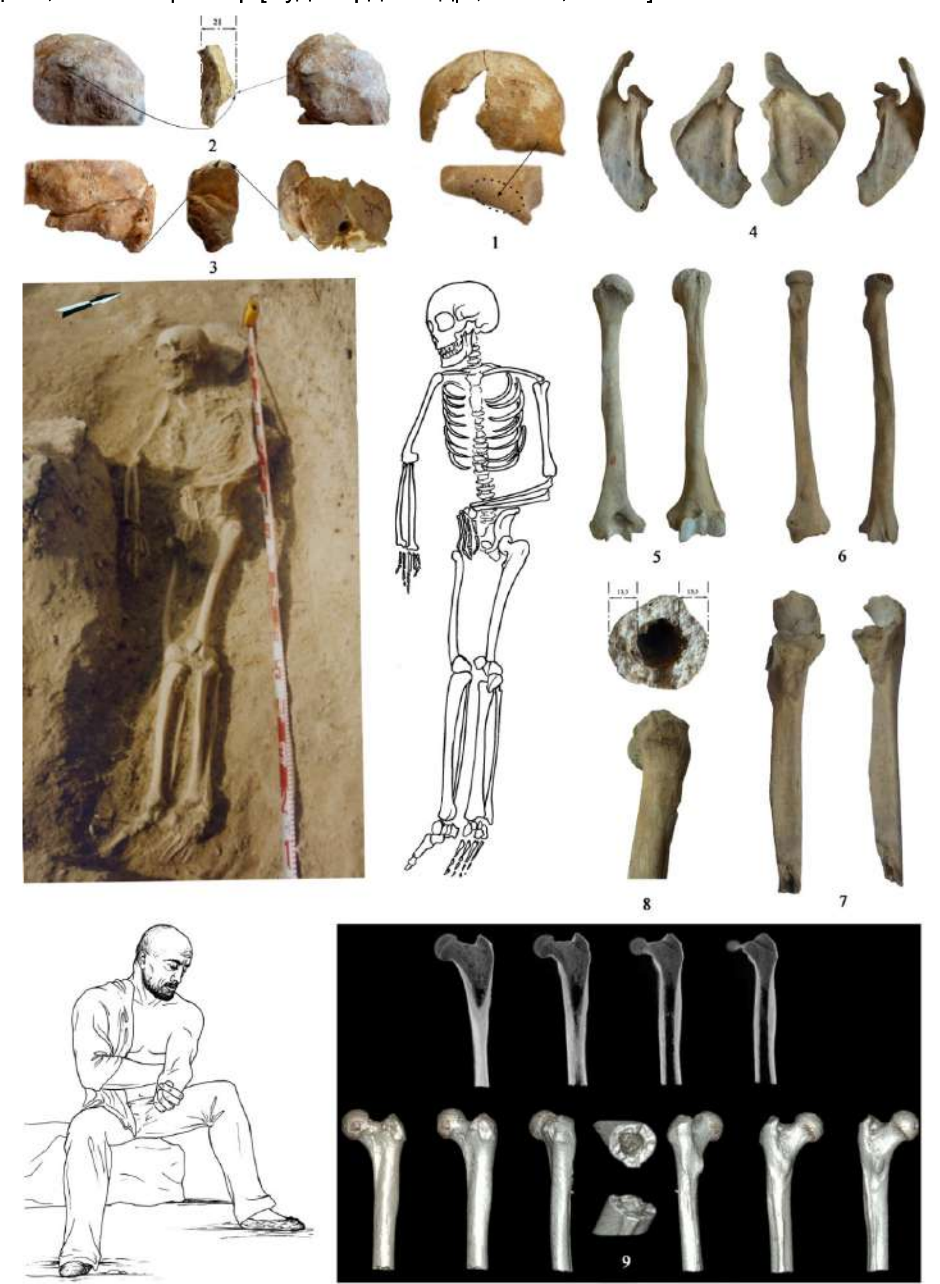

Рис. 1. Развитие рельефа черепа и посткраниального скелета, компьютерная томография фрагмента левого бедра (3D-изображение) (Вардбах, погр. 3).
Fig. 1. Development of the relief of the skull and postcranial skeleton, computed tomography of a fragment of the left femur (3D image) (Vardbakh, burial 3).

После реставрации кости посткраниального скелета были изучены по классической для российской антропологии программе [Алексеев, 1966]. Реконструкция длины тела производилась по наибольшим размерам длины бедренной, большеберцовой костей (формулы Пирсона — Ли и Троттер — Глезер). Оценка абсолютных значений признаков в общемировом масштабе осуществлялась с опорой на методические разработки и рубрикации В.В. Бунака [Мамонова, 1986], Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина [1978]. При межгрупповом анализе использован канонический анализ на основании усредненной

внутригрупповой корреляционной матрицы [Дерябин, 1983] с помощью пакета статистических программ Б.А. Козинцева (заменены соответствующие файлы: canonm.aux и canonf.aux). В статистический анализ не вошли три скелета из могильников с территории Республики Армении, у которых зафиксированы следы ростовых нарушений [Khudaverdyan, 2015; Худавердян и др., 2017, 2019]. Компьютерная томография костей проводилась на базе Республиканского медицинского центра «Армения».

Результаты и обсуждение

Внутригрупповой анализ. Средние значения метрических признаков мужских скелетов приведены в табл. 1. Мужские скелеты из раскопок бениаминского некрополя характеризуются среднедлинными плечевыми костями. Эпифизы плечевых костей хорошо развиты, средняя ширина эпифиза довольно велика, что укладывается в разряд очень больших величин. Наблюдаются большие значения указателя сечения. Локтевые кости средней длины, наименьшая окружность диафиза средняя, указатель прочности большой. Указатель поперечного сечения также большой. Верхняя часть диафиза локтевых костей характеризуется эуроленией. Продольные размеры лучевых костей среднедлинные. По указателю прочности и размерам наименьшей окружности лучевые кости грацильны, по указателю сечения — среднеуплощенные. Бедренные кости по двум размерам относятся к категории малой длины, окружность середины диафиза также малая. Большеберцовые кости среднедлинные, размеры наименьшей окружности малые. Сагиттальные диаметры большеберцовых костей попадают в категорию средних величин, и обе ширины середины диафиза достигают больших значений. Верхнее сечение большеберцовых костей расширено в поперечном направлении — эурикнемия, что может свидетельствовать об относительно малой нагрузке на голень. Длина малоберцовых костей средняя. Интермембральный индекс для бениаминской популяции оказался средним. Значения плечебедренного индекса высокие, а в ряде случаев очень высокие, что соответствует выраженно удлиненному плечевому отделу руки относительно бедра. Можно констатировать относительную укороченность предплечий, причем в большинстве случаев — сильно выраженную. Полученный результат объясняет значения интермембрального индекса в группе, показывая, что именно с некоторой укороченностью предплечий относительно голеней связана небольшая относительная укороченность верхних конечностей у некоторых скелетов. Лучеплечевой указатель говорит о мезатикеркии, т.е. свидетельствует о среднедлинном предплечье. Берцово-бедренный указатель характеризуется мезогамбией: отмечается среднедлинная или несколько удлиненная по отношению к бедру голень. Продольные размеры верхних конечностей у индивида из Ервандашата укладываются в разряд малого класса как для плечевой, так и для лучевой и локтевой костей. Кости предплечья как по указателю прочности, так и по указателю сечения средней массивности. Бедренные кости по наименьшей окружности диафиза характеризуются небольшой массивностью. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине плечевой кости, составила 158,76 см.

Мужчины из сельских поселений отличаются от бениаминских меньшей величиной продольных размеров плечевой, лучевой и локтевой костей и увеличением обхватных размеров плечевой, локтевой и бедренной костей. Длина бедренных костей у сельчан средняя, у бениаминских — малая. Индекс пилястрии бедра у индивидов из сельских поселений близок к 100 %, однако он низок в бениаминской группе, т.е. задний пилястр бедра чаще всего выражен недостаточно, как и шероховатость на нем. Мужская группа из сельских поселений характеризуется средней длиной (162,96 см), а городские жители имеют длину тела ниже среднего (161,77 см).

Попробуем разобраться в причинах выявленных различий посткраниального скелета индивидов из сельских поселений. У трех индивидов (Вардбах: погр. 3; Черная крепость I: погр. 42, 43) утолщены все выступы на наружной поверхности черепа, кости скелета утолщены, ногтевые отростки фаланг расширены, тела позвонков увеличены. Первоначально мы предполагали, что подобные изменения скелета могли быть связаны с заболеваниями гипофиза [Худавердян, 2005]. Как известно, под влиянием соматотропного гормона в результате периостального роста кости увеличиваются в ширину. Избыточная секреция данного гормона у людей с закончившимся физиологическим ростом является причиной акромегалии. Связаны ли особенности вышеуказанных скелетов с заболеванием акромегалией? Попытаться ответить на этот вопрос можно с помощью всестороннего анализа. Подробно остановимся на скелете из погр. 3 могильника Вардбах (♂, 40–45 лет, рис. 1). Собрать кости черепа не удалось из-за плохой сохранности. У индивида хорошо выражен рельеф крепления мышц в затылочной области (4 балла по Брока) при относительно слабом развитии рельефа в области надбровья и надпереносья (балл 1). Лоб довольно покатый, лобные и теменные бугры сглажены. Затылочный бугор хорошо развит, толщина бугора составляет 21 мм. Сосцевидные отростки очень крупные (5 баллов). Лопатка

довольно мощная. Наибольшая длина плечевой кости попадает в градацию средних размеров. Поперечный диаметр головки плечевой кости соответствует категории очень больших размеров. Указатель прочности характеризуется большими величинами. Наибольшая длина лучевой кости находится в градации средних размеров. Верхняя часть правого диафиза локтевой кости характеризуется эуролением. Правая бедренная кость по двум размерам длины относятся к категории большой, окружность середины диафиза очень большая. Проксимальная часть диафиза характеризуется гиперплатимерией. Толщина кортикального слоя бедренной кости достигает 13,5 мм (рис. 1, *8*; в норме 6,5 мм). Длина малоберцовой кости относится к категории большая. Длина тела индивида, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, составила: 170,23 см (формула К. Пирсона и А. Ли), 175,26 см (формула М. Троттер, Г. Глезер). Таким образом, реконструированный рост индивида попадает в категорию больших размеров.

О функциональной перегруженности мускулатуры пояса верхних конечностей свидетельствуют энтесопатии на плечевых костях в области прикрепления сухожилий длинной головки двуглавой мышцы плеча (caput longum m. biceps brachii). Отмечается довольно хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. На лучевых костях очень сильно развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т.е. участвующей в процессе поднимания тяжести вверх. Локтевым костям присуще достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. Наблюдается хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости, к которому также прикрепляется эта мышца. Очень хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей (рис. 1, *9*), что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень. На бедренных костях сильно развита linea aspera. На берцовых костях наблюдается усиление выраженности линии камбаловидной мышцы (m. soleus). Мы допускаем, что выявленные различия между городским и сельским населениями Ширака могут быть результатом взаимодействия (контактов) с различными этническими группами, или же их отличия являются результатом физических упражнений, трудовой деятельности (т.е. связаны с прижизненными изменениями морфологии скелета). Как известно, надкостница костей в процессе физических нагрузок заметно утолщается благодаря повышенной функции ее внутреннего, камбиального или костеобразующего слоя. Таким образом, мы исключаем связь массивности скелетов из сельских поселений Ширакской равнины с заболеванием гипофиза.

Параметры дисперсии довольно велики для продольных размеров практически всех костей (верхней и нижней конечностей) индивидов, погребенных как в бениаминском могильнике, так и в сельских поселениях Ширака (табл. 1). Изменчивость поперечных и охватных размеров костей также велика, индексы сечения показывают завышенную вариабельность, что подчеркивают различия не в величинах поперечного комплекса, а в форме костей скелета. Факт завышенной вариабельности продольных размеров на фоне довольно высокой изменчивости индексов сечения длинных костей позволяет утверждать неоднородность античного населения Армянского нагорья.

Средние значения метрических признаков женских античных скелетов приведены в табл. 2. Продольные размеры длинных костей женских скелетов характеризуются малыми размерами. Наименьшая окружность диафиза плечевой кости у бениаминцев очень малая, указатель прочности средний, по форме сечения диафиза платибрахиальный. Лучевые кости грацильные или немассивные. Наименьшая окружность диафиза локтевой кости входит в категорию средняя, сечение не имеет специализированной формы — эуроления. Окружность середины диафиза бедренных костей средняя, пилястр развит слабо, показатель массивности в пределах малых величин. Большеберцовые кости имеют среднюю наименьшую окружность и среднеуплощенный диафиз. Значение интермембрального индекса указывает на гармоничное соотношение размеров рук и ног.

Визуально кости индивидов из сельских поселений Ширака более массивны и довольно рельефны, чем у индивидов из могильника Бениамин, а абсолютные значения продольных размеров длинных костей в изученных группах находятся в тех же категориях. В проксимальной части диафиз бедренных костей у бениаминцев расширен, кости уплощены в сагиттальном направлении — платимерия, у сельчанок указатель поперечного сечения верхней части диафиза характеризуется гиперплатимерией. По указателю сечений диафиза большеберцовых костей для горожан характерна эурокнемия, для сельчанок — мезокнемия. Останки в городском и сельском могильниках по пропорциям тела достаточно сходны, длина тела у погребенных в последних попадает в категорию малая. Показатели дисперсии велики для продольных размеров всех костей конечностей (табл. 2).

Таблица 1

Остеометрическая характеристика индивидов из городских и сельских поселений Армении (мужские скелеты)

Table 1

Osteometric characteristics of individuals from urban and rural settlements of Armenia (male skeletons)

	Бениамин			Ервандашат		Сельские поселения Ширака		
	n	*x*	*s*	Пр.	Лев.	*n*	*x*	*s*
Плечевая кость								
1. Наибольшая длина	9	315,3	13,7	303	296	5	309,6	18,5
2. Общая длина	9	310,8	13,7	299	293	5	304,0	17,2
3. Ширина верхнего эпифиза	9	51,4	3,4	52	49,5	5	54,4	10,5
4. Ширина нижнего эпифиза	10	62,5	4,1	—	64	4	59,7	6,3
5. Наибольший Ø середины диафиза	10	21,9	1,3	23	22,8	5	22,96	2,1
6. Наименьший Ø середины диафиза	10	18,2	2,5	19	19	5	21,16	2,7
7. Наименьшая окружность диафиза	10	61,6	3,7	53	61	4	60,5	6,2
7а. Окружность середины диафиза	10	65,8	3,7	60	63,5	5	66,8	5,9
7:1. Индекс массивности	9	19,6	16,2	17,5	20,7	4	19,7	0,8
6:5. Указатель поперечного сечения	10	83,2	9,1	82,7	83,4	5	92,1	3,8
Лучевая кость								
1. Наибольшая длина	9	244,5	13,1	221	—	6	232,4	14,4
2. Физиологическая длина	9	221,4	10,1	213	—	6	220,8	12,8
4. Поперечный Ø диафиза	10	15,6	1,4	14	14,9	8	14,9	2,5
5. Сагиттальный Ø диафиза	10	11,6	1,6	11,8	12,8	8	13,6	2,9
3. Наименьшая окружность диафиза	10	39,5	4,6	33	33,2	8	41,7	6,4
3:2. Указатель массивности	9	17,8	2,2	15,5	—	6	18,9	2,0
5:4. Указатель поперечного сечения	10	69,4	4,4	84,3	85,91	8	74,7	9,3
Локтевая кость								
1. Наибольшая длина	8	261,2	9,1	242	246	5	252,2	9,7
2. Физиологическая длина	8	224,3	6,4	207,5	210	5	223,5	8,3
11. Сагиттальный Ø диафиза	9	14,1	1,4	12	12,5	7	13,95	1,5
12. Поперечный Ø диафиза	9	16,95	2,2	17,8	16	7	17,7	2,1
13. Верхний поперечный Ø диафиза	9	21,95	3,8	22,5	22	7	22,3	1,4
14. Верхний сагиттальный Ø диафиза	9	24,6	2,2	23,2	24	7	25,4	2,7
3. Наименьшая окружность диафиза	9	37,3	3,9	29	28	6	36,4	5,3
3:2. Указатель массивности	8	18,2	3,9	13,98	13,4	5	15,7	1,9
11:12. Указатель поперечного сечения	9	81,8	8,3	67,5	78,2	7	79,5	7,5
13:14. Указатель платолении	9	89,2	11,3	96,99	91,7	7	88,3	6,6
Бедренная кость								
1. Наибольшая длина	7	421,5	23,7	—	—	7	432,6	25,2
2. Длина в естественном положении	7	416,8	25,7	—	—	7	423,4	27,0
21. Мыщелковая ширина	10	79,2	7,4	—	—	7	82,1	4,8
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	10	26,1	2,2	26	26	9	28,6	3,4
7. Поперечный Ø середины диафиза	10	27,3	2,6	27,2	28	9	28,97	2,7
9. Верхний поперечный Ø	10	31,8	2,6	32,2	33,7	9	33,9	4,7
10. Верхний сагиттальный Ø	10	24,5	3,8	23	22,8	9	27,2	3,1
8. Окружность середины диафиза	10	83,6	6,6	74	75	9	88,4	10,5
8:2. Указатель массивности	7	19,96	1,7	—	—	7	21,4	1,3
6:7. Указатель пилястрии	10	95,97	7,3	95,6	92,9	9	98,7	7,8
10:9. Указатель платимерии	10	74,7	5,8	71,5	67,7	9	81,2	10,2
Большая берцовая кость								
1. Полная длина	8	354,3	15,8	—	—	6	349,3	17,5
2. Мыщелково-таранная длина	7	328,6	18,0	—	—	6	326,98	22,3
1а. Наибольшая длина	8	358,3	15,1	—	—	6	352,7	18,6
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	8	77,4	4,6	—	—	7	73,8	5,2
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	8	52,9	5,1	48,2	47	6	46,1	0,9
8. Сагиттальный Ø середины диафиза	8	28,8	1,0	29,9	28,5	7	27,9	2,3
8а. Сагиттальный Ø на уровне пит. отв.	8	31,98	4,8	33,5	34	7	30,9	1,8
9. Поперечный Ø середины диафиза	8	26,2	4,5	21,8	20	7	25,8	1,2
9а. Поперечный Ø на уровне пит. отв.	8	23,8	3,6	26,2	25	7	23,7	1,2
10. Окружность середины диафиза	8	80,3	6,2	70	68	7	78,0	6,2
10б. Наименьшая окружность диафиза	8	74,5	4,9	67	64	5	74,6	5,5
9:8. Указатель сечения	8	82,3	6,8	72,9	70,2	7	76,7	5,2
10b:1. Указатель прочности	8	21,1	1,7	—	—	5	21,2	0,9
9а:8а. Указатель платикнемии	8	73,97	5,0	78,3	73,6	7	76,5	3,8
10:1 Указатель массивности	8	22,8	2,2	—	—	6	22,5	1,0
Малая берцовая кость								
1. Наибольшая длина	8	347,1	16,5	320	325	3	343,0	11,2
Показатели пропорции и длины тела								
R1:H1. Лучеплечевой указатель	8	74,8	3,0	72,94		2	76,5	—
T1: F2. Берцово-бедренный указатель	5	81,9	2,6	—		4	82,6	1,4
H1+R1/F1+T1. Интермембральный указатель	4	70,5	0,3	—			—	—
H1+R1/ F2+T1. Интермембральный указатель	4	70,8	0,3	—			—	—
H1: F2. Плечебедренный указатель	6	73,7	2,3	—			—	—
R1:T1. Лучеберцовый указатель	7	67,6	0,9	—		2	67,1	—
Длина тела	10	161,8	5,4	158,8		9	162,96	3,5

Таблица 2

Остеометрическая характеристика индивидов из городских и сельских поселений Армении (женские скелеты)

Table 2

Osteometric characteristics of individuals from urban and rural settlements of Armenia (female skeletons)

	Бениамин			Сельские поселения Ширака		
	n	*x*	*s*	*n*	*x*	*s*
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	19	301,4	16,5	3	286	8,5
2. Вся длина	19	297, 4	16,7	3	282,4	8,0
3. Верхняя эпифизарная ширина	20	46,8	4,4	3	42,3	2,4
4. Нижняя эпифизарная ширина	20	57,3	3,8	4	59,2	4,1
5.Наибольшая ширина середины диафиза	21	20,8	1,9	4	22,2	1,3
6.Наименьшая ширина середины диафиза	21	15,8	2,4	4	20,1	1,7
7. Наименьшая окружность диафиза	20	56,6	3,8	4	58,3	5,3
7а. Окружность середины диафиза	21	61,7	5,3	4	64,0	5,2
7:1. Индекс массивности	19	18,8	1,4	3	19,6	1,1
6:5 Указатель сечения	21	75,99	8,3	4	89,5	5,0
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	20	227,9	19,5	3	227,4	8,3
2. Физиологическая длина	20	213,9	18,8	3	215,7	5,5
4. Поперечный диаметр диафиза	20	14,3	1,4	4	13,3	2,6
5. Сагитальный диаметр диафиза	20	10,4	1,2	4	11,5	0,6
3. Наименьшая окружность диафиза	20	36,6	3,7	4	40,5	3,1
3:2. Указатель массивности	20	17,8	2,1	3	18,5	1,8
5:4. Указатель сечения	20	72,4	6,1	4	80,91	8,1
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	16	246,0	16,9	2	247,3	—
2. Физиологическая длина	16	212,8	15,4	2	216	—
11. Передне-задний диаметр	20	11,1	2,8	4	11,8	0,9
12. Поперечный диаметр	20	15,7	1,6	4	17,2	0,7
13. Верхний поперечный диаметр	20	19,8	1,8	4	20,9	1,7
14. Верхний дорзоволярный диаметр	20	22,2	1,7	4	23,94	2,3
3. Наименьшая окружность	20	32,3	3,2	3	33,7	1,7
3:2 Указатель массивности	16	15,7	1,1	2	15,6	—
11:12. Указатель сечения	20	74,6	8,1	2	76,9	—
13:14. Указатель платолении	20	89,1	6,1	2	92,94	—
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	11	419,6	31,3	3	405,4	6,4
2. Длина в естественном положении	11	416,3	30,1	3	396,9	8,9
21. Мыщелковая ширина	17	76,1	5,7	2	72,5	—
6. Сагитальный диаметр середины диафиза	20	24,4	2,6	4	24,1	2,3
7. Поперечный диаметр середины диафиза	20	25,8	2,6	4	24,8	2,1
9. Верхний поперечный диаметр	20	28,91	3,9	4	29,5	5,3
10. Верхний сагитальный диаметр	21	22,7	2,9	4	24,6	3,6
8. Окружность середины диафиза	20	78,8	7,9	4	75,0	5,0
8:2. Указатель массивности	11	18,7	1,1	3	19,1	1,9
6:7. Указатель пилястрии	20	94,6	5,0	4	95,7	0,9
10:9. Указатель платимерии	20	76,6	9,4	4	72,8	3,9
Большая берцовая кость						
1.Полная длина	18	342,95	28,4	3	333,7	6,6
2. Мыщелково-таранная длина	18	322,4	28,3	3	320,0	0,8
1а. Наибольшая длина	18	346,0	28,2	2	338,0	—
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	19	70,9	4,7	3	66,7	3,4
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	23	50,3	4,8	3	40,6	2,0
8. Сагитальный диаметр на уровне середины диафиза	23	25,94	3,2	3	26,4	3,1
8а. Сагитальный диаметр на уровне питательного отверстия	22	30,2	3,2	3	30,7	5,1
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	23	19,96	2,6	3	19,7	2,8
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	23	21,8	2,6	3	20,7	3,0
10. Окружность середины диафиза	23	73,94	7,7	3	73,7	9,8
10б. Наименьшая окружность диафиза	23	68,7	6,5	3	67,4	7,5
9:8. Указатель сечения	23	77,7	9,8	3	73,5	0,8
10b:1. Указатель прочности	18	19,8	1,3	3	20,2	2,1
9а:8а. Указатель платикнемии	22	72,8	9,5	3	67,8	5,1
10:1. Указатель массивности	18	21,4	1,6	3	22,2	3,0
Малая берцовая кость						
1.Наибольшая длина	14	330,93	23,8	2	324,5	—
Показатели пропорции и длины тела						
R1:H1. Лучеплечевой указатель	12	75,2	2,8	3	79,6	5,2
T1: F2. Берцово-бедренный указатель	9	82,4	2,7	3	81,91	6,0
H1+R1/F1+T1. Интермембральный указатель	6	71,9	2,5	2	69,5	—
H1+R1/ F2+T1. Интермембральный указатель	7	71,2	2,9	2	70,3	—
H1:F2. Плечебедренный указатель	7	74,1	1,9	2	73,7	—
R1:T1. Лучеберцовый указатель	14	66,3	2,9	2	66,2	—
Длина тела	18	155,1	6,1	4	153,4	5,7

Приведенный далее межгрупповой анализ позволит впервые сопоставить античные остеометрические материалы местного населения с доступными сериями с территории Евразии.

Межгрупповой анализ. Межгрупповой анализ 31 и 44 мужских серий проводился методом канонического анализа по 12 и 9 признакам (табл. 4). Результаты анализа 31 серии показали, что в первом каноническом векторе (КВ) (76,4 % общей дисперсии признаков) наличествует высокая связь наибольшей длины бедренной и полной длины большеберцовой костей. На I КВ максимальные положительные величины отмечены у серий из Осетии (7), Удмуртии (29) и Приуралья (25), с Алтая (27) и из Узбекистана (20) (рис. 2). В отрицательном поле группируются серии из Прикубанья (9), с Армянского нагорья (3, 1, 2), из Узбекистана (19) и Молдовы (17).

На втором КВ (12,0 % дисперсии признаков) обнаружена высокая связь наибольшей длины локтевой кости (отрицательная) с наименьшей окружностью локтевой кости (положительная). На II КВ максимальные величины отмечены у групп из Узбекистана (20–24), с Армянского нагорья (2, 5) и из Прикамья (28) (положительные значения по II КВ). В отрицательном поле группируются серии из Узбекистана (19), Осетии (8), с Алтая (27) и Украины (14).

В координатном пространстве этих векторов заметна изменчивость большинства серий (рис. 2). Население из сельских поселений Ширакской равнины (2) демонстрирует близость с позднескифской неапольской группой (13), это же отмечалось ранее при анализе краниометрических данных [Худавердян и др., 2020]. Стало быть, данные, полученные по остеометрическим признакам, соответствуют результатам краниометрических исследований. Выборка из Боярского «Арай» могильника (28) сближается со средневековой группой из Уши (5). Их связывает сравнительное укорочение в соотношениях проксимальных участков конечностей — бедра и плеча. О специфических чертах в признаках телосложения и несхожести с населением Волго-Камья II тыс. н.э. говорят исследователи, изучавшие материалы из раскопок Боярского могильника [Широбоков, Черных, 2016].

В третьем КВ основную роль играют полная длина большеберцовой кости (отрицательная) с наименьшей окружностью локтевой и окружностью середины диафиза бедренной костей (положительная). Следовательно, с одной стороны, скелеты имеют повышенную массивность конечностей, с другой — грацильные конечности. На положительном полюсе межгрупповой изменчивости находятся группы Армянского нагорья (4, 5) и Узбекистана (22, 19). Отрицательный полюс объединил серии Армении (3, 1), Узбекистана (20) и Алтая (27).

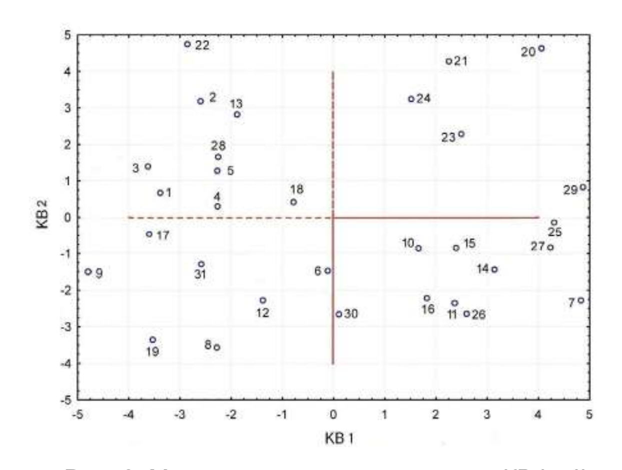

Рис. 2. Мужские серии в пространстве КВ I и II по данным остеометрии.
Номера серий в соответствии с табл. 1.
Fig. 2. Male osteometry series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 1.

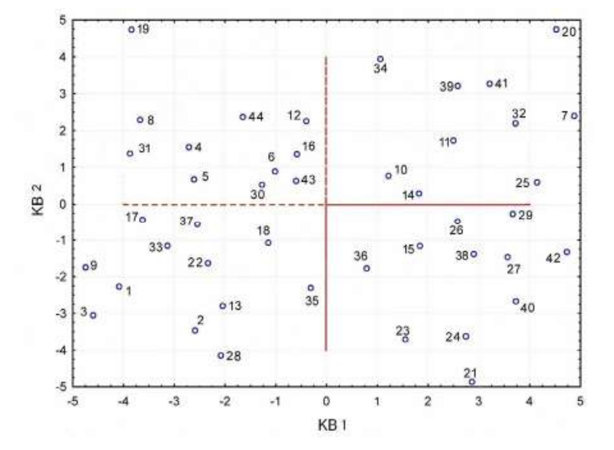

Рис. 3. Мужские серии в пространстве КВ I и II по данным остеометрии.
Номера серий в соответствии с табл. 1.
Fig. 3. Male osteometry series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 1.

Для дальнейшего анализа нами были выбраны 44 мужские серии с использованием 9 размеров посткраниального скелета (табл. 4). Из 9 признаков только 2 имели высокую положительную корреляцию (наибольшая длина бедренной и полная длина большеберцовой кости). На плоскости первого вектора-дискриминатора (71,7 % межгрупповой изменчивости) высокие положительные значения выявлены у групп из Осетии (7), Минусинской котловины (32, 34, 42, 39, 40), Узбекистана

(20), Приуралья (25), Удмуртии (29) и с Алтая (27). В отрицательном поле группируются представители Прикубанья (9), Армянского нагорья (3, 1), Узбекистана (19), Алтая (31) и Молдовы (17).

Бениамиская выборка (1) сближается с меотами с восточного побережья Азовского моря (9) (рис. 3). Их объединяет среднедлинные кости верхних конечностей и малые значения продольных размеров нижних. К сельским поселениям Ширакской равнины (2) наиболее близкими оказались поздние скифы (Неаполь скифский, 13) и представители мазунинской культуры Боярского «Арай» могильника (28) (рис. 3).

Второй КВ описывает 8,3 % межгрупповой изменчивости. Он имеет 2 признака со значимой корреляцией: наибольшая длина локтевой кости (положительная) и полная длина большеберцовой кости (отрицательная). Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны (на положительном полюсе изменчивости) — серии из Минусинской котловины (39, 41, 32), Осетии (8, 7) и с Украины (16), с другой (на отрицательном полюсе изменчивости) — серии из Узбекистана (20, 21, 24), с Армянского нагорья (2, 1, 3) и из Прикамья (28).

В составе третьего КВ, на долю которого приходится 5,0 % межгрупповой изменчивости, довольно значительную роль в дифференциации групп играют полная длина большеберцовой кости, наибольшая длина локтевой кости и наибольшая длина лучевой кости. На плоскости третьего вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения выявлены у групп из Узбекистана (22, 23, 21, 24), с Армянского нагорья (5, 2), Украины (13), а высокие положительные значения — в сериях Белое Озеро I (35) и Бениамин (1).

При каноническом анализе остеометрических признаков 31 женской серии первые три КВ описали 94,6 % межгрупповой изменчивости (табл. 5). В первом КВ максимальные нагрузки приходятся на большие продольные размеры верхних и нижних конечностей (положительная), а также охватный размер локтевой костей (отрицательная). На плоскости первого КВ высокие положительные значения выявлены в сериях Осетии (7), Алтая (27), Приуралья (25) и Минусинской котловины (42). В отрицательном поле группируются представители Узбекистана (22, 23) и Украины (14, 12).

На рис. 4 видно, что женская выборка из сельских поселений Ширакской равнины (2) тяготеет к ранним сарматам Поволжья (6). Следует отметить, что краниологический анализ также выявил схожесть носителей сарматской культуры с античными погребенными из сельских некрополей Ширакской равнины [Худавердян и др., 2020]. В то же время средневековая сельская группа из провинции Лори (Зарни Эр) примыкает к ранним сарматам и сельским жителям Ширакской равнины (рис. 4).

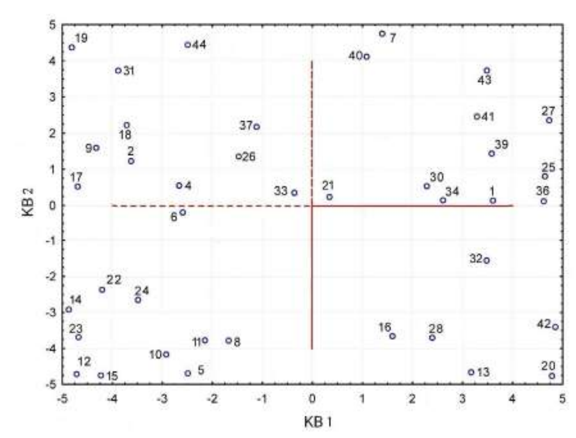

Рис. 4. Женские серии в пространстве КВ I и II по данным остеометрии. Номера серий в соответствии с табл. 1.
Fig. 4. Female osteometry series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 1.

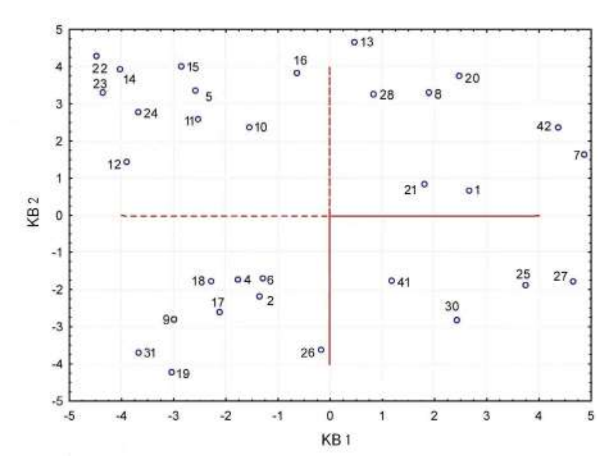

Рис. 5. Женские серии в пространстве КВ I и II по данным остеометрии. Номера серий в соответствии с табл. 1.
Fig. 5. Female osteometry series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 1.

Второй КВ имеет 3 признака со значимой корреляцией: наибольшая длина локтевой кости (отрицательная), наименьшая окружность локтевой кости и полная длина большеберцовой кости (положительная). На плоскости второго КВ высокие положительные значения выявлены в

группах Украины (13, 14, 16, 15), Узбекистана (20, 22), отрицательные — в сериях с территорий Алтая (31), Узбекистана (19) и Прикубанья (9).

Таблица 3

Список серий, привлеченных к сравнительному анализу

Table 3

List of series involved in comparative analysis

	Регион, серия	Датировка	Публикация
1	Армения: Бениамин	I–III вв. н.э.	Настоящая статья
2	Сельские поселения из Ширакской провинции (Вардбах, Черная крепость I)	—	То же
3	Армения: Ервандашат	—	»
4	Армения: Зарни Эр	XIV–XVI вв.	Худавердян и др., 2018a
5	Армения: Двин-Уши	IX–XI вв.	Худавердян и др., 2018b
6	Поволжье: ранние сарматы	IV–III вв. до н.э.	Зубарева, 2016
7	Осетия: Мамисондон	VII–IX вв. н.э.	Березина, 2016
8	Осетия: Беслан	III в.	Фризен, Фризен, 2012
9	Прикубанье: Старокорсунское, хутор им. Ленина	VI в. до н.э. — III в. н.э.	Абрамова, 2017
10	Причерноморье и Приднестровье	VII–III вв. до н. э.	Кондукторова, 1972; Ражев, 2009
11	Кисловодск: Уллубаганалы	VII–VI вв. до н. э.	То же
12	Украина: Николаевка	IV–III вв. до н. э.	Великанова, 1975
13	Неаполь скифский	II в.до н.э. — I вв. н.э.	Кондукторова,1972
14	Украина: Золотая Балка	I в. н.э.	»
15	Николаевка-Казацкое	I в. до н.э. — III в. н.э.	Кондукторова, 1979, 1972
16	Украина	III в. до н.э — III в. н.э.	»
17	Молдова: Старый Орхей I	XIV в.	Великанова, 1993
18	Старый Орхей II	XV в.	То же
19	Узбекистан: Дальверзинтепа	I в. до н.э. — III в. н.э.	Ходжайов, 1980
20	Узбекистан: Старый Термез	IV–V в. н.э.	То же
21	Гурмирон	I в. до н.э. — I в. н.э.	»
22	Каракалпакстан: Куюк-кала	VI–VIII вв.	Ходжайов, 2008
23	Токкала I	VII–VIII вв.	То же
24	Токкала II	VIII–X вв.	»
22	Приуралье: Покровка	I тыс. н.э	Рыкушина, Тихонов, 2000
23	Сибирь: Аймырлыг	—	Радзюн, Казарницкий, 2011
27	Горный Алтай: Барангол	—	Бородовский, Тур, 2015
28	Прикамья: Боярский «Арай»	I тыс. н.э.	Широбоков, Черных, 2016
29	Удмуртия: Дубровский	IV–V вв.	Широбоков, Черных, Нечвалода, 2018
30	Ново-Сасыкульский	I–III вв. н.э.	Куфтерин, Волкова, 2019
31	Алтай: Масляха 1, 2	—	Рыкун, 1997
32	Минусинская котловина: Есино II	VII в. до н.э. — III в. н.э.	Громов и др., 2015
33	Узун-Хыр	—	То же
34	Усть-Чуль	—	»
35	Белое Озеро I	—	»
36	72 км	—	»
37	Ай-Дай I и III	—	»
38	Минусинская котловина Ай-Дай II	—	»
39	Минусинская котловина Летник II	—	»
40	Белый Яр VI	—	»
41	Минусинская котловина Большое Русло	—	»
42	Минусинская котловина Черногорск	—	»
43	Саглы	—	»
44	Кокэль	—	»

Объединенная средневековая выборка из Двин-Уши (5) оказалась в одном кластере с группой Николаевка-Казацкое (поздние скифы, 15) (рис. 4). У двин-ушинской серии выявлены также аналогии с носителями кобанской культуры (11). Ближайшие аналогии с городской бениаминской выборкой (1) демонстрирует синхронная серия из могильника Гурмирон (21).

На третьем КВ имеется высокая связь полной длины большеберцовой кости (отрицательная) с наибольшей длиной бедренной кости и наименьшей окружностью локтевой кости (положительная) (табл. 5). Здесь в положительном поле группируются выборки из Узбекистана (19), Украины (16, 14), Осетии (7, 8), Прикамья (28), а в отрицательном поле располагаются серии из Украины (13), с Армянского нагорья (5), из Поволжья (6) и Узбекистана (20, 23).

Далее приведены соотношения признаков в женских сериях в I КВ (отражает 65,9 % дисперсии признаков) системы по 9 признакам (табл. 5). Для сравнительного анализа нами выбраны 40 серий. Имеется высокая корреляция наибольшей длины бедренной и полной длины большеберцовой кости. Так, первый КВ разграничил на полюсах межгрупповой изменчивости, с одной стороны, физический тип, сочетающий большие продольные размеры костей нижних конечностей, с другой — тип, характеризующий малые величины продольных размеров костей

нижних конечностей. Первый КВ разграничивает группы: Мамисондон (7), Черногорск (42), Барангол (27), 72 км (36), Старый Термез (20), Белый Яр VI (40), Ай-Дай II (38), Бениамин (1) — и серии из Токкала I (23), Куюк-кала (22), Масляха 1, 2 (31), Николаевка (12), Золотая Балка (14), Старокорсунское (9), Кокэль (44), Старый Орхей I и II (17, 18) и Дальверзинтепа (19).

На рис. 5 видно, что выборки из сельских поселений Ширакской равнины наибольшей степени сближаются с выборками из Прикубанья (9) и Молдовы (Старый Орхей II, 18). Указанным группам свойственны небольшие продольные размеры длинных костей.

Таблица 4

Элементы канонических векторов для 31 и 44 мужских серий

Table 4

Elements of three canonical vectors for 31 and 44 male series

	♂			♂		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
H1	-0,04	0,07	-0,05	-0,04	-0,15	0,13
H7	0,02	-0,06	0,25	0,05	0,14	-0,02
H7a	0,08	0,13	-0,11	0,11	-0,09	-0,09
R1	-0,03	0,44	-0,11	-0,09	-0,27	-0,55
R3	-0,22	-0,03	-0,44	-0,32	-0,13	0,11
U1	0,23	-1,34	-0,33	-0,12	0,92	0,48
U3	-0,47	0,82	0,61	—	—	—
F1	0,89	-0,12	0,47	0,85	0,47	-0,392
F8	-0,17	-0,18	0,62	—	—	—
T1	0,75	0,31	-0,72	0,72	-0,68	0,51
T9a	-0,04	-0,01	0,11	0,03	0,05	0,02
T10	0,04	-0,19	0,12	—	—	—
Доля в общ. дисп. %	76,48	12,04	5,37	71,76	8,33	5,07

Таблица 5

Элементы канонических векторов для 31 и 40 женских серий

Table 5

Elements of three canonical vectors for 31 and 40 female series

	♀			♀		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
H1	-0,06	0,12	- 0,18	-0,04	-0,18	0,16
H7	0,03	-0,01	0,14	0,06	0,09	-0,07
H7a	0,03	0,18	0,12	0,07	-0,14	-0,17
R1	-0,17	0.301	-0,09	-0,19	-0,44	-0,26
R3	-0,16	-0,18	-0,22	-0,29	0,05	0,08
U1	0,493	-1,31	-0,34	0,02	0,95	0,43
U3	-0,62	0,77	0,493	—	—	—
F1	0,86	-0,04	0,64	0,83	0,32	-0,58
F8	-0,13	-0,06	0,29	—	—	—
T1	0,72	0,54	-0,71	0,72	-0,64	0,52
T9a	-0,03	-0,03	0,092	0,02	0,02	0,15
T10	0,04	-0,05	0,09	—	—	—
Доля в общ. дисп. %	61,08	22,77	10,06	65,98	18,81	9,87

КВ II (отражает 18,8 % дисперсии признаков) дифференцирует группы по наибольшей длине локтевой (положительная) и полной длине большеберцовой кости (отрицательная). На плоскости второго вектора-дискриминатора высокие положительные значения выявлены в сериях Дальверзинтепа (19), Масляха 1, 2 (31), Большое Русло (41), Старокорсунское (9), Есино II (32), Кокэль (44). На отрицательном полюсе межгрупповой изменчивости локализованы группы Неаполь скифский (13), Старый Термез (20), Двин-Уши (5), Золотая Балка (14), Николаевка-Казацкое (15), Токкала I (23), Боярский «Арай» (28).

К объединенной женской средневековой серии из Двин-Уши (5) в пространстве векторов наиболее близкой оказались скифы Причерноморья и Приднестровья (10), а также носители кобанской культуры (11) (рис. 5).

Третий КВ описывает 9,8 % изменчивости. Имеется высокая положительная корреляция полной длины большеберцовой кости, наибольшей длины локтевой кости (положительная) с наибольшей длиной бедренной кости (отрицательная). Третий КВ разграничивает на полюсах изменчивости тип, сочетающий удлиненные продольные размеры костей верхних и нижних конечностей, и тип с противоположным сочетанием признаков. На плоскости третьего вектора-

дискриминатора высокие отрицательные значения выявлены в группах Узбекистана (19), Украины (16, 14, 10), Осетии (8), Ставропольского края (11), положительные — в сериях с территории Поволжья (6), Узбекистана (23), Минусинской котловины (33).

Параметры посткраниального скелета редко используются при реконструкции этногенетических процессов в отличие от данных краниометрии, краниоскопии и одонтологии. Считается, что его морфологические особенности усложняет воздействие природной среды или хозяйства, и поэтому эти материалы чаще используются в палеоэкологических реконструкциях [Алексеева, 1998; Громов и др., 2015].

Городское и сельское население Ширакской провинции проживало в высокогорной местности, до 2039 м над уровнем моря. Как показывают предыдущие исследования, несмотря на неоднороднось антропологического состава, античное население Армянского нагорья автохтонно, и его связь с более ранними группами неоднократно отмечалась [Khudaverdyan, 2012, 2018]. Следовательно, ему должны быть свойственны черты представителей высокогорных популяций: массивный скелет, крупные размеры длинных костей, цилиндрическая грудная клетка [Алексеева, 1998]. Между тем в физическом типе мужчин из сельских поселений Ширакской равнины прослеживаются некоторые отличия от городских групп, а именно меньшие размеры продольных размеров плечевой, лучевой и локтевой костей и повышенные обхватные размеры плечевой, локтевой и бедренной костей. Различия, выявленные при сопоставлении городских и сельских совокупностей серий, связаны, возможно, как с их неравноценной представительностью, так и с вероятностью существования в популяциях некоей разнонаправленности в контактах. Женские группы, в отличие от мужских, по абсолютным значениям продольных размеров длинных костей находятся в тех же категориях. На фоне привлеченного сравнительного материала мужские серии группируются в одном квадранте графика канонического анализа, а женские — по трем. Население сельских поселений Ширака (мужская группа) имеет аналогии с позднескифской неапольской группой, а бениаминская выборка — с меотами из Прикубанья. Сельское население Ширакской равнины тяготеет к ранним сарматам Поволжья, а городские жители Ширака (могильник Бениамин) демонстрируют параллели с синхронной гурмиронской группой.

Наблюдается некоторое совпадение картин дифференциации древнего населения Армянского нагорья по данными остеометрии и краниометрии. Важно отметить, что и краниологические, и остеометрические исследования выполнялись практически на одних и тех же сериях. Однако массив сравнительных материалов, который использован при анализе краниометрических признаков, не совпадает с остеометрическими материалами в связи с недоступностью ряда серий. И все же для населения из сельских поселений Ширакской равнины по результатам многомерного анализа были выявлены некоторые совпадения между данными двух систем признаков. Мужчины из сельских поселений сходны с поздними скифами Украины, а сельчанки Ширакской равнины примыкают к ранним сарматам. Мы отмечали близость бениаминских мужских скелетов Ширакской равнины к меотам Прикубанья. Эта близость может быть обусловлена множеством факторов, в том числе генетической основой популяций, сходной климатогеографической обстановкой или миграционными процессами. В отношениях между автохтонным населением и иммигрантами следует учитывать вероятность перекрестных браков, ведущих к обмену генетической информацией. Этот фактор представляется одним из важнейших в формировании генотипического и фенотипического разнообразия античных популяций Армянского нагорья. К сожалению, в межгрупповой анализ краниометрических признаков серия меотов не вошла. В дальнейшем авторы надеются провести сравнение краниологических данных бениаминского и других некрополей с территории Армянского нагорья с черепами из могильника Старокорсунского городища.

Можем резюмировать следующее. В формировании физического облика городского и сельского населения Армении участвовали носители разных морфологических типов, преимущественно местных и кочевых племен. Киммерийцы, скифы, сарматы и др. племена, согласно историческим источникам, часто совершали военные набеги на Южный Кавказ и Армянское нагорье [Страбон, XI, V, 8]. Многие урартские города и поселения были разрушены скифами или, вернее, кочевыми племенами, проникавшими на Армянское нагорье с Кавказского хребта [Там же]. Фиксируемые контакты между местным населением и кочевых групп отразились и на физическом облике (по данным краниологии) обследованного населения Армянском нагорья [Худавердян и др., 2020]. Результаты исследования системы остеологических особенностей вполне соотносятся с краниологическими, краниоскопическими и одонтологическими исследованиями [Худавердян и др., 2020; Khudaverdyan, 2012, 2018], тем самым подтверждая тезис о неоднородности местных групп и контактах с кочевыми племенами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в позднеантичное время. Тбилиси: Мецниереба, 1978a. 309 с. (На груз. яз.).

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в раннеантичном и эллинистическом периоде. Тбилиси: Мецниереба, 1978b. 111 с. (На груз. яз.).

Абрамова А.Н. Остеометрическая характеристика меотов Прикубанья VI в. до н.э. — III в. н.э. // Вестник антропологии. 2017. № 2 (38). С. 5–19.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах земли: (Биологические аспекты). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 280 с.

Березина Н.Я. Особенности посткраниального скелета раннесредневекового населения Северной Осетии по материалам могильника Мамисондон // Известия института антропологии МГУ. 2016. Вып. 1. С. 134–146.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 283 с.

Громов А.В., Радзюн А.Б., Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И. Население Юга Сибири в VII в. до н.э. — III в. н.э. по данным остеометрии и краниометрии // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 2. Вып. 3. С. 77–90.

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983. 227 с.

Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР, 1960. 133 с.

Казарницкий А.А., Радзюн А.Б. Остеометрическая характеристика населения скифского времени из могильника Аймырлыг // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 130–138.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э). М., 1972.155 с.

Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М., 1979. 127с.

Куфтерин В.В., Волкова Е.В. Физический тип населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа по данным остеометрии (материалы Ново-Сасыкульского могильника) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 268–285.

Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М. Наука, 1986. С. 21–33.

Радзюн А.Б., Казарницкий А.А. Остеометрическая характеристика населения скифского времени из могильника Аймырлыг // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 130–138.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

Рыкун М.П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 74–81.

Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России: От прошлого к настоящему. Ч. 2: Антропология. М.: Старый сад, 2000. С. 170–188.

Страбон. География: В 17 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 943 с.

Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980. 168 с.

Худавердян А.Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван: Ван Арьян, 2005. 286 с.

Худавердян А.Ю., Аветисян П.С., Меликян В.В., Арутюнян Т.Э., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Возможные причины неполного смыкания черепных швов у индивидов из памятников I в. до н.э. — III в. н.э. Мастара и Вардбах (Армения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 96–115.

Худавердян А.Ю., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С., Енгибарян А.А., Оганесян А.А. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 73–99.

Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Оганесян А.А., Обосян С.Г. Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018a. № 3 (42). С. 93–116.

Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г., Бабаян Ф.С., Енгибарян А.А., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018b. № 1 (40). С. 60–88.

Худавердян А.Ю., Оганесян А.А., Енгибарян А.А., Матевосян Р.Ш., Кочарян Г.Г., Паланджян Р.С., Еганян Л.Г., Хачатрян А.А. Население Армянского нагорья в эпоху античности (по краниологическим материалам городских и сельских поселений)] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 95–114.

Фризен С.Ю., Фризен О.И. Предварительные итоги исследования остеологических материалов Бесланского могильника // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 71–77.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И. Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.
Khudaverdyan A.Yu. Nonmetric cranial variation in human skeletal remains from Armenian Highland: Microevolutionary relations and intergroup analysis // European Journal of Anatomy. 2012. № 16 (2). P. 134–149.
Khudaverdyan A.Yu. Palaeopathology of human remains of the 1st century BC — 3rd century AD from Armenia (Beniamin, Shirakavan I) // Anthropological Review. 2015. Vol. 78 (2). P. 213–228.
Khudaverdyan A.Yu. Illuminating the processes of microevolution: A bioarchaeological analysis of dental nonmetric traits from Armenian Highland // HOMO-Journal of Comparative Human Biology. 2018. Vol. 69. P. 304–323.

Khudaverdyan A.Yu. [a], Yengibaryan A.A.[b] , Matevosyan R.Sh. [b] , Alekhanyan N.G. [c] , Khachatryan A.A. [d]
[a] Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
[b] Yerevan State Medical University after M. Heratsi, Koryuna, 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
[c] Republican Medical Center “Armenia”, Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
[d] Shirak Centre of Armenian Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia Myasnikyan st., 118, Gyumri, 3114, Republic of Armenia
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru (Khudaverdyan A.Yu.); ripmatev@mail.ru (Yengibaryan A.A.); Azatengibaryan@mail.ru (Matevosyan R.Sh.); alexanyannune@gmail.com (Aleqsanyan N.G.); smuseum@web.am (Khachatryan H.H.)

Physical type of the Armenian Highlands populations in antiquity (based on osteometrical materials from urban and rural settlements)

The paper is concerned with the analysis of osteometrical data from the antique populations of the Armenian Highlands, i.e. anthropological materials of burials dated to the 1st–3rd c. AD. We analyse the differences in anthropological characteristics between urban and rural population of Armenia in antiquity. In total, 78 individuals of both sexes have been examined using traditional osteological methods. The study involved visual examination of the skeletons, images, descriptions and radiography. For the intergroup comparison, canonical analysis based on the averaged intergroup correlation matrix was used [Deryabin, 1983]. Visually, bones of the villagers appear to be more massive and quite elevated. Men, buried in rural areas differ from those from urban environments in smaller longitudinal dimensions of humerus, radius and ulna, and in larger icircumference of humerus, ulna and femur. Analysis of the data shows that the studied groups carry some features characteristic for populations adapted to high-altitude environments. Intergroup analysis suggests that the closest to the urban male groups would be the Maeotian population from the eastern coast of the Sea of Azov. The female part of the urban community is close to the population of the first centuries AD from Gurmiron. Male villagers show similar features to those of Scythians of Ukraine (Scythian Neapolis); villagers are morphologically close to groups of Sarmatian cultures of the Lower Volga Region. Indirectly, this observation confirms the fact of stable, continuous migration flow into the territory of the Armenian Highlands. There is a certain agreement in the differentiation pattern of the ancient Armenian Highland population from the osteometric and craniometrics data. The osteometric data can be a rather important source of information for reconstruction of biological affinities of human populations.
Key words: Armenia, Antiquity period, osteology, urban and rural population.

REFERENCES

Abdushelishvili M.G. (1978a). Anthropology of the Caucasian population in the Early Antique Age and Hellenistic period. Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).
Abdushelishvili M.G. (1978b). Anthropology of the Caucasian population in the Late Antiquity Age. Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).
Abramova A.N. (2017). Osteometric characteristics of the meots of the Kuban region of the 6th century BC — III century AD. *Vestnik antropologii*, 38 (2), 5–19. (Rus.).
Alekseev V.P. (1966). *Osteometry: Anthropological research methodology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
Alekseeva T.I. (1998). *Human adaptation in various ecological niches of the earth (biological aspects).* Moscow: Publishing house of Moscow State University. (Rus.).
Berezina N.Ya. (2016). Features of the postcranial skeleton of the early medieval population of North Ossetia based on materials from the Mamisondon burial ground. *Izvestiya instituta antropologii MGU*, (1), 134–146. (Rus.).
Konduktorova T.S. (1972). *Anthropology of the ancient population of Ukraine (I thousand BC — mid-I thousand AD)*. Moscow. (Rus.).
Konductorova T.S. (1979). *The physical type of people in the Lower Dnieper region at the turn of our era (based on materials from the Nikolaevka-Kazatskoye burial ground).* Moscow. (Rus.).

Deryabin V.E. (1983). *Multidimensional biometrics for anthropologists*. Moscow: Publishing house of Moscow State University. (Rus.).

Gromov A.V., Radzyun A.B., Uchaneva E.N., Kazarnitskiy A.A., Lazaretova N.I. (2015). Population of the South of Siberia in the 7th century BC e. — III century n.e. according to osteometry and craniometry. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, (3), 77–90. (Rus.).

Frizen S.Yu., Frizen O.I. (2012). Preliminary results of the study of osteological materials from the Beslan burial ground. *Vestnik antropologii*, (22), 71–77. (Rus.).

Kasimova R.M. (1960). *Anthropological study of skulls from Mingachaur*. Baku: AN AzSSR. (Rus.).

Kazarnitskiy A.A., Radzyun A.B. (2011). Osteometric characteristics of the population of the Scythian time from the Aimyrlyg burial ground. *Vestnik antropologii*, (19), 130–138. (Rus.).

Khojayov T.K. (1980). *To paleoanthropology of ancient Uzbekistan*. Tashkent: Fan. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu. (2005). *Atlas of paleopathological findings in the territory of Armenia*. Yerevan: Van Aryan. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu. (2012). Nonmetric cranial variation in human skeletal remains from Armenian Highland: microevolutionary relations and intergroup analysis. *European Journal of Anatomy*, 16(2), 134–149.

Khudaverdyan A.Yu. (2015). Palaeopathology of human remains of the 1st century BC — 3rd century AD from Armenia (Beniamin, Shirakavan I). *Anthropological Review*, 78(2), 213–228.

Khudaverdyan A.Yu. (2018). Illuminating the processes of microevolution: A bioarchaeological analysis of dental non-metric traits from Armenian Highland. *HOMO-Journal of Comparative Human Biology*, 69, 304–323.

Khudaverdyan A.Yu., Avetisyan P.S., Melikyan V.V., Harutyunyan T.E., Yengibaryan A.A., Hovanesyan A.A. (2019). Possible reasons for incomplete closure of cranial sutures in individuals from sites of the 1st century BC — 3rd century AD Mastara and Wardbach (Armenia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 46(3), 96–115. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu., Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Yengibaryan A.A., Hovanesyan A.A. (2017). Anthropological characteristics of individuals in the 9th–11th centuries. from the Dvin monument (Armenia) with traces of growth disturbances. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 38(3), 73–99. (Rus.)

Khudaverdyan A.Yu., Oganesyan A.A., Yengibaryan A.A., Matevosyan R.Sh., Kocharyan G.G., Palandzhyan R.S., Yeganyan L.G., Khachatryan A.A. (2020). Population of the Armenian Higlands in the age of Antiquity (according of anthropological materials of urban and rural settlements). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 48(1), 95–114. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Hovanesyan A.A., Hobosyan S.G. (2018a). Comprehensive study of anthropological materials of the XIV–XVI centuries from the cave Zarni Er (Armenia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 42(3), 93–116. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Hakopyan N.G., Babayan F.C., Yengibaryan A.A., Khachatryan A.A., Yeganyan L.G. (2018b). Anthropological characteristics of the Armenian Highlands population and ethnogenetic situation in south Eastern Europe in the Middle Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 60–88. (Rus.).

Radzyun A.B., Kazarnitsky A.A. (2011). Osteometric characteristics of the population of the Scythian time from the Aimyrlyg burial ground. *Vestnik antropologii*, (19), 130–138. (Rus.).

Razhev D.I. (2009). *Bioanthropology of the population of the Sargat community*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Rus.).

Rikun M.P. (1997). On the anthropology of the population of the forest-steppe Altai in the Early Iron Age (based on materials from the burial grounds of Maslyakh 1, 2). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 74–81.

Rikushina G.V., Tikhonov A.G. (2000). Preliminary report on anthropological materials from the burial ground of the Mazuninskaya culture Pokrovka. In: *Narody Rossii: Ot proshlogo k nastoyashchemu. Part 2: Antropologiya*. Moscow: Old Garden, 170–188. (Rus.).

Roginsky Y.Y., Levin M.G. (1978). *Anthropology*. Moscow: Higher school. (Rus.).

Shirobokov I.G., Chernykh E.M. (2016). Physical anthropological data and the problem of the formation of the Kama region population in the middle of the 1st millennium AD (based on the materials of the Boyarsky "Arai" burial ground). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, 26(1), 25–34.

Shirobokov I.G., Chernykh E.M., Nechvaloda A.I. (2018). Anthropological characteristics of skeletal remains from the excavations of the Dubrovsky burial ground. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, 28(4), 499–512.

Strabon (1964). *Geograph: In 17 books*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Velikanova M.S. (1975). *Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Худавердян А.Ю., https://orcid.org/0000-0002-1458-783X
Енгибарян А.А., https://orcid.org/0000-0002-7898-5693
Матевосян Р.Ш., https://orcid.org/0000-0003-3374-9846
Алексанян Н.Г., https://orcid.org/0000-0002-1773-8867
Хачатрян А.А., https://orcid.org/0000-0001-8942-267X

Accepted: 07.12.2020
Article is published: 26.02.2021

Исторические свидетельства о присутствии армянских монашествующих на Святой Горе Афон в IX-XVIII вв

Казарян Г. С.

Святая Гора Афон — один из крупнейших центров православного монашества, с первых дней своего формирования стал местом, где подвизались и монахи армянского происхождения. Одним из первых афонских аскетов был преп. Иосиф Мироточивый (IX в.) — родом армянин. В дальнейшем приток армянских иноков на Святую Гору наблюдается в X-XI вв. Последнее свидетельство о деятельности агиоритов — выходцев из Армении, относится ко второй половине XVIII в. В данной статье впервые предпринята попытка собрать воедино и анализировать исторические свидетельства, с целью очертить общую и наиболее полную картину деятельности армянских иноков и подвижников на Афоне с IX по XVIII в.

Ключевые слова: Святая Гора Афон, монашество, Иверон, православные армяне, армяне-халкидониты, Армения, Тайк.

Отношения и деятельность: не оказывает влияния на представленный материал.

Казарян Геворг Сережевич — докторант кафедры церковной истории Богословского факультета Афинского национального университета (Греция), преподаватель древнеармянского языка (грабара) в Центре изучения Древневосточного Христианства при Богословском факультете Афинского национального университета. Сфера научных интересов — история Церкви, изучение армяно-византийский церковных отношений и богословского диалога, а также история и культурное наследие православных армян (армян-халкидонитов). ORCID: 0000-0001-5141-0374.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): dngevorg@gmail.com

Рукопись получена 15.12.2020
Рецензия получена 20.12.2020
Принята к публикации 22.01.2021

Для цитирования: Казарян Г. С. Исторические свидетельства о присутствии армянских монашествующих на Святой Горе Афон в IX-XVIII вв. *Российский журнал истории Церкви*. 2021;2(1):13-23. doi:10.15829/2686-973X-2021-1-47

Historical Testimonies of the Presence of Armenian Monks in Holy Mount Athos in 9th-18th Centuries

Gevorg S. Kazaryan

Holy Mount Athos — one of the biggest centers of Orthodox monasticism, from the first days of its formation appeared to be the place of asceticism for Armenian monks as well. Thus, one of the first ascetics of Athos was St. Joseph Myroblyte (9th cent.) — Armenian by nationality. Further influx of Armenian monks to the Holy Mount is observed in the 10th and 11th centuries. The last testimony of activity of Armenian Hagiorites refers the second half of 18th cent. This article for the first time attempts to bring together and analyze historical evidences, in order to give a more general and a more comprehensive picture of Armenian monks' presence in Athos from 9th to 18th centuries.

Keywords: Holy Mount Athos, monasticism, Iveron, Orthodox Armenians, Chalcedonian Armenians, Armenia, Tayk.

Relationship and Activities: none.

Gevorg S. Kazaryan — PhD Student, Department of Church History, Faculty of Theology, National and Kapodistrian University of Atnens (Greece), Teacher of Ancient Armenian Language (Grabar) in Oriental Christianity Research Laboratory at the Faculty of Theology NKUA.

Corresponding author: dngevorg@gmail.com

Received: 15.12.2020
Revision Received: 20.12.2020
Accepted: 22.01.2021

For citation: Gevorg S. Kazaryan. Historical Testimonies of the Presence of Armenian Monks in Holy Mount Athos in 9th-18th Centuries. *Russian Journal of Church History.* 2021;2(1):13-23. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2021-1-47

Полуостров Афон, увенчанный одноименной горой, с X в. и по сей день является крупнейшим центром православного монашества. Постепенное становление Афона как места иноческого жительства началось еще в VII в., однако первые достоверные сведения о проживании на Афоне монахов-пустынников относятся к IX в. К этому периоду относится также и первое упоминание об армянском присутствии на Святой Горе[1]. Известно, что около 859 г. на Афон прибыл прп. Евфимий Новый (823-898), который здесь познакомился с неким монахом Иосифом. Скудные, но ценные сведения об Иосифе сообщает ученик и биограф Евфимия — фессалоникийский архиепископ Василий III (904-?). Согласно составленному им житию, Иосиф "происходил из рода армян" ("ἀπὸ Ἀρμενίων τὸ γένος κατήγετο") и "проживал на Афоне с давних пор" [*Petit* 1904:28, 30]. Василий Фессалоникийский характеризует Иосифа как мужа "незлобивого, простонравного и бесхитростного" [*Petit* 1904:29-30]. Евфимий и Иосиф некоторое время подвизались вместе на Святой Горе, однако впоследствии, опасаясь нашествия пиратов-арабов, переехали в окрестности Врастамы (совр.: Враста) на полуострове Халкидики (северо-западнее Афона). Здесь ок. 875 г. Иосиф скончался в своей пещерной келии. Василий Фессалоникийский, как очевидец, свидетельствует о чуде нетления мощей Иосифа. "И не только это, — добавляет Василий, — но Бог сотворил так, чтоб и благоуханное миро истекало из висков святого, когда мы находились там. Миро же было настолько обильным, что от священной главы подобно реке доходило до пречистых ног его" [*Petit* 1904:37]. Благодаря описанному чуду Иосиф известен как "Мироточивый". Его память совершается 19 ноября, а в Врастаме пещера армянского отшельника и поныне является местом паломничества [*Μωϋσῆς Ἁγιορείτης* 2008:127]. Иосиф Мироточивый, таким образом, является первым афонским жителем — святогорцем (ἁγιορείτης), о котором сохранились подлинные исторические свидетельства (рис. 1).

Расцвет афонского монашества неразрывно связан с именами прп. Афанасия Афонского (920/30-1004), императора Никифора II Фоки (963-

[1] Впервые данную тему бегло осветил акад. Р. М. Бартикян в двух работах, посвященных армянскому присутствию в Византии [*Бартикян* 2003:43-47; *Μπαρτικιάν* 1991:62-63, 77-79]. В нашей статье, опираясь на исследования Бартикяна, предпринята попытка углубить тему и вывести ее за хронологические рамки Средневековья.

Рис. 1. Преподобный Иосиф Мироточивый, икона (автор Г. С. Казарян), 2014 г.

969) и его племянника Иоанна I Цимисхия (969-976)[2]. Афанасий (в миру Авраамий) родился в Трапезунде. Его отец происходил из Антиохии, а мать — из Колхиды. Монашеский постриг он принял в 953 г. в Киминском монастыре прп. Михаила Малеина. Здесь Афанасий познакомился с племянниками прп. Михаила — братьями Никифором и Львом Фоками[3], став их духовником. В 958 г. Афанасий переехал на Афон, а в 961 г., сразу после завоевания Никифором Фокой Крита, уступив увещаниям славного военачальника, приступил к основанию первого большого монастыря на Афоне, получившем название "Великая Лавра". Через восемь лет после основания Лавры Иоанн Цимисхий утвердил первый официальный устав (типикон) афонской Горы — "Тра́гос". Устав подписали Афанасий и 55 афонских игуменов [*Παναγιωτάκης* 1962. Col 866]. Вскоре слава Великой Лавры распространилась везде, так что по сообщению биографов св. Афанасия, в Лавру прибыли многие "из различных наций, языков, родов,

[2] Император Цимисхий (по-армянски: *Чмшкик*) происходил из семьи Куркуасов (Гургенов). О представителях этой византийском аристократической семьи армянского происхождения: [*Каждан* 1975:13-14]. Как покровитель и благодетель Великой Лавры Иоанн Цимисхий считается ее вторым ктитором после Никифора Фоки.

[3] Следует отметить, что род Фоков, по-видимому, имел смешанное, греко-армянское происхождение. Как полагает П. Харанис, отцовская линия Фоков имела греческие, а материнская — армянские корни [*Charanis* 1965:39].

городов... из самого Рима, Италии, Калаврии, Амальфии, Иверии, Армении и еще глубже сих (земель), и не только из неизвестных и безродных, но и из почтенных как богатством, так и родом...” [*Noret* 1982:74-75][4].

Среди иностранцев, прибывших в Лавру, был Абулхерит-Иоанн (ок. 930-1005) — бывший придворный Давида Куропалата (†1001), царя Тайка[5]. Абулхерит родился в городе Артанудже провинции Кгарджк (груз. Кларджети), отличился на военном поприще, однако удалился от мира и принял монашеский постриг в тайкском монастыре Чордва́нк (по-грузински Отхтаэклесиа, по-турецки Дерд-килиса), получив имя Иоанн. Абулхерит-Иоанн, прозванный “Ивером”[6], около 972 г. прибыл в Великую Лавру и стал одним из ближайших сподвижников Афанасия Афонского. Бывший придворный два года нес послушание повара монастыря, а в 976 г. по поручению Афанасия Иоанн Ивер отправился в Константинополь к императору Иоанну, с которым имел личное знакомство. Цимисхий подтвердил привилегии Лавры, вдвое увеличил ежегодный взнос монастыря и увеличил число монахов до 120-ти [*Παναγιωτάκης* 1962. Кол. 867].

В 979/80 гг. на Афон прибыл другой тайкский вельможа — родственник Иоанна (брат или племянник его жены) — Торник (†984) со своим братом Варазваче[7]. Торник был сыном упомянутого Константином VII Порфирородным (913-920, 944-959) азата Зурванела (ἀζάτος Ζουρβανέλη)[8]. Вместе со своим братом Варазваче Торник оставил военную карьеру и принял монашеский постриг в монастыре Ошк (Ошкванк). Примечательно, что оба брата получили имя “Иоанн”, вероятно, в честь Иоанна Предтечи, которому был посвящен монастырь. Между 976-979 гг. Торник воздвиг хачкар

4 Ср. там же, с. 176. Под “Иверией” здесь, собственно, подразумевается Тайк.

5 Тайк — одна из 15 провинций государства Великая Армения и феод княжеского рода Мамиконянов. В период владычества арабов Тайк постепенно перешел во владение центральных Багратидов. В X в. Багратиды, утвердившиеся в соседней провинции Кгарджк, распространили свою власть и на Тайк, сформировав новую государственную единицу, которая в грузинских источниках известна как Тао Кларджети. В регионе с IX в. стала утверждаться юрисдикция и католикоса Восточной Грузии (Картли), в православных общинах и обителях служба велась на грузинском языке, хотя подавляющее большинство населения Тайка составляли этнические армяне. Своего наивысшего расцвета царство Тайка достигло при местном царе Давиде Куропалате (961-1000 гг.). В XI в. в бывшем царстве была установлена власть василевса ромеев, и здесь была сформирована фема Иверия. О разных вопросах, касающихся истории и культуры Тайка [*Historical Tayk’* 2019].

6 О многозначности термина “ивер”: [*Арутюнова-Фиданян* 1973:46-67].

7 В изложении основных моментов жизни Торника мы опираемся на исследование Н. Адонца, который подверг критическому обзору агиографические и исторические данные [*Adonts* 1965:297-318].

8 Согласно Н. Адонцу, родиной Торника была Высокая Армения, район Карина, а род Торникянов (греч. “Торникиев”) являлся ветвью таронских Багратидов [*Adontz* 1965:309-310]. По мнению же о. Нерсеса Акиняна Торникяны являлись ветвью Мамиконянов [*Акинян* 1938]. В. П. Степаненко отклоняет связь семьи Торника с Торникянами, относительно же ее этнического происхождения заключает: “Семья была, вероятнее всего, армянского происхождения, а мнение его современника Степаноса Таронаци о том, что Торник считал себя уже грузином, подтверждается культурной деятельностью его самого и его родственников” [*Степаненко* 1999:147]. Тем не менее, должно отметить, что Таронаци сам считает Торника грузином (не в силу ли конфессиональных причин?), не сообщая ничего о самоидентификации Торника. Следует, конечно, учесть, что в аристократических семьях были приняты междинастические, а потому и межнациональные браки, следовательно, невозможно категорически исключать ни армянские, ни грузинские корни тайкских вельмож. Но при этом, если тот или иной аристократический род имел те или иные корни и помнил свою родословную, то мог ли он отказаться от нее так легко, как может показаться на первый взгляд? Ведь знать всегда дорожила своим происхождением, т.к. из него проистекала легитимность их феодальной власти и прав.

в г. Арзн с армянской надписью [*Adontz* 1965:309]. Другой хачкар со схожей надписью был известен при анийской церкви св. Григория Просветителя, построенной Тиграном Оненцом. Надпись анийского хачкара ранее приписывался Варазваче, однако после прочтения надписи С. Бархударяном ее также можно отнести к Торнику, "сыну Чортваника" [*Орбели* 1966:64].

В 978 г. Варда Фока отправил ошкского монаха Иоанна Торника в качестве посредника к Давиду Куропалату в деле подавления восстания Варды Склира. 24 марта 979 г. Торник во главе армяно-грузинского войска Куропалата разбил Склира на поле Панкалеи. После этого монах-воевода отправился на Афон.

Абулхерит-Иоанн и Торник со своими соотечественниками по разрешению Афанасия Афонского удалились из Великой Лавры и в 979-984 гг. на месте опустевшего монастыря Климента основали свой монастырь, прозванный Μονή Ἰβήρων, т.е. монастырь Иверов. Главным ктитором Иверона считается Торник, а первоначальный стрежень братии составляли 6-7 человек. Постепенно Иверский монастырь расширился, в число братии были приняты не только "иверы" — православные грузины и армяне, но и греки. В самом начале жизни обители здесь подвизались также монахи из Италии.

К 1005 г. число братии насчитывало свыше 200 человек. В указанном году, после смерти Иоанна Ивера игуменом стал его сын Евфимий (955-1028), известный прежде всего как переводчик с греческого на грузинский церковной литературы[9]. Так, новый перевод Евангелия, осуществленный молодым еще Евфимием, был послан в дар Давиду Куропалату. Позже Евфимий по приглашению Куропалата посетил Тайк и Грузию, где провел четыре года.

Расцвет Иверона продолжался и в годы игуменства племянника Иоанна Ивера — Георгия I (1044-1065), монашеский путь которого начался в тайкском монастыре Хаху́ (груз.: *Хахули*).

Примечательна дошедшая до нас рукопись начала XI в., созданная в Ивероне и содержащая переведенные еще в VII-VIII вв. (вероятно, в Тайке или в Эрети) на грузинский язык жития армянских святых, неизвестных или малоизвестных в Византии (дева Сандухт, Нерсес Великий, Вардан Мамиконян и др.) [*Мурадян* 2008]. По мнению П. М. Мурадяна, иверонская рукопись очевидно была создана для удовлетворения духовных нужд армянских монахов обители, уже утративших родной язык. Другим аргументом присутствия в Ивероне армян можно считать то, что во время игуменства Евфимия в Иверон со своим племянником прибыл императорский сановник-армянин, который принял православие (через крещение) с именем Арсений [*Vita* 1917-1919:50]. Очевидно, выбор сановником именно Иверона определялся тем, что среди братии монастыря подвизались и армяне.

[9] Интересно, что согласно грузинскому житию Иоанна и Евфимия Святогорцев, Иоанн отдал своего сына, раннее жившего у своего деда по матери Абухарба в Константинополе, для обучения грузинскому и греческому языкам. Из этого следует, что Евфимий не владел грузинским. Более того, житие сообщает, что отрок стал свободно говорить на грузинском после чудесного исцеления Богородицей [*Vita* 1917-1919:32-33]. То, что Евфимий не знал грузинского даже на разговорном уровне, заставляет предполагать, что материнским языком Евфимия был именно армянский. Следовательно, если даже категорически исключить армянские корни самого Иоанна Ивера, то хотя бы с материнской стороны Евфимий Святогорец имел армянское происхождение. К этому можно присовокупить и то, что Торник приходился родственником Евфимию именно с материнской стороны.

Еще одним свидетельством армянского присутствия на Афоне в конце XI — начале XII вв. является краткое каноническое предписание, написанное константинопольским патриархом Николаем III Грамматиком (1084-1111) к проту Святой Горы ("Николая, святейшего патриарха константинопольского, Сочинение к проту Святой Горы, как бы Типикон по порядку"), в котором патриарх, осуждая обычай некоторых мирян и монахов нарушать пост в среду и пятницу на третьей седмице перед Великим постом (т.е. от недели о блудном сыне до мясопустной недели)[10], оставляет исключение для (новообращенных) православных армян [*Νικολάου* 1863:404][11].

Приблизительно во II пол. X в. в афонском местечке Ксирокастрон (Ξηρόκαστρον) был основан Μονή Ἀρμενίου (монастырь армянина) или Ἀρμενίων (армян). По своему местонахождению монастырь назывался еще и "Ксирокастру". Обитель, посвященная Богоматери Милующей (Ἐλεοῦσα), возможно была основана таронскими монахами, прибывшими на Святую Гору после 967/968 гг. [*Nastase* 1985:280]. Как и все первые монастыри Афона (кроме Лавры), монастырь Арменион представлял собой простое одноэтажное здание с немногими кельями. Известно, что в 980 г. представитель монастыря Феодор подписался под одним купчим документом [*Χρήστου* 1987:68].

В конце X — нач. XI в. в опустевшем монастыре армян обосновался лавриотский монах Савва. Дядя Саввы приобрел часть территории монастыря от некоего монаха Феодосия Сидирокавста, другую же часть подарил монах Василий. На свои средства Савва построил в монастыре армян церковь и кельи, вместе со своими послушниками Георгием и Игнатием посадил виноградник. Под одним афонским документом 1021 г. подписался Никита — монах и пресвитер монастыря армян ("τον Αρμενηον" (*sic*)) [*Archives de l'Athos* 1985:232]. Между 1023-1038 гг. уже больной Савва дарственной грамотой передал Мони Армениу во владение Великой Лавры, что обеспечило дальнейшую жизнь монастыря [*Actes de l'Athos* 1969:4-7].

В 1045 г. игумен монастыря Никифор среди других игуменов подписался под новым афонским Типиконом Константина IX Мономаха (1042-1055), а в 1087 г. игумен Ксирокастру Савва занимал должность прота Афона [*Παπαχρυσάνθου* 1992:351].

Между 1169-1259 гг. монастырь вновь был передан во владение Великой Лавры, а до 1513 г. перешел к монастырю Зограф [*Χρήστου* 1987:68]. По другим данным, обитель была упразднена (неизвестно когда) и передана монастырю Констамони, который воздвиг на месте бывшей обители оборонительную башню (пирг) [*Δωρόθεος μοναχός* 1986:431]. Сегодня величественные развалины этой башни, что между пристанями монастырей

---

[10] В третью неделю до Великого Поста в традиции Армянской Апостольской Церкви отмечается строгий пятидневный Передовой пост (арм.: *Араджавóрк*), который завершается в субботу праздником св. Саргиса Стратилата. В Средние века, в рамках византийско-армянской догматической и литургической полемики, вопрос непонятного для византийцев местного поста армян, вобрав в себя всевозможные народные толки и компрометирующие легенды, стал одной из самых жгучих тем для столкновения двух церковных традиций. Патриарх Николай, таким образом, разрешает армянским монахам-агиоритам нарушать пост в обозначенную неделю, чтоб отвести от них подозрения насчет их православия.

[11] У Миня данное произведение опубликовано под именем патриарха Николая I Мистика (901-907, 912-925), однако на самом деле его автором является патриарх Николай III Грамматик [*Κωνσταντινίδης* 1967:130-131].

Рис. 2. Развалины башни на месте афонского монастыря Арменион (фото Г. С. Казаряна).

Зограф и Констамони, приветствуют каждого паломника, вступающего на афонскую землю[12] (рис. 2).

Присутствие монахов-армян на Афоне не ограничивалось лишь монастырями Иверон и Арменион. Так, древнейший документ афонского монастыря Эсфагмен (Эсфигмен), относящийся к 1001 г., подписан его игуменом Феоктистом Армянином. Феоктист был весьма активной и авторитетной личностью, с 1035 по 1040 гг. был протом Святой Горы [*Бартикян* 1973:68-71][13]. В афонском документе 1035 г. Феоктист оставил собственноручную

[12] Башня, называющаяся "Старой" (Παλαιόπυργος), очевидно была возведена до 1475 г. Описание, сохранившиеся исторические свидетельства и изображения Старой башни: [*Οι πύργοι* 2002:146-149].

[13] Следует отметить, что в статье игумен Эсфигмена и прот Афона Феоктист Армянин спутан с игуменом Великой лавры Феоктистом. Последний занимал должность игумена Лавры лишь один год — в 1010 г. [*Δωρόθεος μοναχός* 1986:227]. Также в расшифровке греческой подписи Феоктиста упущено слово "монах".

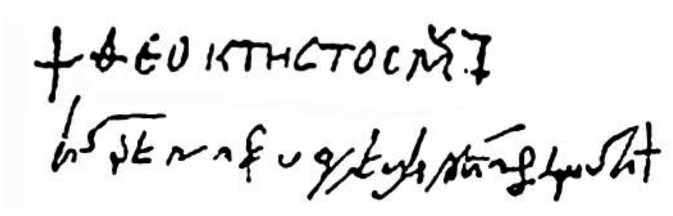

Рис. 3. Подпись афонского прота Феоктиста на греческом и армянском языках.

подпись на греческом и армянском. Греческая подпись гласит †Θεόκτηστος μ[ο]ν[α]χ[ός] († “Феоктист монах”), а армянская — “Իմ ձեռօքս գրեցի Թէոկտիստոս մն[14] †” (“Своей рукой написал — Феоктист м[о]н[ах]†”) (рис. 3). Еще один афонский прот с армянскими корнями — Григорий, происходивший из семейства Дзундзулуков (от армянского ԾՆԾղուկ — воробей) и живший на рубеже XI-XII вв. [*Бартикян* 2000:146].

В поздневизантийскую эпоху сведения о проживании на Афоне монахов — выходцев из Армении отсутствуют. Это, пожалуй, объясняется не столько сложными временами в жизни самой Святой Горы, сколько тяжелыми обстоятельствами армянской истории, в результате чего в Армении резко сократилось количество православных общин.

Позднейшее упоминание об армянском присутствии на Афоне относится ко II половине XVIII в. Речь идет о монахе Арсении, родом из деревни Ванк Акнской области (Западная Армения, ныне — территория Турции). Ванк и близлежащие деревни — Дзора́к, Шрзу и Мушегка́ — были известны как место компактного проживания православных армян, т.н. хай хоро́мов (армян-ромеев)[15]. Монах Арсений был сыном священника из Ванка Марка и подвизался в афонском монастыре св. Дионисия (рис. 4). 12 сентября 1762 г. Арсений начал переписывать армянский перевод православного Часослова, сделанный с греческого переводчиком Акопом Чамчиоглы в 1749-1757 гг. Арсению помогал монах Маргар, доставляя ему необходимые материалы и оказывая поддержку. Известно, что мирское имя Маргара было Марк, был он сыном некоего Аслана и, по всей видимости, происходил из той же деревни Ванк. Работы двух монахов закончились через пять лет — 12 мая 1767 г. Православный Часослов на армянском языке на основе рукописи Арсения Дионисиата был издан в Константинополе в 1800 г. [*Акинян* 1951:249-252] (рис. 5).

Таким образом, армянское присутствие на Святой Горе Афон засвидетельствовано с самого начала монашеского делания на ней. Если в начальной стадии это были отдельные подвижники, как прп. Иосиф Мироточивый, то в X-XI вв. наблюдается более организованный наплыв армянских подвижников в Удел Богородицы. Это явление связано с одной стороны, бурным расцветом святогорского монашества, а с другой стороны, по-видимому, с увеличением в Армении числа православных общин, имевшее место параллельно с распространением власти василевса

[14] Буквы մն могут быть расшифрованы как մ[իանձ]ն или մ[ոնազո]ն, т.е. “монах”. Эту подробность Р. Бартикян, похоже, тоже упустил.

[15] Про эту примечательную субэтническую группу армянского народа: [*Казарян* 2016; *Казарян* 2019].

Рис. 4. Афонский монастырь св. Дионисия, 2014 г. (фото Г. С. Казаряна).

ромеев (римского (византийского) императора) в стране в обозначенные века. В этот период, как мы уже увидели, присутствие армянских монахов засвидетельствовано в Великой Лавре, в Івероне, в Эсфагмене, а также в монастыре армян. К сожалению, скудость источников не позволяет нам иметь более подробное и исчерпывающее представление о деятельности армян на Афоне. Примечательно также, что хоть и с большим хронологическим разрывом армянское присутствие на Святой Горе продолжалось вплоть до второй пол. XVIII в. Особо примечательно, что на протяжении веков армянские агиориты в лице таких своих представителей, как прота Феоктиста или монаха Арсения Дионисиата, были привязаны к своему материнскому языку, подписывая документы на нем и переписывая богослужебные тексты на армянском.

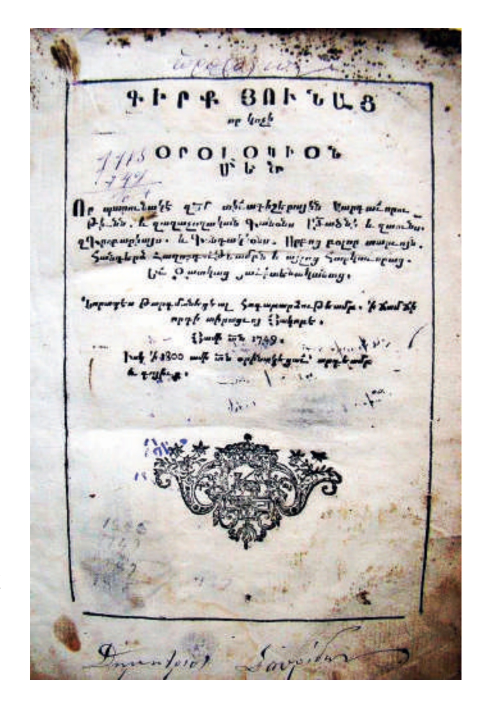

Рис. 5. Титульный лист православного Часослова на грабаре (Константинополь, 1800 г.).

Литература

1. Акинян 1938 — Акинян, Нерсес, архим. (1938). Родословная Торникянов. *Филологические исследования: критика и оригинальный текст*. Вена, 4, 49-88. [Ակինեան Ներսէս վրդ. Թոռնիկեանց ճիւղագրութիւնը//Ակինեան Ներսէս վրդ. Մատենագրական հետազօտութիւններ. քննութիւն եւ բնագիր, հ. Դ., Վիեննա, 1938, էջ 49-88].
2. Акинян 1951 — Акинян, Нерсес, архим. (1951). *Симеон Пхиндзаханский и его переводы с грузинского*. Вена [Ակինեան Ներսէս վրդ. Սիմէոն Պղնձահանեցի եւ իր թարգմանութիւնները վրացերէնէ, Վիեննա, Մխիթ. տպ., 1951].
3. Арутюнова-Фиданян 1973 — Арутюнова-Фиданян, В. А. (1973). "Ивир" в византийских источниках XI в. *Вестник Матенадарана*, 11, 46-67.
4. Бартикян 1973 — Бартикян, Р. (1973) Армянская подпись прота Великой Лавры Феоктиста (К вопросу о деятельности армян-халкедонитов на Афоне). *Вестник Матенадарана*, 11, 68-71. [Բարթիկյան Հ., Մեծ լավրայի առաջնորդ (պռոտոս) Թեոկտիստոսի հայերեն ստորագրությունը (Աթոնում հայ քաղկեդոնականների գործունեության հարցի շուրջը), Բանբեր Մատենադարանի, 1973, հ. 11, էջ 68-71].
5. Бартикян 1991 — Бартикян, Х. М. (1991). *Армения и греческий народ*. Фонд Гуландри-Хорн, Афины. [Μπαρτικιάν Χ. Μ. Ἀρμενία καί Ἑλληνισμός. Ἵδρυμα Γουλανδρῆ-Χόρν, Ἀθήνα, 1991].
6. Бартикян 2000 — Бартикян, Р. (2000). Васпураканцы на службе византийской империи в XI-XII веках. *Историко-филологический журнал*, (3), 131-151. [Բարթիկյան Հ., Վասպուրականցիներ Բյուզանդական կայսրության ծառայության մեջ XI-XII դարերում//Պատմաբանասիրական հանդես, 2000. հ. 3. էջ 131-151].
7. Бартикян 2003 — Бартикян, Р. (2003). Византия. История армянских колоний. Т. 1. *Армянские колонии Азии и Африки*. Ред. Микаелян В. Ереван, изд. "Гитутюн" НАН РА, 4-64. [Բարթիկյան Հ. Բյուզանդիա//Հայ գաղթաշխարհի պատմություն, հ. Բ. Ասիայի և Աֆրիկայի հայկական գաղութները/Խմբ. Միքայելյան Վ., Եր., ՀՀ ԳԱԱ "Գիտություն" հրատ., 2003, էջ 4-64].
8. Каждан 1975 — Каждан, А. П. (1975). *Армяне в составе господствующего класса византийской империи в XI-XII вв*. Ереван, Изд. АН АрмССР.
9. Казарян 2016 — Казарян, Г. (2016). Хай-хоромы Акна. *Вардзк*, (12), 19-26. [Գ. Ղազարյան, "Ակնի հայ հոռոմները", Վարձք, 2016, (12), էջ 19-26].
10. Казарян 2019 — Казарян, Г. (2019). Об этнической идентичности армян-ромеев. Левон Хачикян. Столетие. *Материалы международной арменоведческой конференции, посвященной столетию со дня рождения академика Левона Хачикяна (28-30 июня 2018)*. Ереван, Матенадаран, 180-204 [Գ. Ղազարյան, "Հայ հոռոմների ազգային ինքնության խնդրի շուրջ", Լևոն Խաչիկյան. Հարյուրամյակ: Նյութեր ակադեմիկոս Լևոն Խաչիկյանի ծննդյան հարյուրամյակին նվիրված հայագիտական միջազգային գիտաժողովի (28-29 հունիսի 2018 թ.), Երևան, Մատենադարան, 2019, էջ 180-204].
11. Мурадян 2008 — (2008). *Грузинская редакция армянского "Жития святых"*. Перевод с древнегрузинского и исследование П. М. Мурадяна. Св. Эчмиадзин. Изд. Первопрестольного Св. Эчмиадзина. [Հայոց "Վարք սրբոց"-ի վրացական խմբագրությունը/Թարգմ. հին վրացերենից և ուսումնասիրությունը Պ. Մ. Մուրադյանի, Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածին, 2008].
12. Орбели 1966 — (1966). *Свод армянскоих надписей*. Вып. 1. Городище Ани. Сост. И. А. Орбели. Ереван, Изд. АН АрмССР. [Դիվան հայ վիմագրության, պր. I, Անի քաղաք/Կազմեց Հ. Ա. Օրբելի, Երևան, 1966].
13. Степаненко 1999 — Степаненко, В. П. (1999). Чортванели, Торники и Тарониты в Византии (к вопросу о существовании т.н. тайкской ветви Торникянов). *Античная древность и средние века*. Вып. 30, 130-148.
14. Actes de l'Athos 1969 — (1969). Actes de l'Athos IV. *Actes de Zographou*. Par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. (reprint). Ed. Adolf M. Hakkert. Amsterdam.
15. Adonts 1965 — Adonts, N. (1965). *Tornik le Moine*. Adontz N. Etudes Armeno-Byzantines. Lisbonne, Livraria Bertrand, 297-318.
16. Archives de l'Athos 1985 — (1985). Archives de l'Athos, XIV, Actes d'Iviron I. *Des origins au mileu du XIe siècle*. Ed. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration d'H. Métrévéeli. Paris (VIe).
17. Charanis 1965 — Charanis, P. (1965). *The Armenians in the Byzantine Empire*. Lisbon.
18. Historical Tayk' 2019 — (2019). Historical Tayk'. History, Culture, Confession. *Collected Papers*. Ed. Hakobyan Z., Garibian N., Asryan A. Holy Echmiadzin.
19. Nastase 1985 — Nastase, D. (1985). Les débuts de la communaute oecuméniaue du Mont Athos. *Σύμμεικτα*, 6, 251-314.
20. Noret 1982 — Noret, J. (1982). *Vitae Duo AntiquaeSancti Athanasii Athonitae*. Brepols-Turnhout.
21. Petit 1904 — (1904). *Vie et office de Sant Euthyme le Jeune*. Texte grec publie par le L. Petit. Bibliothèque Hagiographique Orientale, 5, 1-51.
22. Vita 1917-1919 — (1917-1919). Vita beati patris nostril Iohannis atque Euthymii, et oratio de probatis eorum moribus, conscripta a paupererculo Georgio presbytero et monacho. *Analecta Bollandiana*, XXXVI-XXXVII, 13-68.
23. Χρήστου 1987 — Χρήστου, Π. (1987). *Τὸ Ἅγιον Ὄρος: Ἀθωνική πολιτεία: Ἱστορία, τέχνη, ζωή*. Ἐκδ. Ἐποπτεία, Ἀθήνα.
24. Δωρόθεος μοναχός 1986 — Δωρόθεος, μοναχός (1986). *Το Άγιον Όρος*. Μύηση στην Ίστορία και τη ζωή του. Μέρος Α', εκδ. "Τέρτιος", Κατερίνη.
25. Κωνσταντινίδης 1967 — Κωνσταντινίδης, Ι. Χ. (1967). *Νικόλαος Α΄ ὁ Μυστικός (ca 852-925 μ. Χ.), πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως (901-907, 912-925)*. Ἐν Ἀθήναις.
26. Μωϋσῆς Ἁγιορείτης 2008 — Μωϋσῆς Ἁγιορείτης, μοναχός (2008). *Οἱ Ἅγιοι τοῦ Ἁγίου Ὄρους*. Ἐκδ. Μυγδονία, Θεσσαλονίκη.
27. Νικολάου 1863 — Νικολάου, τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (1863). *Ποίημα πρὸς τὸν πρῶτον τοῦ Ἁγίου Ὄρους, ὡς τυπικόν διὰ στοίχου*. PG 111, 389-406.
28. Οι πύργοι 2002 — (2002). *Οι πύργοι του Αγίου Όρους*. Θεσσαλονίκη.
29. Παναγιωτάκης 1962 — Παναγιωτάκης, Ν. Μ. (1962). Ἄθως. *Θρησκευτική και Ηθική Εγκυκλοπαίδεια. Τ· Α΄*. ΣΤ, 859-889.
30. Παπαχρυσάνθου 1992 — Παπαχρυσάνθου, Δ. (1992). *Ὁ Ἀθωνικός μοναχισμός. Ἀρχές καὶ ὀργάνωση. ἐκδ.* Μορφοτικοῦ Ἱδρύματος Ἐθν. Τραπέζης. Ἀθήνα.

References

1. Akinean 1938 — Akinean Nerses, archim. (1938). The Genealogy of Tornikians. *Akinean Nerses, archim. Philological Researches. Study and Original Text*. Vienna, VI, 49-88. (In Armenian).
2. Akinean 1951 — Akinean Nerses, archim. (1951). *Simeon from Pghindzahank and his Translations from Georgian*. Vienna, typ. of Mkhitarists, 1951. (In Armenian).
3. Arutyunova-Fidanyan 1973 — Arutyunova-Fidanyan, V. A. (1973). The "Iberian" in Byzantine Sourses of XIth cent. *Bulletin of Matenadaran,* 11, 46-67. (In Russ.)
4. Bartikyan 1973 — Bartikyan, R. (1973). The Armenian Signature of Protos of Greatest Lavra Theoktistus (About the Issue of activity of Chalcedonian Armenians in Athon). *Bulletin of Matenadaran,* 11, 68-71. (In Armenian)
5. Bartikian 1991 — Bartikyan, H. M. (1991). *Armenia and Greek People*. Found. Goulandri-Chorn, Athens. (In Greek)
6. Bartikyan 2000 — Bartikyan, R. (2000). Armenians from Vaspoorakan in Servise of Byzantine Empire in XIth-XIIth cent. *Historical-Philological Journal*, (3), 131-151. (In Armenian)
7. Bartikyan 2003 — Bartikyan, R. (2003). Byzantium. History of Armenian Diaspora. Vol. II. *Armenian diaspora of Asia and Africa*. Ed. Mikayelyan V. Publ. House "Gitutyun" of NAS RA, Yerevan, 4-64. (In Armenian)
8. Kazhdan 1975 — Kazhdan, A. (1975). *Armenians in the Ruling Class Byzantine Empire in XIth-XIIth cent*. Yerevan, Publ. House of AS of ArmSSD. (In Russ.)
9. Kazaryan 2016 — Kazaryan, G. (2016). Hay Horoms of Akn. *Duty of Soul*, (12), 19-26. (In Armenian)
10. Kazaryan 2019 — Kazaryan, G. (2019). The Ethnic Identity of Hay-Horoms. Levon Khachikian. Centenary. *Proceedings of the International Armenological Conference, Dedicated to the 100th Anniversary of Academician Levon Khachikian's Birth (28-30 June, 2018)*. Yerevan, Matenadaran, 180-204. (In Armenian)
11. Mouradyan 2008 — (2008). *The Georgian edition of Armenian Synaxarium*. Translation from Old Georgian and research by P. M. Mouradyan, Holy See Mother Echmiadzin. (In Armenian)
12. Orbeli 1966 — (1966) *Corpus of Armenian Epigraphy*, I, City of Ani. Ed. by H. A. Orbeli, Yerevan. (In Armenian)
13. Stepanenko 1999 — Stepanenko, V. P. (1999). The Chortvaneli, Torniks and Taronits in Byzanse (To the Issue of Existance so-called branc of Tornikians in Tayk). *Antiquity and the Middle Ages*, 30, 130-148. (In Russ.)
14. Actes de l'Athos 1969 — (1969). Actes de l'Athos IV. *Actes de Zographou*. Par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. (reprint). Ed. Adolf M. Hakkert. Amsterdam.
15. Adonts 1965 — Adonts, N. (1965). *Tornik le Moine*. Adontz N. Etudes Armeno-Byzantines. Lisbonne, Livraria Bertrand, 297-318.
16. Archives de l'Athos 1985 — (1985). Archives de l'Athos, XIV, Actes d'Iviron I. *Des origins au mileu du XIe siècle.* Ed. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration d'H. Métrévéeli. Paris (VIe).
17. Charanis 1965 — Charanis, P. (1965). The Armenians in the Byzantine Empire. Lisbon.
18. Historical Tayk', 2019 — (2019). Historical Tayk'. History, Culture, Confession. *Collected Papers*. Ed. Hakobyan Z., Garibian N., Asryan A. Holy Echmiadzin.
19. Nastase 1985 — Nastase, D. (1985). Les débuts de la communaute oecuméniaue du Mont Athos. *Σύμμεικτα*, 6, 251-314.
20. Noret 1982 — Noret, J. (1982). *Vitae Duo Antiquae Sancti Athanasii Athonitae*, Brepols-Turnhout.
21. Petit 1904 — (1904). *Vie et office de Sant Euthyme le Jeune*. Texte grec publie par le L. Petit. Bibliothèque Hagiographique Orientale, 5, 1-51.
22. Vita 1917-1919 — (1917-1919). *Vita beati patris nostril Iohannis atque Euthymii, et oratio de probatis eorum moribus, conscripta a paupererculo Georgio presbytero et monacho*. Analecta Bollandiana, XXXVI-XXXVII, 13-68.
23. Christou 1987 — Christou, P. (1987). *The Holy Mount: The State of the Athos: History, Art, Life*. Publ. House "Epopteia", Athens. (In Greek)
24. Dorotheos Monachos 1986 — Dorotheos, Monk (1986). *The Holy Mount: Initiation into its History and Life*. Part 1. Katerini, Publ. House "Tertios". (In Greek)
25. Constantinidis 1967 — Constantinidis, I. Ch. (1967). *Nicholas I Mystikos (852-925) patriarch of Constantinopole (901-907, 912-925)*. Athens. (In Greek)
26. Mwysès Agioreitès 2008 — Moisis Hagiorites, Monk (2008). *The Saints of the Holy Mount*. Thessaloniki, Publ. House Mygdonia.
27. Nikolaou 1863 — Nicolas, of Most Holy Patriarch of Constantinople (1863). *Poem to the Protus of Holy Mount as Ryhm Typikon.* PG 111, 391-406. (In Greek)
28. Oi pyrgoi 2002 — (2002). The Towers of Holy Mount, Thessaloniki. (In Greek)
29. Panagiotakis 1962 — Panagiotakis, N. M. (1962). Athos. *Religious and Ethic Encyclopedy*. I, Col. 859-889. (In Greek)
30. Papachrysanthou 1992 — Papachysanthou, D. (1992). *The Athonic Monasticism. The Princips and Organization.* Publ. House of Cultural Foundation of National Bank of Greece, Athens. (In Greek)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Гевондян Наира Тельмановна
Учитель русского языка и летературы (учитель 1-ой категории)
Основная школа N 14 г. Раздан
(Армения, г. Раздан)

В статье рассматриваются фразеологизмы как неотъемлимая часть языка, один из показателей его богатства. Существуя наряду со словарным составом как образования, выработавшиеся в течение многих веков, фразеологизмы выступают как самобытные языковые единицы, не слившиеся ни со словом, ни с другими языковыми единицами. Благодаря своему семантическому и структурному своеобразию, они составляют определённый слой в языке и занимают в нем особое место.

Ключевые слова: фразеологизмы, устойчивые словосочетания, переносное, аллегорическое значение, поговорки, афоризмы, крылатые выражения

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ARMENIAN PHRASEOLOGISMS

Ghevondyan Naira Telmanovna
Teacher of the Russian language and literature (teacher of the 1st category)
Basic school N 14 Hrazdan
(Armenia, Hrazdan)

The article discusses phraseological units as an integral part of the language, one of the indicators of it is wealth. Existing along with the vocabulary as formations that have developed over many centuries, phraseological units act as original linguistic units that have not merged with a word or with other linguistic units. Due to their semantic and structural originality, they constitute a certain layer in the language and occupy a special place in it.

Key words: phraseological units, stable phrases, figurative, allegorical meaning, sayings, aphorisms, catchwords

Разница между языками столь велика, что одно и то же выражение кажется грубым в одном языке и возвышенным в другом.
Д. Драйден

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизмы - это неотъемлемая часть языка, один из показателей его богатства. Существуя наряду со словарным составом как образования, выработавшиеся в течение многих веков, фразеологизмы выступают как самобытные языковые единицы, не слившиеся ни со словом, ни с другими языковыми единицами. Благодаря своему семантическому и структурному своеобразию, они составляют определённый слой в языке и занимают в нем особое место.

Поражает вездесущность фразеологизмов - они вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок жизни, здоровья, нрава, характера, оценок разных действий. Тематика фразеологизмов столь же обширна, как жизнь народа.

Однако тематическая многоликость фразеологизмов не главное, хотя и важное, их достоинство. Более существенно, как они воспроизводят разные жизненные ситуации, какую оценку им дают.

Следует помнить, что национально-культурная специфика фразеологизмов определяется также социальными и природными условиями. Естественно, что русские и армяне, люди, живущие не в столь разных социальных и природных условиях, имеющие общую историю, религию, принципы морали, психологию и т.д., смотрят на мир практически одинаково. Определяющим фактором любой культуры также можно считать те сакральные ценности, которые и формируют данную культуру. Одним из подобных объединяющих элементов двух культур – России и Армении – стало Православие. Это не только вера в сверхъестественное или система обрядов, но и образ жизни, определенная система идей,

верований, представлений о человеке, его месте в мире, которые нашли свое отражение в языке на уровне фразеологии.

Фразеологизмы, по мнению Ф.И. Буслаева, своеобразные микромиры, они содержат в себе *«и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам»* [1]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Исходя из сказанного ранее, будет целесообразно проанализировать именно те фразеологические единицы, которые:

- не находят аналогов в армянском языке и языковых реалиях;
- находят эквивалентные выражения, но различаются в своих компонентах.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы — это устойчивые словосочетания, состоящие из двух и более слов-компонентов, выражающих единое понятие и обладающих переносным значением. От слов, имеющих переносное значение, фразеологизмы отличаются тем, что переносность в них выражается не одним компонентом, а всем фразеологизмом в целом.

С фразеологизмами по своей структуре сходны синтаксически устойчивые словосочетания, а также глагольные аналитические конструкции, которые, хотя и состоят не менее чем из двух слов-компонентов, выражают единое понятие, однако, в отличие от фразеологизмов, обладают лишь номинативным значением.

В некотором отношении внешнее сходство с фразеологизмами обнаруживают также такие готовые речевые единицы, как пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. д., которые отличаются от собственно фразеологизмов двумя основными признаками: а) в отличие от фразеологизмов эти

готовые речевые единицы могут обладать не переносным, а аллегорическим значением, б) в отличие от фразеологизмов, которые являются языковыми единицами, пословицы, поговорки, крилатые выражения и др. являются в смысловом и в грамматическом отношениях законченными речевыми единицами.

В противовес готовым речевым единицам, которые входят в структуру речи как грамматически уже оформленные единицы, фразеологизмы в речи, как правило, входят в состав предложения, аналогично словам, и в предложении получают своё грамматическое оформление.

Будучи языковым элементом, в большей мере характерным для разговорной речи, фразеологизмы, благодаря переносности, придают речи образность.

Значительная часть фразеологизмов, выражая то или иное субъективное отношение говорящего к предмету речи, обладает экспрессивно-эмоциональной окраской. Оба указанных свойства характеризуют фразеологизмы как одно из важнейших стилистических средств языка.

Фразеологизмы или фразеологические единицы являются богатством духовной культуры народа и выражают национальную особенность, своеобразность языка. В фразеологизмах, благодаря своему образному мышлению, нашли свое место богатый жизненный опыт народа, его представления о предметах и явлениях объективного мира, отношение к человеческим взаимоотношениям. Велика роль фразеологизмов в красивом отображении речи: фразеологические единицы дают языку красочность,выразительност,точность и освобождают язык от однообразности, однотипности и сухости.

Будучи языковым элементом, в большей мере характерным для разговорной речи, фразеологизмы, благодаря переносности, придают речи образность.

Значительная часть фразеологизмов, выражая то или иное субъективное отношение говорящего к предмету речи,

обладает экспрессивно-эмоциональной окраской. Оба указанных свойства характеризуют фразеологизмы как одно из важнейших стилистических средств языка.

В профессиональной литературе не всегда дается окончательный ответ на вопросы: что такое фразеологизм и какие единицы охватывает фразеология. ***Некоторые армянские ученые включают в фразеологию все устойчивые сочетания слов, другие ограничиваются только определенной группой словосочетаний. Сторонники более широкого понимания фразеологизмов включают в фразеологию пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, а другие отказываются от них.*** Некоторые включают в фразеологию сложные союзы, составные (словосочетательные) термины, а другие сужают границы фразеологии, оставляя в ней только идиоматические выражения.

Некоторые русские ученые считают фразеологизмами даже отдельные слова, такие "однословные идиомы", как сумбур, чепуха, тарабарщина, чушь, галиматья и другие.

И в русских и в армянских фразеологизмах присутствие грамматических единиц и категорий выражается в том, что фразеологизмы, имеющие словесную ценность, относятся к той или иной части речи и, как слова, входят в грамматические и синтаксические отношения, фразеологизмы могут быть именные и глагольные, во всех их разнообразиях.

Например: *уйти из жизни, отойти от мира сего, уйти иной мир-* հոգին ավանդել,հրեշտակների հետ խոսել, աստծու մոտ գնալ,մահկանացուն կնքել - выражают общее значение- умереть, имеют положительную чувственную окраску в отличие от имеющих то же значение- շան սատակ լինել, գրողի ծոցը գնալ, ոտները տնկել- *отбросить коньки, протянуть ноги, загнуться, сыграть в ящик,-* и других фразеологизмов, которые имеют открыто неуважительную и отрицательную окраску.

И в русском и в армянском языке существуют много фразеологизмов заимствованных из других языков.

Так, например: *Открыть Америку*-Ամերիկա հայտնաբերել կամ հայտնագործել, *ахиллесова пята* - աքիլլեսյան գարշապար, *бальзаковский возраст* - բալզակյան տարիք, *данаев дар* - դանայան ընծա, *крокодиловы слезы* - կոկորդիլոսի արցունքներ, *за кулисами* - կուլիսների ետևում и т. д.

Такие фразеологизмы- сделанные в разное время литературные переводы- заимствованния, так называемое копирование чужих фразеологизмов. Следует заметить, что создание билингвальных переводных словарей в какой-то мере содействует копированию отдельных фразеологических единиц.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ АРМЯНСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ

1. Отражая быт и культуру, миропонимание и психологию народа, фразеологизмы характеризуются национальной самобытностью, носят отпечаток мышления данной народности.

Сопоставительное изучение русских и армянских фразеологических единиц показывает, что по основному понятию и способу его словесного выражения русские фразеологизмы, с точки зрения соответствий в армянском, можно разбить на ряд групп:

а. Фразеологизмы с адекватным значением и таким же словесным выражением в обоих языках. Например: подниматься с постели — անկողնուց վեր կենալ, играть с огнём — կրակի հետ խաղալ, повышать голос— ձայնը բարձրացնել и т. д.

Подобные фразеологизмы в обоих языках существуют самостоятельно и возникают как результат переосмысления синтаксически свободных сочетаний слов.

б. Фразеологизмы, одинаковые по содержанию и по форме, заимствованные из классических языков, в основном мифологического к библейского происхождения. Например: *от альфы до омеги* —այբից մինչև քե, *ахиллесова пята*- աքիլլեսյան գարշապար, *камень преткновения* — գայթակղության քար, *козёл отпущения* —քավության նոխազ и т. д.

в. Фразеологизмы армянского языка, представляющие собой кальки соответствующих русских фразеологизмов. Например: *голубь мира- խաղաղության աղավնի, сквозь розовые очки смотреть- նայել վարդագույն ակնոցներով* и т. д.

Для указанных трех групп русских фразеологизмов толкования в армянском языке и нахождение эквивалентов не вызывает каких-либо затруднений.

г. Многочисленную группу составляют такие русские фразеологизмы, содержание которых в армянском языке не воспринимается в качестве фразеологических единиц. Поэтому самобытная форма выражения соответствующих понятий чужда армянскому языковому мышлению. Таковы, например: *Филькина грамота, отставной козы барабанщик, наломать дров, куда Макар телят не гонял* и т. п.

В случаях подобных фразеологизмов в словаре дается только их толкование на армянском языке.

д. Фразеологизмы, содержание которых в армянском воспринимается в качестве фразеологической единицы; однако армянские фразеологизмы отличаются от русских образами, т.е. способами словесного выражения. Например: *возить воду на ком* можно передать армянскими фразами: շան չարչարանք տալ,շան քթից ջուր խմեցնել, *оцеживать комара* — ջաղացը կորցնել՝չաղչախի ետևը ման գալ и т. д.

Под такими фразеологизмами, кроме их толкования, приводятся также соответствующие по значению армянские эквиваленты.

е. Некоторым фразеологизмам русского языка в армянском соответствуют сложные слова. Например: золотой век —ոսկեդար, краеугольный камень —անկյունաքար, поле зрения —տեսադաշտ и т. п.

ж. Одинаковые по содержанию русские и армянокие фразеологизмы могут различаться своей стилистической характеристикой. Так например, русский фразеологизм может иметь одну сферу употребления, армянский — другую. В

русском языке фразеологизм может выражать одно отношение, его армянский эквивалент — другое.

Для современного русского языка он может быть устаревшим, в то время как соответствующий армянский фразеологизм общеупотребителен и сейчас и т.д.

Например: *задеть амбицию* — книжное выражение, между тем армянские эквиваленты քեֆին դիպչել,հավին քիշ(քշա) ասել,տեղդ ծուխ է էն կողմ նստիր ասել — просторечные. *Попасть в жилку* — устаревшее, а соответствующие фразеологизмы - խոսքը տեղը դնել, ճիշտ տեղին խփել употребительны в современном армянском языке. Имеющий такое же значение фразеологизм որսը բնումը խփել— диалектный.

Перейдем к анализу и приведем примеры фразеологических единиц, компонентом которых является безэквивалентная лексика, способствующая раскрытию культурных представлений о народе. В различных фразеологических словарях даны схожие семантические объяснения, но различается принцип происхождения. Поэтому при необходимости после русского фразеологизма будут даны его наиболее характерные или единственно возможные синтаксические связи. Глагольный компонент фразеологического оборота представлен в неопределенной форме. Пояснение фразеологизмов осуществляется средствами русского и армянского языков, используя следующие приемы:

1. подбор лексемы на русском и армянском языках (*в один голос – одновременно*- միաձայն);
2. подбор свободного словосочетания на русском и армянском языках (*откладывать в долгий ящик – затягивать дело*- գործը ձգձգել);
3. подбор развернутого словотолкования (*не видеть дальше своего носа – быть ограниченным, довольствоваться своими узкими интересами и не замечать происходящего*, սահմանափակ լինել, չնկատել, թե շուրջը ինչ է կատարվում);

4. подбор синонимичных фразеологизмов (*не на жизнь, а на смерть – до последней капли крови*- մինչև արյան վերջին կաթիլը).

При пояснении русских фразеологизмов, не имеющих в армянском языке лексически соответствующих компонентов, подбираются армянские фразеологизмы, эквивалентные русским по общему значению и приближающиеся к ним по стилистической и эмоциональной окраске, а также по синтаксической функции в предложении, например*: разбиться в лепешку* – կաշվից դուրս գալ, *стреляный воробей* – հին գայլ, փորձված աղվես.

При отборе наиболее частотных фразеологизмов общенародного употребления предпочтение отдавалось в первую очередь так называемым двуплановым фразеологическим единствам русского языка, восходящим к соответствующим свободным словосочетаниям, но не имеющим соответствия в армянском языке. Например, *выражение заткнуть за пояс*, являясь фразеологизмом, может употребляться и как свободное словосочетание. В армянском же языке оно выступает только как свободное словосочетание, а значение фразеологизма передает другая фразеологическая единица: ծալել գրպանը դնել (сложить, убрать в карман).

Например: *бешеные деньги* передано калькой կատաղի փողեր, *сапоги всмятку*— թերխաշ կոշիկներ, *мы сами с усами* — մենք էլ բեղեր ունենք и т. д.

Подобные кальки с русского по-армянски звучат совсем нелепо.

2. При толковании русских фразеологнзмов учитывается их грамматическое оформление и функционирование в предложении и в речи.

Русские фразеологиамы по их грамматаческому оформлению можно разделить на две группы. Одну составят фразы, грамматически оформленные как предложения, а другую — представляющие часть предложения, один из его членов.

а. Фразеологизмы, представляющие по форме самостоятельные предложения, в русском языке более многочисленны, чем в армянском. Подобные фразеологизмы, в свою очередь, можно разделять на две подгруппы. Фразеологизмы первой подгруппы употребляются в качестве самостоятельных предложений, или же являются частью сложного предложения. Например: *не боги горшки обжигают, счастлив твой бог, мерила баба клюкой* и т. д.

Вторую подгруппу составляют фразы, соответствующие по своему значению междометиям, поэтому они не сочетаются с членами предложения. Таковы, например: *бог с тобой, черт возьми, ахти мне* и т. д.

б. Подавляющее большинство русских фразеологизмов в составе предложения выступает в качестве одного из его членов — подлежащего,сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства. Это зависит от семантики фразеологизма. По семантике фразеологизмы могут быть именными, адъективными, глагольными и адвербиальными.

Именные фразеологизмы в русском языке довольно многочисленны.

Например: *волчий аппетит, герой дня, тёртый калач, считанные дни, кусок хлеба* и т. д.

Адъективные фразеологизмы немногочисленны. Таковы*: в летах, вооруженный до зубов* и т. п.

Глагольные фразеологизмы преобладают над остальными. В составе предложения они выступают, в основном, в роли сказуемого.

Например*: тянуть на аркане, бросить вызов. купить кота в мешке, подковывать блоху* и т. д.

Адвербиальные фразеологизмы в русском языке тоже многочисленны. Таковы, например: *до седых волос, для пущей важности, в доль и поперёк, с кондачка* и т. п. . Естественно, что русские и армяне, люди, живущие не в столь разных социальных и природных условиях, имеющие общую историю, религию, принципы морали, психологию и т.д., смотрят на мир

практически одинаково. Определяющим фактором любой культуры также можно считать те сакральные ценности, которые и формируют данную культуру. Одним из подобных объединяющих элементов двух культур – России и Армении – стало Православие. Это не только вера в сверхъестественное или система обрядов, но и образ жизни, определенная система идей, верований, представлений о человеке, его месте в мире, которые нашли свое отражение в языке на уровне фразеологии. В связи с этим и в русском, и в армянском языках есть много фразеологических оборотов, ссылающихся на библейские сюжеты. И следует отметить, что практически все подобные фразеологические единицы русского языка находят эквивалентные выражения в армянском языке. Например, *нести свой крест* (терпеливо переносить страдания) – իր խաչը տանել, *одним миром мазаны* (похожи друг на друга по своим качествам) – մի մեռոնով են մկրտված, *святая святых* (самое дорогое, заветное) – սրբության սրբոց.

Для нас наибольший интерес представляют такие фразеологические единицы, которые непосредственно связаны с культурно-национальными коннотациями, символами и стереотипами. Так как именно они отражают культурные представления народа. Анализируя такого рода фразеологизмы, становится возможным обнаружить характерные черты русского народного менталитета. Для выражения культурно-языковой компетенции обязательным является владение культурной коннотацией фразеологических единиц, так как именно они вобрали в себя культурные реалии в национально-самобытной форме. И для обнаружения культурного содержания идиом важно ясно представлять себе описание символов, стереотипов, эталонов, ритуалов.

Основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц, как утверждает В.Н. Телия, является *«выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими*

культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление»

Таким образом, расшифровка символов, стереотипов, эталонов, ритуалов, следовательно, и образа жизни носителей языка, является немаловажным аспектом для анализа культурного содержания идиом, так как именно они способны ярко и отчетливо охарактеризовать самобытность и особенность русской культуры.

ЗАКЛЮЕНИЕ

Речь – это способ общения между людьми. Чтобы достичь полного взаимопонимания, яснее и образнее выражать свою мысль, используются многие лексические приемы, в частности, ***фразеологизмы*** (фразеологическая единица, идиома) – устойчивые обороты речи, которые имеют самостоятельное значение и свойственны определенному языку. Часто, чтобы добиться некоего речевого эффекта простых слов бывает недостаточно. Иронию, горечь, любовь, насмешку, свое собственное отношение к происходящему – все это можно выразить гораздо емче, точнее, эмоциональнее. Мы часто используем фразеологизмы в повседневной речи, порой даже, не замечая – ведь некоторые из них просты, привычны, и знакомы с детства. Многие из фразеологизмов пришли к нам из других языков, эпох, сказок, легенд.

Как отмечала В.Н. Телия, фразеологический состав языка – это *«зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание»,* именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации.

Исходя из этого, можно сказать, что фразеологические единицы прямо или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире. Поэтому фразеологизмы — своего рода *«кладезь премудрости»* народа, сохраняющий и

воспроизводящий его характерные черты, его культуру от поколения к поколению.

Литература

1. Гаспарян Н. К. Фразеологизмы с безэквивалентной лексикой на материале сопоставительного анализа русского и армянского языков (2017)
2. Шанский Н. М. Фразеология русского языка. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов (1963)
3. Русские пословицы и поговорки / под редакцией В. П. - Москва, Художественная литература, 1988.
4. Русско-армянский фразеологический словарь под редакцией Р. Л. Мелкумяна и П. М. Погосяна (Издательство Ереванского университета, 1975)

Таким образом, в настоящее время профсоюзы являются единственным действующим органом защиты интересов работников в организациях. Но на фоне постоянного уменьшения численности членов они не могут в полной мере защищать интересы работников.

Список литературы:

1. Всероссийский центр исследования мнения населения. https://wciom.ru
2. Социально-трудовые конфликты. http://industrialconflicts.ru/lib/27/obzor__sotsialyno-trudowyh_konfliktow_w_rossiyskoy_fed.html
3. Итоги соцопроса РАНХи ГС. http://social.ranepa.ru/novosti/item/itogi-socoprosa-ranhigs-kazhdyj-tretij-rabotnik-ne-rasschityvaet-na-pomoshh-profsoyuzov
4. Труд и занятость в Росии 2015. Статистический сборник. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf
5. Расследование РБК: на что живут российские профсоюзы. http://www.rbc.ru/investigation/society/29/04/2016/572214189a79477116812c57
6. Трудовой кодекс РФ //«Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
7. Федеральный закон от 12.01.1996 N 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» //Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 148.

Пеньковский Д. Д., Арутюнян А. С. [1]

ПРИБЫТИЕ И АДАПТАЦИЯ АРМЯНСКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ГЕНОЦИДА ТУРЕЦКИХ ВЛАСТЕЙ (1915-1935 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается одна из мало исследованных проблем эмиграции армянских беженцев из Османской империи и Армении во Францию в ходе и после геноцида армян в 1915-1935 гг. Особое внимание уделено вопросам прибытия и адаптации армянских эмигрантов во Франции в 1915-1935 гг.

Ключевые слова: Армянские беженцы, геноцид, турецкие власти, эмиграция, Франция.

История эмиграции армян из Османской империи и Армении в ходе и после геноцида турецких властей в 1915-1935 гг. является составной частью истории этнических эмиграций.

Данный эмиграционный процесс был вынужденной мерой из-за массовых убийств и репрессий против армянского народа, развязанного младотурецким, а

[1] Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом науки и формирования у обучающихся профессиональных качеств по направлениям подготовки АНО ВО «Национальный институт бизнеса»; Арутюнян Арсен Самвелович, аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

позднее и кемалистским руководством Турции. Эта эмиграция фактически стала одной из первых массовых этнических эмиграций, охвативших XX столетие.

В истории эмиграции данная эмиграция стоит особняком. Она началась после трагических событий в 1915 г. в Османской империи и Армении. Этой эмиграционной волне предшествовали трагические события.

В течении 1915-1923 гг. воспользовавшись международной политической ситуацией, сложившейся в ходе и после Первой мировой войны младотурецкое руководство Османской империи, а позднее кемалисты совершили спланированную программу геноцида армянского народа. Вследствие чего было убито в местах проживания около полутора миллионов армян.

Французские газеты уже в декабре 1915 г. сообщали о резне более одного миллиона армян, которая, по их мнению, была осуществлена такими жестокими способами, которые до сих пор не были известны в человеческой истории.[1]

В ряде газет были открыты специальные рубрики, посвященные геноциду армян, где отмечалось, что в послевоенных условиях 1919 года в Османской империи продолжается резня армян.[2] В объемной редакционной статье под названием «Исследование Le Petit Parisien относительно армянских погромов» как достоверное свидетельство очевидца приведена телеграмма специального корреспондента газеты с подробным описанием ужасающей резни армян. В газете отмечалось, что с лета 1915 г. по осень 1918 г. в Османской империи было убито около 1,5 миллиона армян.[3]

Таким образом, можно сделать вывод, что геноцид турецких властей против армянского народа, проводившийся в 1915-1920 годах, гибель более 1,5 миллиона человек стали причиной массовой эмиграции армян из Турции и Армении в различные страны Европы, Азии и Ближнего Востока. Армянское население в ужасе бежало из районов, где турки проводили массовые убийства. Армяне уходили, бросая дома, постройки, мастерские, скот, сады, поля лишь бы только спастись от неминуемой смерти. Это был первый массовый исход целого народа в начале XX века.

Одной из первых стран, принявших армянских эмигрантов после геноцида стала Франция. Необходимо отметить, что данная эмиграционная волна имела свои отличительные особенности, обусловленные причинами эмиграции, численностью и особенностями адаптации армянских беженцев во французском государстве.

В 1915-1935 гг. во французское государство прибыло более ста тысяч армянских беженцев. После переезда в 1920-1930-х годах многих из них в страны Северной и Южной Америки по оценкам Верховного комиссариата по делам беженцев в Меморандуме по вопросу армянских эмигрантов, предоставленного в 6-ю комиссию при ассамблее Лиги Наций по оказанию помощи русским, армянам, ассирийцам отмечалось, что в начале 1930 г. менее ста тысяч армян находилось во Франции.[4]

---

[1] Le Petit Journal. Paris.1915. 19 декабря.
[2] Le Feu. Париж.1919, 15 февраля.
[3] Le Petit Parisien. Париж. 1919. 2 января.
[4] ГАРФ ФР. Ф. Р.-7067. Оп. 1. Д. 67. Л.1

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся среди армянских беженцев в условиях послевоенной Франции, была достаточно неоднородной. Лучше всех устроились те, кто уже имел родственников во Франции, имел хорошее образование или владел денежными средствами. Сложнее было тем, кто потерял все во время геноцида и находился в стрессовом состоянии из-за потери своих близких, уничтоженных турками.

В этой ситуации армянские благотворительные организации и различные комитеты помощи, организованные армянской диаспорой в Париже, Марселе, Лионе, Ницце и других городах Франции встречали беженцев, предоставляли им жилье, старались побыстрее, трудоустроить и смягчить боль утрат.

Одним из первых мест их расселения во Франции стал Марсель, который стал одним из основных центров армянской эмиграции. Это было связано с тем, что до геноцида армян 1915 г. много армян уже переселились в этот город-порт. Значительный поток армянских переселенцев заполнил город в 1870-1895 годы, когда многие армянские семьи стали жертвами погромов Абдул Гамида. Вместе с французскими миссионерами армяне-католики и протестанты из Мараша, Урфы и Мардина перебрались в Марсель и, по сути, стали основателями первых больших армянских католических и протестантских общин страны.[1]

Большую помощь в вывозе армянских беженцев из Османской империи оказал Международный Красный Крест. Всемирный Красный Крест постоянно держал в поле зрения проблемы армянских беженцев. В 1916-1919 гг. Красный Крест несколько раз специально обсуждал проблемы армянских беженцев и принимал конкретные меры по спасению армян. Учитывая, что основным центром расположения армянских беженцев стала Франция, Красный Крест вывозил их в это государство на кораблях, грузовиках, по железной дороге и другими способами. Основная часть армянских беженцев добирались до Марселя, а затем переезжала в Париж, Лион, Канны, Ниццу и другие города Франции. Распределением и обустройством прибывших армянских беженцев занимались местные комитеты и различные организации армянской диаспоры.[2]

Франция практически стала основным центром армянского Зарубежья в Западной Европе. В этой стране собралась основная часть армянских беженцев и элита армянской диаспоры. По данным исследователей во Франции нашли приют в 1920-х годах более 60 тысяч армян, которые пополнили количество армянских беженцев, ранее прибывших в эту страну в начале XX века. Общую численность армянских беженцев исследователи определяют в 100 тысяч человек, хотя это сделать сложно, так как раньше по переписи во Франции многих армян регистрировали как турок.[3]

Во Франции сложилась специфическая ситуация с беженцами, когда туда прибыли беженцы-армяне. Это было связано с тем, что британское правитель-

---

[1] URL: // noev-kovcheg.ru/mag/2011-10/2591.html. Дата обращения 20.04.2015.

[2] The Red Gross Bulletin. Washington. 5 мая 1919 г. №19.

[3] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С..132-133.

ство отказалось принимать этих беженцев. Поэтому основной поток беженцев-армян из Ближнего Востока хлынул во Францию.

Главным центром расположения армянских беженцев в 1920-1930-е годы стал Париж, который давал работу и сулил разнообразие занятий. Сосредоточение армянских беженцев в Париже было сложившейся исторической особенностью. Концентрация армян в этом городе способствовала развитию эмигрантских организаций, интенсивной внутриобщинной жизни, образования, медицины, досуга, профессионального обучения армян.

Париж не случайно стал одним из основных мест проживания армян, в нем легче было найти работу, жилье, получить помощь от земляков и гуманитарных организаций. Те, кто имел образование, стремились получить работу по специальности. А другие шли работать таксистами, грузчиками, разнорабочими. В армянских общинах этих городов успешно сложились внутриобщинные связи и спаянность изнутри армянской общины. Все это позволяло беженцам выжить в условиях чужой страны.

Целые кварталы и районы Парижа превратились в места совместной жизни многих эмигрантов. 11-й и 4-й округа Парижа были местами традиционного проживания армян. Вместе с русскими и поляками армяне составляли 20% иностранцев, проживавших в этой части Парижа. Армяне работали в автомобильной, швейной и текстильной промышленности, занимались производством готового платья, обуви, торговлей, открывали магазинчики, различные кустарные мастерские.[1]

Необходимо также отметить то, что в Париже многие армяне работали в автомобильной промышленности на заводах «Рено» в Булонь-Бийанкур, «Ситроен» на набережной Жавель и парижском пригороде Левалуа.

Как отмечалось, вторым крупным центром размещения многих армянских беженцев стал Марсель. Благодаря успешной деятельности международных гуманитарных организаций в Марселе были развернуты центры по обеспечению временного приема беженцев, что способствовало притоку армянских беженцев в этот город-порт. В результате часть из них осталась в Марселе. В этом городе представители первой волны эмиграции уже успели обжиться, создали общественные эмигрантские организации, которые помогли тем, кто прибыл в 1920-х годах в Марсель. Эти армянские организации были посредниками при отборе рабочей силы и последующего трудоустройства беженцев. Они уже успели адаптироваться к французским условиям найма рабочей силы и оперативно направляли соотечественников туда, где можно было быстро трудоустроиться.

Часть беженцев нашли работу в морском порту, работали грузчиками, моряками на судах, в различных ателье по пошиву одежды и обуви, в кустарных мастерских, магазинчиках и ресторанчиках.

Начиная со второй половины 1920-х годов, многие армяне занимались в городах Франции частным извозом на такси. Пройти подготовительные курсы

---

[1] Histoire des etrangers et de I immigration en France / Dir. Y. Leguin. Paris: Larousse, 1992. P. 354.

шоферов стремились многие армяне, так как эта работа давала возможность прокормить себя и семью. В этом армянским беженцам активно помогали армянские общественные организации.

Некоторая часть армян смогли устроиться в Париже, Марселе, Лионе, Тулузе, Ницце и других городах Франции в различные рестораны, кафе, магазины подсобными рабочими. Но безработица оставалась главной проблемой для армянских эмигрантов в 1920-х гг.

Большую роль в социальной адаптации армянских беженцев во Франции сыграли братья Гукасовы. Серьезный вклад в развитие промышленности Франции внес Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович, который в 1920-х гг. основал несколько промышленных объединений. В 1924 г. он основал в Париже судостроительное общество «Les Petroles d, Outre-Mer», активно занимался домостроительством в Париже, Каннах, Нейси. С 1925 г. был членом Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. На его заводах и стройках получили работу тысячи армянских беженцев. Гукасов А. О. активно работал в рамках Всеармянского благотворительного союза, в Париже основал газету «Возрождение» в 1925 г. и типографию «Навар», где печатались книги на русском и армянском языках. С целью сохранения языка и культурных ценностей армянского народа создал и был руководителем Фонда имени братьев Гукасовых. Вместе с братом активно работал в армянских благотворительных организациях Гукасов П. О. Он был товарищем председателя Российского торгово-промышленного союза и входил в состав Всеармянского благотворительного союза.[1]

Весной 1921 года в мире сложилась ситуация, когда во многих странах Европы появилось огромное количество эмигрантов, людей без прав, документов, средств к существованию. В сложившейся обстановке встал вопрос о создании органа, который определял бы правовой статус беженца.

Международное сообщество было озабочено появлением в Европе огромного количества военнопленных, армянских и русских беженцев, не имевших гражданства.[2] Для решения их огромных проблем в 1921 г. был создан Верховный комиссариат по делам беженцев и военнопленных. Первый руководитель комиссариата Ф. Нансен привлек к выработке международной политики по проблемам беженцев общественных деятелей, различных специалистов. Все это позволило создать Центральную комиссию по изучению положения русских и армянских беженцев, образованную в 1926 г. при Лиге Наций.

Решение о создании комиссии было принято на заседании Консультативного комитета частных организаций 9 сентября 1926 года.

---

[1] Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь: в трех томах. Том 1: А-К. Под общей ред. Л.Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.- М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 441.

[2] Если беженцы не имели гражданства какого-либо государства, то попадали в категорию апатридов (лиц без гражданства). Права этой категории беженцев были определены лишь в июле 1922 г. принятием Лигой Наций текста сертификата для беженцев (Нансеновского паспорта)

В комиссию, возглавляемую Ж. Морелле, вошли три армянских специалиста (Г. Синапян, А. И. Хатисян, Л. Пашалян) и три русских специалиста (Б. Э. Нольде, Я. Л. Рубинштейн, А. Н. Мандельштам, К. Н. Гулькевич). Все они активно участвовали в обсуждениях, развернувшихся в 1921-1923 годах.

Перед русскими и армянскими экспертами стояла задача подготовить текст, который удовлетворил бы все заинтересованные стороны и мог быть принят без возражений и переделок. На протяжении двух лет работы рассматриваемые предложения регулярно обсуждались с Верховным комиссаром, который, со своей стороны, направил всем правительствам список вопросов, касающихся юридического положения беженцев в соответствующих странах.[1]

Представленное в 1928 г. Правительствам Соглашение по вопросу о статусе русских и армянских беженцев полностью повторяло содержание меморандума консультационной Комиссии русских и армянских юристов. («Меморандум от 21 мая 1928 года, представленный Комитетом русских и армянских экспертов-юристов по вопросу о правовом статусе беженцев». Этот текст опирался на предложения, высказанные Консультативным комитетом в резолюции от 7 сентября 1927 г.).

К сентябрю 1929 г. Соглашение было ратифицировано одиннадцатью государствами. Франция и Бельгия согласились на то, чтобы представитель Лиги Наций удостоверял документы, выдаваемые офисами беженцам. Тем не менее, правительства этих двух стран уточняли, что назначение представителя будет осуществляться министрами иностранных дел, а не Нансеном, что сводило к минимуму влияние Лиги Наций.[2]

Франция ратифицировала соглашение 21 мая 1929 г. Назначенный ею Представитель Верховного комиссара получал жалованье от секретариата Лиги Наций и обладал статусом, близким к консульскому. Представителем Нансена во Франции стал Марсель Паон, который гарантировал законный статус тем, кто стремился остаться «лицом русского или армянского происхождения». Марсель Паон активно поддерживал армянские общественные организации в их работе по оказанию помощи беженцам.

Одним из самых влиятельных во Франции был Всеармянский благотворительный союз, который был основан в 1906 еще теми армянскими беженцами, которые прибыли после событий конца 19-го и начала 20-го века в Турции. Позже в состав этого комитета вошли представители следующей волны эмиграции после событий 1915-1923 годов в Турции, Армении и гражданской войны в России. Всеармянский благотворительный союз объединял представителей многих армянских эмигрантских организаций из Парижа, Марселя, Лиона, Ниццы и других регионов Франции. Всеармянский благотворительный союз

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С..254-255.

[2] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 258-259.

стремился оказать помощь тем армянским беженцам, которые имели проблемы с жильем, работой и здоровьем. В состав этого благотворительного союза входили различные общественные армянские организации[1]

Всеармянский благотворительный союз координировал деятельность многих общественных организаций армян с целью решения главной проблемы – сохранения жизни беженцев и их адаптации во Франции после перенесенных страшных испытаний в Турции, Армении и России. Всеармянский благотворительный союз выполнял во Франции роль объединяющего центра. Его влияние распространялось практически по всей территории французского государства. Наличие различных подразделений и организаций, входящих в состав данного союза позволяло организовать гуманитарную помощь тем армянским беженцам, которые в ней нуждались.

В целом французские власти проводили по отношению к армянским эмигрантам положительную политику. Принимая их в страну, власти решали и свои вопросы по использованию прибывших эмигрантов. Учитывая, что с эмигрантами прибыло значительное количество менеджеров, инженеров, кустарей, скорняков, специалистов сельского хозяйства и других, власти Франции получали таких специалистов, которых не хватало в стране. Французский народ в своем большинстве благожелательно принял эмигрантов из Турции и Армении. Принимая этих эмигрантов, Франция решала свои потребности в недостающих специалистах.

Отличительной особенностью эмиграции армян после геноцида во Францию является то, что эти беженцы в 1915-1935 гг. получали помощь в адаптации не только Всеармянского благотворительного союза, но и от Центрального комитета армянских беженцев, Русского торгово-промышленного и финансового союза и других русских благотворительных организаций, ранее созданных. Армянские и русские общественные организации встречали беженцев, находили им жилье, работу, помогали получать нансеновские паспорта.

История эмиграция армян в ходе геноцида армянского народа до сих пор сохраняет свою актуальность, о чем говорят массовые мероприятия, посвященные геноциду армянского народа, прошедшие в Армении, России, Франции. США и других странах мира в 2015 году. Несмотря на попытки Турции замять осуществленный османскими властями массовый геноцид армянского народа, более 20 стран мира уже признали, что в ходе этой массовой резни погибло около 1,5 млн. армян и миллионы стали эмигрантами.

Президент Франции Франсуа Оланд на мероприятиях, посвященных 100-летию геноцида в Ереване, отметил, что именно Франция в мае 1915 г. выпустила совместную декларацию, в которой осуждались массовые убийства армян, получивших в документе название «преступление против человечности». Он также напомнил, что Франция приняла едва спасшихся тогда от смерти армян и стала для них новой родиной, которую они затем, во время нападения

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 260-261

нацистов, защищали с огромной храбростью. По словам Оланда, армяне своим талантом и гением способствовали процветанию Франции после Второй мировой войны».[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что после прибытия армянских эмигрантов во Францию они смогли более или менее сносно адаптироваться благодаря помощи уже существовавших армянских и русских благотворительных организаций и союзов.

Анализируя ситуацию, сложившуюся с армянскими беженцами во Франции в 1915-1935-х годах, можно отметить, что именно эта страна стала европейским центром армянской эмиграции. Этому способствовали доброжелательность французского народа и государственных органов. В отличие от других беженцев у армян была развитая система эмигрантских общественных организаций, созданная после прибытия армян еще в конце 19 века. В результате сложилось разнообразие тех слоев армянского общества, которые нашли во Франции приют. В этом государстве соединились армянские политики, бизнесмены, артисты, писатели, певцы, а также простые рабочие, крестьяне, интеллигенция. Большую помощь в адаптации армянских эмигрантов во Франции оказали армянские общественные организации и Верховный комиссариат по делам беженцев и военнопленных, созданный Лигой Наций в связи с появлением большого количества армянских и русских беженцев.

Список использованных источников и литературы:

1. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Histoire des etrangers et de I immigration en France / Dir. Y. Leguin. Paris: Larousse, 1992.
3. ГАРФ ФР. Ф. Р.-7067. Оп. 1. Д. 67.
4. Новое время. Ереван. 2015.
5. Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь: в трех томах. Том 1: А-К. Под общей ред. Л.Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.- М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.
6. The Red Gross Bulletin. Washington. 1919 г.
7. Le Petit Journal. Paris.1915г.
8. Le Feu. Париж.1919 г.
9. Le Petit Parisien. Париж. 1919 г.
11. Интернет: URL: // noev-kovcheg.ru/mag/2011-10/2591.html. Дата обращения 20.04.2015.

[1] Новое время. Ереван. 2015. 28 апреля. № 2558 (44).

Пеньковский Д. Д.Национальный институт бизнеса,
Арутюнян А. С. Московский гуманитарный университет[1]

ПОМОЩЬ ГУМАНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРАВОВОЙ АДАПТАЦИИ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ВО ФРАНЦИИ (1918-1938 ГГ.)

Аннотация: В статье рассматривается одна из мало исследованных проблем правовой адаптации армянских беженцев из Османской империи и Армении во Франции после геноцида армян в 1918-1938 гг. Особое внимание в статье уделено деятельности международных гуманитарных организаций, Центрального армянского офиса по оказанию помощи армянским эмигрантам в правовой адаптации во Франции в 1918-1938 гг.

Ключевые слова: армянские эмигранты, правовое положение, помощь международных гуманитарных организаций, Верховный комиссариат по делам беженцев, Центральный армянский офис, нансеновские паспорта**.**

Эмиграция армян из Османской империи и Армении во Францию после геноцида сложное, многостороннее и уникальное явление. Оно связано с трагическим переездом и адаптацией армянских беженцев во Франции, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания из-за массовой резни, устроенной турецкими властями.

Правовое положение армянской эмиграции в 1920-1930-х гг. занимало одно из главных мест в ее жизни. Без решения этих вопросов само пребывание армянских беженцев во Франции было бы очень сложным. От этого зависело пребывание, трудоустройство, обучение детей, социальное обеспечение, условия проживания, передвижение по стране и Европе, заключение браков, разводов, решение имущественных вопросов.

Все эти вопросы были поставлены на повестку дня в странах пребывания эмигрантов, в том числе во Франции.

В связи с тем, что британское правительство отказалось принимать русских и армянских беженцев, то вся тяжесть их приема легла

---

[1] Пеньковский Дмитрий Дмитриевич- доктор исторических наук, профессор, зав. отделом науки и формирования у обучающихся высоких профессиональных качеств АНО ВО «Национальный институт бизнеса»; Арутюнян Арсен Самвелович, аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

на Францию. Франция стала одним из инициаторов создания в Женеве Верховного комиссариата по делам русских беженцев. В начале Франция обратилась за поддержкой к американскому правительству, предложив ему взять на себя часть финансовых затрат, связанных с приемом беженцев. В ответ на это американцы предложили, что этот вопрос должен быть рассмотрен без промедления, в качестве проблемы «международного характера, которая смоет быть решена только в результате международного сотрудничества. (Письмо Жюссерана, посла Франции в США, адресованное министру иностранных дел Франции А. Бриану, 28 февраля 1921 г.)[1]

В связи с появлением огромного количества беженцев весной 1921 г. Лига Наций предприняла шаги к созданию специализированного института, который занимался бы именно этими вопросами, - Верховного комиссариата Лиги Наций по вопросам беженцев и военнопленных при Международном бюро труда.

На пост верховного комиссара Совета Лиги Наций по вопросам беженцам и военнопленным по инициативе Международного Красного Креста и Алексинского И. П. была выдвинута в июне 1921 г. кандидатура известного норвежского исследователя и гуманиста Ф. Нансена. Были определены основные задачи Верховного комиссариата: распределение русских и армянских беженцев по территориям отдельных государств; обеспечение их правовой защиты; оказание им первой помощи при их устройстве и обеспечение им постоянного местожительства; регламентированная трудовая реализация при поддержке Международного бюро труда.[2] Учитывая большой наплыв беженцев из Армении и России, Верховный комиссариат с 1924 г. включил в сферу своей особой компетенции армянских беженцев, которые в большом количестве прибывали в Западную Европу.

В начале 1920-х гг. французское правительство – главный инициатор создания Верховного комиссариата по дела беженцев – стало адресатом многочисленных меморандумов, в которых представители различных гуманитарных, политических и благотворительных обществ и ассоциаций эмигрантов рассказывали о положении русских, армянских и других беженцев. Эти записки содержали количествен-

---

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.77.

[2] Ц. Кёсева. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы / Пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. С. 50-51.

ные оценки числа беженцев в Европе или Франции, они стали первой количественной базой, на которую смогло опереться французское правительство в своих расчетах. Международный комитет Красного Креста, Российское общество Красного Креста, различные русские и армянские благотворительные организации предлагали собственную оценку числа русских и армянских беженцев, находившихся во Франции в 1920-х годах. Хотя многих армянских эмигрантов регистрировали во Франции как турок, так как они прибыли из Османской империи, ясно было одно – армян насчитывались десятки тысяч человек в различных городах и районах страны.[1]

В связи с большим наплывом армян в Европу Верховный комиссариат Лиги Наций по вопросам беженцев и военнопленных, обратил большое внимание, их проблемам. Для доставки армянских эмигрантов во Францию были задействованы грузовики, поезда, пароходы. Основная масса армянских беженцев прибыла во Францию в 1918-1923 годах. В Марселе, Лионе, Париже и других местах были развернуты приемные пункты, палаточные лагеря. Активно к приему армянских беженцев подключились французские власти, различные армянские и русские благотворительные организации.

С целью более прочного устройства апатридов Нансеновский комиссариат дал рекомендации странам, принявшим у себя большое количество русских и армянских беженцев, начать выдавать им специальные документы – так называемые нансеновские паспорта. Этот документ служил удостоверением личности его владельца и подтверждал его статус лица без гражданства. Он выдавался на год, после чего, если не было причин к высылке лица из конкретной страны, срок действия документа продлевался еще на год и т. д. Этот нансеновский паспорт обеспечивал беженцам право на свободное передвижение из страны в страну после выдачи соответствующих виз. Страна, в которой жил эмигрант, обязана была признать такой паспорт как полноценный документ при условии, что его владелец соблюдал все предписания, касающиеся его оплаты при получении и продлении, либо получении вида на жительство. Вместо герба, символизирующего власть соответствующего государства и придающего ему законную силу, на этом паспорте наклеивалась марка с портре-

---

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 113-114.

том Ф. Нансена. Половина суммы, собранной от беженцев при приобретении ими марок (называвшихся также «нансеновский взнос»), предоставлялась Нансеновскому комиссариату в Женеве, другой половины суммы располагала обычно какая-либо из больших эмигрантских организаций в соответствующей стране.[1]

Вновь созданный международный институт проделал большую работу по изготовлению удостоверений личности для лишившихся подданства русских и армян. После проведенной большой подготовительной работы нансеновские паспорта стали выдавать армянским и русским беженцам во Франции с 1 января 1923 г.[2]

Учитывая большую важность проблемы, Верховный комиссар Ф. Нансен подготовил специальный доклад по вопросу армянских и русских беженцев, представленный им VII Ассамблее Лиги Наций (АРСЕН) 3 сентября 1926 г. В нем говорилось: «Вопрос паспортов напрямую связан с вопросом эмиграции. Теперь, когда беженцы располагают документом, имеющим законную силу и позволяющим им путешествовать, следующим этапом на пути окончательного решения беженского вопроса, является их размещение в странах, способных предложить им работу.

Первый руководитель комиссариата Ф. Нансен привлек к выработке международной политики по проблемам армянских беженцев общественных деятелей, различных специалистов. Все это позволило создать Центральную комиссию по изучению положения русских и армянских беженцев, образованную в 1926 г. при Лиге Наций.

Решение о создании комиссии было принято на заседании Консультативного комитета частных организаций 9 сентября 1926 года.

В комиссию, возглавляемую Ж. Морелле, вошли три армянских специалиста (Г. Синапян, А. И. Хатисян, Л. Пашалян) и четыре русских специалиста (Б. Э. Нольде, Я. Л. Рубинштейн, А. Н. Мандельштам, К. Н. Гулькевич). Все они активно участвовали в обсуждениях, развернувшихся в 1921-1923 годах.

Перед русскими и армянскими экспертами стояла задача подготовить текст, который удовлетворил бы все заинтересованные стороны и мог быть принят без возражений и переделок. На протяжении двух лет работы рассматриваемые предложения регулярно обсужда-

---

[1] Ц. Кёсева. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы / Пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. С. 123-124.
[2] ГАРФ РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 147-148.

лись с Верховным комиссаром, который, со своей стороны, направил всем правительствам список вопросов, касающихся юридического положения беженцев в соответствующих странах.[1]

В результате проведенной работы этой комиссии были подготовлены соответствующие документы. Представленное в 1928 г. Правительствам Соглашение по вопросу о статусе русских и армянских беженцев полностью повторяло содержание меморандума консультационной Комиссии русских и армянских юристов. («Меморандум от 21 мая 1928 года, представленный Комитетом русских и армянских экспертов-юристов по вопросу о правовом статусе беженцев». Этот текст опирался на предложения, высказанные Консультативным комитетом в резолюции от 7 сентября 1927 г.).

К сентябрю 1929 г. данное Соглашение было ратифицировано одиннадцатью государствами. Франция и Бельгия согласились на то, чтобы представитель Лиги Наций удостоверял документы, выдаваемые офисами беженцам. Тем не менее, правительства этих двух стран уточняли, что назначение представителя будет осуществляться министрами иностранных дел, а не Нансеном, что сводило к минимуму влияние Лиги Наций.[2]

Франция ратифицировала соглашение 21 мая 1929 г. Назначенный ею Представитель Верховного комиссара получал жалованье от секретариата Лиги Наций и обладал статусом, близким к консульскому. Представителем Нансена во Франции стал Марсель Паон, который гарантировал законный статус тем, кто стремился остаться «лицом русского или армянского происхождения».[3]

На протяжении 1920-х годов Франция среди стран Европы стояла на первом месте по числу армянских эмигрантов. Эта страна, принимая беженцев, решала свои задачи. Это было связано с тем, что Франция понесла большие людские потери во время Первой мировой войны. Она после окончания войны с 1918 г. развернула крупномасштабные восстановительные работы и стремилась быстрее залечить

---

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С..254-255.

[2] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы); пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 258-259.

[3] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы); пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 260-261

раны войны. К тому же низкая рождаемость и сокращение продолжительности рабочего дня – все это предопределило массовый приток армян. В первое послевоенное десятилетие дефицит рабочих рук делал неизбежным привлечение армянских эмигрантов.

Каждый армянский или русский беженец, оставшийся во Франции более двух месяцев, обязан был исхлопотать себе картд иденте, документ, замещающий эмигранту паспорт. Человек, получивший такую карту, имел право выписывать родственников (до двоюродных братьев и сестер) из других стран. При этом для получения права на работу и само рабочее место необходимо было согласие работодателя виде предварительного контракта. Рабочий был обязан отработать свой контракт. Но здесь появлялась возможность варьировать полученным разрешением на работу. Эта возможность заключалась в том, что обладатель контракта, с обязательного согласия работодателя, мог теперь работать по данной профессии на любом другом предприятии. Юридически здесь было все по закону, поэтому некоторые работодатели откликались на просьбы эмигрантов, выписывали контракты и затем не настаивали на отбывании трудового срока, на своем предприятии. Наличие контракта предполагало оформление так называемой рабочей карты (ресеписсе), первое время заменявшей картд иденте. Профессия рабочего или служащего вписывалась в основную карту на основании записи в рабочей карте. Перемена профессии без специального разрешения допускалась через год после получения картд иденте.[1]

Учитывая наличие различных предприятий и организаций, принадлежавших армянам, прибывшим ранее, данными возможностями пользовались многие армянские беженцы. Армяне при поддержке своих родственников, друзей и знакомых делали себе документы, находили рабочие места и таким образом успешнее проходили адаптацию во Франции..

В тридцатые годы ситуация изменилась из-за того, что Франция уже решила свои основные проблемы восстановления. К этому времени армянские беженцы уже были устроены на работу благодаря помощи государственных органов и армянских общественных организаций.

---

[1] Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы: СПб., Сударыня, 2006. С. 134-135.

В целом Франция приняла наибольшее количество армянских беженцев, и стала настоящим центром армянского зарубежья в Европе. Париж стал главным партнером Верховного комиссариата по делам не только русских, но и армянских беженцев.

Все эти обстоятельства способствовали тому, что многие армянские эмигранты стали называть Францию своей второй родиной. Французское государство фактически стало защитницей интересов армянских эмигрантов прибывших в эту страну после страшной резни, организованной турецкими властями в Османской империи и Армении.

Большую работу по правовой адаптации провел Центральный офис по делам русских беженцев, который был создан при поддержке правительственной комиссии под председательством сенатора Монзи. Межминистерский циркуляр, подписанный 9 мая 1925 года, узаконил создание этого офиса. Эти циркуляром всем государственным органам Франции рекомендовалось признавать за документами, удостоверяемыми новым учреждением, силу «сертификатов административного назначения, принимаемых в качестве достойных доверия документов частного характера». Действие этого циркуляра стало распространяться на действия и Центрального армянского офиса, созданного позднее и работавшего в тесном контакте с Центральным офисом по делам русских беженцев.

Центральный офис по делам русских беженцев представлял собой важную инновацию: государство подтверждало полномочия иностранной частной организации и наделяло ее важными функциями. Прежде всего, в области выдачи и подтверждения документов, удостоверяющих личность. Создание этого учреждения, явившиеся продолжением необычной для Франции политики, означало санкционирование на государственном уровне деятельности представительств русской диаспоры – причем именно в тот момент, когда власти особенно опасались формирования в стране инородных меньшинств. В случае русских, а затем армянских беженцев республиканская традиция сумела найти оригинальный ответ на беспрецедентную ситуацию. Создав Офис, французское правительство способствовало укреплению позиций посредников, игравших роль динамичного связующего звена между диаспорой и государством.

Центральный офис по делам русских беженцев был уполномочен удостоверять личность и статус «русского апатрида», заверять любые документы, имеющие отношение к гражданскому состоянию,

подтверждать подлинность дипломов, выдавать справки о «респектабельности» (в них могли фигурировать сведения о дворянских титулах, должностях, занимаемых ранее в России). До конца двадцатых годов Центральный офис действовал под эгидой Министерства иностранных дел, которое выработало специальное положение, призванное адаптировать статус апатридов к требованиям французской администрации. Несмотря на значительную автономию, Центральный офис должен был упоминать документы, на основании которого была выдана справка.[1]

Центральный офис по делам русских беженцев оказывал большую помощь не только русским, но и армянским беженцам. Этот аспект был специально оговорен и закреплен за Офисом. Его совместная работа с Центральным армянским офисом, позволяла армянским эмигрантам получить соответствующие документы, потерянные во время срочного выезда из мест проживания, когда приходилось бросать все.

Введение нансеновских паспортов в 1923 г. позволило армянским беженцам беспрепятственно передвигаться по Франции и в случае необходимости выезжать в другие страны.

Все эти обстоятельства способствовали успешной правовой адаптации армянских беженцев. Благодаря помощи международных организаций, Нансеновского комитета, Центрального офиса по делам русских беженцев, Центрального армянского офиса, армянские эмигранты смогли получить нужные документы, найти работу по специальности, обучать детей, решать имущественные вопросы.

Успешной правовой адаптации армянских беженцев способствовало введение нансеновских паспортов в 1923 г. Это позволило армянским эмигрантам беспрепятственно передвигаться по Франции и даже выезжать в другие страны мира.

Список использованной литературы и источников:

1. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) /Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014.

---

[1] Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы); пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер.- М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 271-272

2. Положение беженцев в мире. 2000: Пятьдесят лет гуманитарной деятельности /УВКБ ООН; гл. ред. и авт. М. Катс. – Интердиалект – Geneva. 2000. 362 с. ил.
3. Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы: СПб, «Сударыня», 2006. 354 с.
4. Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы /Пер. с болг. Науч. ред. Е. В. Михайлова. М., Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь. 2008. – 312 с.
5. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 25. Опись 1. Дело 1.
6. ГАРФ ФР. Ф. Р.-7067. Оп. 1. Д. 67.
7. Интернет: URL: http: // noev-kovcheg.ru/mag/2011-10/2591.html. Дата обращения 20.04.2015.

Пеньковский Д. Д. –Национальный институт бизнеса
Арутюнян А. С. Московский гуманитарный университет[1]

ЛИКВИДАЦИЯ ОРГАНИЗАТОРОВ МАССОВЫХ УБИЙСТВ АРМЯНСКОГО НАРОДА (1915-1925 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается одна из мало исследованных проблем массового убийства армян в Османской империи и Армении в ходе и после геноцида армян в 1915-1925 гг. Некоторые аспекты причин и хода геноцида армянского населения рассматриваются впервые. Особое внимание в статье уделено вопросам суда над лидерами младотурок, которые совершили это чудовищное преступление против армянского народа и их ликвидации в различных частях Европы и Азии.

Ключевые слова. Геноцид армянского народа, массовые убийства армян, Османская империя, Армения, Берлин, Рим, Средняя Азия, суд, трибунал, акты возмездия.

В XX веке эмиграционные процессы в различных странах мира во многом были связаны с войнами, революциями и военными конфликтами. Массовые убийства во многих странах мира проходили по различным и часто трагичным сценариям.

[1] Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом науки и формирования у обучающихся высоких профессиональных качеств АНО ВО «Национальный институт бизнеса»; Арутюнян Арсен Самвелович, аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

2. Положение беженцев в мире. 2000: Пятьдесят лет гуманитарной деятельности /УВКБ ООН; гл. ред. и авт. М. Катс. – Интердиалект – Geneva. 2000. 362 с. ил.
3. Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы: СПб, «Сударыня», 2006. 354 с.
4. Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы /Пер. с болг. Науч. ред. Е. В. Михайлова. М., Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь. 2008. – 312 с.
5. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 25. Опись 1. Дело 1.
6. ГАРФ ФР. Ф. Р.-7067. Оп. 1. Д. 67.
7. Интернет: URL: http: // noev-kovcheg.ru/mag/2011-10/2591.html. Дата обращения 20.04.2015.

Пеньковский Д. Д. –Национальный институт бизнеса
Арутюнян А. С. Московский гуманитарный университет[1]

ЛИКВИДАЦИЯ ОРГАНИЗАТОРОВ МАССОВЫХ УБИЙСТВ АРМЯНСКОГО НАРОДА (1915-1925 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается одна из мало исследованных проблем массового убийства армян в Османской империи и Армении в ходе и после геноцида армян в 1915-1925 гг. Некоторые аспекты причин и хода геноцида армянского населения рассматриваются впервые. Особое внимание в статье уделено вопросам суда над лидерами младотурок, которые совершили это чудовищное преступление против армянского народа и их ликвидации в различных частях Европы и Азии.

Ключевые слова. Геноцид армянского народа, массовые убийства армян, Османская империя, Армения, Берлин, Рим, Средняя Азия, суд, трибунал, акты возмездия.

В XX веке эмиграционные процессы в различных странах мира во многом были связаны с войнами, революциями и военными конфликтами. Массовые убийства во многих странах мира проходили по различным и часто трагичным сценариям.

[1] Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом науки и формирования у обучающихся высоких профессиональных качеств АНО ВО «Национальный институт бизнеса»; Арутюнян Арсен Самвелович, аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

Но в истории массовых убийств народов особняком стоит геноцид армянского населения, начавшийся после трагических событий в 1915 г. в Османской империи и Армении.

В течении 1915-1923 гг. воспользовавшись международной политической ситуацией, сложившейся в ходе и после Первой мировой войны младотурецкое руководство Османской империи, а позднее кемалисты совершили спланированную программу геноцида армянского народа. Вследствие чего были убиты и депортированы из мест проживания около трех миллионов армян, греков, айсоров Оставшееся безнаказанным злодеяние, которое мировое сообщество квалифицировало как преступление против человечности и цивилизации, ставшее прецедентом для других геноцидов, совершенных в течение двадцатого века.

Характер чудовищных преступлений 1915 г. никак не соответствует той трактовке фактов, которую предлагают власти современной Турции… Погибли более полутора миллионов этнических армян. Руководство современной Турции и действующие под их покровительством и контролем научные круги всячески отрицают исторический факт геноцида против армянского народа.

Все началось в конце XIX века, когда массовому геноциду предшествовали убийства армян в Сасуне, Стамбуле, Трабзоне, Эрзинджане, Эрзеруме, Гюмюшхане, Байбурте, Урфе и Битлисе и других местах Турции. В 1905 году в Баку во дворе армянской церкви были убиты тысячи армян.[1]

Позже в 1909 г. тысячи армян были заживо сожжены турками в католической церкви в Адане. 30 000 армян стали жертвами погромов, а число бездомных беженцев достигало 35 000 человек.[2]

Эти погромы стали следствием целенаправленной программы младотурок, пришедшим на смену реакционного абдулгамидовского режима и в определенном смысле прологом геноцида 1915-1923 гг. Руководство Османской империи, а затем Турции спровоцировали волну насилия и массовых истреблений армянского народа. Были организованы беспрецедентные массовые убийства и погромы армян. Все имущество армян было захвачено организаторами геноцида.

Ход Первой мировой войны привел к серьезному осложнению положения Турции. В середине 1915 г. британско-французские силы

---

[1] The Graphic. 1905. 21 октября.
[2] The Spectator. 1909. 8 мая.

атаковали Дарданеллы. В связи с этим в Стамбуле начались подготовительные мероприятия для переноса столицы в Эскишехир и эвакуации местного населения. Боясь присоединения армян к союзникам, правительство Османской империи начало в марте 1915 г. депортацию и массовые убийства армянского населения. Всех, кто оказывал сопротивление депортации, турецкие войска убивали на месте. В апреле 1915 г. в окрестностях Ванна было убито около 50 000 армян. Главную роль в уничтожении армян играла расположенная в Эрзеруме «Особая организация» - Тешкилят-и Махсуса, насчитывающая до 34 000 членов и в значительной степени состоявшая из выпущенных из тюрем преступников.

18 апреля 1915 г. в окрестностях Эрзерума состоялся массовый турецкий митинг, на котором армян обвинили в предательстве, а помогающим им мусульманов предупредили о том, что они также разделят судьбу армян. В течение следующих недель армяне Эрзерумской области стали объектом серии нападения турок. В середине мая 1915 г. произошла резня в Хынысе и его окрестностях, где было убито 19 000 армян. Армяне из других деревень области депортировались в Эрзерум, большинство из них по дороге умерло от голода, жажды и истощения, а оставшихся в живых сбрасывали в реку со склонов ущелья Кемах. Большинство из 65 тысяч армянских жителей Эрзерума в течение июня-июля 1915 г. было депортировано и убито в ущелье Кемах, остальных депортировали в Алеппо, и Мосул, где некоторым удалось выжить. В июле 1915 г. уже в южной части Турции также началось преследование армян. В ходе этой операции в городе Битлисе было убито около 15 тысяч армян. Затем в пригородах Битлиса началось уничтожение представителей армянских общин. Мужское население было убито, а женщин и детей сгонял в здания и заживо сжигали. В городах на побережье Черного моря армян грузили на корабли и затем топили в море. В Харпуте, вместе с 13 тысячами армян были убиты студенты и преподаватели Ефратского и Анатолийского колледжей. Выполняя установку об уничтожении армян на юге, турецкие военнослужащие согнали армянских женщин и детей и издевательски гоняли их по пустыне Дер Зор. В результате до 150 тысяч человек погибло от голода, жажды или были убиты по дорогам пустыни.[1]

---

[1] Новое время. Ереван. 2015. 28 апреля. № 2558 (44). С. 2.

Константинопольский армянский патриарх докладывал каталикосу в Эчмиадзин в октябре 1915 г., «что по сие время в Турции перебито 850 000 армян. Безоружных людей убивают, истребляют, как мух, только потому, что эти люди стремятся к свободе… План истребления армян в Турции, выработанный «конституционными» младотурками при содействии германских офицеров, систематически приводится в исполнение и, весьма возможно, в ближайшем будущем настанет день, когда в Турецкой Армении не останется ни одного армянина. Число армян в Турции, по данным последней статистики, не превышает 1 200 000 душ. Если число армян, бежавших в Россию, достигает 200 000 человек, то, следовательно, в стране осталось не более 300 000 армян».[1]

К концу лета 1915 г. значительная часть армянского населения Османской империи была убита. Уничтожение армян в центральной и западной Анатолии продолжалось и после августа 1915 г. Французские газеты уже в декабре 1915 г. сообщали о резне более одного миллиона армян, которая, по их мнению, была осуществлена такими жестокими способами, которые до сих пор не были известны в человеческой истории.[2]

Потери армян, погибших в 1915 г. в ходе различных спецопераций турецких властей, мнения исследователей расходятся. По данным немецкого миссионера Иоганнеса Лепсиуса было убито до 1 100 000 человек. Эрнст Зоммер из «Немецкого союза помощи» (Deutscher Hilfsbund fur christliches Liebeswerk im Orient) оценил число депортированных в 1 400 000, а оставшихся из них в живых – в 250 000. Согласно Армену Марсубяну большинство историков оценивают количество жертв от 1 до 1,5 миллиона человек. Профильные энциклопедии дают следующие оценки: «Encyclopedia of Genocide» - около 1 миллиона к 1918 году, «Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity» - около 1,2 миллиона погибших.[3]

В нескольких номерах журнала The World-s Work за 1918 г. была сделана публикация серии материалов, описывающих события Геноцида армян. В журналах были опубликованы отрывки из мемуаров Генри Моргентау, посла США в Османской империи в 1913-1916 гг. В этих журналах Генри Моргентау сообщал, что мучения армян были

---

[1] Журнал «Искры», Москва, 1915, 18 октября.

[2] Le Petit Journal. Paris.1915. 19 декабря.

[3] Интернет URL: http: // Documents and Settings /VAL/ Геноцид армян – Википедия. Электронная энциклопедия. Дата обращения 25.03.2015.

намного большими, чем подобные случаи известные до этого истории. В этих материалах отмечалось, что все акции Геноцида были заранее спланированы турецкими властями. С учетом наличия огромных проблем армянских беженцев американский Красный Крест оказывал им гуманитарную помощь, он подготовил специальный выпуск Красного Креста и организовал сбор средств для армян, ставших жертвой турецкого насилия.[1] Американцы сняли фильм «Аукцион душ», в котором снялась Аршалуйс Мардиганян. Фильм демонстрировался в благотворительных целях, а весь сбор – 30 миллионов долларов был использован для помощи пережившим Геноцид.[2]

Папа Римский Бенедикт XV озабоченный страшными последствиями Геноцида несколько раз обращался с письмами к султану Османской империи с просьбой прекратить мучения и резню армян.[3]

Многие французские газеты в те годы выступили против Геноцида, развязанного в Османской империи. В ряде газет были открыты специальные рубрики, посвященные Геноциду армян, где отмечалось, что в послевоенных условиях 1919 года в Османской империи продолжается резня армян.[4] В объемной редакционной статье под названием «Исследование Le Petit Parisien относительно армянских погромов» как достоверное свидетельство очевидца приведена телеграмма специального корреспондента газеты с подробным описанием ужасающей резни армян. В газете отмечается, что с лета 1915 г. по осень 1918 г. в Османской империи убито около 1,5 миллиона армян, ставших жертвами турецкого ятагана, тогда как в течение четырех лет войны на некоторых фронтах столько человеческих жизней не унесло даже огнестрельное оружие. В статье подчеркнуто, что подобная резня не могла быть случайной и незапланированной, а ответственными названы Энвер, Талаат, Джемаль.[5]

Таким образом, можно сделать вывод, что геноцид турецких властей против армянского народа, проводившийся в 1915 году, привел к гибели более 1,5 миллиона человек, что стало причиной массовой эмиграции армян из Османской империи и Армении в различные страны Европы, Азии и Ближнего Востока. Армянское население в ужасе бежало из районов, где турки проводили массовые убийства.

---

[1] The Red Gross Bulletin. Washington. 5 мая 1919 г. №19.
[2] The Amerikan Weekly.Вашингтон. 1919. 12 января.
[3] La Tribuna Illustrata. Рим. 1914 г. 13-20 сентября
[4] Le Feu. Париж.1919, 15 февраля.
[5] Le Petit Parisien. Париж. 1919. 2 января.

Армяне уходили, бросая дома, скот, сады, поля лишь бы только спастись от неминуемой смерти. Это был первый массовый исход целого народа в начале XX века.

Необходимо отметить, что убийство 1,5 млн. армян турками не осталось безнаказанным. Декретом Османской империи от 16 декабря 1918 г. лидеры партии «Единение и прогресс» и ряд видных деятелей младотурецкого правительства были преданы суду. Им было предъявлено обвинение в вовлечении Турции в войну и геноцида армян. Среди обвиняемых был бывший великий визирь, председатель партии «Единение и прогресс» Саид Халим - паша, министр внутренних дел Талаат, военный министр Энвер, министр военно-морского флота Джемал, члены генерального совета Ибрагим Шюкри, Халил и Ахмет Нессими, глава центрального аппарата тайной организации «Тешкилати махсуссе» доктор Бехаэтдин Шакир и другие. Члены трибунала единогласно решили приговорить лидеров партии «Единение и прогресс» к смертной казни. Но приговор был заочным, так как все они бежали.

Особое решение по наказанию организаторов массовых убийств армян было принято в Армении. Осенью 1919 г. в Ереване состоялся IX съезд партии Дашнакцутюн, на котором было принято решение о приведении в исполнение смертных приговоров в отношении главарей младотурок и предводителей мусаватистского Азербайджана, повинных в осуществлении геноцида армян. Было рассмотрено 650 имен исполнителей и пособников геноцида. Из них был отобран 41 главный виновник. Операция получила название «Немезис» (Немезида – имя греческой богини возмездия). Для осуществления операции был образован ответственный орган, возглавляемый послом Армении в США Арменом Гаро. Оперативное руководство и материальное обеспечение было поручено Шаану Натали и Григору Мержанову.

Еще до создания группы «Немезис» Декретом Османской империи от 16 декабря 1918 г. лидеры партии «Единение и прогресс» и ряд видных деятелей младотурецкого правительства были преданы суду. Им было предъявлено обвинение в вовлечении Турции в войну и организации депортации и геноцида армян. В феврале 1919 г. в Константинополе начался судебный процесс над младотурками. Среди обвиняемых были бывший великий визирь, председатель партии «Единение и прогресс» Саид Халим-паша, министр внутренних дел Талаат, военный министр Энвер, министр военно-морского флота Джемал, члены генерального совета Ибрагим Шюкри, Халил и Ахмет

Нессими, глава центрального аппарата тайной организации «Тешкилати махсуссе» доктор Бехаэтдин Шакир и другие. Члены трибунала единогласно решили приговорить лидеров партии «Единение и прогресс» к смертной казни. Но приговор был заочным, так как все они бежали.

В приговоре турецкого трибунала говорилось: «… Доктор Бехаэтдин Шакир отправился в Тапезунд, Эрзрум и другие вилайеты в качестве председателя Специальной организации, состоящей из чете (нерегулярных войск) и преступников, освобожденных из тюрем. Взяв на себя руководство этими отрядами, он явился автором массовых убийств и хищений.

Члены группы «Немезис» вели розыск преступников по всей Европе. 15 марта 1921 г. Согомон Тейлерян долго искал, выследил и застрелил в Берлине Талаата. Затем Григор Мержанов и Грач Папазян после длительного розыска нашли некоторых лидеров младотурок в Берлине. Они начали следить за бывшим губернатором Трапезунда Джемалом Азми, который прославился необыкновенной, чудовищной жестокостью по отношению к армянам. В приговоре турецкого трибунала о нем говорилось: «Часть женщин и детей по его приказанию оставили в Трапезунде, разместив в больницах и домах дервишей, якобы с намерением защитить их. Во многих местах женщин и даже девочек, собранных в группы, посадили на баржи под предлогом отправки в другое место. Но как только баржи исчезли из виду, эти женщины и дети были сброшены в воду и утоплены. 17 апреля 1921 г. Аршавир Ширакян и Арам Ерканян убили в Берлине Джемала Азми и Бехаэтдина Шакира.

В это же время в Риме Аршавир Ширакян разыскивал Саида Халим –пашу – сатрапа, подписавшего документ о резне и высылке армян, премьер-министра правительства «Иттихад ве таракки». Его поиск увенчался успехом, он нашел его, когда тот ехал по улице на экипаже. Схватив узду, Аршавир Ширакян остановил лошадей, вскочил в экипаж и выстрелил в голову Саида Халим – пашу. Воспользовавшись начавшейся суматохой, Ширакян сумел уйти от преследования.

19 июня 1920 г. Арам Ерканян в Тифлисе убрал разгуливавшего по проспекту Фатали хана Хойского, виновного в резне армян в Баку и в Шуше в сентябре 1918 г.. 19 июля 1921 г. Мисак Торлакян нашел

и уничтожил в Консантинополе Бехбуд хана Дживаншира – того, кто резал армян в Шуши.[1]

Члены группы «Немезис» долго вели розыск Энвера-паши по Европе, но нашли его в Средней Азии. После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции Энвер-паша, отступил с восставшими басмачами в Восточную Бухару. Отряды Красной Армии в сложных условиях Средней Азии искали отряд Энвера-паши, который постоянно менял свою дислокацию и метался по округе. В конечном итоге отряд басмачей был настигнут и разбит в одном кишлаке. В рапорте командира дивизиона 13 корпуса говорилось, что недалеко от кишлака, где был расположен штаб противника, мною был выделен один эскадрон и послан в обход, чтобы отрезать путь на случай отступления противника. В пять часов утра дивизион пошел в атаку, но был встречен оружейным огнем противника. Нашим пулеметным огнем противник был сбит и беспорядочно бежал.

Штаб басмачей во главе с Энвер-пашой бросился в горы, но наткнувшись на эскадрон, посланный в обход, принял бой. В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на месте. Среди трупов опознан, и Энвер-паша. Ударом шашки у него снесена голова и часть туловища. Его собственноручно зарубил командир бригады Акоп Мелкумов.[2]

Таким образом, можно сделать вывод, что основных организаторов геноцида турецких властей против армянского народа в 1915-1920-х гг., постигло неотвратимое историческое возмездие. Было приведено в исполнение решение турецкого трибунала о смертной казни основных организаторов массовых убийств армянского народа.

На мероприятиях, посвященных 100 - летию геноцида армянского народа на мемориале в Цицернакаберде особо отмечалось, что армяне выступают против террора, но турецких организаторов массовых убийств армян настиг суд неотвратимого исторического возмездия. Такие факты преступлений против человечности и цивилизации нельзя забывать, надо помнить эти уроки истории и не допускать в современных условиях. Уроки разгрома Югославии, Ливии, Ирака, события в Сирии, массовая эмиграция в страны Европы из Ближнего Востока и Африки говорят, что человечеству надо беречь мир, доби-

[1] Новое время. Ереван. 2015. 28 апреля. № 2558 (44). Статья «Возмездие. Бесславный конец». С. 6-7

[2] Новое время. Ереван. 2015. 28 апреля. № 2558 (44). Статья «Возмездие. Бесславный конец». С. 7

УДК 070.4, 82.091
DOI: 10.17223/24099554/15/15

Т.Р. Даниелян

РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ВОСПРИЯТИИ АРМЯНСКОЙ ПРЕССЫ ТИФЛИСА (1865–1918 гг.)

Анализируется журналистская критика, представленная в армянской периодической печати и обращенная к русской и русскоязычной журналистике. При рассмотрении большого текстового материала информационно-аналитического жанра выявлен обобщенный образ русской прессы. Армянские журналисты и публицисты, признавая лидерство русской и русскоязычной печати, одновременно подчеркивали и ее размежевание от иноязычной периодики. По их мнению, столичная пресса не занималась проблемами и достижениями других народов и не выполняла функцию межкультурной коммуникации, тифлисская русскоязычная пресса была отчуждена от общества, маргинализирована, а некоторые периодические издания разжигали вражду между народами.

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказское наместничество, периодическая печать, коммерциализация, консервативная печать.*

Введение

Восточноармянская периодическая печать сформировалась в информационно-коммуникативной системе Российской империи, однако особенности ее развития были обусловлены также событиями исторического прошлого армянского народа. Параллельно с этим формировались или преобразовывались политические и аксиологические идеалы, генерируемые в армянской прессе, одним из главных центров которой был многонациональный Тифлис.

Начиная с 1846 г., когда в Тифлисе вышла в свет армянская версия газеты «Кавказ», под пристальным вниманием армянских журналистов и публицистов были история печати, тенденции развития и актуальные проблемы мировой прессы, которую не раз называли

«шестым крупным государством Европы» [1]. Представители армянской интеллигенции, ссылаясь на идеи зарубежных коллег, отмечали, что показателем цивилизованности народа является состояние газетной и книгоиздательской индустрии, а литературу и прессу весьма часто воспринимали как целостное явление, совершенствование которых станет продуктивным для развития малых народов в частности и государства в целом. Именно эти факторы способствовали формированию журналистской критики в армянских изданиях, которая изначально была **литературоцентристской**.

Как замечают российские исследователи, журналистская критика (или медиакритика) XIX в. зарождается как саморефлексия: «Первые отчетливые ее проявления можно заметить в таких жанрах, как объявление <…> и редакторская статья» [2. С. 215]; рефлексия, которая отражается на страницах периодической печати по поводу профессиональных качеств журналиста и «предназначения его деятельности» [3. С. 93].

В поле зрения журналистской критики дореволюционной эпохи находились разные проблемы столичной и провинциальной прессы: феномен журнализма, оценочные размышления, связанные, прежде всего, с качеством информационно-литературной продукции, «с ее вероятным и реальным воздействием на аудиторию» [4. С. 136]. Немаловажными были также характер прессы, ее общественно-политическая позиция, проблематика, стилистический контекст, взаимоотношения «издания и его адресата на этико-эстетическом уровне» [5. С. 360].

Эти вопросы весьма часто обсуждались на страницах периодических изданий Тифлиса, но в них присутствовал ярко выраженный этнический аспект. Армянские публицисты периодическую печать называли зеркалом общества, в котором заметны не только внешний вид и силуэт нации, но и его душа, и внутреннее предрасположение к актуальным проблемам [6]. Именно в этом направлении развивалась журналистская критика на страницах армянских изданий, настрой которых зависел также от национальных интересов армянского народа и идеологических убеждений издателей газет и журналов. Вместе с тем критика целенаправленно служила своеобразным выразительным средством для создания образа русской печати для армян и носителей армянского языка.

Постановка вопроса

Бурное развитие журналистской критики в центре Кавказского наместничества наблюдается с 1860-х гг., когда в сфере печати происходят законодательные реформы, либерализация социально-политической жизни, «расширяются границы прежде дозволенного, границы высказывания и границы полемики» [7. С. 219]. Все это создало благоприятные условия для издателей и журналистов, которые в своих критических материалах начали формировать оценочное отношение «к различным культурным явлениям, либо к их отдельным аспектам» [8. С. 236], осуществляли постоянную ревизию действующих социально-культурных и иных нормативов в сфере периодической печати [9. С. 40].

Газета «Кавказ» как выразитель официальной точки зрения администрации Кавказского наместничества до 1880-х гг. освещала вопросы развития армянской и грузинской периодики. Но если в 1860-е гг. эти статьи имели историко-сравнительный характер с нейтральным и более объективным аналитическим подходом и методологическими рекомендациями, то в 1870-е гг. журналистская критика становится более субъективной, что обусловлено развитием рынка кавказской прессы, на котором, наряду с уже существующими органами печати, появляются новые газеты на русском и местных языках. Большинство из них просуществовали недолго, но сыграли большую роль в общественно-политической и социальной жизни Кавказа.

Фактически происходит стратификация газетного рынка, что повлияло также на содержание журналистской критики, которая обретала более полемиченый характер. Довольно спорным становится вопрос о взаимоотношениях центральной и местной прессы, который всякий раз при обсуждении на страницах тифлисских газет «перерастал в дискуссию об общественном назначении периодической печати вообще, о свободе слова и т.д.» [10. С. 85].

Армянская пресса Тифлиса также реагировала на содержательные, организационные, рыночные и идеологические изменения, которые происходили в системе периодической печати Российской империи, и активно участвовала в полемических дискуссиях, связанных с актуальными проблемами газетной печати.

По оценке армянских публицистов, представители прессы и литературы являлись «пасынками» Российской империи, поскольку газетное и книжное дело как виды предпринимательской деятельности были в неравных условиях: если обычные граждане за свои поступки несли ответственность перед судом, то издатели подвергались административному произволу [11].

Согласно армянской периодике определение «неродное» является единственной неотъемлемой характеристикой для всех периодических изданий, выпускаемых в империи. В других случаях наблюдался дифференцированный подход к журналистской деятельности, что было обусловлено программной политикой редколлегии газеты, идейной установкой, экономическими выгодами и межличностными отношениями. Критика журналистской деятельности, оценка критериев и обработка данных происходили «через осмысление опыта, своего и чужого» [12. С. 219].

С этой точки зрения особенно примечательным является анализ армянскими публицистами русской и русскоязычной журналистики, критика которой осуществлялась методами сопоставления, противопоставления, взаимосвязи и динамики развития [13].

Цели и задачи. Целью нашего исследования является проведение смысловой группировки статей, относящихся к русской и русскоязычной прессе. Данная цель предполагает также решение задачи, связанной с раскрытием основных содержательных акцентов указанных публикаций. Методологической основой работы стали методы группировки и лингвистического дискурсного анализа, который позволяет «выявить оценочные и идеологические установки» [14. С. 16] опубликованных текстов.

Новизна и актуальность. Новизна исследования состоит в том, что представления армянских изданий о русской периодической прессе до сих пор не были исследованы в полном объеме. Актуальность заключается в том, что на современном этапе в мощном информационном потоке аудитория пытается проявить критический подход не только к передаваемой информации, но и к ее адресанту.

Результаты

Армянские публицисты рассматривали русскую и русскоязычную прессу на макро- и микроуровнях. В первом случае в центре

внимания находилась столичная периодика – санкт-петербургская и московская, во втором – периодика, издаваемая в Тифлисе и других провинциальных городах. Следует заметить, что основной массив критического материала составляют статьи, написанные до начала 1900-х гг. С развитием газетного рынка журналистская критика постепенно уступила свое место более политизированным материалам, где дискуссия шла не о назначении и функционировании прессы, а о фактах и анализе различных громких событий, тех или иных вопросов, – материалам, которые печатались в русской и русскоязычной прессе и против которых выступали армянские журналисты в плане интерпретации этих фактов и аналитических данных.

Столичная пресса. Говоря о стиле работы столичной прессы, армянские публицисты подчеркивали закономерность ее превосходства и доминирующего положения, указывали на иерархичную подчиненность иноязычной прессы, но в то же время расширение системы периодической печати в России они связывали с развитием газетного дела в губернских городах. По их мнению, развитие печати на окраинах способствовало бы совершенствованию центральной печати [15].

На страницах армянских изданий почти всегда критиковалась односторонность, вертикальность информационного потока, что было обусловлено равнодушием столичной прессы к газетной и литературной деятельности других народов империи. Столичные газеты очень редко обращались к тифлисским газетам как к источникам информации об общественных и экономических реалиях региона [16], а если иногда переводили статьи из тифлисских изданий, то им казалось, что они делают одолжение и осуществляют своеобразную культуртрегерскую миссию.

Редактор армянской газеты «Мшак» («Работник») Григор Арцруни по этому поводу сетовал, что в обязанности столичных изданий входит также изучение социально-культурной и бытовой жизни народов тех далеких стран, которые присоединились к России [17]. В то же время Г. Арцруни признавал, что в этом также была вина русскоязычных газет Тифлиса, которые должны были стать проводниками общественного мнения, а также посредниками между центром и регионами в интересах Кавказа и для развития народов, проживающих в этом крае [18].

В то же время отмечался тот факт, что провинциальные издания других регионов России чаще печатают новости из Кавказского наместничества, подробно анализируют многие события и знакомят читателей с культурой и бытом жителей Южного края [19].

Противопоставляя русскую журналистику литературе, армянские публицисты отмечали, что русские писатели в основном стояли выше «корыстных намерений и партийного верноподданничества, желая только свободы слова и пера» [20], а русской журналистике свойственно стереотипное мышление (в частности, по отношению к другим нациям), коммерциализированность, а некоторым журналистам – меркантильная заинтересованность.

Стереотипное мышление русских журналистов объяснялось несколькими причинами. Во-первых, неправильным представлением о народах Кавказа и их культуре, что становилось причиной дезинформации и субъективного интерпретирования фактов. Во-вторых, русская пресса зачастую черпала информацию о кавказских народах из сочинений европейских путешественников, так же как заимствовала у европейцев информацию об американцах или африканцах, несмотря на то что армяне, грузины и турки (азербайджанцы) находятся «под ее носом». В-третьих, что более типично, средний класс русского общества, говоря о кавказских народах, воспринимал их стереотипно: армянина – это человек с большим носом, который любит деньги, грузины – высокие мужчины с черкеской, которые очень любят вино и женщин, а турки – черноглазые азиаты с кинжалом на поясе [21]. Именно из-за этих заблуждений столичных журналистов в Тифлисе иногда возникали межэтнические конфликты.

Говоря о коммерциализированности русской журналистики, армянские публицисты с негодованием замечали, что экономический фактор все больше играет главенствующую роль в системе газетной и книжной индустрии, а модель рыночных отношений двух столиц постепенно развивается и в Тифлисе. Как и многие деятели русской прессы, армяне тоже отмечали, что господство капитала в издательском деле может деморализовать прессу и сделать из нее игрушку в руках того или иного издателя, а это приведет к нравственному упадку печатного слова [22].

Армянские журналисты отмечали, что большая часть столичной прессы преследует только собственные коммерческие интересы, по-

тому что находится в руках корыстных издателей, которые чрезмерно расчетливы и даже экономят на зарплате постоянных сотрудников [23], что, в свою очередь, становится причиной меркантильности многих журналистов.

Армянские издатели с возмущением отзывались о русских издателях А. Суворине, Н. Нотовиче и В. Комарове, называя их политическими эксплуататорами имперской информационной системы, которые, управляя информационным потоком, субъективно-выборочным методом продавали новости газетам и журналам и манипулировали общественным сознанием: для них было важнее «таяние льда на Волге, чем события о мировых военных действиях» [24].

Особенно острым выступал вопрос о недобросовестной рекламе, которая из столичной прессы просачивалась в местные издания. Армянские журналисты фиксировали, что реклама и другие объявления часто заманивают читателей в ловушку, а это значит, что редакции изданий больше не несут ответственности перед читателем и фактически не выполняют свои общественные обязательства [25].

В 1870–1880-х гг. армянская печать имела два основных идеологических направления: консервативное и либеральное. Но по отношению к русской консервативной печати их взгляды очень часто совпадали, что было обусловлено национальными интересами.

В восприятии армянских журналистов, часть русской периодики, издаваемой в двух столицах и Тифлисе, придерживалась более строгой колониальной политики, что часто приобретало ксенофобный характер. Признавая, что русская консервативная пресса была более состоявшейся и, в отличие от либеральной прессы, развивалась по четкой идеологической программе, армянские публицисты считали представителей этого направления защитниками не национальной самобытности, а регресса.

Армянские издатели критиковали славянофилов за их двоякую и противоречивую деятельность. По их мнению, славянофилы, также как и либералы, объявляли, что духовная свобода, свобода слова, взаимосвязь и солидарность между властями и народом должны быть главными идеалами государства. Они также, как и многие, недолюбливали бюрократов, но когда дело доходило до той или иной законодательной реформы, славянофилы воспринимали этот факт с отвращением, отмечая, что нельзя заимствовать ценности

«гнилого Запада». По мнению армянского публициста Г. Арцруни, идеалом для славянофилов являлось патриархальное государство, основанное на моральных абстрактных принципах, без всякой правовой основы [26]. Для сравнения отметим, что армянская консервативная печать также критиковала западные ценности. Например, газета «Ардзаганк» («Эхо») писала, что слово «Европа» в печати как бы утратило свое географическое значение и стало символом некоего непостижимого блаженства, о котором часто говорят армянские просветители, не замечая, что «европейская цивилизация разрушила общественный уклад предков и вместо этого дала людям принцип индивидуального существования» [27].

Можно отметить, что критике подвергалась не только столичная русская пресса. Армянские издатели Тифлиса ревностно воспринимали также издания армянской прессы в столицах, так как считали, что они не служат во благо своего народа. По поводу выходящих в столицах армянских газет особенно резко реагировала тифлисская газета «Мшак», так как, по мнению его учредителя и редактора Г. Арцруни, издатели столичных армянских газет должны были выпускать русскоязычную периодику, потому что они «лучше, чем русские, знают свою родину и свой язык, но они не знают настолько свою родину и свой язык, чтобы в столицах издавать армянскую периодику» [17]. Издание армянами русскоязычной газеты всегда считалось актуальным, а в годы Первой мировой войны тифлисско-армянская печать с некоторым упреком писала, что в России армяне так и не имеют русскоязычной газеты, которая защищала бы свои национальные интересы, как, например, две еврейские газеты («Евреи и Россия», «Война и Евреи»). Газета «Мшак» с негодованием отмечала, что разрешение печатать газету «Голос Армении» в Москве пока остается лишь на бумаге [28].

Пресса Тифлиса. Разворачивая деятельность в том же культурном пространстве, которое сформировалось в диалоге культур разных наций [29. С. 5], журналисты Тифлиса часто противопоставлялись друг другу именно с учетом этих культурных особенностей, при этом признавая, что местные народы, сосуществуя друг с другом, не имеют взаимного интереса и «каждый из них живет своей жизнью и своими устремлениями» [30].

Очень часто тифлисская русская печать армянскую местную периодику называла искусственной из-за того, что армяне не имели

потребностей получать и читать прессу. По этому поводу армянская газета «Нор-Дар» («Новый век») замечала, что искусственность – черта всех кавказских изданий, потому что ни один народ, даже русские Кавказа, не имеют любви к чтению. В качестве аргумента приводился тот факт, что многие газеты существовали лишь короткое время, если, конечно, у них не было государственных дотаций (например, газета «Кавказ») и большого количества рекламных объявлений (например, «Тифлисский листок») [31].

Русскоязычная пресса критиковалась в основном за то, что игнорировала «туземцев» и редко обращалась к их проблемам, демонстрировала равнодушие к интеллектуальным возможностям двух кавказских народов, к армяно-грузинской литературе, хотя себя считала лидером интеллектуальных и материальных интересов страны [32].

По мнению армянских журналистов, представители русской прессы Тифлиса были отчуждены от местного общества и маргинализированы. Доводом для такого суждения было то, что русскоязычная периодика, за немногим исключением, вопросы, касающиеся местных народов, рассматривала формально, «между прочим». Отмечалось, что работники этих изданий потеряли свою этническую сущность: не понимают других и не видят, что сами несчастны, потому что «от своего отстали и к чужому не пристали» [33]. В армянских газетах упрекались редакторы русских газет, которые не только не знали армянского, но и считали ниже своего достоинства приглашать сотрудников, знающих армянский язык. И это при том, что многие из редакторов были армянами.

Эти факты служили доказательствами следующего заключения: местная русская журналистика не имеет основы и почвы под собой, она находится между небом и землей, но парадокс в том, что «такая воздушная, бессмысленная журналистика имеет больше подписчиков и читателей, чем армянская газета, потому что читать русскую газету модно» [34].

Для армянских издателей главным конкурентом на газетном рынке были русскоязычные выпуски, сотрудники которых имели армянское происхождение и, по их мнению, непроизвольно либо из личных побуждений наносили вред национальному издательскому делу и своими действиями препятствовали развитию армянской культуры. Например, армянские редакторы сетовали на то, что многие из

армян свои частные, торговые и даже траурные объявления печатали не в армянских, а в русских газетах, цены на размещение рекламы в которых намного превышали цены в армянских изданиях [35]. Ревниво воспринимался даже тот факт, что местные русские газеты редко ссылаются на армянские издания и для освещения событий, которые относятся к армянам, они отправляли своих корреспондентов, чтобы те все увидели и услышали из первых уст [36].

До 1918 г. в армянской периодике красной нитью проходила мысль о том, что издававшиеся тифлисскими армянами русскоязычные газеты не отражали идеалы и цели армянского народа, не защищали его интересы и права, как, например, это делали грузинские издатели [37].

Заметим, что принципиально противоположного мнения придерживались цензоры, отмечавшие, что русскоязычные газеты Тифлиса являются «русскими только по названиям, а по содержанию – туземные, с узконациональными тенденциями» [38].

Нужно сказать, что отчуждение некоторых русских и русскоязычных изданий было особенно очевидно в периоды межнациональных столкновений и социально-политических потрясений. Поскольку же «управление национальными регионами осуществлялось ситуативно, откликаясь на текущие проблемы» [39. С. 111] зачастую неравномерно, то пресса, как отголосок подобного стиля действия, еще больше усугубляла пропасть между народами, населяющими Кавказское наместничество, и способствовала ухудшению отношений между русскими и подданными народами.

В годы правления на Кавказе князя Г. Голицына (1896–1905) и редактирования газеты «Кавказ» В. Величко (1897–1899), а также столичных консервативных газет началась активная и циничная пропаганда против армян, которая перешла в явную армянофобию. В ответ на эти действия в армянской печати русская журналистика представлялась как инициатор межнациональной розни, а радикальные публикации все чаще получали отражение в армянской периодике.

Выводы

Таким образом, с точки зрения армянской периодической печати, столичная пресса была равнодушна к проблемам и достижениям

подданных народов Российской империи и не служила источником объективной информации о народах, проживающих в Кавказском наместничестве. Вызывали негодование также стереотипные подходы русских журналистов при освещении социально-экономической жизни и политических устремлений армянских и грузинских общин. Фиксировалось, что тенденция к коммерциализации русской прессы наложила свой отрицательный отпечаток на периодическую печать провинциальных городов. Тифлисская русскоязычная пресса, в особенности издаваемая армянами, представлялась как маргинальное явление, которое к тому же мешало развитию армянских изданий. По оценке армянских журналистов, часть столичных консервативных изданий, а также некоторые русскоязычные издания Тифлиса проявляли чуждое, почти враждебное либо пристрастное отношение к армянскому народу, что приводило к межнациональным конфликтам в Кавказском наместничестве.

Литература

1. *Малумянц Х.* Общественное мнение // Мшак. 1884. № 42 (на арм. языке).

2. *Артеменко С.В.* Жанр «письмо к издателю» как форма журналистской саморефлексии в 1800–1810-х гг. (на материале «Вестника Европы») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 215–218.

3. *Артеменко С.В.* Критерии оценивания журналистской деятельности и медиакритические жанры в «Московском вестнике» М.П. Погодина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 93–97.

4. *Прозоров В.В.* До востребования…: избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010. 208 с.

5. *Борисова Л.С.* Круглый стол «История медиакритики в России» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 359–362.

6. *Ерицян А.* Армянские периодические издания // Ардзаганк. Тифлис, 1882. № 21 (на арм. языке).

7. *Елина Е.Г., Раева А.В.* Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 219–224.

8. *Саенкова Л.П.* Литературно-художественная критика и медиакритика: сходства и различия // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 236–240.

9. *Короченский А.П.* Медиакритика и медиаобразование // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 40–46.

10. *Чиковани Л.Ф.* Нико Николадзе и демократическая печать Грузии 70–80-х годов XIX века (по материалам местных русских газет). Тбилиси : Мецниереба, 1989. 203 с.

11. *Арцруни Г.* Закон о печати // Мшак. Тифлис, 1880. № 207 (на арм. языке).

12. *Щербакова Г.И.* Из истории формирования медиакритики в России (на примере журнала-газеты «Гражданин») // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 219–227.

13. *Dyserinck H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies. 2003. № 1. URL: http://www.intercultural-studies.org/ICS1/Dyserinck.shtml.

14. *Виноградова С.М., Мельник Г.С.* Конструирование внешнего медиаобраза России в контексте национальной безопасности (десять лет спустя) // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Институт «Высш. шк. журналист. и массовых коммуникаций», 2018. С. 15–20.

15. О провинциальной журналистике // Мшак. 1877. № 71 (на арм. языке).

16. Местная русская печать // Мшак. 1875. № 27 (на арм. языке)

17. Журналистика России // Мшак. 1876. № 38 (на арм. языке).

18. Местная русская печать // Мшак. 1875. № 27 (на арм. языке).

19. *Арцруни Г.* Уже время // Мшак. 1891. № 29 (на арм. языке).

20. *Папазян В.* Литературные очерки // Анках мамул (Независимая пресса). 1908. № 7 (на арм. языке).

21. *Х. М.* Обязанность русской прессы // Мшак. 1892. № 60 (на арм. языке).

22. Правда или акция // Мшак. 1897. № 40 (на арм. языке).

23. *Арцруни Г.* Уже время // Мшак. 1891. № 29 (на арм. языке):

24. Неисправимое агентство // Мшак. 1897. № 42 (на арм. языке).

25. *Т. М.* Обязаны предупредить // Мшак. 1886. № 73 (на арм. языке).

26. *Арцруни Г.* Русские славянофилы // Мшак. 1881. № 110 (на арм. языке).

27. *Е.* Не забывайте прошлое // Ардзаганк. 1889. № 47 (на арм. языке).

28. *Ахеян М.* Армянская жизнь в Москве // Мшак. 1915. № 131 (на арм. языке).

29. *Киселева Л.Н.* Проблемы конструирования и изучения эстонско-русского культурного пространства // Имагалогия и компаративистика. 2018. № 9. С. 5–16.

30. Целесообразные замечания // Нор-Дар. 1889. № 216 (на арм. языке).

31. *Спандарян С.* Местная армянская пресса // Нор-Дар. 1884. № 37 (на арм. языке).

32. Одно одобрительное начинание // Ардзаганк. 1888. № 10 (на арм. языке).

33. Отношение русской прессы к нашим внутренним делам и к армянской печати // Ардзаганк. 1894. № 71 (на арм. языке).

34. *Арцруни Г.* Кавказская русская журналистика // Мшак. 1878. № 6 (на арм. языке).

35. *Спандарян С.* Нашим читателям // Нор-Дар. 1884. № 12 (на арм. языке).

36. Мшак. 1891. № 99 (на арм. языке).
37. *Аракелян А.* Легенда грузинских просветителей // Мшак. 1915. № 217 (на арм. языке).
38. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 212.
39. *Киселев В.С.* Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // Русин. 2015. № 3 (41). С. 108–127.

Russian and Russian-Language Journalism in the Perception of the Armenian Press of Tiflis (1865–1918)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 248–263. DOI: 10.17223/24099554/15/15

Taron R. Danielyan, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: t5plus@yandex.ru

Keywords: Russian Empire, Caucasus Viceroyalty, periodicals, commercialization, conservative periodicals.

The article analyzes journalistic criticism in Armenian periodicals. Examining the large textual material of the informational analytical genre, the author reveals a generalized image of the Russian press. According to Armenian opinion journalists, representatives of the press and literature were the “stepchildren” of the Russian Empire, since publishing was on an unequal basis with other types of entrepreneurship. According to the Armenian periodicals, the only characteristic inherent in all periodicals published in the empire was defining the “non-native”. In other cases, a differentiated approach to journalistic activity was observed, which was the result of the program policy of the newspaper’s editorial board, ideological orientation, economic benefits, and interpersonal relations. Speaking about the work style of the capital city’s press, Armenian journalists emphasized the regularity of its superiority and dominant position, andpointed to the hierarchical subordination of the non-Russian press. The one-sidedness and verticality of the information flow were criticized. These were thought to be due to the indifference of the metropolitan press to the newspaper and literary activities of other peoples. Armenian journalists noted that Russian writers generally stood above selfish intentions and loyalty to the party, wanting only the freedom of speech and pen, while Russian journalism was characterized by stereotypical thinking (in particular, in relation to other nations), commercialization, and – in some cases – mercantile interest. Expanding their activities in the same cultural space, formed when comparing the cultures of different nations, journalists of Tiflis often opposed each other taking into account these cultural characteristics. According to Armenian journalists, periodicals published by Russians, Armenians, Georgians and representatives of other nationalities, just like representatives of these periodicals, were alienated from the local society and marginalized. The Russian-language periodicals mostly ignored the “natives” and rarely addressed their problems. Moving away from the national essence, Armenians publishing Russian-language newspapers, involuntarily, or

on the basis of personal motives, harmed the national publishing business and, with their actions, hindered the development of Armenian culture. In the perception of Armenian journalists, part of the Russian periodicals published in the two capitals and in Tiflis adhered to a stricter colonial policy, which often acquired a xenophobic character. Recognizing that the Russian conservative press was more established and, unlike the liberal press, developed according to a clear ideological program, Armenian journalists considered the representatives of this trend to be the defenders of regression, not of national identity. The alienation of some Russian and Russian-language publications was especially evident during periods of interethnic clashes and socio-political tension. Since national regions were governed situationally, often unevenly, the press, as an echo of this style of action, further aggravated the chasm between the peoples inhabiting the Caucasus Viceroyalty and contributed to the deterioration of relations between the Russian and national peoples, and extremist calls were reflected in Armenian periodicals.

References

1. Malumyants, Kh. (1884) Public opinion. *Mshak* (Tiflis). 42 (In Armenian).

2. Artemenko, S.V. (2018) The Genre ‘Letter to the Publisher’ As a Form of Journalistic Self-reflection in 1800–1810s (Based on Vestnik Evropy ‘Herald of Europe’). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism.* 18 (2). pp. 215–218. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-215-218

3. Artemenko, S.V. (2019) Evaluation Criteria of Journalistic Activity and Media-Critical Genres in Moskovsky Vestnik (Moscow Herald) by M. P. Pogodin. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism.* 19 (1). pp. 93–97. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-93-97

4. Prozorov, V.V. (2010) *Do vostrebovaniya…: izbrannye stat’i o literature i zhurnalistike* [On Demand . . .: Selected Articles on Literature and Journalism]. Saratov: Saratov State University.

5. Borisova, L.S. (2018) Round table “History of Media Criticism in Russia”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism.* 18 (3). pp. 359–362. (In Russian).

6. Eritsyan, A. (1882) Armenian periodicals. Ardzagank (Tiflis). 21 (In Armenian).

7. Elina, E.G. & Raeva, A.V. (2018) Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism.* 18 (2). pp. 219–224. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224

8. Saenkova, L.P. (2010) Literature-Art Criticism and Media Criticism: Similarity and Differences. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: gumanitarnye nauki*. 18 (89):7. pp. 236–240. (In Russian).

9. Korochenskiy, A.P. (2004) Mediakritika i mediaobrazovanie [Media criticism and media education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 8. pp. 40–46.

10. Chikovani, L.F. (1989) *Niko Nikoladze i demokraticheskaya pechat' Gruzii 70-80-kh godov XIX veka (po materialam mestnykh russkikh gazet)* [Niko Nikoladze and the Democratic Press of Georgia in the 1870s–1880s (based on materials from local Russian newspapers)]. Tbilisi: Metsniereba.

11. Artsruni, G. (1880) Law on the press. *Mshak* (Tiflis). 207 (In Armenian).

12. Shcherbakova, G.I. (2014) From the History of Formation of Media Criticism in Russia (On the Example of the Magazin-Newspaper "The Citizen"). *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Vector of Togliatti State University*. 4 (30). pp. 219–227. (In Russian).

13. Dyserinck, H. (2003) Imagology and the Problem of Ethnic Identity. *Intercultural Studies*. 1. [Online] Available from: http://www.intercultural-studies.org/ICS1/Dyserinck.shtml.

14. Vinogradova, S.M. & Mel'nik, G.S. (2018) [Constructing Russia's external media image in the context of national security (ten years later)]. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike* [Strategic communications in business and politics]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Institut "Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy". pp. 15–20. (In Russian).

15. *Mshak* (Tiflis). (1877) On provincial journalism. 71 (In Armenian).

16. *Mshak* (Tiflis). (1875) Local Russian press. 27 (In Armenian).

17. *Mshak* (Tiflis). (1876) Russia's Journalism. 38 (In Armenian).

18. *Mshak* (Tiflis). (1875) Local Russian press. 27 (In Armenian).

19. Artsruni, G. (1891) It's already time. *Mshak* (Tiflis). 29 (In Armenian).

20. Papazyan, V. (1908) Literary essays. *Ankakh mamul* (Tiflis). 7 (In Armenian).

21. Kh. M. (1892) The duty of the Russian press. *Mshak* (Tiflis). 60 (In Armenian).

22. *Mshak* (Tiflis). (1897a) Truth or Action. 40 (In Armenian).

23. Artsruni, G. (1891) It's already time. Mshak (Tiflis). 29 (In Armenian).

24. *Mshak* (Tiflis). (1897b) An incorrigible agency. 42 (In Armenian).

25. T. M. (1886) Obliged to warn. *Mshak* (Tiflis). 73 (In Armenian).

26. Artsruni, G. (1881) Russian Slavophiles. *Mshak* (Tiflis). 110 (In Armenian).

27. E. (1889) Do not forget the past. *Ardzagank* (Tiflis). 47 (In Armenian).

28. Akheyan, M. (1915) Armenian life in Moscow. *Mshak* (Tiflis). 131 (In Armenian).

29. Kiseleva, L.N. (2018) The Problems of Designing and Studying the Estonian-Russian Cultural Space. *Imagalogiya i komparativistika – Imagalogy and Comparative Studies*. 9. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/1

30. *Nor-Dar* (Tiflis). (1889) Appropriate comments. 216 (In Armenian).

31. Spandaryan, S. (1884) Local Armenian press. *Nor-Dar* (Tiflis). 37 (In Armenian).

32. *Ardzagank* (Tiflis). (1888) One approving undertaking. 10 (In Armenian).
33. *Ardzagank* (Tiflis). (1894) The attitude of the Russian press to our internal affairs and to the Armenian press. 71 (In Armenian).
34. Artsruni, G. (1878) Russian journalism in the Caucasus. *Mshak* (Tiflis). 6 (In Armenian).
35. Spandaryan, S. (1884) To our readers. *Nor-Dar* (Tiflis). 12 (In Armenian).
36. *Mshak* (Tiflis). (1891) 99 (In Armenian).
37. Arakelyan, A. (1915) The Legend of the Georgian enlighteners. *Mshak* (Tiflis). 217 (In Armenian).
38. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 20. File 614. Page 212.
39. Kiselev, V.S. (2015) Pan-Slavism and Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the 19th Century. *Rusin*. 3 (41). pp. 108–127. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/8

НЕКОТОРЫЕ КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕРЕВЯННЫХ ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АРМЯНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Тамироглян Анна Мамиконовна
Кандидат искусствоведения, доцент
Ереванской государственной консерватории
(Армения, Гюмри, ГФ ЕГК)

Статья посвящена анализу ряда деревянных духовых инструментов в творчестве армянских композиторов - Александра Арутюняна и Гагика Овунца. В ней рассмотрены средства выразительности в композиционном плане, способствующие как разнообразной трактовке – исполнительском, так и выявлению идейно - образного содержания сочинений для инструментов гобоя и фагота в сочетании с фортепиано, отражающие специфику двух разнотембровых инструментов в жанре камерно-ансамблевой музыки.

Ключевые слова: Александр Арутюнян, Гагик Овунц, деревянные духовые инструменты, гобой, фагот, формообразующие факторы, ансамблевое сочетание, композиционное построение, художественный замысел.

SOME COMPOSITIONAL PECULIARITIES OF WOODWIND INSTRUMENT'S IN THE WORKS OF ARMENIAN COMPOSERS

Tamiroghlyan Anna Mamikonovna
/Ph. D./ in History of Arts, docent
Yerevan State Conservatory
(Armenia, Gyumri, GF EGK)

The article is devoted to the analysis of a number of woodwind instruments in the works of the Armenian composers Alexander Harutyunyan and Gagik Ovunts. It examines the means of expressiveness in compositional terms, contributing to both a varied interpretation - performing, and the identification of the ideological - figurative content of

works for oboe and bassoon instruments in combination with a piano, reflecting the specifics of two different-timbre instruments in the genre of chamber-ensemble music.

Key words: Alexander Harutsunyan, Gagik Ovunts, woodwind instruments, oboe, fagote, form-building factors, ensemble combination, compositional construction, artistic design .

«Камерно-инструментальная ансамблевая музыка – одна из своеобразных и сложных областей профессионального музыкального творчества. Уровень ее развития является своего рода показателем степени профессиональной зрелости музыкальной культуры народа» [1.с.7].

В армянской музыке многие композиторы обращаются к духовым инструментам, используя их как в качестве сольных, так и в сочетании с фортепиано.

В данной работе мы представим ряд произведений для деревянных духовых инструментов - гобоя и фагота в сочинениях армянских композиторов XX века - Александра Арутюняна и Гагика Овунца.

Попробуем кратко охарактеризовать творческий облик двух композиторов, сочинения которых будут представлены нами далее.

Александр Григорьевич Арутюнян (1920 -2012) – армянский, советский композитор, заслуженный деятель искусств Армянской ССР /1956/, народный артист Арм. ССР /1962/ и СССР /1970/, преподаватель, профессор ЕГК им. Комитаса по классу композиции с 1965г. (воспитал целую плеяду армянских композиторов), блестящий пианист-выступал как солист, ансамблист, концертмейстер, первый исполнитель собственных сочинений. Окончил ЕГК им. Комитаса /1934-1941г./ в классе фортепиано О.А.Бабасяна, по композиции у С.В. Бархударяна и В. Г.Тальяна. В дальнейшем (1942-1946) совершенствуется в классе фортепиано у К.И.Игумнова, а по полифонии и композиции - Х.С.Кушнарева.

Ал. Арутюнян - один из членов «Армянской могучей кучки» (так называемой «пятерки» в состав которой входили

еще и Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Лазарь Сарьян, Адам Худоян. Арутюнян был руководителем Армянской филармонии (1954-1990), член Союза композиторов СССР (1939), Армении (1975)....член жюри Международных конкурсов......

За выдающиеся творческие достижения в сферах искусства и культуры Ал. Арутюнян был удостоен ряда наград /орденов/ и званий /18/, в том числе: Золотая медаль им. А. В. Александрова (1976), премия им. Арама Хачатуряна (Министерство культуры СССР, 1986), Медаль «Мовсеса Хоренаци» (1998), Медаль «Комитас» Министерство диаспоры РА (2008) и так далее (для перечисления всех регалий Ал. Арутюняна потребуется постраничное пространство).

Воспитанный на принципах классической и романтической музыки, огромное значение в творчестве Ал. Арутюняна приобретают традиции народных (средневековых) армянских певцов гусанов-ашугов, ритмо - интонационных оборотов, музыка которых строится методом «интерполяции» получивших распространение разнообразными типами импровизационности.

Гагик Гедеонович Овунц (1930-2019) – армянский, советский композитор, преподаватель (1964), профессор Ереванской государственной консерватории им. Комитаса по классу теории музыки, автор учебника гармонии (воспитал целую плеяду теоретиков и армянских композиторов). Гагик Овунц окончил ЕГК им. Комитаса по классу скрипки Карпа Домбаева, а по композиции – Григория Егиазаряна. Г. Овунц член Союза композиторов Армении (с 1957г.)...., а среди ряда государственных наград, отметим: заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1984 г.), медаль "За заслуги перед Отечеством" 1-ой степени (2013г.) ....

Опираясь на армянские национальные источники Гагик Овунц на основе западноевропейских традиций создает симбиоз различных направлений и стилей через призму логики построения конструктивной четкости, графической строгости форм как монодийной, так и полифонической музыки в

сочетаниях различных складов изложения. Тем самым, элементы музыкальной выразительности отображаются по-новому, современными методами композиционного мышления, использованием некоторых вариантов модальности, симметрии, тонового ряда в музыке XX века, вместе с тем, стремлением приблизится к «протокультуре». «Протокультура» – XX век дал возможность вернуться к ценностям авангарда начала XX века, имея камертоном абсолютные достоинства природного формообразования: «имеющий глаз может быть и увидит, а не увидит, так ему будет что почитать об искусстве прошедшего века» [2.].

Многообразно и многожанрово творчество этих двух композиторов – Ал. Арутюняна и Г.Овунца. Среди них ведущее место занимают сочинения, охватившие многие разновидности деревянных духовых инструментов. Рассмотрим композиционные особенности сочинений А. Арутюняна и Г. Овунца для гобоя и фагота в сочетание с фортепиано.
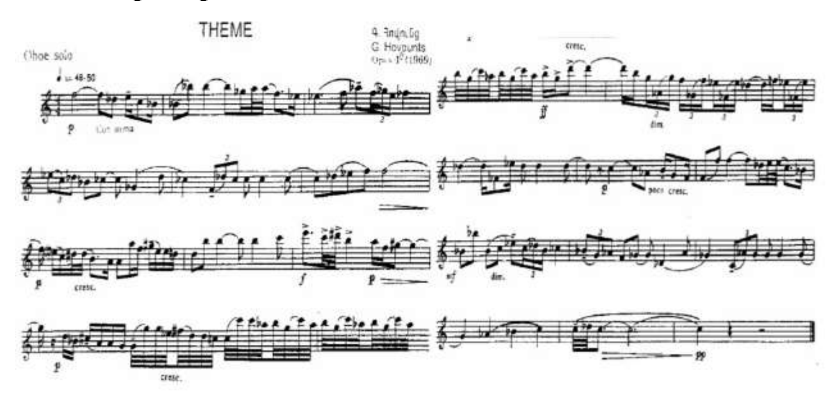
Пьесы для **гобоя** и фортепиано в армянской музыке встречаются, однако их не многочисленное количество компенсируется высоким сочинительским профессионализмом, насыщенным как жанровой принадлежностью, так и национальной интонационностью.

«**Гобой** (ит.- Oboe,-oi; фр.-Hautbois,-es; нем.-Hoboe,-en). Способ извлечения звука при помощи трости был известен еще в глубокой древности у различных народов. В Европе усовершенствование народных инструментов свирельного типа с двойной тростью и введение их в концертную практику надо отнести к середине XVII века... . По своему размеру, строю, аппликатуре гобой очень похож на флейту. Гобой происходит от того же предка, что и кларнет. Объем гобоя равен от h до f^3» [3.с.69].

Наиболее интересными и опубликованными являются «Две пьесы» для гобоя фортепиано Гагика Овунца - **THEME** (тема) и **in TEMPO of KOCHARI** (в темпе Кочари) op.4b.,

1969г. [4.с.7]. Пьесы объединены в небольшой цикл: первая пьеса предназначена только для гобоя без фортепиано **(**пример 1), а вторая, собственно, и представляет ансамблевый интерес. Поскольку это все же циклические пьесы, отметим некоторые особенности первой из них: пьеса Theme (**oboe solo**) трехчастная в темпе 1/4=48-50 и несколько отличается от традиционного представления о теме, как явлении композиционном. Средний раздел имеет явные признаки развития, а реприза размещена квартой ниже экспозиционного показа первого раздела формы и несколько отлична от него в мелодической графике (пример 1).

Пример 1.

Динамика этой пьесы выражается следующим образом:

Схема 1

I ч. P con anima,

IIч. P - cresc**. - F** – P >, P - cresc. – **FF** - dim,

IIIч. P - poco crescendo – mf - dim. > PP.

Развитие, которое мы относим к сфере среднего раздела формы, начинается как бы продолжением мелодического изложения. Постепенно усложняя фактурную графику, композитор переводит тему в стадию развития, в которой намечаются две волны кульминации F и FF. Нет сомнений в том, что, подготавливая следующую динамически контрастную пьесу, композитор стремится продемонстрировать специфику инструментального исполнительства на гобое, инструменте

сложном, более склонном к кантилене, чем к стаккатной технике.

Фактурная комплементарность первой пьесы должна составить контраст с мелодическими приемами танца Кочари «In tempo Kochari» 1/4=116-120 (Armenian folk-dance), организованный в четкой ритмике и, не допускающий от нее отклонений. Выбор жанровой принадлежности второй пьесы продиктован тем, что «Кочари» является мужественным, даже воинственным танцем, а тембр гобоя близок тембру зурны, звук, который с древних времен ассоциировался с мужским, героическим началом. Очевидно, что композиторский замысел направлен на реконструкцию музыкальной сцены, в которой слушатель домысливает картину группового мужского танца, скорее всего на каком - либо народном празднестве. Фактура фортепиано воспроизводит типичный для танца «Кочари» пунктирный ритм, но главное в том, что в музыкальной структуре фортепианные линии расставлены таким образом, что очень напоминают игру на народном ударном инструменте «dhol»-е, что проявляется и в ритмофигурациях, и в проявлении специфических особенностей, звучащих в разных пластах.

Пример 2 **Пример 2 /а**

Крайние звуки на сильных долях исполняют широко расставленные звуки тритона - интервала резкого, но по-иному звучащего, чем синкопированный ритм м.2, настырно стучащих в среднем пласте на фоне подражания quasi - народному ударному инструменту в партии фортепиано. А партия гобоя звучит, подражая тембру зурны, что приближает мелодию к стилистике народного танца (пример 2/а). Этому же эффекту служат разнонаправленные форшлаги, часто применяемые в фольк – музыке.

Интересно построена фактурная структура концовки пьесы, как заключительный музыкальный материал. Партия гобоя начинается с форшлагом перед хроматическим пассажем / хроматической гаммой/ 4/16 длительностей, соотношение которых меняется на 3 доле такта квинтолью в 1-2 октавах и способствует ускорению темпа без агогических пометок в тексте. Тут фортепиано проявляет себя двояко: и как самостоятельный, и как сопровождающий.

Поясним: после октавного баса Des-des на 1 доле приемом репетитивного повтора звуков des –as ч.5 /1-2 октав/, скорее токкатно – ударного характера, чередованиями как правой и левой рук, так и регистровыми смещениями, создается темброво-акустическое /sonore/ поле звучания. Стремительное фактурное движение ввысь в последнем такте пьесы заканчивается двузвучными кластерами в крайних регистрах контр **As*-G*** в левой и **b^2-ces^3**=h^2 (как расщепление тона b^2-h^2) м.2 правой руках фортепиано на полудоли 3/и во 2-3 октавах. Они, вместе со звуками начала такта, способствуют построению серийного ряда из 5 повторных тонов, где х-повтор тонов.

Схема 2

Des –as - As*/x - G*- b^2-ces^3

1 – 2 - x - 3 - 4 - 5

Далее, развитие движения музыкального материала скачком вверх, резким диссонансовым аккордовым созвучием, совпадающим с последним звуком кларнета fis^3 в размере 1/8, доходит до динамики FF. На наш взгляд, тут необходимо взять

запаздывающую педаль на октавный бас Des 1 доле такта и снять ее прямо на 4 доле /1/8/, одновременно с кларнетом срывая звучание на последней паузе. Вместе с тем, охватывая диапазон субконтр – контр и 3-4 октав, перед нами предстает консонасно (D*, D, d^3, d4 в октавном изложении) - диссонантное **(**D*-Es-D) созвучие из 7 звуков, где x-повтор тонов **d** (пример 2/ a, т.32).

Схема 3

D*-Es - D /x - d^3/x – fis^3- cis^3 –d4/x
м.2 м.2 / ч.8/ б.3 ч.4 м.2

Развитие насыщенной динамики нюансов в пьесе протекает таким образом:

Схема 4

F- P < F, P< F, P< F, sP -cresc. < F-poco poco cresc.-FF.

Заметим одно знаковое обстоятельство: Гагик Овунц воплотил особый фактурный рисунок, ассоциирующий с народным фольклором в ансамблевом сочетании гобоя и фортепиано, инструментов европейских возможностей, и умело использовал их базовые исполнительские особенности.
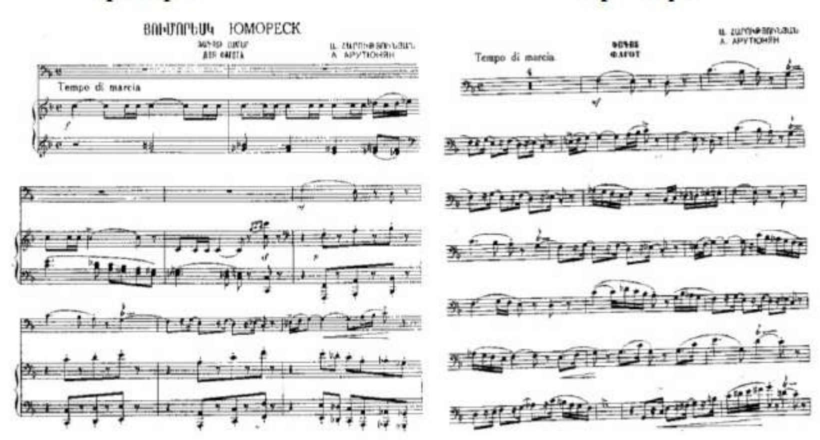
Пьес для **фагота** и фортепиано в армянской музыке немного. «**Фагот** (ит.-Fagotto,-ti;фр.-Basson,-ns;нем.-Fagott,- te) появился в музыкальной практике очень давно. Он раньше кларнета стал членом симфонического оркестра и в партитурах XVIII века применялся наряду с флейтой и гобоем. По своей конструкции он приближается к гобою. В силу своей большой длины фагот как бы сложен вдвое и состоит из четырех частей. Регистры фагота от B* до f^1. Нотируется фагот в басовом, теноровом и изредка в скрипичном (для самых высоких нот) ключах» [3.с.77].

Из известных и востребованных исполнителями можно назвать пьесы Гагика Овунца из сборника «10 инвенционных пьес для деревянных духовых инструментов и фортепиано», и, его же, «Две пьесы для фагота и фортепиано», а также внециклическое концертное произведение Александра Арутюняна - «Юмореска» для фагота и фортепиано.

Рассматривая пьесу «Юмореска» (1953г.) в «Tempo di Marcia» для фагота и фортепиано Александра Арутюняна [5.с.5], можем отметить, что она остроумна. Композитор использовал специфические возможности фагота для достижения эффекта гротеска, а в партии фортепиано вкраплены фактурные приемы, служащие не столько эффекту акустического сближения в ансамблевом взаимодействии, сколько для усиления образного ряда.

Задав в партии фортепиано, ассоциативно легко узнаваемые контуры марша, в партии фагота композитор использовал такие приемы звукоизвлечения, которые не только не очень естественны для инструмента, но и не очень соответствуют жанру марша. Например, стаккаттная техника хоть и возможна, но связана с некоторой характерной «ворчливостью» инструмента, а в пьесе маршеобразного склада неизбежно вызывает улыбку (пример 3).

Пример 3 **партия фагота**

Если же вообще связать традиционную военную маршеобразность в духовой музыке, ассоциируемую с медным духовым оркестром, то один единственный фагот, играющий мелодию марша, изобилующую традиционными атрибутами маршеобразности - пунктирным ритмом, сочетанием Legato и

Staccato, и даже специфическими tr... трелями, неизбежно ассоциируется с шуткой. А суть в том, что это не настоящий марш, а карикатурный - марш оловянных солдатиков. В конце пьесы даже игрушечный марш распадается на интонационные «зерна», уже не очень маршеобразные с «невпопад» взятыми аккордами, а лишь «случайно» закончившимися у обоих инструментов в общей для них тональности.

Корифей армянской музыки, знаток духовых и автор многих произведений для разнородных духовых инструментов (достаточно отметить, что его перу принадлежит целый ряд концертов почти для всех духовых инструментов, а Концерт для трубы и симфонического оркестра считается шедевром во всей мировой музыке XX века) - Александр Арутюнян - даже в столь небольшом произведении создал яркую музыкально-драматургическую картину, сюжет которой легко считывается слушателем.
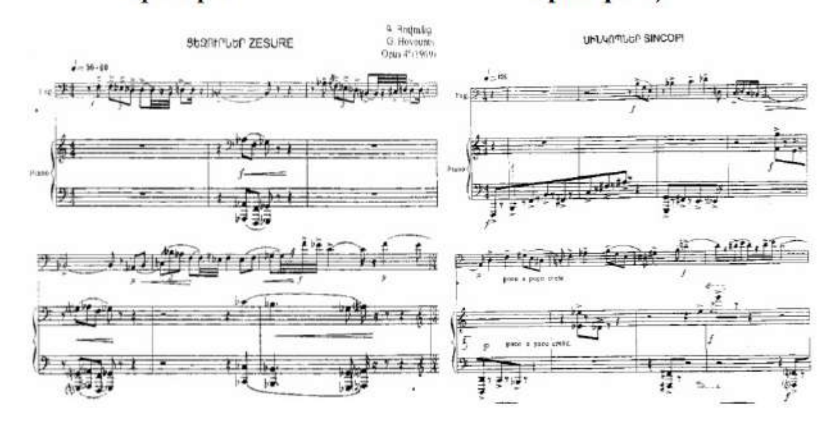
Не менее интересны **2 пьесы для фагота и фортепиано** Гагика Овунца: **«Цезуры» и «Синкопы»** op.4 d (1969) [6.с.7]. Композитор верен своим творческим открытиям в области музыкознания и музыкального просветительства: как и в альбомах 10 инвенционных пьес для деревянных духовых инструментов, Гагик Овунц в этих двух пьесах знакомит музыкантов – исполнителей и публику с музыкальными явлениями.

В пьесе «Цезуры» 1/4=56-60 представлена музыкальная прерывистость мелодического развития, которая соответствует фразеологии пьесы, причем цезуры в ней самые разнообразные (в начале, середине, конце тактов), которые можно характеризовать как синкопы - внутритактовые, межтактовые. В этой пьесе динамика представляется как в совместной, контрастной, так и стреттном или имитационном проведении (пример 4).

Пьеса «Синкопы» 1/4 =126 построена на целом ряде различных синкоп, то есть ритмических приемах, при которых естественная акцентуация на сильную долю смещена на

слабую. Форму построения, на наш взгляд, можно рассмотреть двояко: с одной стороны периодически (фрагментарно), а с другой - в трехчастной форме. Ей характерны, в первую очередь, разнофактурные структуры и, действующие внутри них, противодействующие восходящие и нисходящие движения модусно-тематических элементов, акцентуация, игра различных диссонантных, альтерированных (cis - c) интервальных сопряжений (ув.4, ум.5 и т.д.), а также горизонтально - разложенные мажоро-минорные, увеличенные или уменьшенные трезвучия, последования Т3 - Т/6 g – h - d^1 в восходящем и es^1 - b - g нисходящем движениях (пример 5/а).

Пример 4 **Пример 5 а)**
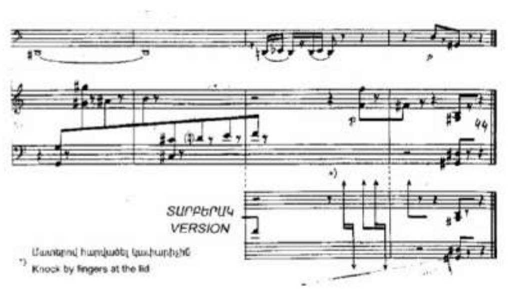

Особое внимание уделено также динамическим нюансам: они предстают в пьесе приемами имитации, чередовании, как постепенном, так и резко-контрастном сопряжении, которые сопутствуют пьесу от начала до конца в диалоге фагота и фортепиано - двух разнотембровых инструментов, каждый из которых старается утвердиться как самостоятельный. Даже графика, придуманная в фактуре, наглядно демонстрирует синкопические смещения акцентов.

И как бы подтверждая, что это явление чисто метроритмическое, в заключительном такте, помимо синкоп, звучащих в звуковысотности, есть синкопы ритмические,

исполняемые на деревянных поверхностях клавиатуры. Так, в завершении автор предлагает использовать иной вариант концовки приемом «подготовленного» фортепиано «Knock by fingers at the lid», а именно, ритмический рисунок продемонстрировать подобным образом - «стучать пальцами на крышке фортепиано» (пример 5/б).

Пример 5 б)

Рассматривая пьесы для деревянных духовых инструментов в сочетание с фортепиано Гагика Овунца приходим к выводу, что их композиционное построение соответствует не только замыслу или программным названиям его сочинений, но и развитию навыков в области гармонии и полифонии.

Таким образом, на наш взгляд, этих двух композиторов объединяют их профессиональные знания по поводу конструкций и специфических особенностей многих инструментов, в частности, духовых.

Безусловно, безупречно владея спецификой духовых инструментов, Александр Арутюнян и Гагик Овунц используют разнообразные средства выразительности в композиционном плане, способствующие разнообразной трактовке - исполнительском. Их музыка насыщена фактурными структурами, оборотами, основанными на армянской национальной интонационности: основываясь на преемственности они выработали свой индивидуально-самобытный творческий стиль.

Ал. Арутюнян и Г. Овунц - авторы огромного количества произведений для деревянных духовых инструментов малого и большого состава (пьесы, сонаты, сюиты, циклы, концерты.....).

Практически, в армянской музыке деревянные духовые инструменты, в частности, гобой и фагот в сочетание с фортепиано достаточно широко востребованы: к ним обращаются как композиторы, так и исполнители. Не случайно, сочинения Александра Арутюняна и Гагика Овунца звучат на многих сценах мира, и входят в репертуар ведущих мировых исполнителей.

Литература

1. Тер-Симонян М., Камерно – инструментальная ансамблевая музыка Армении, изд-во АН Арм. ССР, Ереван,1974.
2. Википедия /Http://www.scaleproject.ru/proto/protoculture.
3. Чулаки М., Инструменты симфонического оркестра, изд-во «Музыка», 4-ое издание, Москва,1983.
4. Овунц Г., 2 пьесы для гобоя и фортепиано, изд-во «Асогик», Ереван, 2004.
5. Арутюнян А., Пьеса для фагота и фортепиано, изд-во «Айпетрат», Ереван, 1958.
6. Овунц Г., 2 пьесы для фагота и фортепиано, изд-во «Асогик», Ереван, 2004.

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 1997-2911 (print)

2021. Том 14. Выпуск 6. С. 1927-1933 | 2021. Volume 14. Issue 6. P. 1927-1933
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

Эволюция категории склонения существительных в русском и армянском языках

Чилингарян К. П.

Аннотация. Целью проведенного исследования стало установление основных факторов, определивших различную направленность эволюционного развития падежных систем в двух индоевропейских языках (армянский и русский) и результатов их динамических изменений, закрепившихся в современном синхронном состоянии. Научная новизна состоит в установлении взаимосвязи эволюционного развития грамматической категории склонения и именного словоизменения с общими тенденциями типологической эволюции армянского и русского языков. Полученные результаты показали, что различия в способах оформления имени существительного как грамматической единицы высказывания в армянском и русском языках имеют глубокие исторические истоки и носят системный характер.

Evolution of Noun Declension Category in the Russian and Armenian Languages

Chilingaryan K. P.

Abstract. The research aims to identify the main factors that determined different directions of evolutionary development of case systems in two Indo-European languages (Armenian and Russian) and results of their dynamic changes which became fixed in the modern synchronic state. The work is novel in that it finds correlation between evolutionary development of the grammatical category of declension and nominal inflection and general trends in typological evolution of the Armenian and Russian languages. The research findings have shown that differences in ways of forming the noun as a grammatical unit of utterance in Armenian and Russian have deep historical origins and are of systemic nature.

Введение

Предметом настоящего исследования являются основные типологические тенденции в диахроническом развитии склонения в русском и армянском языках и синхронные различия средств выражения падежа.

Актуальность исследования заключается в углублении и дальнейшем развитии типологической теории как методологической базы сопоставления языков, значимость которого в условиях глобализации коммуникативных контактов между странами, народами и культурами значительно возрастает.

В задачи исследования входит анализ исторических изменений форм склонения в русском языке и аналогичный анализ форм склонения в армянском языке. Следующим шагом является сопоставление падежных форм двух языков в их древнем состоянии и такое же сопоставление данной категории в современном армянском и русском языках. Полученные данные послужат основой для решения главной задачи: определения различий векторов эволюции данной категории в обоих языках.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использованы методы исторической грамматики армянского и русского языков, синхронно-сопоставительный метод для сравнения современных систем склонения в указанных языках и сопоставительно-типологический метод для анализа и характеристики направления типологической эволюции изучаемой категории.

Теоретическая база. Методология работы опирается на синтез классических положений сравнительно-исторической грамматики, сформулированных Московской фортунатовской школой, и системно-лингвистических идей И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки полной сопоставительной грамматики армянского и русского языков, для развития методов диахронической

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil210284

типологии. Собранный в ходе исследования материал может быть полезен для спецкурсов по лингвистической типологии и в рамках отдельных тем курса общего языкознания.

Соссюровский и бодуэновский подходы к проблеме эволюции языка

Понятия динамики и статики, устанавливаемые при рассмотрении языка в его развитии, соотносятся с понятиями синхронии и диахронии, устанавливаемыми при анализе и описании языка в развитии. Понятия динамики и статики относятся к характеристике языка, тогда как понятия синхронии и диахронии относятся к методике, с помощью которой дается эта характеристика [9, с. 14].

Синхронный и диахронический анализы предполагают свои собственные задачи: это или описание состояния языка, или изучение его эволюции.

Рассматривая отдельные языки, легко можно убедиться в том, что, с одной стороны, в ряде языков обнаруживаются сходные черты, в то время как в языках даже одной генетической группы существует немало различий. В процессе исторического развития в фонологической системе языка, его грамматической структуре, словарном составе происходят различные изменения. Некоторые изменения, например переход существительных из одной основы в другую, слияние одного падежа с другим, появление новой временной формы, носят частный характер, затрагивая лишь отдельные категории. Другие изменения носят глубокий характер, затрагивая всю структуру языка: они приводят к изменению типологии языка. Типология языка определяется по преобладающим в нем признакам.

Как указывает Г. Б. Джаукян, «любая действующая естественная языковая система не может быть идеальной: ей присущи внутренние противоречия: аномалии и отклонения, остатки прежних систем и зачатки новых и различия в степени распространенности и частотности употребления единиц, она варьирует социально и пространственно, подвергается влиянию других языковых систем» [3, с. 99].

Процессы, приведшие к образованию древнеармянского склонения, имели свои зачатки в период общности, усиливаясь под влиянием различных факторов – как внешних, так и внутренних.

Фузионные и агглютинативные черты в парадигме склонения имени существуют и в русском, и в армянском языках (в диахроническом аспекте).

А. А. Реформатский считает грамматической лексемой слово в совокупности всех его словоизменительных форм [7, с. 250]. Флексия основы может быть или внешней, когда корень флективной основы существует в языке и отдельно от флективной части как корень слова, или же внутренней, когда корень флективной основы не существует в языке отдельно от флективных частей таких основ в качестве корня слова. Это утверждение находим у Ф. Ф. Фортунатова [12, с. 71].

Одной из наиболее ярких характеристик, противопоставляющих флективные языки агглютинативным, является степень связанности грамматических элементов с основой. Э. Сепир считал, что агглютинативные аффиксы «приставляются чисто механически к корневым элементам», тогда как при флексии (иногда именуемой фузией) «степень спаянности между корневым элементом и аффиксом... большая» [8, с. 101].

Языки флективные могут иметь внешнюю и внутреннюю флексии. При внутренней флексии невозможно провести непосредственную границу между основой и грамматическим показателем, при внешней флексии такое разграничение возможно, но ни основы, ни аффиксы не могут иметь самостоятельного значения и употребления, склоняемые и спрягаемые слова во флективном русском языке никогда не бывают одноморфемными, состоящими из чистых корней; любое имя или глагол всегда оформлены, имеют хотя бы один грамматический показатель, хотя бы «нулевой» аффикс [14, с. 10].

Диахронические тенденции в развитии склонения в армянском и русском языках

Древнеармянский язык (грабар) в структурно-типологическом отношении преимущественно флективно-синтетический язык. От индоевропейской морфологической системы сохранились трехрядовая система указательных местоимений, некоторые принципы образования глагольных и именных основ, отдельные падежные флексии.

По мнению А. Мейе, переразложение конца слова, в результате которого произошло затемнение в разграничении и основы, и окончания и «конечная гласная основы и окончания слились в одно целое, произошло во всех индоевропейских языках. Исключение составил общеславянский язык (и сложившиеся на его основе славянские языки), аналогично – и древнеармянский язык» [4, с. 430].

В славянских языках тематические элементы основы, «оторвавшись» от основы, присоединились к окончанию и в результате переразложения основы образовали славянский тип склонения, что определило четкую границу между основой и окончаниями падежей.

В армянском языке выпал весь последний слог слова под влиянием перехода ударения на предпоследний слог. В результате этого в армянском языке исчезло осознание конца слова в номинативной форме, и все имена превратились в чистые основы, присоединяя к которым соответствующие формативы можно образовать требуемые падежи. В результате потери последнего слога в грабаре исчезли понятия рода – признаки типа склонения.

Основным принципом, согласно которому определяются система парадигматических рядов и типы склонения, являются тематические гласные, которые формируют грамматические (словоизменительные) основы. У тематических гласных учитываются две особенности: а) их локализация; б) их способность сохраняться неизменными в парадигматическом ряду либо чередоваться.

В зависимости от их локализации вся парадигма делится на две большие группы: 1) гласное (тематическое) или внешнее склонение, у которого тематические гласные *a, u, o, i* находятся в конце грамматической основы; 2) согласное (атематическое) или внутреннее склонение, у которого тематические гласные *a, e* находятся внутри основы. Сама основа исходит на один из сонантов *r, n, l.*

Номинативная форма грабара отличается от той же формы других индоевропейских языков тем, что она осознается как чистая основа и как оформленная лексическая единица. Склонение грабара продвинулось дальше состояния склонения санскрита в отношении переразложения основы и не дошло до состояния славянских языков, где гласная основа слита с окончанием и образует неотделимое единство.

Развитие армянского типа склонения в дальнейшем шло по славянскому пути, то есть «показатели» присоединялись к падежным окончаниям и образовали нераздельные падежные окончания. При этом в разных падежных окончаниях сохранились разные «показатели», которые не осознаются как таковые. Так, например, в современном армянском языке отлож. п. имеет окончание *-ic*, твор. п. – *-ov*, мест. п. – *-um*: *net-ic* (от стрелы), *get-ov* (по реке), *zard-um* (в украшении). Номинативная форма армянского имени не включает в себя никаких грамматических признаков, тем более в ней отсутствует осознание типа склонения [1, с. 6].

Старославянский язык принадлежит к южнославянской группе языков и отражает характерные фонетические и морфологические черты этой группы. Характерной чертой склонения существительных в древнерусском языке являлась его многотипность. Она выражалась в том, что одни и те же падежи у разных существительных имели разные окончания. Все существительные делились на ряд классов, каждый из которых имел особенности в склонении. В ранний период славянского языка каждый класс характеризовался последним звуком основы. Основное направление развития древнерусского склонения заключалось в унификации типов склонения. В результате всех этих процессов в русском языке установились три основных склонения, условно называемых первым, вторым и третьим. В современном русском языке типы склонения имен существительных различаются только по формам ед. ч., тогда как во мн. ч. есть единое, по существу, склонение.

Изучение древнерусских парадигм в их отношении к парадигмам современного русского языка позволяет не только обнаружить конкретные замены, но и наметить ряд закономерностей общего порядка, соответствующих наиболее существенным принципам морфологического развития языка.

По отношению к древнерусскому языку можно говорить о различении типов склонения, основываясь как на формах ед. ч., так и на формах мн. ч. В дальнейшем формы мн. ч. начинают составлять как бы обособленную систему, причем по мере приближения к нашему времени все более развивается морфологическая противопоставленность числовых парадигм. Формы ед. ч. и мн. ч. в ряде случаев различаются наличием/отсутствием суффиксальных элементов (боярин – бояре), твердостью/мягкостью согласного основы (сосед – сосед’и), местом ударения (струнА – стрУны).

В современном армянском языке мн. ч. образуется на основе агглютинативного принципа. Категории рода нет. Существует семь падежей и восемь типов склонения, которые определяются по показателям род. п. Род. п. имеет следующие окончания: *-i, -u, -an, -ya, -va, -oj, or, -c.* Различия в системе склонений армянского языка выражаются только в формах род. п. Во всех остальных падежах имеются одни и те же окончания для всех восьми склонений. В современном армянском языке основной тип склонения *-i.* Дело в том, что в армянском языке в силу унификации и аналогии (как в русском языке) произошли изменения, приведшие разные типы тематических и атематических склонений к одному основному типу – *-i.*

Исходя из понимания структуры как целого, А. А. Реформатский выделяет пять признаков для характеристики фузионной связи морфем [6], в отличие от агглютинативной связи морфем в слове: это однозначность – неоднозначность, четкое – нечеткое (комплексное) соединение морфем, самостоятельность – несамостоятельность, стандартность – нестандартность, неизменность – фонетическая изменяемость корня. В фузионных языках аффиксы многозначны, нестандартны, нерегулярны: ср. стол – столы, стул – стулья, офицер – офицеры, доктор – доктора и т.д.

В парадигме склонения армянского языка основа остается неизменной, т.к. нет чередований на стыке морфем по твердости/мягкости или глухости/звонкости. Так как аффиксы однозначны, стандартны и регулярны, то явно проявляется агглютинативный тип словообразования в парадигме именного склонения. Но это утверждение верно лишь для случаев внешней флексии. В современном армянском языке тематический гласный превратился в падежное окончание или через морфологические изменения стал таковым. Флексия *-i* в род.-дат. падежах стала падежным окончанием и «подвергла» такой форме другие слова, принадлежащие разным склонениям.

В русском языке в зависимости от набора окончаний выделяются три основных типа склонения имен существительных. Эти три типа склонения называются субстантивными.

В отличие от агглютинативных языков, по словам А. А. Реформатского, «представить русское слово… в виде цепочки морфем… нельзя! Русский язык не агглютинирующий, а фузионно-флективный, где морфемы образуют комплексы (в силу опрощения) и последовательные “блоки”-основы, форманты…» [7, с. 7].

В русском языке выделяются шесть падежей, но нет ни одного слова, которое имело бы шесть разных падежных окончаний, их всегда меньше [13, с. 201]. Формальная омонимия имеет место лишь в том случае, если есть в языке формы других слов, имеющих соответствующие равные, неомонимичные формальные показатели.

В армянском языке также присутствует формальная омонимия. Однако если сравнить «хвост волка» и «бегу от волка», где форма род. п. хотя и указывает на разные синтаксические отношения, но это единый род. п., поскольку нет таких слов, где бы это различие отношений выражалось равными формами, то в армянском языке будем иметь *gayli poč* и *p'axčum em gaylic*, т.е. в армянском языке синтаксические отношения выражаются по-разному.

Формальная омонимия в армянском языке присутствует в им. и вин. падежах. Надо учесть, что это будут случаи аналогии внутренней флексии. Формы «женой – женою, водой – водою» не указывают на разные отношения: соответствующие падежные формы синонимичны. Синонимия флексии обеспечивает целостность слова. Если бы этого не было и все флексии одинаковых падежей были бы одинаковыми, они превратились бы в служебные частицы, считает О. С. Широков [Там же, с. 202]. Иное дело в агглютинативных языках, где такими частицами, «приклеивающимися» к неизменяемым существительным, являются т.н. падежные показатели тюркских языков. В армянском языке падежный показатель немногозначен. Так, флексия *-i* обозначает только род. п., *-ic* – только отлож. п. (соответствующий русскому родит. п.). Немногозначность падежных показателей – признак агглютинативности. Русский язык не входит в категорию аналитических языков, а является довольно типичным из языков противоположной категории – синтетических.

Русский язык «противополагается» [5] агглютинативным языкам в качестве одного из флективных языков. Русский язык может быть назван суффиксально-префиксальным флективным синтетическим. В слове «хорошая» – 5 идей: им. п.; ед. ч.; жен. род; идея прилагательного; идея формы (здесь определение). Суффикс *-in* в армянском языке в слове *sexanin* ('на столе'. Звук 'x' – как во фр. языке грассирующий 'r') несет в себе только идею дат. п.

Армянский язык можно назвать суффиксально-агглютинативным флективным. В русском языке из шести типов склонения теперь имеются только три склонения. В армянском языке из девяти типов тематического и атематического склонения (в древнеармянском) остались только восемь типов. В современном русском языке «нуль» – форма, т.к. основа в чистом виде не употребляется. В современном армянском языке нет нулевых форм, т.к. появились агглютинативные флексии и основа в чистом виде.

Типы склонения в старославянском и древнеармянском языках сходны. Этого нет в современном русском и армянском языках. Однако в русском языке основы во мн. ч. различаются, в армянском же при внешней флексии основа не претерпевает никаких изменений, а при внутренней флексии происходит выпадение гласного: tun – tner ('дом – дома'), sun – sner ('столб – столбы'), хотя основа остается прежней.

Наличие чередования – типологическая черта флективности. Чем древнее состояние языков, тем больше сходств в них. На уровне древнего состояния в рассматриваемых языках много общих черт.

Ниже мы приводим таблицу признаков для характеристики фузионной связи морфем, в отличие от агглютинативной связи морфем в слове, по А. А. Реформатскому [7, с. 69].

Таблица 1. *Характеристики фузионной/агглютинативной связи морфем в слове*

	Признак	Тюркские	Русский	Армянский
1	однозначность морфем	+	-	+
	многозначность	-	+	-
2	стандартность	+	-	+ (-)
	нестандартность	-	+	+ (-)
3	регулярность	+	-	- (+)
	нерегулярность	-	+	- (+)
4	четкость (некомплексность) основ	+	-	+
	нечеткость (комплексность)	-	+	-
5	изменяемость основы	-	+	-
	неизменяемость основы	+	-	+

Внутренняя флексия и морфологические чередования в современном армянском и русском языках

В грамматике современного русского языка встречаются два типа чередования: 1) морфологические (или традиционные, исторические), когда данное чередование не обусловлено фонетической позицией, но и не является само по себе выразителем грамматического значения; оно лишь сопровождает образование тех или иных грамматических форм, являясь обязательным по традиции, но не для выразительности, и 2) грамматические, которые не просто сопровождают разные словоформы, а самостоятельно выражают грамматические значения, и такое чередование само по себе может быть достаточным для различения словоформ, а потому не может быть отменено по аналогии путем унификации фонемного состава корня. В таких случаях мы имеем дело с грамматическим способом, а значит, с внутренней флексией. Наиболее распространены морфологические чередования, когда данное чередование обусловлено фонетической позицией, но являет собой чередование морфемы перед определенной грамматической морфемой. К такому типу чередований

в словоизменении относятся чередования согласных: **к-ч, г-ж, х-ш**. В качестве примеров приведем несколько случайно выбранных глаголов: *пеку – печешь, бегу – бежишь,* прилагательных: *строг – строже,* вербализации: *глуп – оглуплять, лом – преломлять,* существительных: *нога – ножка, пастух – пастушок, кулак – кулачье.* Это примеры исторических чередований на границе основы-корня и суффикса.

Как отмечают В. Н. Денисенко, Б. Махамаду и М. А. Рыбаков, «морфологические чередования фонем в словообразовании современного русского языка характеризуются различной степенью регулярности внутри морфологических классов и разрядов слов» [2, с. 10-11]. Те чередования, которые регулярно сопровождают образование словоформ и являются обязательным свойством всех слов данного типа, обусловлены морфологической позицией и определяются как позиционные. Другие выполняют сопроводительную функцию словоизменения лишь в части слов целого грамматического разряда. Такие чередования имеют всеохватывающий характер.

Регулярные грамматические чередования, называемые внутренней флексией, в чистом виде встречаются редко: *набирать* (несов. вид) – *набрать* (соверш. вид), *называть – назвать, нанимать – нанять*. Однако в этих случаях речь идет не о чередованиях морфем, а об образовании новых слов: так же как *сух – сушь, рван – рвань, дик – дичь* и др. [14, с. 30].

В основу понимания фузионной тенденции в русском языке входит, с одной стороны, характер аффиксов (многозначность, нестандартность аффиксов, нечеткое или комплексное соединение аффиксов), с другой стороны, характер основы слова. А. А. Реформатский отмечает, что «в зависимости от того, господствует ли в данном языке или в данном типе языков тенденция агглютинации или фузии, существенно варьирует и такое явление» [6, с. 75].

О характере аффиксов и основ достаточно подробно написала А. В. Широкова в «Сопоставительной грамматике русского языка» [14, с. 29].

В фузионных языках основы, с одной стороны, не закончены и несамостоятельны, они требуют завершения формообразования аффиксов, например, именные основы беле-, рисова- нуждаются в оформлении (*беле-ет, беле-л, рисова-л*). С другой стороны, такие основы «лексичнее», т.к. они сохраняют свойства порождающих их лексем [11, с. 82].

Суммируя все это, можно сказать, что в русском языке в слове основа и аффиксы тесно связаны между собой внешне и внутренне и в составе этих «сплавов» теряют свое значение, как бы «затухают» и стираются. Например, *стар-ание* [7, с. 69].

Важным следствием тенденции фузии является общая грамматическая предрасположенность русского языка к синтетизму. На характер синтетизма в языках (т.е. характер синтетического строя) указывал Ф. Ф. Фортунатов, когда отмечал, что различие между языками в формах отдельных слов «может касаться не одних только значений форм, но и самого способа образования форм в словах» [12, с. 139].

А. А. Реформатский отмечает, что те черты языкового строя, которые связаны с понятием агглютинации, развиваются лишь при наличии тенденции к аналитизму. Тогда как при появлении тенденции к синтезу в языке развиваются фузионные явления [10, с. 64].

В синтетических языках суффиксальная морфема обладает сложным значением (или совокупностью отдельных идей). Например, в значение русской флексии **-ы** в словах *жены, воды, страны* и т.п. входят следующие частные значения: 1) идея падежа (здесь род. пад.); 2) идея ед. ч.; 3) представление женского грамматического рода; 4) представление категории существительных [8, с. 52].

В армянском языке в словах *dprocnerin, p'ayterin, šenk'erin* (‘домам, дровам, зданиям’) грамматические морфемы *-er-* или *-ner, i* и *n*. Первые выражают категорию числа, вторые – дат. п., третьи – определенность. В этих примерах каждая грамматическая категория выражается с помощью отдельной морфемы: каждая морфема выражает только одно грамматическое значение. Это особенность агглютинативных языков, и в падежной системе армянского языка превалирует агглютинативный тип.

В русском языке существительные (как и прилагательные) в склонении изменяются и по падежам, и по числам, иначе говоря, русский падежный суффикс заключает в себе не только значение падежа, но и значение определенного числа – ед. или мн. (а кроме того, и указание на определенный грамматический род, и на принадлежность к категории существительных, т.е. значение русского суффикса представляет синтез четырех идей). Это значит, что число форм склонения и, следовательно, падежных суффиксов в русском языке удваивается.

В армянском языке число падежных суффиксов соответствует числу падежей: одни и те же падежные суффиксы служат и для ед., и для мн. числа. Склонение ед. и мн. числа отличается лишь вставкой суффикса мн.ч. – *ner*.

В примерах *grir, gorcir, srir* (‘пиши, вяжи, точи’) морфема *-ir* выражает сразу несколько грамматических значений. Это: а) глагольный смысл; б) императив; в) ед. ч.; г) II лицо. В этих примерах различные грамматические значения в слове выражаются с помощью одной частицы (*-ir*). Это характерно для флективных языков. В спряжении армянских глаголов проявляется флективный тип.

В современном армянском языке существительные могут образовываться различными способами словообразования – суффиксацией, сложением, сокращением, аббревиацией. В качестве синтетического сложения можно рассмотреть следующие случаи:

а) существительное + существительное, где первый компонент дополняет второй, выражая формальное значение род. п. *getap'* (‘берег реки’) от geti ap’;

б) существительное + глагольный корень, при котором образуются имена действующего лица, названия инструментов в значении субъектного причастия:

***bana**ser* (‘филолог’), ***akana**net* (‘миномет’) (подчеркнутая часть – глагольный корень).

В современном армянском языке существительные образуются также с помощью аналитических сложений, а именно:

а) *t’ew ew t’ikunk’* (дословно: ‘крыло и спина’, т.е. ‘твердая, надежная защита, опора’); *hayr ew mayr* (‘отец и мать’) – это союзные сочетания;

б) *gišer-cerek* (‘денно и нощно’), *cucahandes-vačark’* (‘ярмарка-продажа’) – это примыкающие сочетания;

в) *mart’-murt’* (‘некий человек’ или его отсутствие), t’uxt’-muxt’ (‘какая-то бумажка’) – это повтор.

Синтетическое и аналитическое сложение распространяется и на прилагательные, однако этому явлению в данной работе не уделяется внимания ввиду ограниченности объема. Что касается чередования, то в армянском языке внешняя флексия доминирует над внутренней флексией. Если в русском языке в глагольной системе внутренняя флексия только указывает на вид глагола, тем самым как бы образуя новое слово, то в армянском языке внутренняя флексия – это парадигма существительного. Внешняя флексия как в русском, так и в армянском языках может быть использована и при спряжении, и при склонении, но, надо оговориться, каждая система будет иметь свою собственную флексию.

Заключение

Выводы. Итак, для современного армянского языка характерно использование аналитизма и техники агглютинации, а именно:

- в падежной системе современного армянского языка доминирует агглютинативный тип; агглютинативные характеристики армянских падежных показателей оказываются взаимообусловленными;
- флективный тип проявления грамматических значений наблюдается исключительно в системе спряжения современного армянского языка;
- в грамматике современного армянского языка преобладает внешняя однозначная флексия;
- аналитическими средствами выражения грамматических значений также являются служебные слова.

Типологически релевантная характеристика русского языка – синтетизм – более всего представлена тенденцией фузии. В русском языке именно фузия как характерная отличительная черта связи основы и аффиксов является определяющей тенденцией грамматического строения слова, что в целом соответствует синтетическому строю.

В отличие от армянского языка, многофункциональность русской падежной флексии, её нестандартность, наличие различных парадигм (типов склонения), многозначность флексии и участие чередований в построении грамматических форм являются взаимообусловленными системными признаками синтетического русского языка.

Типологические наблюдения над диахроническими и синхроническими явлениями в двух индоевропейских языках – армянском и русском позволяют утверждать, что структурные принципы аналитизма и синтетизма, проявляющиеся в агглютинации и фузии в парадигмах словоизменения и способах словообразования, создают перспективы для дальнейшего исследования в плане диахронической типологии индоевропейских языков, прежде всего для исторически и системно обоснованного объяснения синхронных различий между двумя рассмотренными языками этой семьи.

Источники | References

1. Гарибян А. Р. К вопросу о месте и значении армянского языка в системе индоевропейских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 13 с.
2. Денисенко В. Н., Махамаду Б., Рыбаков М. А. Статус и классификация морфологических чередований в системе словоизменения русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2013. № 3. С. 9-13.
3. Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка / отв. ред. Э. Б. Агаян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 274 с.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Изд-е 2-е. Юрьев: Маттисеев, 1914. 461 с.
5. Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: Госиздат УзССР, 1934. 182 с.
6. Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строя языка. М.: Наука, 1987. 262 с.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
8. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / пер. с англ.; прим. и вводная статья А. М. Сухотина; предисл. С. Л. Белевицкого. М. - Л.: Соцэкгиз, 1934. 298 с.
9. Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования). Мн.: БГУ, 1973. 144 с.
10. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.
11. Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971. 270 с.
12. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: в 2-х т. М.: Учпедгиз, 1956. Т. 1. 450 с.

13. Широков О. С. Введение в языкознание. М.: МГУ им. М. Ломоносова, 1985. 264 с.
14. Широкова А. В., Ахмед Н. Морфология имени во флективных и флективно-агглютинативных языках. М.: Изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1988. 93 с.

Информация об авторах | Author information

Чилингарян Камо Павлович[1]
[1] Российский университет дружбы народов, г. Москва

Chilingaryan Kamo Pavelovich[1]
[1] Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow

[1] *chilingaryan_kp@pfur.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): агглютинация; морфология; сопоставление родственных языков; диахроническая типология; флексия; agglutination; morphology; comparison of related languages; diachronic typology; inflectional ending.

Протоиерей Тигрий Хачатрян

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ БОГОСЛОВСКОГО ДИАЛОГА С АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И БОГОСЛОВИЯ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В настоящее время богословский диалог между Русской Православной и Армянской Апостольской Церковью находится в замороженном состоянии. «Первое согласованное Заявление по Христологии», принятое Смешанной Комиссией по богословскому диалогу между Восточными православными и Ориентальными православными церквами 20–24 июня 1989 года на встрече в монастыре Анба Бишой (Египет), и «Второе согласованное Заявление» в Шамбези (Швейцария) в 1990 году казалось бы открыли новую эру в истории диалога между Православными и Дохалкидонскими Церквами. Последовавшие за этим решения Священноначалия Русской Православной Церкви о начале прямого диалога с Армянской Апостольской Церковью предполагали обсуждение вопросов двухстороннего диалога по самым разным вопросам, включая болезненную тему разделения Церквей в VI веке и различные аспекты христологического наследия. Однако во время первого двустороннего собеседования между делегациями Русской Православной и Армянской Церкви 13–15 февраля 2001 года в Эчмиадзине (Армения) вопросы христологии не обсуждались... Богословский диалог заглох, но проблема осталась и проблема заключается в том, что в России живет больше миллиона армян. Нужна внятная и четкая вероучительная и каноническая позиция Русской Православной Церкви по отношению к Армянской Апостольской Церкви и вытекающая из этой позиции четкая катехизическая программа по отношению к крещенным в Армянской Апостольской Церкви, которая не обязательно должна укладываться в прокрустово ложе «многовековой дружбы народов» и их культурного взаимодействия.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Армянская Апостольская Церковь, Дохалкидонские церкви, христология, богословский диалог, богословская терминология, природа, сущность, ипостась, воля.

Для того чтобы более-менее ясно представлять себе христологическое учение Армянской Апостольской Церкви (далее — ААЦ), можно пойти двумя путями. В первом случае можно последовать примеру профессора Санкт-Петербургской Академии И. Е. Троицкого и, взяв за основу ««Изложение веры Армянской Церкви католикоса Нерсеса» [Троицкий, 1875], построить на его анализе свое понимание христологию ААЦ, но в XXI веке этот метод может показаться устаревшим, поскольку при всем огромном уважении к наследию и трудам блаженной памяти католикоса Нерсеса IV, мечтавшего о воссоединении с Православной Церковью, на основе одного его «Изложения» сложно составить полное представление об нюансах христологии ААЦ. Поскольку в XX веке поиск единства между христианскими конфессиями

Протоиерей Тигрий Вагаршакович Хачатрян — кандидат богословия, помощник ректора Курской духовной семинарии, заведующий кафедрой библейско-богословских дисциплин (tigriy@yandex.ru).

катализировал процесс взаимного изучения и «узнавания», то целесообразнее обратиться к результатам современных научных исследований.

Одной из таких работа является монография главы ОВЦС ААЦ архиепископа Езника Петросяна «Введение в христологию Армянской Церкви» [Պետրոսյան, 2016]. Это большой и серьезный систематический труд, представляющий собой некий поиск христологической «самоидентичности», в котором автор предпринимает попытку самоопределиться по отношению к Халкидонскому собору по всему кругу проблем, связанных с расколом и попытками воссоединения.

Епископ Езник утверждает, что обобщенно учение ААЦ о Христе изложено в следующих строках католикоса Нерсеса Шнорали (Благодатного) (1166–1173): «Одна сущность и одно лицо одного Христа из двух природ соединенных неизменным и нераздельным единством». Епископ Езник делает следующий вывод из исповедания католикоса Нерсеса: «Соответственно, после единения следует исповедовать Одну Божественную природу, состоящую из неизменного единства двух сущностей — совершенной человеческой и совершенной Божественной сущности» [Պետրոսյան, 2016].

Все эти формулировки армяне возводят к формуле «Едина природа Бога Слова воплощенная» свт. Кирилла Александрийского и считают эту формулу основной своего христологического исповедания [Սարգսեան, 1992].

В заключении своей монографии епископ Езник пишет следующие загадочные слова: «Одной из причин отвержения Халкидонского собора послужило еще и то обстоятельство, что к этому времени **Армянская Церковь уже имела свою христологию**, **против которой стал учить Томос Льва и Халкидонский собор»** [Պետրոսյան, 2016]. Что же за такую особую христологию имела ААЦ, против которой выступил папа Лев Великий и Халкидонской собор. Дело в том, что у армян к 435 году уже имелось полученное по их же просьбе совершенно прекрасное «Послание Прокла патриарха Константинопольского армянам о вере» [Послание святого Прокла к армянам, 1841]. Основные характеристики послания:

1. Б***о***льшая близость языка Прокла к языку Халкидона, чем Кирилла, чего не могут не замечать современные армянские богословы.
2. У Прокла отсутствует формула: «Едина природа Бога Слова воплощенная» [Болотов, 1992], о котором Кирилл только умолчал в своем послании «Да возвеселятся небеса», не переставая считать его самым совершенным. Прокл проповедует единство ипостаси, «μιαν την του σαρκοθεντος του Λογου Θεου υποστασιν». По словам В. В. Болотова, «этот документ (ответ Прокла) вообще вполне отвечает его назначению — посредствовать между богословами двух оттенков [Болотов, 1992]. Не забудем упомянуть о том, что святитель Кирилл отозвался о нем с высокой похвалой.

В свете наличия данного документа отвержение Халкидона сразу после проведения собора можно объяснить исключительно политической ситуацией после Аварайрского сражения. В V веке в Армению проникает антихалкидонская полемика сирийских монофизитов. В стране, где царил террор персов, происходили постоянные гонения на христиан и насаждался маздеизм (течение зороастризма), Церковь стремилась сохранить то, что было накоплено ею за недолгую историю христианства, а боязнь несторианства при невысоком богословском уровне духовенства, недоверие к грекам, отказавшимся помочь единоверным братьям в борьбе с персами, способствовали впадению армян в монофизитство [Нелюбов, 1992], как справедливо писал профессор МДА Б. Нелюбов в своей статье «Древние Восточные Церкви. Армянская Церковь».

Первыми проводниками монофизитства были Симеон Бет-Аршамский и Абдишо. Мы находим различные Топосы, известные из других монофизитских источников. Смысл их сводится к следующему: приверженцы Халкидона — это, разумеется, «несториане»; Собор 451 года, равно как и Томос папы Льва учат о двух природах и двух лицах во Христе после воплощения; учением, о двух лицах определяется и учение о двух сынах; то есть и в учения о Троице вводится четвертое Лицо. Все это вкратце объединяет один анафематизм, высказанный Абдишо в своем произведении

«Об анафематствовании всех еретиков, которые выступали против православных»: «Кто учит о нераздельном единстве двух природ или двух Лиц (προσωπα, по-армянски: dems) и образов (μορφαι, по-армянски: kerparans) во Христе и тем самым вводят в Троицу четверицу, да будет проклят» [Николаев, 1979].

Последней серьезной попыткой присоединения ААЦ в позднем средневековье были начинания католикоса Нерсеса IV и византийского императора Мануила I Комнина. Наверное, все бы закончилось благополучно на соборе, созванном Нерсесом в 1173 году, если бы по одной из версий греки не выдали бы в пылу полемики тайны переписки Нерсеса и Мануила.

Особо следует обратить внимание на «Изложение веры Армянской Церкви католикоса Нерсеса», потому что именно этот документ лег в основу диссертационного исследования профессора СПбДА И. Е. Троицкого. Нужно честно сказать, что в русской богословской науке прошлого христологическое наследие Армянской Апостольской Церкви являлось областью мало исследованной, и единственная серьезная работа была написана в XIX веке профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии И. Е. Троицким [Троицкий, 1875]. И. Е. Троицкий принял на себя труд критического исследования наиболее полного древнего армянского вероучительного памятника — символической книги «Изложение веры Армянской Церкви католикоса Нерсеса» по шести имеющимся в научной литературе ее переводам. В 1875 году за свое исследование И. Е. Троицкий был удостоен звания доктора богословия. В своей речи перед защитой диссертации профессор И. Е. Троицкий отметил, что догматические памятники Армянской Церкви «требуют тщательного пересмотра и отделения друг от друга тех разнородных элементов, которые до сих пор мирно покоятся в них друг возле друга, — элементы православные и монофизитские» [Публичные прения…, 1875].

В своей речи И. Е. Троицкий выразил надежду на то, что «отделение пшеницы от плевел» произойдет в лоне самой Армянской Церкви, и она сможет утвердиться на православных началах. «Задачу эту легче может разрешить сама Армянская Церковь, и когда она снимет эти наносные слои, то непременно откроет закрытую под ними православную истину и опознает в ней ту древнюю веру, которую некогда приняла от матери своей Восточной Церкви, которую хранила до печального разрыва с нею и за которую так много страдала. А когда она придет к этому открытию, а она придет к нему несомненно, то вопрос о воссоединении ее с Православной Церковью решится сам собою» [Публичные прения…, 1875].

Если внимательно проанализировать немногочисленные, но довольно недвусмысленные заявления современных армянских богословов, придется признать, что И. Е. Троицкий был слишком оптимистичен в своих прогнозах.

Для справки. Впервые в новейшей истории на Всеправославном совещании на острове Родос в 1961 году было принято решение начать обсуждение основных вопросов христианской жизни и вероучения Православных и Дохалкидонских Церквей. Затем последовали официальные и неофициальные консультации между представителями Православных и Древних Восточных Церквей, результатом которых стало «Второе общее заявление и предложения Церквам» Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Православной и Восточными Православными Церквами в Шамбези (Швейцария) 23–28 сентября 1990 года. Несмотря на то, что этот важный документ, появившийся в результате 3-х десятилетий переговоров, констатировал отсутствие догматических расхождений в области христологии, Архиерейский Собор РПЦ 1997 года по результатам обстоятельного изучения этого документа в Синодальной Богословской комиссии (1994–1997), приветствовав «дух братства, взаимопонимания и общего стремления быть верными апостольскому и святоотеческому Преданию, который выражен Смешанной богословской комиссией», принял, что «Заявление» «не должно рассматриваться как окончательный документ, достаточный для восстановления полного общения между Православной Церковью и Восточными Православными Церквами, так как содержит неясности в отдельных христологических формулировках» [Основные принципы, 2000].

Во исполнение постановления Собора Священный Синод Русской Православной Церкви 30 марта 1999 года принял решение о начале прямого двустороннего диалога Русской Православной Церкви с Древними Восточными Церквами. Данное решение было одобрено Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года.

6 июля 2000 года в Москве, в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата, состоялись переговоры митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, с епископом Езником, председателем Отдела внешних церковных сношений Армянской Апостольской Церкви. Со стороны Русской Православной Церкви во встрече также приняли участие секретарь Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по межхристианским связям игумен Иларион (Алфеев) и сотрудник секретариата по межхристианским связям В. В. Шмалий.

Целью встречи было определение практических шагов по реализации договоренностей о начале прямого двустороннего диалога между Армянской Апостольской и Русской Православной Церквами, принятых на переговорах Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II со Святейшим Верховным Патриархом и Католикосом всех армян Гарегином II в ходе исторического визита Предстоятеля Армянской Апостольской Церкви в Москву в 2000 году. В ходе переговоров 6 июля были достигнуты следующие договоренности: среди прочего было решено, что с повестки дня диалога не должна сниматься и собственно богословская проблематика. При этом стороны согласились, что богословский диалог должен быть тщательно подготовлен и основываться на серьезной совместной исследовательской работе богословов и ученых двух Церквей. Богословская проблематика диалога не должна ограничиваться одной христологией. Желательно включение в нее таких тем, как мариология, иконопочитание, агиология, образцы и идеалы святости и духовной жизни. Существенным направлением в совместных богословских трудах может стать изучение темы Предания и, в частности, места и роли Вселенских Соборов в Церкви. Стороны констатировали общность позиций в отношении «Второго общего заявления и предложения церквам», подписанного в Шамбези в 1990 году, которое, по их мнению, не может рассматриваться как окончательное.

4. В целях планирования и наблюдения за ходом диалога было решено создать рабочую группу в составе четырех человек, в которую войдут по два представителя от Армянской Апостольской и Русской Православной Церквей.

5. Для проведения диалога должна быть создана богословская комиссия из двенадцати человек (по шесть представителей от каждой Церкви). В комиссию должны войти иерархи, священнослужители, богословы, ученые и специалисты двух Церквей. Время проведения первой встречи комиссии — первая половина 2001 года.

13 февраля 2001 года в Эчмиадзине в Армении открылось первое двустороннее собеседование между делегациями Русской Православной и Армянской Церкви.

Делегацию Русской Православной Церкви возглавлял первый заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископ Калужский и Боровский Климент, делегацию Армянской Апостольской Церкви — председатель ее Отдела внешних церковных сношений епископ Езник (Петросян). Участники собеседований, которые продлились до 15 февраля, рассмотрели вопросы взаимоотношений Церкви с нацией, государством и светским обществом, миром политики, а также проблемы экономики, экологии, биоэтики, образования, международных отношений. Базой для дискуссии послужили Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

Несмотря на решения 2000 года, в рамках первого двустороннего богословского собеседования с 13 по 15 февраля ни один богословский вопрос не поднимался и не обсуждался...

Можно предположить, что для национального самосознания армян вопросы веры и историческая борьба за свою церковную (подчас вероучительную. — *прот. Т.Х.*)

независимость от греков является табуированной сферой, выполняющей некие охранительные функции. Возможно с этим связано, что на «внешнее потребление» армянские священнослужители предлагают сдержанную умеренную позицию, суть которой хорошо уясняется из диалога, который состоялся между председателем ОВЦС Русской Православной Церкви митрополитом Волоколамским Иларионом (Алфеевым) и главой Новонахичеванской епархии ААЦ епископом Езрасом Нерсисяном в телевизионной программе «Церковь и мир» на канале «Россия 24» 26.04.2014 [«Церковь и мир», 2014]. Суть этой позиции сводится к простой формуле: мы исповедуем Одного и Того же Иисуса Христа, состоящего из Божества и человечества, просто вы говорите две природы, а мы одна природа — богочеловеческая. Однако на «внутренне потребление» для прихожан ААЦ, читающих тексты на армянском языке, армянские богословы предлагают совершенно другую позицию, которая практически ничем не отличается от позиции армянских епископов II Двинского собора, которые анафематствовали Халкидонский собор и всех, кто исповедует его учение [Արամեան, 1992]. Это программная статья наиболее авторитетного священника ААЦ Месропа Арамяна, который в интервью журналу «Анив» заявляет: «...мы признаем православие только пяти восточных церквей — нашей, Коптской, Эфиопской, Сирийской, Индийско-Малабарской. Халкидонские Церкви, с точки зрения вероучения ААЦ, не считаются православными» [«Труд духовный», 2009]. Это редкий случай, когда в русскоязычном ресурсе армянский священник говорит то, что в основном предлагается прихожанам ААЦ. В том же интервью священник Месроп делает шокирующее заявление: «Мы считаем, что истина православной веры сохранена нерушимо ***именно*** Армянской Апостольской Церковью» [«Труд духовный», 2009]. Вардапет[1] Сепух Саркисян в своей программной работе «Таинства и обряды Армянской Церкви» достигает апогея этнофилетизма: «Армянская Церковь, являясь единой и неделимой частью Христовой Церкви, *по сути* является национальной Церковью, то есть относится только к чадам армянского народа. Армянская Церковь отныне отождествлена с армянским народом и в таком ее качестве представители других народов не могут быть ее чадами» [Սարգսեան, 1992].

Ситуация неблагоприятная и, по крайней мере, требует разъяснения со стороны богословского сообщества ААЦ.

Одной из наиболее серьезных проблем, по сути недооценённой предпосылкой к диалогу, является уточнение христологических терминов, используемых в обеих традициях, с точки зрения их философских оснований. По этой теме в современной отечественной богословской периодике следует отметить работы Рубена Мкртчяна, рассматривающие попытки согласования концепций общих и частных природ [Мкртчян, 2013].

Богословский диалог заглох, но проблема осталась и проблема заключается в том, что в России живет больше миллиона армян. У нас нет проблем с коптами, ассирийцами или эфиопами, потому что их практически в России нет, а вот с армянами есть. Армяне приходят в наши храмы, просят Крещения, Миропомазания, Венчания, иногда Исповеди и Причастия. В подавляющем большинстве они совершенно религиозно безграмотные люди. Они ничего не знают про разделение Церквей, а наши священники в массе своей ничего не знают про армян. Потому что в рамках существующего Учебного плана, который мы получаем из Учебного Комитета, студент нашей семинарии при отсутствии личной инициативы получает самые скудные и чаще всего устаревшие сведения об ААЦ, которые потом активно высмеивают сами армянские священнослужители. Ни в курсе Истории Древней Церкви, ни общецерковной истории, Сравнительного богословия мы ничего не узнаем о богословии ААЦ, христологии, две-три строчки из «Вселенских соборов» Карташева нас не спасут. Нужна внятная и четкая вероучительная и каноническая позиция нашей Церкви по отношению у ААЦ.

---

[1] Вардапет — особое сословие ученого монашества в ААЦ, обладающее привилегией проповедовать и наставлять паству. В сословии имеются 12 ступеней.

Если бы вся разница в исповедании веры сводилась к упомянутому «мы говорим две природы, а Вы говорите одна природа воплощенная», тогда можно было утверждать, что произошла досадная ошибка недопонимания друг друга в прежних веках, которую мы сейчас можем быстро исправить. Но при внимательном изучении армянского наследия оказывается, что этого крайне недостаточно. Потому что количество оттенков армянской христологии таково, что для нахождения среднеарифметического между наследием армянских отцов требуется колоссальная работа: тут и проблема афтордокетизма, и принципиально разное понимание воль и действий во Христе, — отсюда полное неприятие армянами VI Вселенского собора, и необходимость согласования концепций общей и частной природы и многое другое.

На данный момент предпосылки диалога отсутствуют, но остается проблема просвещения наших студентов в семинариях и проблема грамотного построения катихизации армян для принятия в лоно Православной Церкви.

11 апреля 2006 года решением Священного Синода был создан целый Ученый Совет для изучения доктрин дохалкидонских Восточных церквей [Журналы заседания Священного Синода, 2006]. В него вошли 9 лиц, но только один из них имел отдаленное отношение к пониманию богословия ААЦ.

1) Епископ Егорьевский Марк, заместитель Председателя ОВЦС — председатель;

2) протоиерей Валентин Асмус, преподаватель Московской Духовной академии;

3) священник Олег Давыденков, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;

4) священник Владимир Шмалий, проректор Московской Духовной академии, секретарь Синодальной Богословской комиссии;

5) священник Игорь Выжанов, секретарь ОВЦС по межхристианским отношениям;

6) диакон Сергий Говорун, преподаватель Московской Духовной академии, сотрудник ОВЦС (православная христология) — секретарь;

7) священник Александр Васютин, сотрудник ОВЦС;

8) Нелюбов Борис Александрович, профессор МДА.

К сожалению, после данного определения Священного Синода богословское сообщество не услышало и не узнало про деятельность этой особой структуры, которая судя по всему так и осталась на бумаге...

В 2018 году трудами и усердием некоторых православных армян при поддержке настоятеля кафедрального Собора города Москвы протоиерея Александра Агейкина в целях издана брошюра «Вопрос участия армян в таинствах Православной Церкви» для храмов города Москвы и Курской митрополии. Эта работа составлена для священников с целью облегчения катехизации крещенных в ААЦ лиц. В ней есть необходимый минимум сведений об отношении православия к инославию, рассмотрены ключевые вопросы IV–VI Вселенских соборов, судьбы ААЦ в эпоху Вселенских соборов, трагедия разделения, отдельная глава посвящена незаслуженно забытой традиции армян-халкидонитов, а в конце приведен чин присоединения армян к Православной Церкви.

Есть надежда, что данная брошюра станет первой ласточкой в деле присоединения к Православной Церкви ищущих духовного окормления и наставления армян, разбросанных по всей России.

Источники и литература

1. Болотов (1994) — *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. IV. М., 1994, С. 234–235.

2. Мкртчян (2013) — *Мкртчян Р. А.* Концепции общей и частной природ в христологии халкидонитов и дохалкидонитов // Церковь и время. № 2 (63).

3. Николаев (1979) — *Николаев Е., диакон.* Сравнительный анализ христологического вероучения Армяно-Григорианской и Православной Церквей (IV–XII вв.). Курсовое сочинение. Л.: Ленинградская Духовная Академия. 1979. С. 16 (Машинопись).

4. Нелюбов (1999) — *Нелюбов Б.* Древние Восточные Церкви. Армянская Церковь. // «Альфа и Омега». 1999. 2 (20). С. 313.

5. *Основные принципы (2000) — Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. Отношения с Древними Восточными (дохалкидонскими) церквами (документ, принятый на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года).* URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840 (дата обращения: 5.11.2019)

6. Программа (2014) — телевизионная программа «Церковь и мир» на канале «Россия 24» 26.04.2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=B4_WfDXX3wM (дата обращения: 5.11.2019).

7. Прения (1875) — Публичные прения в Санкт-Петербургской Духовной Академии об Армянской Церкви. // «Церковный Вестник». 1875. № 17. С. 7, 9.

8. Прокл (1841) — *Святого Прокла архиепископа Константинопольского,* Послание к армянам о вере. // Журнал «Христианское чтение, издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной Академии». СПб.: 1841 г. Часть I. С. 351–375.

9. Троицкий (1875) — *Троицкий И. Е.* Изложение веры Церкви Армянской, начертанное Нерсесом, католикосом Армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила. Санкт-Петербург. 1875.

10. «Труд духовный» (2009) — «Труд духовный» (интервью с о. Месропом Арамяном в журнале Анив 24.07.2009). URL: http://www.aniv.ru/archive/14/trud-duhovnyj-intervju-s-omesropom-aramjanom/ (дата обращения: 5.11.2019).

11. Պետրոսյան (2016) — Եզնիկ արքիեպիսկոպոս Պետրոսյան. Ներածություն Հայ եկեղեցու քրիստոսաբանության: Երեվան, 2016, 192 էջ:

12. Արամէան (1992) — Մէսրոպ քահանա Արամէան. Հայ եկեղեցու քրիստոսաբանական մտքի ուրվագծեր (Դ-Ը դդ.). Երեվան. 1992. Գանձասար. Բ. էջ 86–122:

13. Սարգսեան (1992) — Սեպուհ ծայրագոյն վարդապետ Սարգսեան. Հայոց եկեղեցու խորհուրդներն ու ծեսէրը. Երեվան. 1992. Գանձասար. Ա. էջ 56–57, 59:

Archpriest Tigry Vagarshakovich Khachatryan. **Preconditions for the revival of the theological dialogue with the Armenian Apostolic Church and the problem of teaching the history and theology of the Armenian Apostolic Church in theological schools of the Russian Orthodox Church.**

Abstract: Currently, the theological dialogue between the Russian Orthodox and Armenian Apostolic Church is in a frozen state. “The First Agreed Statement on Christology” adopted by the Joint Commission on Theological Dialogue between the Eastern Orthodox and Oriental Orthodox Churches on June 20–24, 1989 at a meeting in Anba Bishoy Monastery (Egypt), and the “Second Agreed Statement” in Chambesi (Switzerland) in 1990 the year, it would seem, opened a new era in the history of dialogue between the Orthodox and Dohalkidon Churches. The subsequent decisions of the Hierarchy of the Russian Orthodox Church on the beginning of a direct dialogue with the Armenian Apostolic Church (hereinafter referred to as the AAC) presupposed discussion of bilateral dialogue on a variety of issues, including the painful topic of the separation of Churches in the VI century and various aspects of the Christological heritage. However, during the first bilateral interview between the delegations of the Russian Orthodox and Armenian Church on February 13–15, 2001 in Echmiadzin (Armenia), Christology issues were not discussed ... The theological dialogue was stalled, but the problem remained and the problem is that more than a million Armenians live in Russia. What is needed is a distinct and clear doctrine and canonical position of the Russian Orthodox Church in relation to the AAC and a clear catechetical program arising from this position in relation to those baptized in the AAC, which does not

have to fit into the Procrustean bed of the "centuries-old friendship of peoples" and their cultural interaction.

Keywords: Russian Orthodox Church, Armenian Apostolic Church, Dohalkidon churches, Christology, theological dialogue, theological terminology, nature, essence, hypostasis, will.

Archpriest Tigry Vagarshakovich Khachatryan — candidate of theology, assistant to the rector of the Kursk Theological Seminary for scientific work, head of the department of biblical and theological disciplines (tigriy@yandex.ru).

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 108–112.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 108–112.

Научная статья
УДК 94(4)"1914/19"
https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18

Коммеморативные детские практики геноцида армянского населения в Турции в период Первой мировой войны

Лиана Юрьевна Манвелян
Армавирский государственный педагогический университет, Краснодарский край, Армавир, Россия, _lianchik_777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4043-0246

Аннотация. В статье исследуются условия формирования коммеморативной детской практики, касающейся периода геноцида армянского населения в Турции. Актуальность темы определилась тем, что ее изучение позволяет глубже понять механизм возникновения таких практик, направленных одновременно на презентацию прошлого и его оценочную репрезентацию в настоящем. Показана неоднозначность детской коллективной памяти. С одной стороны, геноцид армян стал метанарративом травматической памяти, основанной на этнизированных сообщениях «армянин – жертва», «турок – убийца», с другой – дети – участники тех страшных событий – обеспечивали героизацию образа выживших. Поэтому особое внимание уделяется практикам детского выживания для доказательства того, что детей нельзя считать только жертвами, они были активными творцами своей жизни – «самоспасенными». Автор приходит к выводу, что память детей о геноциде зафиксировала пассивные и активные формы выживания, а коммеморативные детские практики конструируются в процессе межличностного взаимодействия как с помощью эмпатически обусловленных механизмов аффективной идентификации с Другими, сочувствия и сопереживания им, так и за счет личностной рефлексии ответственности перед собой и Другими.

Ключевые слова: геноцид армян, сироты, сексуальное насилие, коммеморация, метанарратив, детство, «память жертвы», тюркизация

Для цитирования: Манвелян Л.Ю. Коммеморативные детские практики геноцида армянского населения в Турции в период Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 108–112. https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18

Original article

Commemorative children's practices of the Armenian Genocide in the Turkey during the First World War

Liana Yu. Manvelyan
Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, _lianchik_777@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4043-0246

Abstract. The article examines the conditions of the formation of commemorative children's practice concerning the period of the Armenian Genocide in Turkey. The relevance of the subject is determined by the fact that its study allows us to better understand the mechanism of the emergence of such practices, aimed simultaneously at the presentation of the past and its evaluative representation in the present. The ambiguity of children's collective memory is shown. On the one hand, the Armenian Genocide became a meta – narrative of traumatic memory, based on the ethnized messages "Armenian – victim", "Turk – murderer", on the other – the children – participants of those terrible events-provided the heroization of the image of the survivors. Therefore, special attention is paid to the practices of child survival to prove that children cannot be considered only victims, they were active creators of their lives – "self-saved". The author comes to the conclusion that the memory of children about the genocide recorded passive and active forms of survival, and commemorative children's practices are constructed in the process of interpersonal interaction both with the help of empathically conditioned mechanisms of affective identification with Others, compassion and empathy for them, and through personal reflection of responsibility to oneself and Others.

Keywords: Armenian genocide, orphans, sexual abuse, commemoration, metanarrative, childhood, "memory of a victim", turkization

For citation: Manvelyan L.Yu. Commemorative children's practices of the Armenian Genocide in the Turkey during the First World War // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 108–112. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18

Коммеморативные практики геноцида являются важной составляющей коллективной памяти армянского народа. По мнению Г. Шагоян, отдельные исторические сюжеты, такие как геноцид, в силу обстоятельств работают как метанарратив, ставший доминирующим в коллективной памяти событием, объясняющим многие последующие жизненные установки народа [1]. Другими словами, геноцид армянского населения превратился в предмет «долгой памяти», который не перестает транслироваться из поколения в поколение.

Важными акторами обозначенных событий были дети. Именно их нарратив лег в основу формирования исторической памяти о тех днях. Дети, которым удалось выжить, стали трансляторами информации, зачастую опровергая устоявшийся геноцидальный метанарратив, базирующийся на этнизированных сообщениях «армянин – жертва», «турок – убийца».

Конечно, нельзя отрицать, что детская память запечатлела травму в этнических категориях. По мнению исследователя Д. Динера, когда травма выражается в таких категориях, это, с одной стороны, становится действенным механизмом ее распространения на всю этническую группу, с другой – выступает гарантией ее передачи последующим поколениям [2, р. 109].

В то же время в современной историографии, посвященной проблеме геноцида армянского населения, все чаще появляются работы, указывающие на «детскую волю» при выборе жизненного пути. Их авторы пытаются донести до читателя идею о том, что армянских детей нельзя рассматривать только как пассивных жертв, принимающих безропотно свою участь. Они опираются на воспоминания, в которых яркой линией проходит свобода выбора жизненного пути в экстремальных условиях.

Итак, безусловно, оставшись без защиты своих мужчин, женщины, дети и старики должны были стать легкой добычей. Данные группы населения были вынуждены терпеть пытки, идти пешком по пустыням, теряя своих близких. У них не было ни еды, ни воды, чтобы выжить в период депортации, тем не менее они боролись за свою жизнь и не сдавались. Османские солдаты насиловали, пытали и убивали их во время марша смерти. Несмотря на это, турецким властям так и не удалось убить у армянских детей чувство стремления к жизни, веру в лучшее и надежду.

Часто осознанно мать или сам ребенок предпочитал разлуку с семьей и для выживания пытался попасть в приют. Многие воспоминания армянских детей того периода связаны с их жизнью в приютах. Лучшие условия детям-сиротам или выбравшим осознанно этот путь создавали иностранные приюты, в которых не было открытого отуречивания армянских детей.

Немецкие евангелистские проповедники открыли в Мараше первый сиротский приют «Бейтел», где нашли убежище сотни армянских детей. Чтобы спасти дочь Шнорхиг и еще 14 сирот, мать Вартуха решила отправить их в этот приют. Конечно, данный выбор дался женщине нелегко, но это был шанс на спасение, к тому же в приюте была больница, где оказывали помощь истощенным детям. Шнорхиг вспоминает, что могла есть только теплое мясо, т. к. внутренности ее желудка были настолько пересохшими, что она была не в состоянии глотать твердую пищу. Она сообщает и о других детях, которые жили в приюте, они постоянно плакали и жаловались на боли в животе. Сотрудники утешали их и делали все возможное, чтобы уменьшить боль. Часто таких подопечных отправляли туда, где им можно было оказать особую помощь. Однако большинство детей не смогли оправиться от опустошительного голода и умерли. Шнорхиг 2 года прожила в приюте в Мараше. По ее мнению, для нее это было лучшее место, чем любое другое приютское учреждение [3].

Приют был организован протестантскими миссионерами. Здесь она нашла «мать» и «отца», которые заботились о детях. Когда Шнорхиг исполнилось 16 лет, ей разрешили покинуть приют. Она приняла решение уехать из Бейрута. Девушка-подросток решила воссоединиться с семьей, которая проживала в США. 1 мая 1924 г. она поднялась на борт «Праги». За 30 дней пребывания на корабле она выучила английский и французский языки. Конечным пунктом назначения был Бингемтон (штат Нью-Йорк), где обосновались выжившие члены ее семьи, включая мать. Когда она снова ее увидела, то поняла, что все выпавшие на ее долю испытания были не зря, она смогла выжить, доказала всем, что способна стать счастливой и построить свою судьбу самостоятельно, как бы сложно это ни было. В воспоминаниях Шнорхиг доказывает, что все может наладиться, пока жива надежда, только смерть нельзя исправить. Период геноцида она воспринимает как суровую школу жизни, которая помогла ей найти себя, осознать настоящие ценности и счастье, сделала ее добрее, т. к. забота о других, особенно маленьких детях, предполагает наличие большого любящего сердца. С теплотой и благодарностью она вспоминает и своих воспитателей из приюта [4].

Часто дети пытались устроиться слугами. Они подходили к хозяйкам и предлагали свои услуги. Многие были согласны на любую работу, чтобы обеспечить себя кровом, пищей и главное – защитой.

Наиболее болезненным аспектом коммеморации геноцида, наравне с памятью о погибших, безусловно, является проблема освещения вопросов сексуального насилия и потери национальной идентичности армянского населения [5].

В письмах Р. Герян, организатор и участник спасательных операций, отмечает, что ему встречались разнообразные стратегии выживания: от открытого сопротивления и борьбы за свободу до смирения и отсутствия желания что-либо изменить. От выбранной стратегии зависела и память о тех событиях [6].

Р. Герян сформировал отряды всадников, которые под его командованием искали и спасали армянских сирот и женщин из шатров бедуинов в пустыне. Иногда эти группы переходили границу, чтобы попасть на турецкую сторону и освободить женщин и детей, похищенных турками и курдами. Спасенных размещали в Алеппо. Палатки служили убежищами для сирот, беженцев и вдов, которые бежали из Турции или спаслись от бедуинов. Все они обеспечивались едой, медицинской помощью и одеждой; их личности проверялись, а имена отправлялись в газеты, церкви и армянские общины для поиска родственников. Много людей приходило из города, чтобы найти братьев и сестер среди новоприбывших или получить информацию о судьбе близких. Многие спасенные армянские мальчики не оставляли Р. Геряна и пытались помочь ему в его миссии. Они имели опыт жизни среди арабов и знали места проживания усыновленных армян. Были также группы молодых людей, просивших совета и разрешения Р. Геряна участвовать в спасательных операциях или проводить их отдельно.

Одним из сложных вопросов того периода являлась судьба сирот и женщин, отказывавшихся признавать свою армянскую идентичность по самым различным причинам. Большинство из них были оторваны от армянских корней в юном возрасте и забыли родной язык и национальность. Однако существовали и сироты, которые, помня об этом, не признавали армянского происхождения, что чаще всего было связано со страхом за свою жизнь. Р. Герян отмечал следующее: «Влияние ужасов прошлого было настолько велико, что иногда они предпочитали не спасаться, а продолжать жить как наложницы и чувствовать себя в безопасности» [7].

Очевидцы и современники событий геноцида в мемуарах указывали, что многие девочки и девушки, которые оказались в плену, не раз пытались из него сбежать, хотя знали, что в случае поимки будут серьезно наказаны. Они стремились любой ценой, даже ценой собственной жизни, стать свободными. Многие не смирились, день и ночь молились о спасении, сохраняли язык и веру. Даже в гаремах некоторые из них не переставали быть армянками-христианками. После спасения они носили крест на шее и вспоминали истязания за веру и отказ перейти в ислам, но с гордостью говорили о том, что их не удалось сломить.

Особое беспокойство вызывали судьбы армянских девушек, спасенных из гаремов или борделей. Традиционно они считались опозоренными, потерявшими честь. В данном случае речь шла о массовом насилии, истреблении целого народа, поэтому было жизненно необходимо изменить отношение к жертвам, дать им шанс быть счастливыми, помочь пережить кошмары прошлого. Не только общество должно было поменять восприятие, но и сами жертвы не должны были считать прошлое позором. Многим так и не удалось преодолеть травму. Это проявляется и в том, что для выживших девушек и девочек даже в зрелом возрасте обозначенная тема представляла табу. Они старались замалчивать факт сексуального насилия, в воспоминаниях говорили об этом только в отношении других, но не себя лично.

Многие армянские деятели стали активно призывать армянских добровольцев жениться на сиротах и девушках, подвергшихся сексуальному рабству в целях создания полноценной семьи. Таким образом, миссия по спасению тысяч детей и подростков выступала одним из самых острых вопросов в постгеноцидный период, который требовал срочного решения.

Изучая проблему формирования коллективной памяти, нельзя не затронуть аспект отражения стратегии выживания детей. Доступная литература по армянскому геноциду более насыщена вопросами смерти и страданий, чем выживания и жизнестойкости детей. Исследования, посвященные обращению в ислам, усыновлению/удочерению и похищению детей, интересуют ученых, но опять же в целях формирования «памяти жертвы». Зачастую такой подход к памяти можно считать однобоким.

Армянские дети были не только жертвами, они обладали стратегиями выживания и сопротивления. В борьбе за жизнь они проявляли инициативу, принимали личные решения, манипулировали окружающими и таким образом становились активными агентами истории геноцида. Многие дети, пережившие его, хотели, чтобы их дети и внуки знали, как они боролись, понимали и помнили героизм каждого маленького человека. Они стремились сформировать память не жертвы, а героя, о чем свидетельствуют многочисленные источники (устные истории, мемуары, дневники). Дети, ставшие взрослыми, были против того, чтобы их считали жертвами, достойными лишь жалости. Наоборот, эти свидетели желали, чтобы о них говорили как о героях: «твой дед

сумел выжить», а возможно, и спасти других детей. Данные источники содержат свидетельства того, что даже в страшных условиях геноцида дети продолжали искренне дружить, играть, строить отношения, справляться со смертью и потерей близких.

В связи со сказанным особый интерес представляют работы Н. Максудяна. Исследователь собрал воспоминания выживших детей, изображающие счастливые моменты, полные смеха и игривости, несмотря на явный стресс от пережитых потерь. Эти истории были рассказаны в гордой и самоуверенной манере, превращая воспоминания в приключения, а рассказчика – в героя. Автор убежден, что армянские дети стремились стать активными агентами и манипулировали обстоятельствами в своих интересах. Они использовали собственные интеллект, таланты, обаяние и красоту, чтобы остаться в живых.

Дети в институционных условиях имели больше шансов на солидарность и сопротивление перед лицом тюркизации. Несмотря на дисбаланс власти между государством и армянскими сиротами, наблюдались случаи непослушания и сопротивления со стороны детей.

Чтобы выжить, многие дети сознательно соглашались на усыновление или удочерение. Когда менялась ситуация, появлялась возможность сбежать и найти свою семью либо других выживших армян, они это делали. Бегство носило массовый характер. Однако «творцами» своей судьбы стоит считать не только тех, кто бежал и сопротивлялся, Н. Максудян подчеркивает, что оставшиеся, принявшие ислам (некоторые это делали несколько раз), отказавшиеся от родного языка и корней – тоже активные творцы, они делали свой выбор и нельзя к ним относиться лишь как к жертвам. Поэтому неслучайно автор приходит к выводу, что многие выжившие дети были «самоспасателями» [8].

Выжившие дети практически сразу стали рассказывать и писать свою историю, составлять коммеморацию тех страшных событий. В их памяти особое внимание отводилось игре. Играющие дети отражают веру в будущее. Игра, как и всякая другая человеческая деятельность, служила инструментом выживания. Большие или маленькие, они были детьми, поэтому игра позволяла забыть о своей боли, во время игры они искренне смеялись.

Дети, боровшиеся за то, чтобы остаться в живых, знали, что в одиночку этого не сделать. Они понимали, что преодолевают трудности в знак солидарности с друзьями. Осознание собственной свободы воли и жизнестойкости требовалось им больше всего. Старшие поддерживали младших, некоторые из них воспринимались как Робин Гуд, который воровал, чтобы накормить бедных и восстановить справедливость. Такой ребенок находил тайник для компании, руководил сбором средств для побега, распределял пищу и украденную одежду среди членов группы. Необходимость и опыт объединения для побега, сопротивления или воровства развивали доверие и солидарность между членами группы. Дружба и сплоченность были важны для детей. К. Паниан отмечал, что у него с друзьями были искренние и теплые отношения. Эта дружба родилась, когда они грабили фруктовые сады, сбегали из приюта и жили в пустынных горах и пещерах [9, p. 104].

Оставшиеся в живых дети несли с собой травму геноцида, шедшего рука об руку с их борьбой за выживание. Жизнь для них двигалась своим чередом. Они нивелировали травмирующий опыт успокоительным средством под названием «жизнь». М. Ничанян указывает на чувство оцепенения в письмах выживших, которое заставляло все выглядеть обычным. Очевидно, что они подавляли свою боль и воспоминания, чтобы выжить. Они должны были казаться забывчивыми и не обращать внимания на свою травму. Дети подавляли воспоминания, притупляли их [10, p. 71].

Итак, игнорируя свои травмы через игру, приключения, дружбу и смех, армянские дети брали под контроль собственную жизнь, принимали на себя ответственность за собственное выживание. Дети держались за жизнь, при этом стараясь наслаждаться ею. Они ели с аппетитом, смеялись и влюблялись. Так появлялся Герой, который, по свидетельствам выживших, не соглашался быть жертвой. Чтобы справиться с кошмарами геноцида, дети избегали жалости к себе, вместо этого пытались позитивно смотреть на вещи, ценили семью и общество сверстников. Истории этих смелых и дерзких ребят стали передаваться из поколения в поколение. Хотя степень опустошения и лишений в этих рассказах заставляет плакать, они предназначены скорее для того, чтобы заставить улыбаться, даже смеяться, а главным образом – испытывать гордость. Благодаря свободе воли, приключениям и играм дети чувствовали себя сильными, жизнерадостными и взрослыми.

Список источников:

1. Шагоян Г. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? [Электронный ресурс] // Гефтер : интернет-журнал. 2016. 25 апр. URL: http://gefter.ru/archive/18335 (дата обращения: 01.06.2021).
2. Diner D. Beyond the Conceivable. Studies on Germany, Nazism, and the Holocaust. Berkeley, 2000. 286 p.
3. Chadoyan J. Gender and the Armenian Genocide [Электронный ресурс] // Academia.edu. 2004. Dec. 11. URL: https://www.academia.edu/26674245/Gender_and_the_Armenian_Genocide (дата обращения: 01.06.2021).

4. Ibid.
5. ՄիրաԱնտոնյան Ինքնության խեղումից մինչեվ ուծացում. Յայ որբերի «Անվտանգության ապահովումը» ցեղասպանության տարիներին = Антонян М. От искажения идентичности до ассимиляции. Обеспечение «безопасности» армянских сирот в годы геноцида // 21-րդ ԴԱՐ. 2017. № 5 (75). С. 103–116.
6. Aleksanyan A. Rescuing Armenian Women and Children after the Genocide: The Story of Ruben Heryan [Электронный ресурс] // The Armenian Weekly. 2016. May 31. URL: https://armenianweekly.com/2016/05/31/ruben-heryan (дата обращения: 01.06.2021).
7. Ibid.
8. Maksudyan N. The Armenian Genocide and Survival Narratives of Children // Childhood Vulnerability Journal. 2018. Vol. 1. P. 15–30. https://doi.org/10.1007/s41255-019-00002-8.
9. Panian K. Goodbye, Antoura: A Memoir of the Armenian Genocide. Stanford, 2015. 216 p.
10. Nichanian M. Entre l'art et le témoignage. Littératures arméniennes au XXe siècle. Vol. III. Le roman de la catastrophe. Geneva, 2007. 470 p.

Информация об авторе

Л.Ю. Манвелян – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Краснодарский край, Армавир, Россия.

Information about the author

L.Yu. Manvelyan – Postgraduate student, Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

УДК 811.161.1 + 398.23

Иванян Елена Павловна
доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Ivanyan Elena Pavlovna
Professor, Dr.Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Е.П. Иванян

ОНТОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СУБСТРАТА В АНЕКДОТАХ АРМЯНСКОГО РАДИО: ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Аннотация. Актуальность обусловлена следующими факторами в их взаимодействии: отсутствием монографических исследований анекдотов армянского радио; признанием серии этих анекдотов энциклопедией советской жизни; сущностным характером вопроса этнического субстрата для данного жанра. Онтологический вопрос этнического субстрата в анекдотах армянского радио в различных аспектах исследования имеет разные решения. Этнический субстрат изучен в аспекте определения генезиса данных анекдотов и их структурно-семантической организации методами теоретико-аналитического обзора, генетической ретроспекции, семантико-структурным, сплошной выборки и статистическими приемами на материале сборников анекдотов, Национального корпуса русского языка, российских и армянских средств массовой информации. Показано, что серия данных анекдотов обнаруживает сложное взаимодействие русской и шире – советской лингвокультуры, с армянской, что проявляется в генезисе серии, исходящей из армянских абсурдистских загадок, бытовавших в русском дискурсе более сотни лет и в структурно-семантическом аспекте: в структуре этнический субстрат – это вопрос и ответ армянского радио, в семантическом плане – словосочетание «армянское радио» фольклорное по происхождению, обусловлено экстралингвистическими причинами.

Ключевые слова: анекдоты армянского радио, русская и армянская лингвокультуры, этнический субстрат, Радио Ереван

E.P. Ivanyan

ONTOLOGY OF THE ETHNIC SUBSTRATUM IN THE ANECDOTES OF THE ARMENIAN RADIO: GENESIS AND STRUCTURAL-SEMANTIC ORGANIZATION

Abstract. The relevance is due to the following factors in their interaction: the absence of monographic studies of the anecdotes of the Armenian radio; the recognition of the series of these anecdotes as an encyclopedia of Soviet life; the essential nature of the issue of ethnic substratum for this genre. The ontological question of the ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio in different aspects of the study has different solutions. The ethnic substratum is studied in the aspect of determining the genesis of these jokes and their structural and semantic organization by the methods of theoretical and analytical review, genetic retrospection, semantic and structural, continuous sampling and statistical techniques based on the material of collections of jokes, the National Corpus of the Russian Language, Russian and Armenian media. Russian (and moreover Soviet) cultural linguistics interacts with the Armenian one, which is shown in the genesis of the series, which comes from the Armenian absurdist riddles that have existed in the Russian discourse for more than a hundred years, and in the structural and semantic aspect: in the structure, the ethnic substratum is the question and answer of the Armenian radio; in the semantic plan – the phrase «Armenian radio» is folklore in origin, due to extralinguistic reasons.

Keywords: anecdotes of the Armenian radio, Russian and Armenian cultural linguistics, ethnic substratum, Radio Erevan

1. Введение

Данная статья выполнена в русле нашего исследования «Анекдоты армянского радио в онтологическом освещении»[1]. Анекдоты серии армянского радио (АР), возникшие в Советском Союзе в XX в., продолжают вызывать горячий интерес ученых. С одной стороны, упоминания, размышления в отношении данной серии представлены в десятках научных работ. С другой стороны, нет ни одного специального исследования, посвященного собственно серии АР. Об анекдотах данной серии говорится в связи с решением иных исследовательских задач [1], [5], в монографии [12], в статьях [11; 8], в зарубежных работах [18; 17; 16; 19] и др.

Анекдоты АР рассматривались как одна из практик культурно-языковой общности [12]; для определения образа героя [2]; В [14] выявляются форма, исторические тенденции и фон анекдотов АР. Е. Драйцер исследовал специфику анекдотов АР в русле этнических шуток [17]. А.А. Бергер на материале анекдотов АР описал разные способы создания комического [16]. Г.Г. Почепцов анекдоты анализируемой серии назвал «единственным положительным самогенератором в национальной области» [8].

Вопрос об этническом субстрате серии АР следует признать, с одной стороны, сущностным для данного жанрового феномена, с другой стороны, - нерешенным: как цель научного исследования он ставится впервые. Так, в частности, существует мнение, что в анекдотах АР этническим является только название. Оно выражено в [2], замечено на уровне обыденного сознания, в интернет-коммуникации на русском языке, в СМИ, напр.:

*В свое время в Союзе существовал бренд хорошего юмора – «**армянское радио**». Если я правильно понимаю, армянское там было только название* (Комсомольская правда. 11.08.2009).

См. пример анекдотной рефлексии по феномену АР:

Вопрос АР: *Почему Армянское радио не отвечает на вопросы?* Ответ: *Потому что заболел /эмигрировал еврей, дающий ответы на все вопросы* [13].

Между тем большинство исследователей не сомневается в происхождении серии анекдотов АР из Армении, на армянском языке, см.: [8; 9] и др. А. Саркисян отмечает, что анекдоты серии АР и в настоящее время широко представлены в современном армянском фольклоре [10]. См. воспоминания композитора Г. Мовсесяна, проживавшего в Армении:

Первый анекдот про армянское радио я услышал, будучи еще вихрастым <…> мальчуганом. Кто-то из пацанов принес в школу тетрадку с переписанными от руки вопросами к армянскому радио. Анекдот потряс меня и надолго запал в душу, заставляя время от времени изумляться. Вот он. «Армянское радио спрашивают: можно ли убить тещу ватой? А армянское радио отвечает: Можно. Если в вату завернуть утюг». Правда, смешно? (Комсомольская правда. 02.06.2001).

Цель настоящего исследования – рассмотреть, как представлена этническая составляющая (этнический субстрат) в серии анекдотов АР. В настоящее время фонд советских анекдотов в наиболее полной форме содержится в работе М.А. Мельниченко «Советский анекдот: (указатель сюжетов)» [6], далее по тексту статьи – «Указатель». В настоящей статье эмпирический материал представлен преимущественно на основе

---

[1] Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Национальной Академии наук Республики Армения З.Г. Айрян за помощь в поиске материалов по анекдотам АР на армянском языке.

анекдотов «Указателя» и некоторых других сборников анекдотов, напр. [13]. Для подтверждения наших теоретико-методологических положений мы поставили задачу изучения интернет-ресурсов, обратившись к «Национальному корпусу русского языка» (НКРЯ) [7], материалам СМИ, сайтам из Армении, публикующим анекдоты, напр. [15].

В исследовании применялись методы теоретико-аналитического обзора научных источников и эмпирической базы исследования, генетической ретроспекции и семантико-структурный подход; при функциональной характеристике изучаемого феномена брался во внимание полевый подход; применялись приемы сплошной выборки из [6] и статистической обработки языкового материала.

Вопрос этнического субстрата в анекдотах АР в различных аспектах исследования имеет разные решения. В статье принят иллюстративный принцип представления материала, освещающий реализацию этнического субстрата в исследуемом материале в двух аспектах: 1) генезис феномена анекдотов АР; 2) структурно-семантическая организация данной серии.

2. Генезис анекдотов АР

Е.Я. и А.Д. Шмелевы, характеризуя тему «инородцев» в русском анекдоте, отмечают, что в начале XX в. героями анекдотов часто были армяне; в 70-90-е гг. XX в. «анекдоты про армян трансформировались в серию анекдотов об армянском радио, которые по жанру не принадлежат к разряду анекдотов об инородцах» [12, с. 49]. Ср., Е. Драйцер отмечал, что «анекдоты армянского радио не совсем армянские» [17, с. 20].

Значительное количество сборников анекдотов АР были опубликованы за рубежом уже в первую и особенно вторую половины XX в. в Болгарии, Германии, Израиле, Румынии и др., соответственно западные исследователи первыми охарактеризовали данный феномен. Было определено, что в основе серии анекдотов АР лежит т. н. «армянская загадка» [19, p. 447; 18; 17]. Пример такой загадки приводился З. Фрейдом в 1905-м г. В 1921 г. Р. Якобсон привёл сходный пример, применяя словосочетание «армянская загадка»:

- *Что такое: зеленое, длинное, висит в гостиной и пищит?*
- *...?*
- *Селедка.*
- *А почему она зеленая?*
- *Моя селедка, как хочу, так и покрашу.*
- *А почему она висит?*
- *Моя селедка, захотел и повесил.*
- *А почему она пищит?*
- *Сам удивляюсь*, цит. по: [12, с. 100].

Е.Я. и Д.Н. Шмелевы отмечают, что до сих пор в детском фольклоре бытует ещё целый ряд «армянских загадок» [12, с. 100]. Отметим, что в России 60-70-х гг. XX в. детям ещё загадывали подобные загадки, так и называя шутки армянскими, напр.:

- *На столе стоит черный, смазан ваксой. Что это такое?*
- *?..*
- *Сапог.*
- *Почему же на столе?*
- *Моя вещь, куда хочу, туда и поставлю* (Запись разговорной речи).

Такие загадки исследователи назвали абсурдистскими, поскольку в подобных загадках нарочно неверно даны денотативные признаки скрываемого объекта речи, что порождает комический эффект.

Анекдоты АР, построенные на основе армянских загадок, в «Указателе» М.А. Мельниченко представлены в **4** ТГ. Охарактеризуем эти анекдоты с учетом хронологии фиксации.

Самый ранний по дате фиксирования анекдот из ТГ «Аппарат государственной безопасности»:

А/р *«Снизу перья, сверху страшно?» – «Берия (/Менжинский) на перине». – «А сверху перья, снизу страшно?» – «Воробей на крыше ГПУ»* (Указатель).

Отметим, что в «Указателе» в целях экономии вопросно-ответная форма дана в редуцированном виде. В примечании составитель пишет, что анекдот построен по принципу «армянских загадок»: «Ну а это что будэт: газ кругом, а в средине халера? Не знаешь?» – «Моя жэна…» – «А может это угадаешь: сверху халера, а посередине газ – не знаешь, голубчик, так это же моя жена выпила бутылку сельтерской» (Указатель). Согласно [6], данный анекдот фиксируется уже в сборниках анекдотов 1930-1940-х гг.

Приведем пример из ТГ «Система распределения, очереди»:

А/р *«Что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой?» – «Электричка из Москвы»* (Указатель).

Пример ТГ «РКП (б) – ВКП (б) – КПСС» из сборника, опубликованного в 80-ые гг. XX в.:

А/р *«Что такое 40 зубов и 4 ноги?» – «Это крокодил». – «А 4 зуба и 40 ног?» – «Это Политбюро ЦК КПСС»* **(**Указатель).

Анекдот АР из ТГ «Качество продукции и услуг»:

Армянское радио. *«Что это такое: не стучит, не рычит и не царапает пол?» – «Изготовленная в СССР машина, назначение которой стучать, рычать и царапать пол»* (Указатель).

В целом в анекдотах АР абсурдистские загадки в узком понимании представлены низкочастотно и составляют 0,65 % от общего числа анекдотов АР. Узкое толкование дефиниции «абсурдистская загадка» – это вопросно-ответная структура, представленная исключительно формой вопроса: «Что (это) такое:…», далее называют будто бы характерные признаки, но не подлежащие отгадыванию.

При широком понимании сути абсурдистских загадок анекдоты АР представлены гораздо бóльшим числом загадок, ср.:

А/р *«Что такое “петля Горбачева“?» – «Очередь за водкой»* (Указатель).

Составитель отмечает, что при Горбачеве было значительно сокращено количество магазинов, продающих водку и время её продажи [6].

В широком понимании абсурдистской загадки вся серия анекдотов АР может быть названа анекдотами-загадками. В целом, помимо традиционно оформленной армянской загадки анекдоты АР представлены такими вопросами, как: «Что делать, если…?»; «Возможно ли…?»; «Что будет, если…?»; «Правда ли, что…?»; «Почему…?»; «Как…?» и др. Такова генетическая природа этнического субстрата анекдотов АР.

3. Структурно-семантическая составляющая этнического субстрата анекдотов АР

Названный аспект изучения этнического субстрата предполагает характеристику структуры серии анекдотов АР и семантики устойчивого сочетания *армянское радио.* Собственно структура анекдота АР, его вопросно-ответная организация: «АР спрашивают… АР отвечает…» уже эксплицирует этнический субстрат, вербализует национальное начало всей серии, актуализирует у слушателя (читателя) анекдота кавказские ассоциации и ожидания. Ср. позицию Е.Я. и А.Д. Шмелевых, называющих

анекдоты АР одним «из национально специфических советских циклов анекдотов-загадок» [12, с. 98].

Принимая во внимание полевую организацию языка, анекдоты АР определяем как образующие центр и периферию. Вышеназванная структурно-семантическая организация является центром данного языкового феномена, а периферию составляют анекдоты, оформленные как «Корреспондент АР берет интервью… Ему отвечают…»; «АР интервьюирует Х…», это низкочастотные структуры. Отметим, что вариант «АР интервьюирует Х…» являетс неотъемлемой частью анекдотов АР, бытует и в русском дискурсе XXI в., напр.: ***Армянское радио спрашивает*** *у Ксюши Собчак – назовите, пожалуйста, русское матерное ругательство из трех букв* (Комсомольская правда. 17.09.2012).

Серия анекдотов АР включает в себя лексему *армянское.* Анекдоты этой серии, рассказываемые за пределами СССР, назывались «радио Ереван»[2], см.: [20]. Устойчивое сочетание *армянское радио* широко представлено в современном русском и армянском дискурсах. Экстралингвистическая природа этого феномена обусловлена уникальной ситуацией Армянской ССР, редакция иновещания которой в 60-70-е гг. XX в. была мощной организацией и вела передачи не только на восточно-армянском и западно-армянском диалектах, но и на русском, и на трех арабских языках [3].

Геноцид армян в Османской империи 1915-го г., когда младотурки вырезали и депортировали почти двухмиллионное население, стал причиной расселения армян по миру: выжившие бежали с исторической родины – Западной Армении. С образованием на территории Восточной Армении Армянской ССР началось возвращение армян на «условную» родину. В 1921-1936 гг. из разных стран в Советскую Армению приехало около 42 тысяч армян. В 1946 – 1948 гг. «репатриация вынужденно перемещенных армян» составила около 100 тыс. человек. Люди ехали «строить Советскую страну» из Болгарии, Греции, Египта, Ирака, Ирана, Кипра, Ливана, Румынии, Сирии, США, Франции, Югославии [4]. Общее число армянских репатриантов советского периода составило около 180 тыс. человек. Статистика иллюстрирует, что приезд армян из разных стран инициировался Советским Союзом, зарубежными коммунистами, осуществлялся при серьезной поддержке радиовещания для зарубежных армян.

А. Давтян выдвигает гипотезу, что, скорее всего, анекдоты Армянского радио были пародией на передачу «Вопросы и ответы», которая была советской радиопрограммой, адресованной зарубежным армяноязычным слушателям [3].

Что касается семантики словосочетания *армянское радио*, то в строгом понимании оно имеет фольклорное происхождение. А. Давтян отмечает, что «в Ереване было не Армянское радио, а Ереванское радио – так оно называлось, и с радио из анекдотов его никто не отождествлял» [3]. Между тем с 60-70-х гг. XX в. анекдоты АР уже рассказывали в Болгарии, Германии, Польше, Франции, Чехии и др., при этом серия называлась «Radio Eriwan» в Германии и Польше, «Blague arménienne» – во Франции, «Irawan mikoid» – в Иране. Значит, в зарубежном бытовании словосочетание *радио Ереван*, обозначающее цикл анекдотов, следует так же признать фольклорным по происхождению.

Подчеркнем, что наличие этнического субстрата серии анекдотов АР никоим образом не отрицает того факта, что многие анекдоты сочинены на русском языковом материале, как отмечает А. Давтян, «многие из них основаны на чисто русской игре

[2] Радио Ереван в Болгарии: Вицове за Радио Ереван. – https://www.vesti.bg/vicove/radio-erevan-200 ; Радио Ереван навърши 86 години. – https://btvnovinite.bg/svetut/radio-erevan-navarshi-86-godini.html

слов» [3]. В частности, русскими по происхождению являются анекдоты-дезаббревиации и анекдоты, построенные на ложноэтимологическом толковании.

4. Выводы

Анекдоты серии АР содержат этнический субстрат, и он по-разному проявляется в различных аспектах. Анекдоты как последний живой фольклорный жанр XX – XXI вв., продуцируя новые сюжеты, включают уникальную серию шуток АР: в отличие от других серия не замкнута одной темой, представлена в 51 ТГ из 65 ТГ «Указателя». Эта серия составляет 10,6 % общего фонда анекдотов, обнаруживает сложное взаимовлияние русской и армянской лингвокультур, являясь своеобразной энциклопедией советской лингвокультуры.

Анализ генетического аспекта свидетельствует, что 0,65 % анекдотов АР восходят к армянской абсурдистской загадке, находясь в 4 ТГ; в широком понимании – вся серия АР построена на вопросах-загадках. Структура анализируемых анекдотов содержит этнически маркированную номинацию (*армянское*) в вопросе и ответе АР; семантика сочетания *армянское радио* имплицирует экстралингвистическую ситуацию активного радиовещания Армянской ССР для зарубежных армян; с другой стороны, указывает на фольклорную природу этого сочетания.

Предлагаемая модель анализа, подтвержденная изучением интернет-ресурсов, будет перспективной в рассмотрении этнического субстрата анекдотов АР в расширенной хронологии данной серии до бытования в XXI в.

Библиографический список

1. Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола, 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 148 с.
2. Воробьева М.В. Образ героя анекдотов 1960-1980-х годов из серии «армянское радио спрашивают» // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 2014. – С. 197–202.
3. Давтян А. История. Праздник формирования культуры. URL : http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (дата обращения: 31.05.2021).
4. История армянского народа: С древнейших времен до наших дней / Г.Х. Саркисян, Т.Х. Акопян, А.Г. Абрамян и др.; под ред. М.Г. Нерсисяна. – Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1980. – 460 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг. Личность концепты дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Мельниченко М. Советский анекдот: (указатель сюжетов). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 1104 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 31.05.2021).
8. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований ТД Алгоритм, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (дата обращения: 06.08.2020).
9. Раскин И.З. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. – М., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (дата обращения: 06.08.2020).
10. Саркисян А.Ш. Средство проявления курьеза в армянских народных сатирических миниатюрах и смешных высказываниях: автореф. дис. … доктора филол. н. – Ереван, 2018. – 50 с. (На армянском).
11. Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002. С.17–31.
12. Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
13. Штурман Д.М., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. – London: «OPI», 1985. – 469 с.

14. Цукадзаки К. Анекдот советской эпохи. Серия "Армянское радио".URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (дата обращения: 31.05.2021). (На японском).
15. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (дата обращения: 31.05.2021).
16. Berger A.A. What's in a joke? A micro-analysis // Elementa. 1994. Vol. 1. – P. 321–330. (На английском).
17. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State University Press, 1998. – 199 p. (На английском).
18. Hellberg E. F. The Other Way Round. The Jokelore of Radio Yerevan // Arv: Scandinavian Year-book of Folklore. 1985. –Vol. 41. – P. 89-104. (На английском).
19. Kalbouss G. On ‘Armenian Riddles’ and Their Offspring ‘Radio Erevan’ // Slavic and East European Journal. 1977. – Vol. 21. – No. 3. – P. 447–449. (На английском).
20. Radio Eriwan antwortet Ratschläge, Vorschläge u. Tiefschläge e. armen. Senders. – Frankfurt (am Main): Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1972. – 122 s. (На немецком).

References in Roman script

1. Anekdot kak fenomen kul'tury: Materialy kruglogo stola, 16 noyabrya 2002 g. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. – 148 s.
2. Vorob'eva M.V. Obraz geroya anekdotov 1960-1980-h godov iz serii «armyanskoe radio sprashivayut» // Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem. – Ekaterinburg, 2014. – S. 197–202.
3. Davtyan A. Istoriya. Prazdnik formirovaniya kul'tury. URL : http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (data obrashcheniya: 31.05.2021).
4. Istoriya armyanskogo naroda: S drevnejshih vremen do nashih dnej / G.H. Sarkisyan, T.H. Akopyan, A.G. Abramyan i dr.; pod red. M.G. Nersisyana. – Erevan: Izd-vo Erevansk. un-ta, 1980. – 460 s.
5. Karasik V.I. YAzykovoj krug. Lichnost' koncepty diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
6. Mel'nichenko M. Sovetskij anekdot: (ukazatel' syuzhetov). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 1104 s.
7. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 31.05.2021).
8. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. Osnovy voenno-kommunikativnyh issledovanij TD Algoritm, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (data obrashcheniya: 06.08.2020).
9. Raskin I.Z. Enciklopediya huliganstvuyushchego ortodoksa. – M., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (data obrashcheniya: 06.08.2020).
10. Sarkisyan A.SH. Sredstvo proyavleniya kur'eza v armyanskih narodnyh satiricheskih miniatyurah i smeshnyh vyskazyvaniyah: avtoref. dis. … doktora filol. n. – Erevan, 2018. – 50 s. (Na armyanskom).
11. Himik V.V. Anekdot kak unikal'noe yavlenie russkoj rechevoj kul'tury // Anekdot kak fenomen kul'tury: Materialy kruglogo stola 16 noyabrya 2002 g. – SPb., 2002. S.17–31.
12. SHmeleva E.A., SHmelev A.D. Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 144 s.
13. SHturman D.M., Tiktin S. Sovetskij Soyuz v zerkale politicheskogo anekdota. – London: «OPI», 1985. – 469 s.
14. Cukadzaki K. Anekdot sovetskoj epohi. Seriya "Armyanskoe radio".URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (data obrashcheniya: 31.05.2021). (Na yaponskom).
15. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (data obrashcheniya: 31.05.2021).
16. Berger A.A. What's in a joke? A micro-analysis // Elementa. 1994. Vol. 1. – P. 321–330. (Na angliyskom).
17. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State Univer¬sity Press, 1998. – 199 p. (Na angliyskom).

18. Hellberg E. F. The Other Way Round. The Jokelore of Radio Yerevan // Arv: Scandinavian Year¬book of Folklore. 1985. –Vol. 41. – P. 89-104. (Na angliyskom).
19. Kalbouss G. On ‘Armenian Riddles’ and Their Offspring ‘Radio Erevan’ // Slavic and East European Journal. 1977. – Vol. 21. – No. 3. – P. 447–449. (Na angliyskom).
20. Radio Eriwan antwortet Ratschläge, Vorschläge u. Tiefschläge e. armen. Senders. – Frankfurt (am Main): Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1972. – 122 s. (Na nemetskom).

References

1. Anecdote as a phenomenon of culture: Materials of the round table, November 16, 2002-St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2002. - 148 p. (In Russian).
2. Vorobyova M.V. The image of the hero of jokes of 1960-1980-ies from the series "Armenian radio ask" / / Russia and the East: cultural ties in the past and present. - Yekaterinburg, 2014. - pp. 197-202. (In Russian).
3. Davtyan A. History. Celebration of the formation of culture. URL : http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
4. History of the Armenian people: From ancient times to the present day / G. H. Sarkisyan, T. H. Hakobyan, A. G. Abramyan, etc.; edited by M. G. Nersisyan. - Yerevan: Yerevan Publishing House. un-ta, 1980 - 460 p. (In Russian).
5. Karasik V.I. Language circle. Personality concepts of discourse. - Volgograd: Peremena, 2002. - 477 p. (In Russian).
6. Melnichenko M. Soviet anecdote: (index of plots). - M.: New Literary Review, 2014. - 1104 p. (In Russian).
7. National Corpus of the Russian Language. URL: ruscorpora.ru (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
8. Pocheptsov G.G. Information wars. Fundamentals of military-communicative research TD Algorithm, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (date of request: 06.08.2020). (In Russian).
9. Raskin I.Z. Encyclopedia of the hooliganist Orthodox. - M., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (date of request: 06.08.2020). (In Russian).
10. Sarkisyan A.Sh. The means of displaying the curiosity in the Armenian folk satirical miniatures and funny sayings: autoref. dis. ... doctor of Philology - Yerevan, 2018. - 50 p.([In Armenian).
11. Himik V.V. Anecdote like a unique phenomenon of Russian speech culture / / Anecdote like a phenomenon of culture: Materials of the round table November 16, 2002-St. Petersburg, 2002. pp. 17-31. (In Russian).
12. Shmeleva E.A., Shmelev A.D. Russian anecdote: Text and speech genre. - M.: Languages of Slavic culture, 2002. - 144 p. (In Russian).
13. Shturman D.M., Tiktin S. The Soviet Union in the mirror of a political anecdote. - London: "OPI", 1985. - 469 p. (In Russian).
14. Tsukazaki K. Anecdote of the Soviet era. "Armenian Radio" series. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (date of request: 31.05.2021). (In Japanese).
15. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
16. Berger A.A. What's in a joke? A micro-analysis // Elementa. 1994. Vol. 1. – P. 321–330. (In English).
17. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State University Press, 1998. – 199 p. (In English).
18. Hellberg E.F. The Other Way Round. The Jokelore of Radio Yerevan // Arv: Scandinavian Year-book of Folklore. 1985. –Vol. 41. – P. 89-104. (In English).
19. Kalbouss G. On ‘Armenian Riddles’ and Their Offspring ‘Radio Erevan’ // Slavic and East European Journal. 1977. – Vol. 21. – No. 3. – P. 447–449. (In English).
20. Radio Yerevan answers, advice, suggestions & low blows, e. arms. transmitter. – Frankfurt (am Main): Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1972. – 122 p. (In German).

https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-116-121

Некоторые особенности диагностических исследований кратких почерковых объектов, выполненных на армянском языке

М.А. Алоян
Национальное бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения, Ереван 0004, Армения

Аннотация. В статье рассмотрено одно из специфических направлений почерковедческих экспертиз – исследования кратких записей, выполненных преднамеренно измененным почерком. Показано, что экспертиза таких объектов ввиду их малого объема является чрезвычайно сложной идентификационной задачей. Особое внимание уделено записям, выполненным на армянском языке, выделены некоторые особенности их написания, в частности степень сжатия, замедление темпа движения с необоснованной остановкой пишущего инструмента, наличие тупых начальных и концевых штрихов. Важным фактором в исследовниях кратких записей, выполненных преднамеренно измененным почерком, является их наклон. При этом изменение темпа письма приводит к резкому упрощению буквенных структур и неполному исполнению буквенных элементов, в то же время для отдельных букв и их элементов наблюдается усложнение. Эти положения детально проанализированы на конкретных примерах.

Ключевые слова: *почерковедческая экспертиза, краткие записи, преднамеренно измененный почерк, рукописи, почерк, наклон, структура, скорость движения*

Для цитирования: Алоян М.А. Некоторые особенности диагностических исследований кратких почерковых объектов, выполненных на армянском языке // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 116–121. https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-116-121

Some Features of Diagnostic Research of Short Handwriting Objects Performed in the Armenian Language

Margarita A. Aloyan
National Bureau of Expertises of National Academy of Science of the Republic of Armenia, Yerevan 0004, Armenia

Abstract. The article discusses a specific area of handwriting expertise – research of the completed short notes with deliberately changed handwriting. The author emphasizes that the expertise of these objects due to their small volume is a highly complex identification problem. The article pays special attention to short notes made in the Armenian language, highlighting and describing their specific features such as the degree of compression, slowing down the pace of movement with an unreasonable stop of the writing instrument, presence of blunt initial and final strokes. The slant is an essential factor in expert research of the short notes performed with the deliberate change of writing. Also, the change in the tempo leads to a sharp simplification of letter structures and incomplete execution of letter elements; simultaneously, complications of individual letters or their elements can be observed. The author analyzes all these statements in-depths using specific examples.

Keywords: *handwriting examination, short notes, deliberately changed handwriting, manuscripts, handwriting, slant, structure, speed of movement*

For citation: Aloyan M.A. Some Features of Diagnostic Research of Short Handwriting Objects Performed in the Armenian Language. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 116–121. (In Russ.). https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-116-121

Введение

В современном судебном почерковедении в Республике Армения основными объектами исследования являются рукописи, выполненные на армянском языке, который занимает обособленное положение в индоевропейской группе языков. Руководствуясь действующими еще в Советском Союзе методическими положениями по проведению судебно-почерковедческих экспертиз, был выполнен большой объем научных, экспериментальных и практических работ по адаптации наработанных теоретических основ диагностических и идентификационных исследований рукописных текстов различных объемов и подписей к армянскому письменному языку [1]. Так, в конце 60-х начале 70-х гг. прошлого века предпринимались попытки создания методик исследования рукописей, выполненных на языках, основанных на так называемой иной письменности, однако в общей практике советского почерковедения эти исследования не нашли достойного применения в силу своей самобытности и ограниченности ареала использования [2–5]. Поэтому из-за отсутствия оригинальных методик по исследованию подобных самобытных объектов, эксперты-почерковеды Армении вынуждены были использовать и адаптировать методики, наработанные советской школой почерковедения.

С середины 2000-х годов в Национальном бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения были начаты работы по внедрению в экспертную практику теоретических и экспериментальных разработок качественных и количественных методов исследования объектов, характерных именно для армянской письменности.

Цель работы

В армянской судебно-экспертной практике наряду с развитием и внедрением традиционных исследований почерка особое место занимает выявление факта выполнения кратких записей преднамеренно измененным почерком [6–9]. Целью настоящей статьи является представление основ судебно-почерковедческой экспертизы, которыми руководствуются эксперты при исследовании таких объектов.

Основные результаты

Для идентификации выполненных кратких записей преднамеренно измененным почерком и установления их исполнителя традиционно в первую очередь используют сравнительные исследования [10–12]. При этом перед экспертом в большинстве случаев стоят две первостепенные задачи: диагностическая, если речь идет о выявлении факта выполнения кратких записей преднамеренно измененным почерком, и идентификационная, когда необходимо установить лицо, выполнившее краткую запись.

Проведение почерковедческой экспертизы при решении диагностических задач обусловлено необходимостью исследования содержания различных документов, включающих краткую запись (записи), там, где присутствуют малообъемные почерковые объекты предполагаемого или фактического исполнителя. При этом исполнителя определять не нужно, поскольку факт выполнения краткой записи со стороны конкретного лица доказан, либо в этом нет необходимости, исходя из обстоятельств дела. Об идентификационных задачах идет речь, когда необходимо исследовать документ, содержащий краткую запись, исполнитель которой не установлен.

В отличие от исполнителей текстов большого или среднего объема, выполненных преднамеренно измененным почерком, лицо, выполнившее краткие записи, ввиду их малообъемности определить намного сложнее, поскольку для сравнительного анализа предоставляется рукопись с малоинформативным графическим материалом. В ряде случаев предоставляемые на экспертизу сравнительные образцы почерка бесполезны для решения идентификационной задачи, поскольку предполагаемый исполнитель осознанно и преднамеренно изменил почерк, что усложняет исследование [13–14]. В подобных ситуациях в Национальном бюро экспертиз Республики Армения эксперты, как правило, формулируют вывод в вероятной форме, либо сообщают, что определить исполнителя не представляется возможным.

В отношении текстов малого объема характеристики, которые заметны еще до выполнения сравнительного исследования рукописи конкретной почерковой реализации и которые позволяют выявить факт выполнения кратких записей преднамеренно измененным почерком, все же должны быть отнесены к информативным. Одной из таких специфических характеристик, по нашему мнению, является координация движений при написании слов, букв, а также их элементов, что проявляется в точности разма-

шистых движений (наклона, вертикальной и горизонтальной вытянутости, размещения).

Показателем высокой координации движений является точность штрихов, выполненных возвратно-дугообразными движениями и плавными переходами. В случае же преднамеренно измененного почерка записи отличает нарушение (снижение) координации, что выражается в неточных движениях, в том числе начальных и конечных, в асимметрии отдельных элементов букв, кривизне штрихов, ломаности, угловатости или волнистости дуговых или прямолинейных элементов. Это объясняется тем, что измененным движениям не характерен автоматизм при написании букв и их элементов.

При решении диагностических задач при исследовании кратких записей, выполненных преднамеренно измененным почерком, эксперты отдела почерковедческих, автороведческих и документоведческих экспертиз Национального бюро экспертиз Республики Армения руководствуются такими информативными характеристиками, как асимметрия размеров и расположения слов, букв и их элементов, снижение скорости движения (темпа) выполнения записи, изменение наклона [15–16]. В большинстве случаев одновременно присутствуют несколько вышеперечисленных характеристик, например, изменены не только размер и расположение, но и наклон и темп.

Говоря о скорости движения – темпе выполнения рукописи, непосредственно связанном с координацией движений, – из трех экспертных градаций (быстрый, средний, медленный) речь идет, как правило, о снижении скорости движения – от быстрого к медленному. Для среднего темпа характерны средняя или малая связанность, дифференциальный нажим, а также рукописи обычной структуры с наличием упрощенных и усложненных фрагментов. Для медленного темпа характерны малая связанность, отрывчатое написание букв и их элементов, недифференциальный нажим, а также рукописи обычной структуры с наличием упрощенных и усложненных фрагментов. К причинам замедления можно отнести и наличие несоразмерных темпов: более быстрого и более медленного.

Для кратких записей, выполненных преднамеренно измененным почерком на армянском языке, в основном выделяют такие характеристики замедления темпа, как необоснованную остановку пишущего прибора, а также тупые начальные и конечные движения. Измененный темп бывает и ускоренным, что выражается в резком упрощении буквенной структуры, в неполном исполнении буквенных элементов, а также в пропуске букв и слов.

Степень нажима выражает локализацию и степень напряжения сил в вертикальной плоскости при письме, при этом анализируют ширину штрихов и распределение густоты чернил. Поскольку нажим – результат целого ряда факторов, его проявление информативно и для решения диагностических задач [17]. Увеличение степени нажима свидетельствует о замедлении темпа выполнения записи, что может быть обусловлено преднамеренным изменением почерка. Степень нажима определяют визуально. При высокой степени нажима, вне зависимости от вида биомеханического движения, во всех штрихах можно отметить такую специфическую характеристику, как высокую интенсивность чернил. В этом случае степень напряжения сил при выполнении разных биомеханических движений (в основном дугообразных и прямых) обычно одинакова, то есть дифференциация присутствует в малой степени, либо полностью отсутствует, и, как результат, ей соответствует стандартный нажим.

В целом, по структуре рукописи можно разделить на три основные группы: обычные (каллиграфические), упрощенные и усложненные. Рукописи на армянском языке в экспертной практике дополнительно делят по характеристике движений (форме, направлении, разгону, связности, количеству букв и их элементов), что позволяет оценить их простоту или сложность.

Рукописи усложненной структуры отличает от обычных усложнение системы движений при написании, ей свойственны быстрый темп, малая связность, отдельное написание букв и их элементов, дугообразные и разносторонние движения, увеличение протяженности некоторых круговых элементов. Тексты такого типа бывают выполнены красивым и четким почерком. Для рукописей простой структуры с усложненными элементами характерны верхние узловатые элементы, буквы, схожие с каллиграфическим письмом, одновременно встречаются отдельные буквы или элементы усложненной структуры (при переусердствовании движений, свойственному каллиграфическому письму). Рукописи упрощенной структуры характеризуют быстрый

темп, упрощенные конструкции букв, большая связность. В таких текстах с усложненными элементами происходит упрощение движений, а в текстах усложненной структуры – усложнение. Однако оба вида рукописей включают в себя как упрощенные, так и усложненные элементы с преобладанием одного из них.

В кратких записях, выполненных преднамеренно измененным почерком, заметно усложнение отдельных букв или их элементов: присутствуют непредусмотренные дополнительные элементы и штрихи, с которыми общий вид буквы отличается от каллиграфии, но в то же время структура буквы меняется не настолько сильно, чтобы соответствовать особой структуре. Заметны усложнения движений при выполнении первых элементов букв *«Ա», «Ն», «Հ»* и упрощение первого элемента буквы *«ճ»* путем выполнения дугообразного движения (рис. 1). Важно, что структура этих букв сильно отличается от каллиграфии, а в некоторых случаях буква может показаться настолько необычной, что для ее определения необходимо полностью прочитать слово.

Особая структура выражается в необычных движениях при написании букв и их элементов, а также изменении направлений. Например, отчетливо видно изменение направлений окончаний вторых элементов букв *«ի»* и *«տ»* (рис. 2).

На рисунке 3 показана особая структура букв *«Մ», «Կ», «Ն»*, в частности увеличение (уменьшение) количества элементов и их необычное размещение в словах и буквах.

Наблюдается ломаность или угловатость петлевых, дугообразных, овальных элементов, которые в основном проявляются в надстрочных и подстрочных частях букв (рис. 4).

Все это влияет и на общие характеристики рукописей: размер, размещение, наклон, связанность, структуру отдельных букв. Увеличение протяженности по вертикали или горизонтали надстрочных и подстрочных буквенных элементов, а также малая протяженность информативны для выявления факта выполнения краткой записи преднамеренно измененным почерком, поскольку данные элементы меняют общий вид почерка и часто усложняют структуру отдельных букв.

При проведении экспертиз рукописей на армянском языке важен наклон: преобладающее направление движения при вы-

Рис. 1. Рукопись с усложненными элементами букв *«Ա», «Ն», «Հ»* и упрощенным элементом буквы *«ճ»*
Fig. 1. *Handwriting with complications of the letters "Ա","Ն", "Հ", and a simplification of the letter "ճ"*

Рис. 2. Вид измененных окончаний вторых элементов букв *«ի»* и *«տ»*
Рис. 2. *The appearance of the structures of the letters "ի"* and *"տ"*

Рис. 3. Вид структуры букв *«Մ», «Կ», «Ն»*
Рис. 3. *The appearance of the structures of the letters "Մ", "Կ", "Ն"*

Рис. 4. Вид первых элементов букв *«Կ», «Ծ»,* первых
и вторых элементов буквы *«Մ»* и вторых элементов буквы *«ղ»*
Рис. 4. *The appearance of initial elements of the letters "Կ", "Ծ",*
first and second elements of the letter "Մ" and the second elements of the letter "ղ"

полнении основных элементов букв дугообразными движениями, так как при выполнении кратких записей факторы, связанные с преднамеренным изменением почерка, приводят к изменению наклона.

С учетом накопленного опыта можно сказать, что для выявления факта выполнения кратких записей преднамеренно измененным почерком из известных характеристик ориентации движений информативными являются только смешанные направления, что предполагает сочетание дугообразных правоокружных и левоокружных движений при написании букв, буквенных элементов, соединительных штрихов. Левоокружными движениями могут быть выполнены буквы каллиграфического письма, имеющие как правоокружное, так и левоокружное направление. Две-три буквы, выполненные правоокружными движениями, могут быть расположены в разных частях (словах) краткой записи.

Выполнение буквенных версий, близких или соответствующих каллиграфическому письму, может указывать на изменение структуры рукописи.

Заключение

Установление факта выполнения кратких записей преднамеренно измененным почерком на армянском языке является одной из сложных задач современных судебных почерковедческих исследований и требует дальнейших научно-практических исследований по усовершенствованию диагностических и идентификационных методов с обязательной систематизацией критериев оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оганян Л.П. Криминалистика. Учебник для вузов. Ереван: Тигран Мец, 2004. 504 с.
2. Дубовик Е.С. Современное состояние криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на иностранных языках // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 111–114.
3. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть: исследование рукописных текстов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2007. 341 с.
4. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. 2-е изд. М.: Наука, 2006. 207 с.
5. Куприянова А.А. Методика решения судебно-почерковедческих диагностических задач. М.: Наука, 2006. 64 с.
6. Богачкина Г.Р., Орлова В.Ф., Прасолова Э.М., Собко Г.М., Стрибуль Т.И., Трубникова В.А., Вул С.М. Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе. Методическое пособие. М., 1976. 360 с.
7. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / Под ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКОМ, 2011. 537 с.
8. Бобовкин М.В., Ручкин В.А. О развитии судебно-почерковедческой диагностики // Эксперт-криминалист. 2018. № 3. С. 25–28.
9. Почерковедение и почерковедческая экспертиза. Курс лекций. / Под ред. В.В. Серегина. 5-е изд. СПб.: МВД России, НПСЭП, 2015. 229 с.

REFERENCES

1. Oganyan L.P. *Criminalistics. Textbook for Higher Educational Institutions*. Erevan: Tigran Mets, 2004. 504 p. (In Russ.).
2. Dubovik E.S. The Current State of Forensic Research of Manuscripts Made in Foreign Languages. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 2 (58). P. 111–114. (In Russ.).
3. *Forensic Handwriting Analysis. Special Part: Investigation of Handwritten Texts.* 2nd ed. Moscow: Nauka, 2007. 341 p. (In Russ.).
4. Orlova V.F. *Forensic Handwriting Diagnostics*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2006. 207 p. (In Russ.).
5. Kupriyanova A.A. *Methodology for Solving of Forensic Handwriting Diagnostic Tasks*. Moscow: Nauka, 2006. 64 p. (In Russ.).
6. Bogachkina G.R., Orlova V.F., Prasolova E.M., Sobko G.M., Stribul' T.I., Trubnikova V.A., Vul S.M. *Application of Research Methods Based on Probalistic Modeling in Forensic Handwriting Examination. Methodological Guide*. Moscow, 1976. 360 p. (In Russ.).
7. Orlova V.F. (Ed.). *Forensic Handwriting Examination. Special Part. Analysis of Small-Volume Handwriting Objects*. 2nd ed. Moscow: EKOM, 2011. 537 p. (In Russ.).
8. Bobovkin M.V., Ruchkin V.A. On the Development of Forensic Handwriting Examination. *Expert-Criminalist*. 2018. No. 3. P. 25–28. (In Russ.).
9. Seregin V.V. (Ed.). Graphology *and Handwriting Analysis. Course of Lectures. 5th ed. Saint* Petersburg: MVD Rossii, NPSEP, 2015. 229 p. (In Russ.).

10. Vardanyan A. Peculiarities of Psychological Analysis of Handwriting within the Framework of Forensic Psychological Expertise // Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics. 2019. No. 2. P. 130–133. (In Armenian).
11. Aloyan M.A. Consistency of Common and Private Features of Signatures Made by Common Symptoms of Persons of Elderly and Senile Age with Certain Diseases // Bulwark of Law. 2017. No. 3. P. 109–121. (In Armenian).
12. Baklachyan A. Several Features of Study of Handwritings or Signatures Made in an Unusual Conditions and on Unusual Material // Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics. 2020. No. 3. P. 27–32. (In Armenian).
13. Aloyan M., Baklachyan A. The Features of Comparison of the Examination of the Samples Made by Deliberatly Changed Handwriting and the Samples Made by Unchanged Handwriting with the Examined Written Records // Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics. 2019. No. 2. P. 93–98. (In Armenian).
14. Алоян М.А. Исследование рукописей, выполненных намеренно измененным почерком // Государство и право. 2012. № 4 (58). С. 111–117.
15. Говоркова Е.Ю. Особенности методики исследования рукописей, выполненных измененным почерком // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 120–125.
16. Смирнов А.В., Яковлева Е.В. Методика установления факта выполнения кратких записей намеренно измененным почерком скорописным способом // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 4 (8). С. 129–141.
17. Юматов В.А., Ремизова В.А. Особенности исследования нажимных характеристик подписи и кратких записей / Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 9 ноября 2018 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 206–211.

10. Vardanyan A. Peculiarities of Psychological Analysis of Handwriting within the Framework of Forensic Psychological Expertise. *Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics*. 2019. No. 2. P. 130–133. (In Armenian).
11. Aloyan M.A. Consistency of Common and Private Features of Signatures Made by Common Symptoms of Persons of Elderly and Senile Age with Certain Diseases. *Bulwark of Law*. 2017. No. 3. P. 109–121. (In Armenian).
12. Baklachyan A. Several Features of Study of Handwritings or Signatures Made in an Unusual Conditions and on Unusual Material. *Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics*. 2020. No. 3. P. 27–32. (In Armenian).
13. Aloyan M., Baklachyan A. The Features of Comparison of the Examination of the Samples Made by Deliberatly Changed Handwriting and the Samples Made by Unchanged Handwriting with the Examined Written Records. *Armenian Journal of Forensic Expertise and Criminalistics*. 2019. No. 2. P. 93–98. (In Armenian).
14. Aloyan M.A. Investigation of Manuscripts, Performed with the Deliberately Changed Handwriting. *State and Law*. 2012. No. 4 (58). P. 111–117. (In Russ.).
15. Govorkova E.Yu. Some Features of the Methodology for Research of Documents Performed with an Altered Handwriting. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016. No. 1. P. 120–125. (In Russ.).
16. Smirnov A.V., Yakovleva E.V. Technique for Determining the Fact of Making Short Notes in a Deliberately Changed Cursive Handwriting. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2007. No. 4 (8). P. 129–141. (In Russ.).
17. Yumatov V.A., Remizova V.A. Features of the Analysis of the Pressure Characteristics of Signatures and Short Notes. *Actual Problems of Forensic Expert Activity in Criminal, Civil, Arbitration Proceedings and in Cases of Administrative Offenses. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference* (*Ufa, November 9, 2018*). Ufa: RITs BashGU, 2018. P. 206–211 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алоян Маргарита Арутюновна – начальник отдела почерковедческих, автороведческих и документоведческих экспертиз Национального бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения; e-mail: magaexpert@mail.ru

Статья поступила: 20.11.2020
После доработки: 30.04.2021
Принята к печати: 11.05.2021

ABOUT THE AUTHOR

Aloyan Margarita Arutyunovna – Head of Handwriting, Authorship and Document Expertises Department of National Bureau of Expertises of National Academy of Science of the Republic of Armenia; e-mail: magaexpert@mail.ru

Received: November 20, 2020
Revised: April 30, 2021
Accepted: May 11, 2021

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.48200/1829-0450_2021_1_107
УДК 81
Поступила: 23.03.2021г.
Сдана на рецензию: 24.03.2021г.
Подписана к печати:17.05.2021г.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО НА АРМЯНСКИЙ ПУТЕМ КАЛЬКИРОВАНИЯ

Н.М. Товмасян, Т.Р. Багдадян

Ереванский государственный университет, Российско-Армянский университет
tovmassiann@gmail.com, tamara.baghdadyana@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что одним из главных способов воссоздания в переводе семантико-стилистических функций образных фразеологических единиц является фразеологическое калькирование, обеспечивающее высокую степень адекватности их перевода. В научной статье обсуждаются особенности перевода образных фразеологий с английского на армянский язык с помощью калек, в основном рассматриваются случаи перевода с применением двух основных видов калек – узуальных и окказиональных. Сравнительный анализ примеров доказывает, что из всех способов перевода образных ФЕ узуальное калькирование обеспечивает наибольшую адекватность, так как в этом случае идентичными оказываются не только образы основы фразеологизмов, но их денотативно-сигнификативное и конотативное содержание, а во многих случаях – и их грамматическая структура.

Ключевые слова: образные фразеологизмы, перевод, семантико-стилистические функции, калькирование, узуальные, окказиональные единицы.

Проблема образности не является новой для лингвистической науки. Общеизвестно, что образность в языке была предметом изучения литераторов, философов, лингвистов – от Аристотеля до наших дней.

Образность в нашем понимании – это семантическая двуплановость, иносказательность, метафоричность в широком смысле, то есть в основе образности лежит внутреннее противоречие между прямым и переносным, конкретным и абстрактным значениями слова или словосочетания.

В образном арсенале каждого языка важную роль играют фразеологизмы. Образность – важнейший механизм формирования денотативно-сигнификативного и коннотативного аспектов значения фразеологических единиц.

Известно, что качество перевода произведений художественной литературы во многом зависит от адекватности перевода образных фразеологических единиц и, вообще, всех образных средств оригинала. Трудность передачи образных средств в переводе объясняется своеобразием и национальной спецификой образной системы каждого языка, которая формируется под влиянием этнолингвистических, этнопсихологических и социолингвистических факторов.

Одним из главных способов воссоздания в переводе семантико-стилистических функций образных фразеологических единиц является фразеологическое калькирование, обеспечивающее высокую степень адекватности их перевода. Слово «калька» заимствовано из терминологии типографского дела. Большинство языков усвоили эту лексему как лингвистический термин, который широко употребляется в метаязыке теории перевода, контрастивной лингвистике, в частности, в контрастивной фразеологии. Фразеологические кальки считаются наиболее продуктивными среди остальных калек; они являются важнейшим средством обогащения фразеологического фонда каждого языка. Известно, что фразеологические кальки определяются как обороты, появившиеся в языке в результате перевода иноязычных фразеологизмов путем воспроизведения их составных частей и семантики.

Калькирование фразеологических единиц, с одной стороны, свидетельствует о сходстве миропонимания народов, чем и объясняется правильное восприятие заимствованной фразеологической единицы, а с другой, становится фактом признания чужой культуры, призмы мировидения другого народа. Фразеологические кальки не воспринимаются как чужеродные элементы языка, так как они созданы по законам языка перевода. Более того, входя в язык перевода, такие единицы обычно легко включаются в состав фразеосемантических полей, выделяемых во фразеологической картине мира заимствующего языка.

В идеале, межъязыковые фразеологические кальки характеризуются тождественным планом содержания и планом выражения. Однако сравнительный анализ примеров показывает, что многие калькированные выражения по своей

лексико-грамматической структуре расходятся с объектом калькирования. В зависимости от различий в плане выражения может быть различная степень совпадения межъязыковых фразеологических калек:

1) *Полные кальки* – это кальки, которые копируют полностью лексическую и грамматическую структуру модели. Например:

To bite the hand that feeds you – կծել այն ձեռքը, որ կերակրում է քեզ.

2) *Неполные кальки или полукальки* – это кальки с незначительными различиями в плане выражения фразеологических единиц с тождественной семантикой.

В полукальках не все компоненты соответствуют компонентам ФЕ оригинала.

Например: wolf in a sheep"s clothing – *գառան դիմակ հագած գայլ*.

Соотношения всех компонентов плана содержания и плана выражения между полными фразеологическими кальками говорят также о существовании *константных (узуальных*) и *окказиональных* фразеологических калек.

1. *Константными или узуальными* являются кальки, имеющие в языке перевода статус фразеологизма.

2. Окказиональные кальки – это переведенные путем калькирования на другой язык фразеологизмы, соответствие которых в языке перевода не имеют статуса фразеологизма.

Как считает М.Р. Королева, константные или узуальные кальки это – «словосочетания, образованные путем передачи структуры иностранного образца средствами родного языка, обладающие свойствами воспроизводимости в общенациональном языке, возникшие при наличии благоприятных исторических условий» [1].

It was more money than he had ever possessed at one time. He didn’t know how he could spend it all. He had tapped **a gold mine** [2].

Նա իր ամբողջ կյանքում այդքան դրամ չէր ունեցել: Մինչև անգամ չէր հասկանում, թե ինչ բանի վրա կարող էր ծախսել այդքան շատ դրամը: Նա իսկական ***ոսկեհանք*** *էր գտել* [3]:

В этом примере ФЕ-оригинала и его соответствия в языке перевода (ПЯ), созданные путем калькирования, находятся в отношении полной эквивалентности, так как они равноценны по всем показателям – по образной основе, предметно-логическому содержанию, эмоционально-оценочной и функционально-стилистической коннотации, грамматической структуре.

Подобные узуальные кальки, число которых в сопоставляемых нами языках (английский, армянский) небольшое, являются важнейшим средством, обеспечивающим адекватность перевода.

Но следует отметить, что перевод образных ФЕ при помощи константных калек не представляет трудностей и не требует особых усилий или творческой фантазии от переводчика. Основная трудность заключается в их идентификации, что требует отличных знаний фразеологического фонда обоих языков.

В нашем материале перевод константной фразеологической калькой используется при передаче следующих фразеологических групп:

1. Интернациональные фразеологизмы (греко-римская мифология, библия и т.д.).

I, for instance, am but ***dust and ashes,*** with St. Paul, I acknowledge myself the chiefest of sinners [4].

Ես, օրինակ, միայն ***փոշի ու մոխիր եմ****…..*[5]

2. Фразеологизмы, основанные на общеизвестных исторических фактах:

…who is regarded with a kind of awe, as one who ***has passed the Rubicon*** is pledged never to come back [6].

..որին մի տեսակ ահով համարում են մի անձնավորություն, որ ***անցել է Ռուբիկոնը*** *և ուխտել է այլևս երբեք ետ չգալ* [7].

3. Соматические ФЕ, содержащие стержневой компонент, обозначающий части тела, в частности, сердце, голову, язык, рот, глаза и др.

It’s a great advantage not to drink among hard-drinking people. ***You can hold your tongue*** and moreover, you can time any little irregularity of your own [8].

Մեծ առավելություն է խմող մարդկանց շրջանում չխմելը: Կարող ես ***լեզուդ քեզ քաշել,*** *ավելին, կարող ես սեփական անկարգությունդ թաքցնել* [9]:

Узуальное калькирование ФЕ тесно связано с проблемой заимствования как социолингвистического явления, а также с теоретическими вопросами контрастивной фразеологии и теорией перевода.

Из всех способов перевода образных ФЕ узуальное калькирование обеспечивает наибольшую адекватность, так как в этом случае идентичными оказываются не только образы основы фразеологизмов, но их денотативно-сигнификативное и конотативное содержание, а во многих случаях – и их грамматическая структура. Сказанное можно показать на примере английской ФЕ **to lick smb.’s feet** / лизать пятки кому-либо, унижаться перед кем-либо / и ее армянского эквивалента с идентичным значением и образной основой – ***մեկի ոտքերը լիզել.***

Нередки и случаи, когда переводчику удается передать содержание ФЕ оригинала с помощью окказиональных калек. Такие кальки, ввиду их одноразового употребления, не являются фактами армянского языка, поэтому и не зафиксированы в его фразеографических источниках.

Фактически, этот способ перевода, обеспечивающий наибольшую адекватность, является, вместе с тем, наименее употребительным. Это можно объяснить тем, что семантический результат переосмысления, лежащего в основе образных, метафорических ФЕ, не всегда прогнозируем для носителей языка перевода.

При переводе образной фразеологии окказиональным калькированием с английского на армянский может зависеть от:

1) Степени культурной обусловленности фразеологического образа оригинала.

2) Степени соответствия функционально-стилистических характеристик переводимой ФЕ и ее эквивалента в ПЯ.

Возможность перевода образных ФЕ окказиональной калькой зависит также от степени их семантического преобразования, а также от представленных в них форм подобного преобразования.

Например, английский фразеологизм to drop sth. Like a hot potato (дословно – бросить что-то как горячую картошку) означает – резко бросить что-то, отказаться от чего-либо, переведен на армянский с помощью окказиональной кальки:

Secure evidence that would frighten the baggage **into dropping the whole thing like a hot potato** – it was the only way [10].

Պետք է ձեռք բերել հաստատող կայություններ, որոնք վախեցնեն այդ լպիրշին և ստիպեն նրան դեն ***նետել այս ողջ պատմությունը՝ մատներն այրող կարտոֆիլի նման****, դա է միակ ճանապարհը* [11]:

Возможность перевода окказиональной калькой в данном примере обусловлена тем, что в основе переводимого фразеологизма лежит ослабление лексических значений компонентов, являющееся формой семантического преобразования, при которой компоненты фразеологизма не полностью утрачивают свои собственные значения.

Таким образом, перевод окказиональной калькой можно считать оправданным лишь тогда, когда у армянского читателя данный образ вызывает те же ассоциации, имеет те же коннотации, что и ФЕ-оригинала. Только в этом случае перевод может обеспечить полноценный коммуникативный эффект на читателя.

Однако, как было отмечено выше, существуют и неполные или полукальки, которые создаются в результате пословного перевода данных ФЕ с отсутствием в лексико-грамматической структуре отдельных их компонентов [12].

Примеры показывают, что грамматическая структура калькирования фразеологизма не всегда копирует структуру модели, т.е. синтаксические отношения между компонентами кальки часто не соответствуют отношениям между компонентами модели – объекта калькирования.

Evie sniffed, “Oh , well it’s no good crying over the spilt milk [13].

Էհ, չարժէ լալ կտրված կաթի համար [14]:

Следует отметить, что калькирование коренным образом отличается от буквализма. Как отмечает А.В. Кунин, «калькирование – оправданный дословный перевод, буквализм же – дословный перевод, искажающий смысл переводимого выражения или рабски копирующий конструкции чужого языка и являющийся по существу насилием над тем языком, на который делается перевод» [15].

Сравнительный анализ примеров из литературы доказывает, что из всех способов перевода образных ФЕ узуальное калькирование обеспечивает наибольшую адекватность, так как в этом случае идентичными оказываются не только образы основы фразеологизмов, но их денотативно-сигнификативное и конотативное содержание, а во многих случаях – и их грамматическая структура. Анализ исследуемых примеров показывает также, что калькирование можно считать оправданным при передаче ФЕ, основанных либо на универсальных, либо на нейтральных (локально не маркированных) образах, то есть образы, которые не обусловлены национальной спецификой английского народа. Кроме того, эти образы должны быть прозрачными, привычными и доступными для армянского рецептора, способными вызывать у него те же ассоциации, которые есть и у ФЕ-оригинала носителей языка оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королева М.Г.* Некоторые вопросы калькирования: исследования по романской и германской филологии, Киев, 1975. С. 145.
2. *Galsworthy J.* The Silver Spoon. London: Harmondsworth, 1968-ch13.
3. *Լոնդոն Ջ.* Մարտին Իդեն. Եր. «Անտարես» հրատ., 2016 /թարգմ. Բարսամյան:
4. *Bronte Ch.* Jane Eyre. London: Nelson 1929.
5. *Բրոնտե Շ.* Ջեյն Էյր. Եր. «Սովետական Գրող» հրատ. 1988 / թարգմ. Բուդաղյան:
6. *Dickens Ch.* Dombey and Son. London, New York: Macmillan 1965-ch 7.
7. *Դիկկենս Չ.* Դոմբի և որդի. Եր. «Հայաստան» հրատ., 1978 /թարգմ.Ալեքյան:
8. *Fitzgerald F.S.* The Great Gatsby.-NewYork: Scribner, 1963-ch 5.

9. *Մոեմ Ս.* Թատրոն. Եր. «Անտարես» հրատ., 2018:
10. *Fitzgerald F.S.* The Great Gatsby.-NewYork: Scribner, 1963-ch 5.
11. *Գոլսուորդի Ջ.* Արծաթեգդալը. Եր. «Հայպետհրատ» հրատ., 1978 /թարգ. Սուքենյան:
12. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка, 2-е изд., М., 1992. С. 241.
13. *Maugham W.S.* Theatre. London: Penguin Books 1974-ch 4.
14. *Մոեմ Ս.* Թատրոն. Եր. «Անտարես» հրատ., 2018:
15. *Кунин А.В.* Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // «Вопросы фразеологии англ. языка»: науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореза, М., 1990. С. 9.

ON SOME PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF PHRASEOLOGIES FROM ENGLISH INTO ARMENIAN THROUGH CALQUES

N. Tovmasyan, T. Baghdadyan

ABSTRACT

Owing to their complexities, phraseologies make a very interesting field for study, especially the issues and methods of the translation of phraseologies. Rendering the idiomaticity of expressions from a source into a target language has always been problematic. This study aims to scrutinize the role of calques in the translation of phraseologies from English into Armenian. Based on the comparative analysis of the examples taken from literature we make an attempt to define the cases when the translation of phraseologies are realized through 2 types of calques – usual and occasional. Based on our comparative analysis it is proved that the application of usual calques in the process of translation of phraseologies proves to be more efficient due to the fact that in this translation not only the image of phraseologies but also their connotational and denotational meanings are identical.

Keywords: phraseologies, idiomaticity, comparative analysis, semantic, stylistic structure, usual, occasional, calques.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.48200/1829-0450_2021_1_134
УДК 070
Поступила: 02.05.2021г.
Сдана на рецензию: 04.05.2021г.
Подписана к печати:13.06.2021г.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ФУНКЦИИ ЖАНРОВ (на примере современного армянского ТВ)

Э.А. Рухкян

emineh.rukhkian@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что возникшая проблема трансформации *жанров* и жанровых форм происходит из-за тенденций развития общества, способов получения информации в современном мире, моделей ее подачи при помощи внедрения и использования совершенно новых информационных технологий. Следовательно, данные изменения привносят свои поправки не только в структуре телевизионных передач, но, кроме этого, видоизменяют их *функциональность*. Соответственно, исходя из этого, возникает, так сказать, сдвиг, смещение и сочетание элементов различных классических журналистских жанров в единый продукт.

Ключевые слова: жанр, жанровые формы, тематические различия, телевидение, формат.

На сегодняшний день трансформация жанров в современной телевизионной журналистике уже давно стала привычным явлением. Имеющиеся тенденции становятся причиной возникновения не только проблемы трансформации традиционных журналистских жанров, но и проблемы их идентификации.

Сегодня при подготовке конечного телепродукта в контексте одного жанра можно найти признаки других жанровых форм. Для наглядного примера отметим вечернее развлекательное шоу, которое выходит на Первом канале, – «Вечерний Ургант». Шоу является российской адаптацией американских программ формата “Late Night Show”. Армянский эквивалент данный

программы – «Լավ երեկո», которая выходила на Общественном телевидении. В рамках шоу ведущие приглашают знаменитых личностей и иностранных гостей, обсуждают интересные и важные события, происшедшие в течение недели. Встречи с гостями имеют неформальный формат: программа заполнена юмористическими выступлениями, музыкальными номерами, а также множеством веселых и интересных видео. Гости также могут насладиться развлекательными и интерактивными играми с ведущими шоу.

По сути, программа – развлекательная, однако в ней присутствуют также элементы информационного жанра (проведение интервью с приглашенными участниками и гостями). Таким образом, мы видим, что одна телепрограмма создана в нескольких жанрах, а не в одном едином жанре.

В качестве основной проблемы явлений – таких как, *трансформация* и *инвариантность* жанров, на основе анализа теоретических источников можем определить их идентификацию в процессе журналистской деятельности.

Одной из таких проблем возникновения трансформации жанров, на наш взгляд, заключается в том, что журналист при подготовке своего материала сталкивается с различными подходами его подачи. Таким образом, используя и смешивая композиционные элементы, в конечном итоге, получает телепродукт, в котором сочетаются элементы различных жанровых форм.

Эффективность деятельности средств массовой информации должна быть исследована и оценена только в сравнении с целями и *функциями*, ставящими обществом перед теми или иными СМИ. Осуществление данного вопроса связывается с более четким учитыванием потребностей аудитории, их социальных, культурных, политических и духовных запросов. Примечательно, что внимание специалистов к этому вопросу заметно возрастает. Удовлетворение информационных потребностей массовой аудитории следует включить в список целей коммуникатора как цель-средство, что в дальнейшем поможет достигнуть иных, управленческих задач массового воздействия.

Ссылаясь на данные социологических исследований, наиболее глубоко развиты и осознаны информационные потребности у той группы аудитории, где присутствует высокая степень социальной активности. В эту группу можно отнести, например, внештатных авторов СМИ, членов выборных органов, каких-либо общественных организаций и т.д., что, в очередной раз, подтверждает необходимость добавления в список критериев эффективности средств массовой информации их роль в удовлетворении информационных потребностей аудитории.

Кроме этого, важно видеть различия между понятиями «*информационные потребности» и «тематические интересы»* массовой аудитории. Потребность в информации – социальна по своей сути и обусловлена контентом, структурой повседневной деятельности личности, куда входят также объективные характеристики его профессиональной и общественной деятельности.

Что касается тематических интересов, то они, в свою очередь, являются субъективным отражением и выражением информационных потребностей. Это зависит от контента представленной информации, а также от ситуативных социально-психологических факторов, например, популярность и злободневность предлагаемой темы, явления, лиц, их престижность, важность, своевременность и значимость. Как известно, не все информационные потребности осознаны самим субъектом и выражены в его тематических интересах и коммуникационном поведении. Из-за отсутствия и небольшого количества нужных сведений, источников информации, а также неразвитости коммуникативных навыков некоторая часть информационных потребностей так и остается неосознанной, а, следовательно, и нереализованной. Как нам известно, некоторые сведения об информационных потребностях аудитории можно получить посредством опроса. Однако он дает лишь обзор тематических интересов массовой аудитории, что следует взаимодополнять анализом характера ролевой деятельности представителей разных групп аудитории в работе, сфере общественной и духовной жизни, семье и быту.

Например, ток-шоу «Կիսաբաց լուսամուտներ», которое выходит на телеканале ATV, и подобные ему, другие телепередачи, в которых герои делятся своим бытом, тяжелыми серьезными повседневными заботами, критикует некоторая часть аудитории. Некоторые же отмечают, что за все годы существования многим необеспеченным семьям была оказана реальная помощь – как психологическая и юридическая, так и материальная. Кроме этого, ведущий – Грач Мурадян – поднимает вопросы, которые существуют в нашем социуме и помогает разрешить их. Как бы то ни было, рейтинг у этой телепрограммы довольно высок, соответственно, и благодаря чему, высок рейтинг телеканала в целом.

Однако неверно утверждать, что аудитория нуждается в потреблении такой информации, местами ненужной, лишней и бесполезной.

Так же, как и другие потребности, основой информационных потребностей является побудитель активности людей. Если по каким-то причинам эти потребности не удовлетворяют сообщениям, которые переданы средствами массовой информации, то аудитория или ищет необходимую ей информацию на других платформах или же подавляет необходимость в такой информации.

Исходя из этого, необходимо учитывать то, каким именно образом удовлетворение или неудовлетворение определенных информационных потребностей может повлиять на характер и эффективность повседневной деятельности людей, на их активность в тех или иных сферах общественной жизни. Ведь воздействие телевидения, радио, печати и Интернета на общественное сознание измеряется не числом (или даже качеством) «заботливо обрамленных» картинок, а способностью этих средств побудить, возможно, заставить личность, отдельную социальную группу включиться в деятельность общества на разных уровнях – от непосредственного, ближайшего окружения до общественных движений глобального масштаба.

Таким образом, обобщая и учитывая вышесказанное, подчеркнем еще раз: одно из самых важных составляющих при подготовке телевизионного материала: владение теорией жанров является непременным условием профессиональной подготовки журналиста. И как бы не спорили практики и теоретики, профессия не может существовать вне системы жанров.

Очевидно, что от правильного, грамотного разделения и подбора этих жанров в телепрограмме зависит эффективность целого телеканала. В этом и заключается мастерство журналиста, которое, к сожалению, редко встречается на армянском телевидении. А все потому, что, забывая, или во многих случаях, отодвигая на второй план важность и значимость профессии журналиста, данным ремеслом занимаются люди, далекие от понимания основных канонов и законов специальности (актеры, певцы, спортсмены, юмористы и т.д.).

Не стоит забывать также о том, что *жанры* в тележурналистике не статичны: они развиваются, взаимодополняются и совершенствуются. На это влияют множество факторов, в том числе и потребности и запросы массовой аудитории, ее интересы и предпочтения, а также в зависимости от тех конкретных задач, которые поставил перед собой автор материала, что вполне целесообразно и естественно.

И, как отмечают теоретики, «никогда новый жанр, рождаясь на свет, не отменяет и не заменяет никаких, ранее уже жанров. Всякий новый жанр только дополняет имеющиеся. Ведь каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бытия, по отношению к которой он незаменим» [1. С. 43]. С этим трудно поспорить, так как мы замечаем данное явление на современном телевидении. Продолжая мысль, авторы отмечают также, что «в то же время, каждый существенный и значительный новый жанр, однажды появившись, оказывает воздействие на весь круг старых жанров: новый жанр делает старые жанры, так сказать, более сознательными, он заставляет их лучше осознавать свои возможности и свои границы» [1. С. 44].

Данный процесс имеет несколько причин. Во-первых, появляются новые жанровые единицы (ток-шоу, журналистское расследование, телевизионные дебаты), во-вторых, проявляются некоторые устойчивые традиции, которые связаны с особенностями современного общественного развития и с природой и художественно-выразительными возможностями телевидения. Исходя из этого, вырисовываются главные направления развития в системе жанров: динамичность вещания, репортажность, образность, предельно возможная достоверность фактов.

В настоящее время заметен определенный положительный сдвиг в содержательном плане телепередач на современном армянском телевидении, однако не всегда возможно в условиях коммерческого телевидения обеспечить качественную телепродукцию.

Вообще не только в эфире Общественного телевидения, но и в армянском эфире в целом имеются как хорошие, воспитательные телепрограммы, выполняющие *просветительскую и образовательно-воспитательскую функции,* так и неудачные инициативы, которые напрямую влияют на общественность. Так или иначе, представители телевидения каждый день, каждую секунду «входят» в дом зрителя: когда ты включаешь телевизор – в твоем доме появляется гость. Будь то посредством новостей, фильмов или интересных передач. Проблема заключается в том, что мы преподносим.

В качестве наглядного примера отметим следующие телепередачи на армянском телевидении: «Հայաստանի ճամփեքով» (Общественное телевидение) построена по всем правилам жанра телевизионного очерка. Ее целью является показать великое наследие армянского народа, его культуру и древнюю историю. Эту программу можно по праву назвать своеобразным телеуроком о родине, который привлекает внимание аудитории к материальному и человеческому богатству нашей страны, формирует заботливое и ответственное отношение к своим культурным ценностям. Другая телепередача на этом же канале «Մեր ժամանակի հերոսը» символизирует образ нашего народа, нашей нации. А передача «Արվեստը և իրականությունը» основана на театральных беседах. Цель – исследовать и обсудить взаимоотношения человека, общества с театром. Театральный анализ ведется на основе исторических и современных примеров с различными иллюстративными материалами из выставочного зала Музея литературы и искусства. Подобная перечисленным является и программа «Պատմության դասեր» на телеканале «Шант». Здесь приглашенные гости, эксперты и специалисты обсуждают системные ценности Армении, важнейшую историческую значимость и т.д.

Общество, как известно, состоит из разных слоев, но факт неоспорим: что низкокачественные передачи, внедряя в массы низкий уровень культуры и образованности, преобладают в современных реалиях. На Общественном телевидении есть очень хорошие телепрограммы, но их не смотрят, потому что в это время по другому каналу идет «легкоусвояемый» сериал или телепередача.

Что касается легко «усваиваемых» сериалов и телепередач, отметим наиболее популярные среди них: «Մամայի եփածն ուրիշ է», «Մեծ փոքրիկներ», «Հումորի լիգա», “Women's club” (телеканал «Шант»); «Պատրաստենք միասին» (Общественное телевидение), «Ինչ եփել այսօր», «Չէին սպասում», «Քաղցած սպասում են», «Մագավտո», «Ինչ է ուզում կինը», «Սիրված երգեր», «Համով զրույց» (Второй армянский телеканал); «Ազիզյաններ», «Համի ուժը» (телеканал «Армения»).

Вышеупомянутые телепередачи не несут в себе смысловой, интеллектуальной нагрузки, однако большей частью просто наполняют эфир телеканала, соответственно, предназначены для определенной массовой аудитории, с определенными интересами.

В качестве наглядного примера телевизионной программы, выполняющей, одновременно, несколько функций, остановим свое внимание на отечественном телеканале ATV, который принадлежит медиа-холдингу PanArmenian Media Group. На этом телеканале есть цикл интересных телепередач о путешествиях, в частности, «Տնից հեռու» («Вдали от дома»). Ведущий – Вардан Саргсян.

Что самое интересное, передача эта, несмотря на свой экзотический контент, четко выполняет все функции, которые ставит перед собой телевидение. Прежде всего, это – *ознакомительная функция*. Следующая, не менее важная *функция – образовательная*, о которой, к сожалению, на сегодняшний день пренебрегают почти большинство армянских телеканалов, в том числе и редакторы телепередач и фильмов. И третья важная функция передачи – *развлекательная*. Да, передача дает нам информацию, выполняя роль медиа, учит нас, образовывает, просвещает. Но, вместе с этим, в ином случае она могла бы стать нудной, блеклой и оставляющей ощущение скуки, учитывая тот факт, что не всегда далекие от нас страны, их быт, культура и жители могут быть всем интересны. Необходимо каждый раз «изобретать велосипед» – на месте отыскать ту скрытую «изюминку», экзотическую, нестандартную, неизведанную доселе, одним словом, то, что и привнесет в каждой отдельно взятой серии программы значимость и заинтересованность. Так, это программа на

время заставляет отвлечься, уводя телезрителя куда-то туда, далеко за горизонт, в мир, куда он, может быть, давно уже мечтает попасть. И это, кстати, можно считать прекрасной формой семейного досуга!

Достаточно бегло просмотреть передачи на наших ТВ каналах (наверное, за исключением некоторых передач Еркир Медиа), сразу бросается в глаза, что большинство телевизионных передач на современном армянском ТВ напоминает желтую прессу, специализирующиеся на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях (например, ток-шоу «Կիսաբաց լուսամուտներ» на ATV, выходящее в прайм-тайм). И что самое печальное – подобные телепередачи имеют высокие рейтинги и большую аудиторию.

Наиболее важный вопрос – это функционирование ТВ, поскольку оно имеет наибольшую аудиторию (включая детско-юношеское поколение, которое легче других может подпасть под дурное влияние).

Основные проблемы нашего современного ТВ (которым, видимо, движет основная цель – заработать побольше денег любой ценой, вовсе не обращая внимание на важнейшие *функции тележурналистики*) видны невооруженным глазом: в первую очередь, это очень низкопробные телесериалы, которые проповедуют насилие, жестокость и откровенную глупость (бразильские телесериалы, над которыми смеялись лет 20 назад, – просто шедевры по сравнению с нашими). На современном армянском телевидении подобных сериалов, к сожалению, очень много. В качестве примера перечислим лишь некоторые из них: «Անհացնե ծնվածները» (ArmeniaTV), «Թղթե երազանք» (Shant TV), «Անուղղելիները» (Shant TV), «Էլենի օրագիրը» (ShantTV), «Փոխնակ մայրը» (ShantTV), «Թաքնված սեր» (Shant TV) и т.д.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что, как не раз отмечали многие теоретики и практики, с проникновением телевидения в повседневную жизнь человека, у него зародилось две жизни, точнее две действительности. Первая жизнь – эта та действительность, в которой он живет (семья, работа, дом, отдых, коллеги). Вторая жизнь – это телеэкран, которую человек «проживает» после тяжелого рабочего дня. И именно он влияет на ощущения личности, его мировоззрения, поведение, формирует в сознании модель мира, определяет его настроение, вторгаясь в ценностную ориентацию и возможно меняя ее. Становится очень важным найти правильный ответ на вопрос: какой же мир представлений и через какие «содержательные формы» внедряется телевидение в сознание современного «массового человека»?

Исходя из сказанного, еще раз отметим, что *функции*, выполняющиеся средствами массовой информации и, в частности, телевидением, становятся различными для разных групп аудитории – в зависимости от образа жизни, образования, круга интересов и информационных потребностей аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шестеркина Л.П., Николаева Т.Д.* Журналистское мастерство: технология проектов совместного творчества: учебное пособие. Челябинск. Издательский центр, 2014. 171с. С. 43.

Электронные источники:

1. https://www.1tv.am/hy
2. https://www.tv.am/en
3. https://www.shanttv.com/
4. https://armeniatv.am/hy/program
5.https://gisher.org/services/armtv.html?tv=atv
6. https://yerkirmedia.am/hy/

THE THEMATIC DIFFERENCES AND GENRE FUNCTIONS
(on the Example of Modern Armenian TV)

E. Rukhkyan

emineh.rukhkian@yandex.ru

ABSTRACT

The emerging problem of transformation of genres and genre forms occurs due to trends in the development of society, methods of obtaining information in the modern world, models of its presentation through the introduction and use of completely new information technologies. Consequently, these changes introduce their amendments not only in the structure of television programs, but, in addition, modify their functionality. Accordingly, based on this, there is, so to speak, a shift, displacement and combination of elements of various classical journalistic genres into a single product.

Keywords: genre, genre forms, thematic differences, television, format.

УДК 81’373

***Цыцаркина* Н. Н., Саркисян Т. Г.**

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена описанию фразеологических единиц, включающих компонент-фитоним. Сопоставительный анализ данных фразеологизмов в английском и армянском языках выявляет их универсальные черты и национально-культурную специфику.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фитоним, английский язык, армянский язык, национально-культурная специфика.

Tsytsarkina N. N., Sarkisian T. G.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE PHYTONYMIC COMPONENT IN THE ENGLISH AND ARMENIAN LANGUAGES

The paper deals with the peculiarities of English and Armenian phraseological units that contain a phytonymic component. Comparative analysis reveals the common and specific features of these units, their national and cultural specificity.

Keywords: phraseological unit, phytonymic component, the English language, the Armenian language, national and cultural specificity.

Целью данной статьи является выявление универсальных характеристик и национально-культурного своеобразия фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-фитонимом современного английского и армянского языков.

Армянский и английский языки относятся к индоевропейской языковой семье: армянский принадлежит греко-фригийско-армянской ветви, английский входит в группу германских языков. Типологически в обоих языках доминируют признаки агглютинативных языков с некоторыми элементами изолирующего типа [15, с. 189]. Однако, несмотря на принадлежность к одной языковой семье и некоторое типологическое сходство, данные языки самобытны и активно не контактируют, так как народы, говорящие на них территориально далеки друг от друга.

Сопоставительные исследования ФЕ с компонентом-фитонимом в неродственных языках или языках, непосредственно не контактирующих друг с другом, в последнее время стали появляться достаточно часто. Например,

проводились сопоставления ФЕ с компонентом-фитонимом в таких языках, как английский и русский [5; 17], русский и корейский [7], русский и китайский [12], татарский и французский [1], русский и французский [10], русский и чувашский [2], русский, английский и немецкий [19], а также в славянских, германских и тюркских языках [11]. Исследователи считают, что такой анализ помогает обнаружить универсальные черты и национально-культурную специфику языковой картины мира, «выявить особенности так называемых европейского и восточного типов мышления, увидеть исторические отголоски более древних культур …» [1, с. 15].

Нужно отметить, что если английские ФЕ с компонентом-фитонимом изучены достаточно полно [13; 16; 3; 8; 18; 9; 20], то на материале армянского языка подобного рода исследования не проводились.

По определению В. Н. Телии, фразеологические единицы — это семантически связанные словосочетания и предложения, которые, «не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [14].

Под ФЕ с компонентом-фитонимом в статье понимаются фразеологизмы, в составе которых имеется видовое или родовое наименование растения в целом (дерево, кустарник, трава) или название его составной части (лист, стебель, корень, цветок, плод).

При анализе грамматической структуры за основу была взята структурно-семантическая классификация А. В. Кунина [6].

Как показало исследование, среди английских ФЕ с компонентом-фитонимом выделяются следующие группы:

субстантивные ФЕ (a *heart of* ***oak*** — храбрый, мужественный человек, *a squeezed* ***orange*** — уставший, ненужный человек, a *hot* ***potato*** — неприятный вопрос, *a hard* ***nut*** *to crack* — орешек не по зубам); **адъективные** ФЕ компаративного типа (*as green as* ***grass*** — неопытный, незнающей жизни, *welcome as* ***flowers*** *in May* — долгожданный, желанный, as like as two **peas** — похожий как две капли воды, *as brown as a* ***berry*** — очень темный, загорелый); адвербиальные ФЕ (*between* ***grass*** *and* ***hay*** — в юношеском возрасте, *in the* ***flower*** *of life* — во цвете лет, *under the* ***rose*** — по секрету, втихомолку); **междометные** ФЕ (my cabbage — *разг.; ласк.* дорогой; дорогая); **глагольные** ФЕ (*bang the* ***bush*** *— амер., разг.* превзойти все ожидания; затмить всех; быть вне конкуренции, *slip on a* ***banana*** *skin* — совершить глупую ошибку, *bark up the wrong* ***tree*** — идти по ложному следу, *lay in* ***lavender*** — приберечь на будущее, припрятать до первой необходимости, сохранять впрок, *sport one's* ***oak*** — закрыть дверь, показывая этим, что хозяин комнаты занят); **коммуникативные** ФЕ (пословицы и поговорки): *The* ***apples*** *on the other side of the wall are the sweetest* — «Яблоки по другую сторону забора — самые сладкие» (запретный плод сладок). *The* ***grass*** *is greener on the other side of the fence* — «Трава зеленее по другую строну забора» (хорошо там, где нас нет). *He that will eat* ***kernel*** *must crack the* ***nut*** — «Тот, кто хочет съесть ядро ореха, должен сначала расколоть орех». *Grasp the* ***nettle*** *and it won't sting you* «Схвати крапиву резко — и не обожжёшься» (смелость — залог успеха).

Анализ показал, что в армянском языке, как и в английском, существуют субстантивные, глагольные и коммуникативные ФЕ с фитономическим компонентом: **субстантивные ФЕ**: *չկտրած* ***ձմերուկ*** — «неразрезанный арбуз» (загадка, человек с неизвестным характером), ***տանձի*** *պոչ* — «хвост груши» (худой человек), *բաղի կարմիր* ***խնձոր*** — «красное яблоко огорода» (очень важный и уважаемый человек), *անհոտ* ***ծաղիկ*** — «цветок без запаха» (ненужный, бесполезный), ***նարինջ*** *ուտող* — «пожиратель апельсинов» (проживающий легкомысленную и беззаботную жизнь); **глагольные** ФЕ: *դառը* ***պտուղներ*** *ճաշակել* — «испробовать горькие плоды» (почувствовать тяжелые последствия допущенных ошибок), *կանաչ* ***խոտի*** *վրա կրակ անել* — «развести огонь на зеленой траве» (жить в плохих условиях), *ծաղիկ քաղել մեկի տնից* — «у кого-то из дома сорвать **цветок**» (свататься); **коммуникативные** ФЕ: *Բանբասկոտը նման է* ***ընկույզով*** *լի պարկի՝ որքան էլ թափ տաս, ձայն դուրս կգա* — «Сплетник — что мешок с орехами: сколько ни тряси, все голос подает». *Այգեպանին* ***սերմեր*** *չեն վաճառում* — «Садоводу семена не продают» (мастер своего дела). *Ամեն* ***բանջարեղեն*** *իր ժամանակն ունի* — «Всякому овощу свое время». ***Հատապտուղը հատապտղին*** *նայելով է հասնում* — «Ягода, на ягоду глядя, созревает» (бери пример с других). *Լավ* ***սեխը*** *գայլին է բաժին հասնում* — «Хорошая дыня достается шакалу» (когда хорошее начало завершается плохим концом). *Կռվի մեջ* ***չամիչ*** *եւ* ***ընկույզ*** *չեն բաժանում* — «В драке изюм и орехи не раздают» (в драке нет ничего хорошего). *Ինձ ինչ նրանից, որ Բաղդադում շատ* ***խուրմա*** *կա* — «Что мне от того, что в Багдаде хурмы много» (не важно, что имеют чужие, важно, что имеешь сам).

Но, в отличие от английского, в армянском языке не встречаются соответствующие единицы для таких групп, как адъективные, адвербиальные и междометные ФЕ. Самыми многочисленными ФЕ с компонентом-фитонимом в английском и армянском языках являются коммуникативные фразеологизмы.

Как в том, так и в другом языке к самым частотным компонентам-фитонимам относятся компоненты **роза** («*rose*», «*վարդ*») и **дерево** («*tree*», «*ծառ*»). В английском языке компонент «*rose*» включен в субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные ФЕ**:** *English* ***rose*** — «английская роза» (настоящая английская леди), *a* ***rose*** *between two thorns* — красивая женщина среди мужчин. Роза ассоциируется, как отмечает С. **С.** Шумбасова, с чем-то приятным, легким, красивым и редким, а фразеологизмы с компонентом «rose» используются часто как комплимент [18, с. 9]. Например: *a bed of* ***roses*** — лёгкая, счастливая жизнь, *gather life's* ***roses*** — срывать цветы удовольствия, *a blue* ***rose*** — что-то недостижимое, *under the* ***rose*** — по секрету, втихомолку, *as fresh as a* ***rose*** — свежа, как роза.

Компонент «*tree*» в английском языке входит в состав субстантивных, глагольных и коммуникативных ФЕ: *the top of the* ***tree*** — видное общественное положение; *pull up* ***trees*** — многого добиться; быть на многое способным; *flourish like a bay* ***tree*** — процветать, успешно развиваться; *don not grow on* ***trees*** — «на улице не валяются, на деревьях не растут» (часто о деньгах); *The highest* ***tree*** *has the greatest fall* — «Самое высокое дерево с самым сильным грохотом и падает» (не взлетай высоко, не будешь падать низко); *Some people cannot see the wood for the* ***trees*** — «За деревьями лес не увидел»; *He that would eat the fruit*

must climb the ***tree*** — «Кто хочет съесть плод, должен влезть на дерево»; *He that loves the* ***tree*** *loves the branch* — «Кто любит дерево, тот любит и каждую ее веточку» (любишь тепло, терпи и дым); *Remove an old* ***tree*** *and it will wither to death* — «Стоит пересадить старое дерево, и оно полностью завянет».

В армянском языке компонент «*վարդ* (роза)» является, как правило, частью коммуникативных ФЕ: *Անշնորհակալի այգում ոչ* ***վարդ*** *է աճում, ոչ՝ մանուշակ* — «В саду у неблагодарного ни розы, ни фиалки не цветут» (неблагодарному ничем не угодишь; неблагодарные ведут себя, как нищие, которые уверены в том, что им все должны). *Սրտում* ***վարդ*** *բացվել* — «В сердце раскрылась роза» (быть в чудесном и счастливом настроении). *Հյուրը վարդ է* ***տան*** *տիրոջ համար* — «Гость — роза для хозяина». *Ճանապարհին* ***վարդեր*** *չեն փռված* — «На дороге розы не валяются» (небеззаботная и трудная жизнь). *Հարկադրաբար բացված* ***վարդը*** *բույր չի ունենում* — «Насильно раскрытая роза запаха не имеет» (то, что делается насильно, без желания и без любви не может быть результативным). *Առանց փշի* ***վարդ*** *չի լինում* — «Без шипов розы не бывает» (идеальных людей не бывает).

ФЕ с компонентом «*վարդ* (роза)» связаны с традициями и обрядами армянского народа: *Ճանապարհին* ***վարդեր*** *են փռված* — «Розы под ногами» (пожелание доброго и счастливого пути), ***Վարդ*** *թաշկինակ* — «Платок из роз» (во время свадебной церемонии невесте дарят платок, разукрашенный розами).

Компонент «*ծառ* (дерево)» в армянском языке используются в пословицах и поговорках, реже — в глагольных ФЕ:

Շաքարին ***ծառը*** *կապեցեք* — «привязать сахар к дереву» (с удовольствием согласиться). *Առվույթին մոտ* ***ծառը*** *արագ է աճում, բայց արագ էլ ծերանում է* — «Дерево у воды быстро растет, но и быстро стареет» (получив желанное и необходимое, нужно этим довольствоваться). ***Ծառը*** *տնկում են պտուղները ուտելու համար* — «Дерево затем и посадил, чтобы есть плоды» (в каждом деле главное — полученный результат). *Լավ* ***ծառն*** *ավելի լավ է, քան վատ մարդը* — «Хорошее дерево лучше плохого человека» (одиночество лучше, чем дружба с плохим человеком). *Անպտուղ* ***ծառի*** *վրա ոչ ոք քար չի գցում* — «В бесплодное дерево никто камней не бросает» (несчастного человека никто не обижает). *Մի թափահարիր այն* ***ծառը****, որից հավաքված են պտուղները* — «Не тряси дерево, с которого уже сняты плоды» (не делай бесполезную работу). *Երբ* ***ծառն*** *ընկնում է, ճյուղերը բարձրանում են* — «Когда дерево падает, ветки поднимаются» (когда сильный падает, у слабого появляется шанс). *Ամեն ոք փորձում է իր* ***ծառը*** *ջրել* — «Каждый старается свое дерево поливать» (каждый человек должен найти свое место в жизни и делать все, чтобы создать условия для хорошей жизни). *Պտղատու* ***ծառը*** *միշտ ջրում են* — «Плодоносящее дерево всегда поливают» (нужно бережно относиться к тому, что является источником дохода, приносит пользу).

Компонентами-фитонимами могут быть также гипонимы к слову «*ծառն* (дерево)», например, «*սոճի* (сосна)», символизирующая силу и мощь (положительная коннотация), «*բարդին* (тополь)», (отрицательная коннотация — нечто ненужное, бесполезное): *Ինչ օգուտ, որ* ***բարդին*** *բարձր է, երբ պտուղներ չի տալիս* — «И тополь высок, да какая польза в нем, если не дает плодов» (независимо от возраста и социального статуса для каждого человека важны жиз-

ненные результаты); *Ամեն ծառ **սոճի** չէ* — «Не всякое дерево сосна» (не всегда внешнее определяет внутреннее содержание).

В английском языке силу и храбрость символизирует не сосна, как у армян, а дуб: *Great **oaks** from little acorns grow* — «Большие дубы вырастают из маленьких желудей (большое вырастает из малого); *Little strokes fell great **oaks*** — «Слабые удары валят большие дубы» (капля по капле и камень долбит), *a heart of **oak*** — храбрый, мужественный человек.

Также многочисленна в армянском языке группа с компонентом «*ձմերուկ* (арбуз)», представленная преимущественно субстантивными и глагольными ФЕ: *չկտրած **ձմերուկ*** — «неразрезанный арбуз» (человек с неизвестным характером); ***ձմերուկի** կեղև* — «корочка арбуза» (очень худой); ***ձմերուկի** կորիզ կուլ տալ* — «проглотить арбузную косточку» (забеременеть); *թևերի տակ **ձմերուկ** դնել* — «положить арбуз под мышку» (подбодрить пустыми обещаниями), ***մի ձեռքով** երկու ձմերուկ չեն բռնի* — «Одной рукой два арбуза не удержать» (не надо брать на себя больше, чем ты сможешь сделать, не берись за такое дело, которое не сможешь выполнить, не давай обещаний, которые не сможешь исполнить).

Существует народное предание, объясняющее армянское названия арбуза и отношение к нему армянского народа — дзмерук. Слуги армянского царя Гагика помогли рогатой змее избавиться от рогов. В благодарность она оставила во дворце семечко, из которого вырос большой, странный плод. Умирающий старик, которому слуги царя дали этот плод, излечился от смертельной болезни. Сам Гагик также попробовал это природное лекарство и почувствовал его целебную силу. С тех пор армяне называют подарок благодарной змеи — чмерук, т. е. «не умер». Под влиянием ассимиляции звук «ч» превратился в «дз», таким образом плод стал называться «дзмерук» [21].

В английском языке третьей по численности является группа фразеологизмов с компонентом-лексемой «*apple*»: *The **apples** on the other side of the wall are the sweetest* — в чужом саду яблоки вкуснее, запретный плод сладок. *There is small choice in rotten **apples*** — выбирать тут не из чего, хрен редьки не слаще.

В обоих языках в составе фразеологизмов используются такие гиперонимы, как орех, ягода, цветок, плод, зерно, лист, ветка, дерево, трава, т. е. родовые названия растений и их составных частей, а также гипонимы желудь, яблоко, апельсин, огурец, фиалка, роза, инжир (фига), т. е. их видовые названия.

Для английского языка характерны фитонимы *bush* (куст), *bark* (кора), *oak* (дуб), *bean* (боб), *lavender* (лаванда), *nettle* (крапива), *pea* (горох), *mulberry* (тутовая ягода), *banana* (банан), *potato* (картофель), *cabbage* (капуста), *reed* (тростник, камыш). Армянскому языку свойственны фитонимы *սերմ* (семечко), *բուսական* (овощ), *խաղող* (виноград), *սեխ* (дыня), *սերկևիլ* (айва), *խուրմա* (хурма), *ձմերուկ* (арбуз), *տանձ* (груша), *ձիթենի* (маслина), *չամիչ* (изюм), *սխտոր* (чеснок), *երեքնուկ* (клевер), *ցորեն* (пшеница), *բրինձ* (рис), *սոճի* (сосна), *բարդի* (тополь). Видовое разнообразие фитонимов армянского языка, входящих в состав ФЕ, очевидно объясняется особенностями географического положения Армении, а именно изобилием растительного мира субтропической зоны (и отчасти высокогорья), на широте которой она расположена. Большая часть английских и армянских фитонимов в составе фразеологизмов являются гипонимами.

Исследование выявило семантические, структурные и компонентные соответствия фразеологизмов с фитонимическим компонентом английского и армянского языков. Часть фразеологизмов обоих языков имеют одинаковые значения, похожую структуру и компонентный состав: *A **tree** must be bent while young* — «Дерево нужно гнуть, пока оно молодое», ***Ծառի*** *ճյուղերը մատղաշ ժամանակ են ուղղում* — «Дерево выпрямляют, когда оно молодое». Обе пословицы означают 'ребенка нужно воспитывать с детства'. Однако в них прослеживается значительная разница во взглядах на воспитание. В армянском варианте отражается стремление помочь ребенку, поправить, если это необходимо, в противовес английской суровой воспитательной системе, где «дерево нужно гнуть», а не «распрямлять». Другая английская пословица имеет тот же смысл, но более четко обозначает жесткость в подходе к воспитанию: «Spare the rod and spoil the child».

В обоих языках встречаются фразеологизмы с одинаковыми значениями и компонентным составом, но с разной структурой. О людях, которые повторяют и усугубляют ошибки и недостатки своих родителей, говорят: *As the **tree**, so the fruit* — «Какое дерево, таков и его плод»; *Պտուղը* ***ծառից*** *հեռու չի ընկնում* — «Плод далеко от дерева не падает» (русская пословица — «Яблоко от яблони недалеко падает»). Существует и аутентичная армянская пословица с тем же содержанием, но с разными компонентами и структурой: ***Խաղողի*** *ողկույզները բրնձի չեն վերածվի* — «Виноградные косточки рисом не станут».

Некоторые фразеологизмы в английском и армянском языках имеют похожий смысл, но разную структуру и разный компонентный состав: *Ամեն ծառ* ***սոճի*** *չէ* — «Не всякое дерево сосна» (не все золото, что блестит). *You cannot judge a **tree** by its bark* — «Нельзя судить о дереве по его коре» (внешность обманчива). В человеке существуют две стороны — добро и зло, хорошее и плохое: *Every **bean** has its black* — «В каждом бобе есть чёрное пятно», *Միևնույն* ***ծաղկից*** *օձը թույն է ատրքում, մեղուն մեղր* — «Из одного и того же цветка змея делает яд, пчела мед». Если нет выбора, определить лучший вариант сложно, приходится довольствоваться тем, что имеется: *Հացի բացակայության դեպքում* ***կաղին*** *էլ են ուտում* — «Когда нет хлеба, едят и желуди»; *There is small choice in rotten **apples*** — «Небольшой выбор между гнилыми яблоками».

Были выявлены ФЕ с фитонимическим компонентом, которые имеют в другом языке эквивалентные по смыслу фразеологизмы, не содержащие фитонимический компонент. Например: *Օտար երկրում ջրիր այն* ***ծառը****, որը այնտեղ է աճում* — «В чужой стране поливай те деревья, которые там растут» (в чужой монастырь со своим уставом не ходят). Английская версия *When in Rome, do as the Romans do* (более поздняя — *When in Rome, do as the Pope does)* приписывается Св. Амвросию (Амвросию Медиоланскому), миланскому епископу, проповеднику и поэту [4, с. 104].

Ряд фразеологизмов с идентичным или похожим компонентным составом имеют разные, иногда противоположные значения: ср. a bed of ***roses*** (легкая жизнь) — ***Վարդե*** *անկողին* (постель из роз, т. е. плохие условия); *կանաչ* ***վարունգ*** — «зелёный огурец» (здоровый и бодрый) — *as cool as a **cucumber*** (совершенно невозмутимый, спокойный, не теряющий хладнокровия). В по-

следнем примере армянский фразеологизм относится к физическим качествам, английский — к чертам характера человека.

Также существуют фразеологизмы с компонентом «фитоним», которые употребляются только в английском или только в армянском языке, т. е. не имеют эквивалентов в другом языке. Это происходит из-за различий природной среды, этнической культуры, менталитета народа, исторических традиций: англ. *shake the pagoda **tree*** — быстро разбогатеть, нажиться; *be at **grass*** — быть без дела, без работы; *my **cabbage*** — дорогой, дорогая, *a heart of **oak*** — храбрый, мужественный человек; арм. ***ծաղիկ** քաղել մեկի տնից* — «у кого-то из дома сорвать цветок» (свататься), ***ցորեն** լեզու* — «пшеничный язык» (язык без костей); *շաքարին **ծառը** կապեցեք* — «привязать сахар к дереву» (с удовольствием согласиться), *գլխին **ընկույզ** կոտրել* — «колоть орех на голове» (доставить кому-либо неприятности); ***ծառերի** վրա քնել* — «спать на дереве» (говорят о некультурном и нецивилизованном человеке); *Երբ էշը **ծառը** կբարձրանա* — «Когда осел поднимется на дерево» (неизвестное время).

Появляются и новые фразеологизмы, не имеющие аналогов в других языках. Так, в 2015 г. в армянском языке закрепился фразеологизм ***հայկական անմոռուկ*** — «армянская незабудка», символизирующая геноцид армян (24 апреля 1915 г). Символ незабудки был утвержден Государственной комиссией по проведению мероприятий, посвященных 100-й годовщине геноцида армян. Незабудка почти на всех языках означает «помнить, не забывать и напоминать». Цвета незабудки (фиолетовый, светло-фиолетовый, желтый и черный) символизируют прошлое, настоящее и будущее, а пять лепестков — 5 континентов, на которых армянские беженцы создали свои диаспоры.

Исследование, проведенное О. В. Худенцовой, показало, что среди английских ФЕ с фитонимическим компонентом имеются библейские фразеологизмы. В соответствии с хронологической классификацией библейские ФЕ с компонентом-фитонимом относятся к четырем группам: 1) добиблейские ФЕ — прямые цитаты из Священного Писания, дословно переведенные на английский язык: *The tree is known by its fruit* — «дерево познается по плоду» (человек познается по своим делам); 2) собственно библейские ФЕ, возникшие в результате переосмысления свободных словосочетаний Библии: *olive branch* — «оливковая ветвь», *fig leaf* — «фиговый листок», *a tree of knowledge of good and evil* — «дерево познания добра и зла», *a tree of life* — «дерево жизни»; 3) постбиблейские ФЕ, возникшие на основе образов или сюжетов Священного Писания, символически обобщающие священные легенды: *to separate / to sift the grain / the wheat from chaff* — «отделять зёрна от плевел» (отделять главное, важное от второстепенного, несущественного), *forbidden fruit* — «запретный плод»; 4) окказиональные библейские ФЕ, возникшие в результате творчества писателей и поэтов, развития библейских тем в народном языке [16, с. 275–281].

Анализ языкового материала выявил в армянском языке прямые соответствия английским библеизмам, так как англичане и армяне исповедуют христианство (католицизм и православие соответственно). Библеизмы армянского и английского языков имеют, как правило, сходную структурно-грамматическую организацию и сходный компонентный состав. Так, ан-

глийский добиблейский ФЕ *The* ***tree*** *is known by its* ***fruit*** — «Дерево познается по плоду» (человек познается по своим делам) имеет соответствующий армянский ФЕ ***Ծառը*** *պտղով են* ***ճանաչում*** («Дерево узнается по плодам»). Однако за армянским фразеологизмом закрепилось иное значение — «Дети — зеркало семьи». Так же как и в английском, наиболее многочисленной в армянском языке является группа собственно библейских фразеологизмов: *թզենու տերեւ* — *fig leaf* — «фиговый листок», которым Адам и Ева прикрыли свою наготу, фразеологизм, употребляемый в переносном смысле как маскировка нечестных или бесстыдных поступков; *կենաց ծառ* — *a* ***tree*** *of life* — «дерево жизни». В католическом христианстве дерево жизни (*tree of life*) представляет собой безупречное состояние человечества до грехопадения, в православии, в частности у армян, дерево жизни (*կենաց ծառ*) — любовь бога. В армянской мифологии Древо Жизни украшало стены крепостей и доспехи воинов. Ветви дерева равномерно распределялись справа и слева от ствола; на каждой ветви — по одному листу, и один лист — на самой вершине дерева. К постбиблейским ФЕ в английском и армянском языках относятся *forbidden* ***fruit*** — *արգելված* ***պտուղը*** — «запретный плод»; ***apple*** *of knowledge*, *Եդեմական* ***խնձոր*** — «райское яблоко» (яблоко с древа познания, т. е. причина соблазна), *կենաց* ***ծառի խնձոր*** *ուտել* — «съесть яблоко с древа познания» (соблазниться).

Проведенный анализ ФЕ с компонентом-фитонимом английского и армянского языков показал антропоцентричность данных единиц. Английские и армянские ФЕ опосредованно дают **х**арактеристику моральным качествам человека, содержат мудрые наставления и советы, описывают жизненные наблюдения и, как правило, имеют оценочный характер.

ФЕ английского языка с компонентом-фитонимом связаны с земледелием, охотой, общественной жизнью, историей народа, армянские фразеологизмы возникли на основе народных традиций, связаны с садоводством, земледелием и скотоводством. Наряду с общими для обоих народов моральными и физическими качествами (ум, трудолюбие, работоспособность, бережливость, терпение), у англичан как у традиционно много воевавшей нации высоко ценится мужество, храбрость, хладнокровие, стойкость, умение держать удар. В работниках ценится ответственность и инициативность. Всем известна такая черта англичан, как индивидуализм. Помимо общих с англичанами качеств армянскому народу присуща мудрость, гостеприимство, сострадание, верность традициям, привязанность к семье и детям, умеренность, целеустремленность, проницательность, умение довольствоваться малым, умение держать слово, нацеленность на результат труда, избирательность в дружбе. Общими порицаемыми качествами являются лицемерие, зависть и глупость. Англичане осуждают также неумение хранить чужие секреты, слабоволие, склонность, манипулировать людьми. У армян осуждается и порицается жадность, неблагодарность, самоуверенность, легкомыслие, мелочность, необразованность, а также прожектерство, безделье, склонность к распусканию слухов и сплетен. Не уважают невоспитанных и агрессивных людей.

Итак, ФЕ с компонентом-фитонимом английского и армянского языков, антропоцентричные по своей природе, обладают как рядом универсальных

черт, связанных с относительной близостью грамматического строя языков, общностью религиозных и моральных устоев народов-носителей, так и этническим своеобразием семантики соответствующих единиц, обусловленным природными, историческими и культурными различиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габбазова Р. Ф., Тагирова Ф. И. Универсальные и национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в татарском и французском языках // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2016. № 1(89). — С. 13–21.
2. Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: автореф. дис. … д-ра филол. наук. — Чебоксары, 2015.
3. Киреева И. И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Самара, 2008.
4. Котова Е. Г., Кузьмина Е. В. Этимологический анализ английской пословицы «When in Rome, do as the Romans do» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. — № 12 (66). — Ч. 1. — С. 103–105.
5. Крепкогорская Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в английском и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Казань, 2012.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — Дубна: Феникс, 2005.
7. Пак Сон Гу. Фитонимы в русской и корейской фразеологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. — М.: Диалог-МГУ, 2000. — Вып. 12. — С. 20–27.
8. Петрунина Е. А. Английские фразеологические единицы с компонентом-фитонимом // Вестник Университета Российской академии образования. — 2008. — № 3. — С. 28–31.
9. Поломошнов Л. А. Фразеологические единицы с фитонимическим компонентом английского языка // Вестник Донского государственного аграрного университета. — 2016. — № 2–2 (20). — С. 94–101.
10. Седых А. П., Бондарева М. М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5(83). — Ч. 1. — С. 155–159.
11. Сетаров Р. Д. Национальная специфика образной номинации: на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000.
12. Синьюй Д. Фразеологизмы с компонентом «фитонимы» в русском и китайском языках: сопоставительный аспект // Молодой учёный. — 2018. — № 23 (209). — С. 435–438.
13. Степанова И. С. Английские фразеологические единицы с флористическим компонентом: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Киев, 1987.
14. Телия В. Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — URL: http://tapemark.narod.ru/les/389e.html (дата обращения: 10.02.19).

15. Хостикян Р. В. О некоторых типологических особенностях английского, армянского и русского языков. 2002. — С. 184–189. — URL: http://lraber.asj-oa.am/812/1/2002–2(184).pdf. (дата обращения: 10.02.19).

16. Худенцова О. В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом: автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 2008.

17. Хутова Э. Р., Даутова В. В. Пословицы и поговорки с компонентом-фитонимом в английском и русском языках // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — № 3. — С. 1–6. — URL: http://www.apriori-journal.ru. (дата обращения: 10.02.19).

18. Шумбасова С. С. Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 2011.

19. Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д., Кузнецова И. И. Паремиологические единицы с компонентом-фитонимом в русском, английском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5(83). — Ч. 2. — С. 408–411.

20. Якунина Т. И. Фразеосемантическое поле «Поведение» (на материале фразеологизмов с компонентом фитонимом английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9(87). — Ч. 2. — С. 414–419.

21. Torkomyan H. Why Armenians Call The Watermelon «Dzemerook». — URL: http://historyofarmenia.org/2017/05/15/1948/ (дата обращения: 02.02.19).

УДК 94(100) 61914

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-37–44

С.А. Маркарян

Армянский вопрос на переговорах в Брест-Литовске (1917–1918 гг.)

Ереванский государственный университет; Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1; markaryansamve@rambler.ru

В статье рассмотрен армянский вопрос на переговорах в Брест-Литовске в период 1917–1918 гг. Акцентировано внимание на первом этапе переговоров, выделены сложные аспекты. Обозначена позиция Ленина и Троцкого по вопросу о территориальных претензиях Германии и ее союзников. Проанализированы отдельные вопросы, которые стали «камнем преткновения». Освещен моральный фактор событий вокруг армянского вопроса на переговорах. Показано, что денонсированный Брестский договор по всем пунктам перестал действовать в том же 1918 г., кроме тех пунктов, которые касались Западной Армении.

По Лозаннским соглашениям 1923 г. правительство Кемаля Ататюрка получило международное признание и подтверждение великими державами Европы границ на западе и на востоке. Во всех последующих соглашениях 1921 и 1923 гг. турки ссылались в качестве юридического основания для владения этими территориями на объявленный недействительным и разорванный Брестский договор, а главную роль в уступке Турции этих территорий сыграл Л.Д. Троцкий.

Ключевые слова: *делегация, договор, Брест, Троцкий, Германия, Турция, Армения*.

Введение

На второй день Октябрьской революции, 26 октября 1917 г., советское правительство после одобрения Декрета о мире II Всероссийским съездом Советов по распоряжению главы советского правительства В.И. Ленина отправило правительствам стран «Четверного союза» и Антанты текст Декрета о мире [9, с. 14]. Кроме того, все послы стран Антанты получили этот текст в Петрограде [6, с. 56].

Спустя 4 дня отреагировало только правительство Германии – оно предложило объявить перемирие и выслать делегацию для переговоров в Брест-Литовск [7, с. 69]. Через несколько дней подобные предложения поступили от правительств Австро-Венгрии, Османской Турции и Болгарии. Державы Антанты проигнорировали советское предложение и не ответили на него вообще.

Советская делегация во главе с А.А. Иоффе (в составе: Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, Г.Я. Сокольников, М.П. Павлович, Л.М. Карахан) прибыла в Брест-Литовск 21 ноября (7 декабря) 1917 г. [2, с. 20]. Делегация Германии ее уже ждала, но переговоры начались только 22 ноября (8 декабря). Ее возглавлял статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии фон Кюльман, австро-венгерскую делегацию – министр иностранных дел граф Чернин, турецкую – посол Османской Турецли в Берлине Хакки-паша. На переговорах присутствовала болгарская делегация во главе с министром иностранных дел А. Поповым, но она вела себя скромно и инертно, как бы наблюдая за всем происходящим.

Первый этап переговоров

На первом этапе переговоров Л.Д. Троцкий руководил советской делегацией из Петрограда, а в конце декабря он сам прибыл в Брест-Литовск [10, с. 110], захватив с собой текст секретного соглашения Сайкса–Пико от 1916 г., согласно которому державы Антанты соглашались после победы в войне передать России г. Константинополь (Стамбул) с проливами Босфор и Дарданеллы, а также Эрзурум, Трапезунд, Ван, Игдыр, Баязет и Битлис, т. е. фактически большую часть исторической (или Западной) Армении, которая до войны управлялась турецкой администрацией, а в 1916 г. была занята русской армией. Л. Троцкий планировал расположить к себе немцев и турок, раскрыв им текст соглашения Сайкса–Пико. Турецкая делегация настолько была шокирована этим текстом, что уже 23 ноября (9 декабря) его текст изучали в султанской канцелярии и выслали по радио в Бейрут одному из видных министров правительства младотурок Джемаль-паше [1; 6, с. 79].

Ллойд Джордж писал в своих воспоминаниях: «Уже через 2 дня после позорного большевистского демарша в Бресте мы услышали из Бейрута яркую, эмоциональную речь турецкого министра Джемаль-паши, заклеймившего Англию и Францию от имени турецкого государства» [2, с. 204–205]. Так, Л. Троцкий положил начало опубликованию всех секретных договоров и документов Министерства иностранных дел. Он считал, что стоит отказаться от трехвековой борьбы с Османской Турцией и навсегда отказаться от проливов и Константинополя, от Западной Армении в обмен на дружбу с Турцией. Было заметно, что у делегации Германии имеется страстное желание побыстрее заключить мир с Россией, чтобы перебросить все войска на Запад» [8, с. 89–90].

Германская делегация огласила 16 статей своих условий 14 декабря 1917 г. Однако глава советской делегации Л. Троцкий считал, что и Германия, и Австро-Венгрия находятся в глубочайшем социально-экономическом кризисе и стоят на пороге революции, а поэтому никакие условия мира нельзя считать приемлемыми. Он считал, что переговоры нужно тянуть до того момента, когда эта революция начнется [10, с. 89]. Дальнейшие события показали, что эти расчеты Л. Троцкого были ошибочными и революции произошли в них через год после переговоров. Понятно, что переговоры не могли продолжаться столь длительное время.

В этих 16 статьях речь шла о территориальных требованиях по отношению к Польше и Прибалтике и об «очищении от русских войск Восточной Анатолии» (Западной Армении), но не назывались конкретно ни области, ни города, откуда должны были уйти русские войска [5]. Это было чисто декларативное заявление турецкой делегации, которое можно было с большим основанием и оспаривать, и обсуждать. В общей сложности на этом этапе Германия и союзники требовали передать им около 150 тыс. км^2. Советская делегация прервала переговоры 24 декабря 1917 г. и через два дня прибыла в Петроград. Указания и инструкции наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого были выполнены: «Никакого мира не подписывать, а переговоры прервать по первому удобному случаю и сразу выехать в Петроград» [3, с. 38].

Л. Троцкий доложил В. Ленину о требованиях Германии и ее союзников, после чего глава правительства потребовал немедленно выехать в Брест и подписать мир. Но вместо этого Троцкий объявил себя больным, никуда не поехал и стал тайно у себя на квартире принимать Л.Б. Каменева, Ф.Э. Дзержинского, Н.И. Бухарина, Г.Я. Сокольникова и других видных деятелей партии большевиков, надеясь сколотить мощную антиленинскую группировку в руководстве страны [3, с. 39]. Ф.Э. Дзержинский даже считал, что если Германия представляет такие условия мира, то нужно продолжить участие в Первой мировой войне до полного разгрома Германии и ее капитуляции. Тогда

В.И. Ленин в период со 2 по 7 января 1918 г. по нескольку часов выступает на заседаниях правительства и требует немедленно подписать мир с Германией, даже угрожая своей отставкой. Уже 7 января принято постановление правительства, в котором указано «Л.Д. Троцкому немедленно выехать в Брест и в течение 2-х дней завершить переговоры подписанием мира».

Выполняя это постановление, Троцкий выехал в Брест, и уже 9 января 1918 г. переговоры возобновились. Они шли безрезультатно 10 дней, пока главнокомандующий германской армией фельдмаршал Гинденбург не потребовал от главы немецкой делегации фон Кюльмана немедленно предъявить ультиматум русской стороне и в случае неприятия его угрожал начать наступление немецкой армии на Петроград [8, с. 209].

Прерванные переговоры в Бресте

Германская делегация прервала переговоры и выехала в Берлин, а советская делегация во главе с Троцким осталась на этот раз в Бресте. В.И. Ленин снова потребовал по телеграфу немедленно подписать мир. Германская делегация решила усилить давление на Троцкого и 17 января подключила делегацию Османской Турции с более резким заявлением о необходимости очистить от русских войск не только Эрзурум, Трапезунд, Ван, Муш, Битлис, но и давно уже принадлежавшие России (с 1878 г.) Карс, Артвин и Ардаган [2, с. 19]. Правда, фон Кюльман умерил турецкие аппетиты и заявил, что речь может идти об очищении от русских войск только тех территорий, которые были заняты в ходе военных действий на Кавказе в 1915–1916 гг. [2, с. 20].

Вместо того чтобы поддержать эту позицию, Л.Д. Троцкий заявил турецкой и германской делегации уже на второй день после этого демарша: «...очищение от русских войск армянских земель Турции мы уже начали. Подобно тому, как мы выводили свои войска из Персии (Ирана), мы их выведем скоро и из Армении (Турецкой. – *С. М.*)» [10, с. 106]. Это заявление Л. Троцкий сделал, даже не посоветовавшись с Лениным или другими членами Политбюро партии большевиков. Это заявление было сделано в то время, когда турецкая армия терпела поражение от арабов в Ираке и Иордании, покинула под давлением англичан Сирию и Палестину и готова была отступать от русских войск на Южном Кавказе в Центральную Анатолию.

Консультации германской делегации по вопросу о мире

Германская делегация в Берлине обсуждала свои дальнейшие действия, а в начале февраля фельдмаршал Гинденбург снова обратился к кайзеру Вильгельму II с требованием немедленно прекратить всякие переговоры с Россией и начать наступление на Петроград [10, с. 188]. Под давлением Гинденбурга кайзер уже 6 февраля прислал телеграмму фон Кюльману, в которой потребовал предъявить России ультиматум немедленно [10, с. 127]. Ультиматум Германии был предъявлен 9 февраля 1918 г. В ответ Л. Троцкий произнес вторично в Бресте свою формулу: «Ни мира, ни войны. Войну прекращаем, армию демобилизуем» [8, с. 89]. Он приказал прекратить переговоры и всей делегации уехать в Петроград.

Л.Д. Троцкий пишет в своих воспоминаниях, что он рассчитывал на то, что если немцы и найдут 2–3 боеспособные дивизии, им понадобится не менее 12 дней, чтобы дойти до Петрограда, а за это время советское правительство вполне могло переехать в Москву, а если понадобится – в Екатеринбург, а вот туда уже немцы не скоро доберутся [8, с. 108–109]. Трудно себе представить более авантюрную позицию.

Армянский вопрос на переговорах в Бресте

Армянский вопрос на переговорах в Бресте после 17 января уже не сходил с повестки дня, о чем бы ни шли обсуждения и дискуссии. Шаг за шагом, поэтапно, почувствовав, что от Троцкого можно добиться больше того, о чем в начале переговоров даже не мечтала турецкая делегация, ее глава Хакки-паша, по-восточному льстя всем членам делегации советской России, постоянно жаловался им на несправедливость и грабительский характер требований царского правительства к Османской Турции, на непомерные аппетиты Николая II в отношении «восточных территорий, населенных армянами».

При этом с 17 января Хакки-паша ежедневно устраивал званые обеды и произносил тосты о борьбе с хищниками-империалистами Англии и Франции, которая непременно сближает Турцию с Россией и будет служить основой их дружбы. При этом он как бы невзначай вставлял в свою речь фразы об исторической доброжелательности русских к тюркам, огузам, татарам, башкирам, которые строили великое русское государство вместе с русским народом. Особенно доставалось английской колониальной империи, которую необходимо разрушить совместными усилиями русских и турок. Хакки-паша очень пафосно говорил о желании Османской Турции быть союзницей России и авангардом распространения революционных идей среди народов Востока. Все члены советской делегации были впечатлены этими речами и, вернувшись в Петроград, взахлеб рассказывали В.И. Ленину о настроениях турецкого руководства (особенно Иоффе). И Ленин пришел к ложному выводу о том, что среди народов Востока созрела почва для распространения идей пролетарской революции. Возможно, он не до конца поверил восторженным рассказам членов советской делегации и даже сомневался в искренности дружеских чувств младотурок по отношению к советской России, но перспектива стратегического союза с Османской Турцией против Англии и Франции привлекла его и стала основой большевистской политики на Кавказе и в Средней Азии, а также в других мусульманских регионах.

Одну из тайн Брестских переговоров не подтвердил в своих воспоминаниях Л. Троцкий. Глава австрийской делегации граф Чернин еще в 1922 г. вспоминал, что 9 января вечером в обстановке большой секретности в Брест прибыл один из трех руководителей младотурецкого триумвирата – Талаат-паша [8, с. 109]. Охрана поезда никого не подпускала близко к вагонам Талаат-паши, днем он не покидал свой поезд, а вот по ночам с 10 января происходили его тайные встречи с Троцким. Никаких документов или свидетельств иного порядка, кроме признания графа Чернина, не сохранилось. Но Троцкий уклончиво пишет в своих воспоминаниях, что уже в январе 1918 г. на переговорах в Бресте «армянский вопрос играл крупнейшую роль на переговорах с турками» [10, с. 88]. Впоследствии Ллойд Джордж писал, что был весьма удивлен в январе 1918 г., узнав о тайных переговорах первого визиря (премьер-министра) Талаат-паши и Л. Троцкого, которые шли втайне по ночам и даже без участия германской и австрийской делегаций [8, с. 111]. Об этом ему доложила английская разведка.

В правовом отношении позиция турок была весьма уязвима: переговоры шли по итогам Первой мировой войны и с юридической точки зрения мог рассматриваться вопрос только о тех территориях, которые были заняты русской армией в ходе военных действий 1915–1916 гг., но не о территориях Карской, Ардаганской и Артвинской областей, которые султанское правительство уступило России в 1878 г. по итогам другой войны. Но Талаат-паша сразу же поставил вопрос об уступке Турции этих областей и районов вокруг горы Арарат (Сурмалинский уезд), которые все вместе составляли 26 тыс. кв. км. Кроме того, Талаат-паша требовал передать Турции район г. Батума с пор-

том (грузинскую Аджарию) и очистить от русских войск области Трапезунда, Эрзерума, Муша, Алашкерта, Битлиса, Вана, Хлата – всего около 105 тыс. кв. км.

Отметим еще и моральный фактор событий вокруг армянских территорий: после геноцида, устроенного в апреле 1915 г. триумвиратом младотурок во главе с Энвер-пашой, Талаат-пашой и Джемаль-пашой, спустя всего два года один из главных организаторов этих событий требует от России армянские территории. Более того, известно, что Германия не поддерживала эти турецкие требования и, если бы Троцкий проявил достаточно настойчивости, этот вопрос можно было вообще снять с повестки дня. Уже в феврале 1918 г., выступая перед бундестагом, генерал Людендорф прямо заявил, что Германия не нуждается в таких союзниках, как Австро-Венгрия и Турция, которые больше мешают своими требованиями переговорам в Бресте, чем способствуют им.

Уже 16 февраля генерал Гофман заявил, что состояние войны возобновляется с 19 февраля и немецкая армия переходит в наступление на Петроград. Однако недалеко от Петрограда 23 февраля немецкая армия была остановлена отрядами молодой Красной Армии. Решив не рисковать далее, германское правительство в тот же день предложило перемирие и новый текст мира. Ультиматум с немецкими требованиями через два дня курьер привез в Петроград. Уже 23 февраля Троцкий подал в отставку с поста народного комиссара по иностранным делам, и Ленин эту отставку принял. На следующий день, 24 февраля, советская делегация во главе с Г.Я. Сокольниковым и Г.В. Чичериным выехала в Брест для подписания мира.

Заседание 1 марта началось с зачитывания текста немецких требований с добавлением двух новых пунктов: а) очищение всех занятых территорий в Восточной Анатолии с добавлением городских округов Ардагана, Артвина, Карса и области г. Батума; б) размещение в Крыму немецких войск. Глава немецкой делегации фон Розенберг заявил, что эти последние два пункта можно обсудить и германская сторона не будет настаивать на их безусловном принятии. Однако глава делегации России Сокольников объявил, что ничего не собирается обсуждать, а просто передаст телеграфом все немецкие условия в Петроград. Ему возражали в вагоне советской делегации Г.В. Чичерин и Л. Карахан: они считали, что с немцами, безусловно, следует обсудить эти два пункта и, возможно, добиться их отмены [4, с. 202]. Даже генерал Гофман впоследствии вспоминал, что для немецкой делегации последний этап переговоров в Бресте происходил удивительно гладко и мирно [10, с. 200]. Почувствовав, что немцы могут уступить в вопросе об армянских территориях, уже 2 марта глава турецкой делегации Хакки-паша разразился двухчасовой речью и, путая немецкие, английские и турецкие фразы доказывал исконные права Турции на Карс, Ардаган, Артвин и Батум [10, с. 87].

Перед самым подписанием договора о мире, 3 марта, глава советской делегации Сокольников сделал заявление германским журналистам: «На Кавказе, явно нарушая сформулированные германским же правительством условия ультиматума от 23 февраля и не сообразуясь с подлинной волей народов этих областей, Германия отторгает от России в пользу Турции области Ардагана, Карса и Батума» [8, с. 219]. Мирный договор в Бресте был подписан 3 марта 1918 г., и советская делегация в тот же день покинула Брест, отказавшись от приготовленного странами Четверного союза ужина.

По условиям договора Советская Россия уступила уже более 1 млн кв. км – Прибалтику, Польшу, Украину, Белоруссию, Крым, часть Донской области, а на Южном Кавказе это были более 150 тыс. кв. км (из них 26 тыс. кв. км – области Карса, Ардагана и Сурмалинский уезд) [9, с. 14]. Однако, когда в ноябре 1918 г. страны Четверного союза капитулировали в Первой мировой войне, страны Антанты потребовали в двухмесячный срок очистить все занятые Германией и ее союзниками территории, а Брестский

мир был объявлен недействительным (денонсированным). Германия увела свои войска и из Прибалтики, и из Украины и Белоруссии, а вот Османская Турция даже из Батума не выводила свои войска.

Тем временем надо было как-то легитимизировать турецкое присутствие на всех занятых на Южном Кавказе территориях. И в марте 1921 г. в Москве прошли переговоры между российской и турецкой делегациями. Причем турецкая делегация представляла в это время лишь никем не признанные кемалистские власти, в то время как в Стамбуле пока еще заседало законное правительство Османской Турции. Советская делегация настаивала на очищении от турецких войск г. Батума и всей Аджарии, занятых турками в апреле–мае 1918 г. по условиям Брестского мира. В то же время вопрос об освобождении от турок территорий хотя бы Артвина, Ардагана и Карса, а также Сурмалинского уезда (район горы Арарат) даже не поднимался. Турки всячески тянули и придумывали все новые поводы для обоснования своих претензий на эти территории.

Договор о дружбе с Турцией

В Москве 16 марта 1921 г. был подписан договор о дружбе с турецкой делегацией без упоминания г. Батума и его округа. Красная Армия в это время подошла к г. Батуму и окружила его, потребовав от турок немедленно покинуть город. После нескольких артиллерийских обстрелов, а также узнав, что 16 марта в Москве подписан договор о дружбе и границах без упоминания в нем г. Батума, турецкая армия оставила г. Батум и всю Аджарию 19 марта 1921 г. и отступила до с. Сарпи, где и сегодня проходит граница между Республикой Грузия и Турецкой Республикой. Нет сомнений, что если бы подобным же способом Красная Армия в марте 1921 г. подошла к Карсу, Ардагану и району горы Арарат и потребовала бы очистить их от турецких войск, то турки сделали бы это, как и в случае с г. Батумом и Аджарией, поскольку после денонсации Брестского мира в ноябре 1918 г. никаких международных юридических оснований для обладания этими территориями у Турции уже не было. Но Советское правительство России в марте 1921 г. было заинтересовано только в порте Батума, а отсутствие правовых оснований для дальнейшего удержания за собой районов областей Карса, Артвина, Ардагана и Сурмалинского уезда турками было сознательно «забыто» для «задобрения» Турции и ложной надежды на ее союзничество с революционной Россией.

Заключение

Более того, чтобы получить международно-правовое признание оставления за собой всех этих занятых территорий, в октябре 1921 г. Турция настояла на подписании договора с советской Арменией в Карсе. В этом договоре в точности повторялись положения Московского договора 1921 г. об областях Карса, Артвина, Ардагана как турецких территориях. В то же время и Московский, и Карсский договоры были подписаны с кемалистскими властями, в то время как в Стамбуле заседало султанское правительство, которое никакого участия в этих переговорах и договорах не принимало. По Лозаннским соглашениям 1923 г. правительство Кемаля Ататюрка получило международное признание великими державами Европы; договор закрепил территорию Турции в границах на западе и на востоке.

Таким образом, несправедливый и вскоре денонсированный Брестский договор по всем пунктам перестал действовать в том же 1918 г., кроме тех пунктов, которые касались Западной Армении. Во всех последующих соглашениях 1921 и 1923 гг. турки ссылались в качестве юридического основания для владения этими территориями на объ-

явленный недействительным и разорванный Брестский договор, а главную роль в уступке Турции этих территорий сыграл Л.Д. Троцкий.

Литература

1. *Гарунова Н.Н., Базна (Подмогильная) И.А.* Развитие агропромышленной инфраструктуры Предкавказья в контексте процессов вовлечения региона в сферу геополитических интересов России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии и Терской области) // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 4. – С. 19–24.

2. Документы внешней политики СССР / *А.А. Громыко и др.* Министерство иностранных дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1957. – 444 с.

3. *Жеймо М.* Геополитические условия развития восточных границ Польши после Первой мировой войны (сообщение второе) // Проблемы межрегиональных связей. – 2019. – Т. 1, № 14–1. – С. 38–41.

4. Записки Джемаль-паши 1913–1919 гг. / пер. с анг. Б.Т. Руденко; предисл. Сим. Такоева. – Тифлис: Заккрайком РКП (б), 1923. – 239 с.

5. *Зотова А.В., Полторак С.Н.* К 100-летию Брест-Литовского договора: зарубежные источники // Вопросы истории. – 2019. – № 1. – С. 150–161. – Режим доступа: https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734322

6. История внешней политики СССР, 1917–1980: в 2 т. / *А.Л. Адамишин, А.М. Александров, А.И. Блатов и др.*; под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1981. – 757 с.

7. *Медоваров М.В.* Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 69–77.

8. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9 декабря) 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1: Пленарные заседания; Заседания политической комиссии / Полный текст стенограмм под ред. и с примеч. А.А. Иоффе (В. Крымского), с предисл. Л.Д. Троцкого. – М.: Нар. ком. иностр. дел, 1920. – 268 с.

9. *Баш А.* Атаки России на Зонгулдак в Первой мировой войне (1914–1915 гг.) // Караденизъ. – 2019. – Т. 1, № 42. – С. 14–34.

10. Переговоры в Брест-Литовске. Стенографический отчет. Документы. – М., 1959. – Т. 1. – 230 с.

References

1. Garunova N.N. Bazna (Podmogilnaya) I.A. Development of the agro-industrial infrastructure of the Ciscaucasia in the context of the processes of involving the region in the sphere of geopolitical interests of Russia in the second half of the XIX – early XX century (on the example of the Stavropol province and the Terek region) // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. – 2018. – Vol. 33, issue 4. – Pp. 19–24.

2. Documents of foreign policy of the USSR / Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Doctor of Economics A. A. Gromyko [and others]. – Moscow: Gospolitizdat, 1957. – 444 p.

3. Zeimo M. Geopolitical conditions for the development of the eastern borders after the First World War (part II) // Problems of interregional ties. – 2019. – Vol. 1, No. 14-1. – Pp. 38–41.

4. Notes of Dzhemal Pasha 1913–1919 / per. from English B. T. Rudenko; with foreword Sim. Takoyva. – Tiflis: Zakraikom RCP (b), 1923. – 239 p.

5. Zotova A.V., Poltorak S.N. To the 100th anniversary of the Brest-Litovsk Treaty: foreign sources // Questions of history. – 2019. – No. 1. – Pp. 150–161. https://dlib.eastview.com/browse/doc/52734322

6. History of foreign policy of the USSR, 1917–1980: In 2 volumes / *A.L. Adamishin, A.M. Alexandrov, A.I. Blatov and others;* Ed. A.A. Gromyko, B.N. Ponomareva. – 4th ed., Rev. and add. – M.: Science. – T. 2. 1945–1980 – M.: Nauka, 1981. – 757 p.

7. Medovarov M.V. The crisis of Austria-Hungary and Russian conservative thought on the eve of the First World War // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – 2015. – No. 1. – Pp. 69–77.

8. Peace talks in Brest-Litovsk from 22 (9 December) 1917 to 3 March (18 February) 1918 – Moscow: Nar. com. foreign cases, 1920. – Vol. 1: Plenary sessions; Meetings of the Political Commission / Full text of the transcripts, ed. and with a note. A.A. Ioffe (V. Krymsky), with a preface. L.D. Trotsky. – 1920. – 268 p.

9. Chief A. Russia's Attack on Zonguldak in World War (1914–1915) // Black Sea International Scientific Journal. – 2019. – Vol. 1, No. 42. – Pp. 14–34.

10. Negotiations in Brest-Litovsk. Verbatim record. Documentation. Vol. 1. – M., 1959. – 230 p.

Поступила в редакцию 13 мая 2021 г.

UDC 94(100) 61914

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-37–44

The Armenian Question at the Talks in Brest-Litovsk

S.A. Markarian

Yerevan State University; Armenia, Yerevan, 0025, Alek Manukyan st., 1; markaryansamve@rambler.ru

The Armenian issue at the negotiations in Brest-Litovsk in the period 1917–1918 is considered in the article. Attention is focused on the first stage of negotiations, complex aspects are highlighted. The position of Lenin and Trotsky on the issue of the territorial claims of Germany and its allies is outlined; some issues that have become a "stumbling block" are analyzed. The moral factor of the events around the Armenian issue at the talks is highlighted. Attention was drawn to the fact that the soon denounced Brest Treaty, on all points ceased to operate in the same 1918, except for those points that concerned Western Armenia.

According to the Lausanne agreements of 1923 the government of Kemal-Ataturk received international recognition and confirmation by the great powers of Europe of the borders in the west and in the east. The denounced Brest Treaty, on all points, ceased to operate in the same 1918, except for those points that concerned Western Armenia. In all subsequent agreements of 1921 and 1923 the Turks referred to the declared invalid and torn Brest Treaty as a legal basis for the possession of these territories, and L. Trotsky played the main part in th cession of these territories to Turkey.

Keywords: *delegation, agreement, Brest, Trotsky, Germany, Turkey, Armenia.*

Received 13 May 2021

Раздел 1. Гуманитарные науки

НАУЧНЫЕ РАЗРАБОТКИ АРМЯНСКИХ МУЗЫКОВЕДОВ О РУССКОЙ МУЗЫКЕ И ОБРАЗОВАНИИ
(часть первая)

Агаян Рита Лукашевна
Музыковед, доцент Гюмрийского филиала
Ереванской государственной консерватории им. Комитаса
(Армения, г.Гюмри)

В творческой биографии многих армянских музыковедов есть немало страниц, посвященных рассмотрению фактов музыкальной истории российской культуры. Многие из них жили и работали в России, участвовали в прогрессе российского музыкознания – отдельными исследованиями, статьями и критическими публикациями, а также устной музыкально-критической и педагогической деятельностью, воздействуя на позитивное развитие разных сфер музыкального творчества и науки.

В данной статье мы сконцентрируемся на деятельности наиболее известных, с нашей точки зрения, ученых, чья исследовательская мысль и сотрудничество с Россией имели значение для российской науки и педагогики. Деятельность этих ученых уже при жизни получила достойную оценку современников: они воспринимались ими как носители двух культур – российской и армянской.

Первая часть статьи посвящена историческому периоду 1900-1930 годов. Здесь будут рассматриваться деятельность Василия Давидовича Корганова(1865-1934), Христофора Степановича Кушнарева(1890-1960), Аршака Абгаровича Адамяна(1884-1956).

Ключевые слова: армянские музыковеды, российское музыкознание, Корганов В.Д., Кушнарев Х.С., Адамян А.А.

SCIENTIFIC DEVELOPMENTS OF ARMENIAN MUSICOLOGISTS ABOUT RUSSIAN MUSIC AND EDUCATION (Summary)

Aghayan Rita
Musicologist, Docent of Gyumri Branch
Yerevan State Conservatory
(Armenia, Gyumri)

In the creative biographies of many Armenian musicologists there are some pages devoted to the consideration of the facts of the musical history of Russian culture. Many of them lived and worked in Russia, participated in the progress of Russian musicology - through individual studies, articles and critical publications, as well as oral music-critical and pedagogical activities, influencing the positive development of various spheres of musical creativity and science.

In this article, we will focus on the activities of the most famous, from our point of view, scientists, whose research ideas and cooperation with Russia were important for Russian science and pedagogy. The activities of these scientists already during their lifetime received a worthy assessment of their contemporaries: they were perceived by them as carriers of two cultures - Russian and Armenian.

The first part of the article is devoted to the historical period of 1900-1930. The activities of Vasily Davidovich Korganov (1865-1934), Christopher Stepanovich Kushnaryov (1890-1960), Arshak Abgarovich Adamyan (1884-1956) will be considered.

Keywords: Armenian musicologists, Russian musicology, Korganov V.D., Kushnaryov Ch.S., Adamyan A.A.

Известные армянские музыковеды Корганов В.Д., Кушнарев Х.С., Адамян А.А определенный промежуток жизни жили и творили в Петербурге. Хорошо известно, что город на Неве сыграл выдающуюся роль в жизни и творчестве многих деятелей армянской культуры – поэтов, ученых, композиторов. Здесь получали знания, устанавливали творческие и дружеские связи с русскими коллегами, формировались идеалы новой культуры и “делались первые шаги к осуществлению дерзновенных замыслов”[1, с. 430]. Так, В.Д.Корганов учился в

Военном училище, А.А.Адамян закончил юридический факультет Петербургского университета, а Х.С.Кушнарев – физико-математический факультет того же университета, сыгравшего, как известно, начиная с XIX века важную роль в подготовке многих крупнейших представителей армянской интеллигенции. Х.С.Кушнарев получил также высшее музыкальное образование в Ленинградской консерватории, где совершенствовались в своем профессиональном мастерстве многие известные ученые-музыковеды, с именами которых связано становление армянского советского музыкознания, – Г.Г.Тигранов, С.В.Коптев, Н.К.Тагмизян. К.Э. Худобашян.

В последнее десятилетие XIX века началась деятельность выдающего армянского музыковеда и публициста, крупного музыкально-общественного деятеля, одного из основоположников армянского музыкознания Василия Давидовича Корганова (1865-1934).

Уроженец Тбилиси, Корганов рос и воспитывался в культурной и образованной семье, где глубоко чтили национальные традиции и с большим уважением относились к русской культуре. С 1883 по 1988 года Корганов жил в Петербурге, где параллельно с учебой в Военно-инженерном училище, благодаря содействию Ц.Кюи, получал доступ на концерты и лекции консерватории, что во многом способствовало его общему, культурному и эстетическому развитию, а также расширению творческого кругозора. “На Кавказ В.Д.Корганов возвратился образованным, эрудированным человеком, с развитым музыкальным вкусом, с опытом организации музыкально-педагогических знаний, организации музыкального исполнительства”[2, с. 6].

По возвращению в Тбилиси, Корганов начинает активную журналистскую деятельность, посылая свои корреспонденции в редактируемый Ц.А.Кюи журнал “Музыкальное обозрение”.

С 1891 по 1901 гг. он состоял членом дирекции Тифлисского отделения РМО, активно участвуя во всех ее

работах. Он выступал с докладами на разные животрепещущие темы современности. А его доклад на тему "Пушкин в музыке" стал первым опытом постановки проблемы о связи литературы и музыки, перспективность которой подтверждена многочисленными исследованиями в советском музыкознании, посвященными теме "Пушкин в музыке"[3]. Перу Корганова принадлежат первая в русском музыкознании биография Дж.Верди [4] и исследования жизненного и творческого пути Л.Бетховена[5]. Именно Корганов первым заметил вокальное и артистическое дарование 19-летнего Шаляпина и в отличие от "некоторых авторитетных музыкантов, увидел в Шаляпине будущего большого художника и своими рецензиями в прессе [6] воздал должное таланту молодого артиста, подбодрив его, внушив уверенность в свои силы. Об этом, как известно, сам Шаляпин написал в автобиографии"[7, с.7]. Он был также одним из первых, кто откликнулся письмом в редакцию по поводу возвращения в Петербургскую консерваторию Н.Римского-Корсакова, А.Глазунова и Н.Лядова [8].

Известно также об активном участии В.Д.Корганова в острой полемике по вопросам реформы музыкального образования. Результатом глубокого и всестороннего изучения музыкально-педагогического дела в России и Европе явился проект реформ в организации Имперского русского музыкального общества, представленного в 1898г. через дирекцию тифлисского отделения РМО[9].

Василий Давидович принадлежал к кругу тех людей, которые с любовью окружали П.И.Чайковского во время его пребывания на Кавказе. В богатом эпистолярном наследии Корганова глава, посвященная теме "Чайковский на Кавказе" занимает значительное место. Кроме своих личных воспоминаний, В.Д.Корганов поместил в своем труде газетные статьи и заметки, а также отрывки из писем самого Чайковского, свидетельствующие его пребывание на Кавказе. Позднее, в 1940г. на основе этого раздела мемуаров Государственная публичная библиотека Арм.ССР к столетию со

дня рождения великого русского композитора подготовила к печати книгу “Чайковский на Кавказе”. Юбилейная комиссия “публикуя ее, была побуждена к этому стремлением внести свою лепту в общесоюзное дело собирания материалов для биографии П.И.Чайковского[10, с.7].

Большую ценность представляют статьи В.Д.Корганова о жизни и деятельности А.Н.Серова[11], концертах А.Рубинштейна в Тбилиси в 1891г.[12] и его книга “Музыка и ее представители”, которая была окончена на Кавказе, в Коджорах и была издана на четырех языках [13].

Выдающиеся деятели армянской музыкальной культуры Х.С.Кушнарев и А.А.Адамян вошли в историю российского музыкознания в первую очередь как педагоги-реформаторы и первопроходцы.

В 1923г. Х.С.Кушнарев, уже имея солидный педагогический опыт, переехал в Петроград для завершения музыкального образования в консерватории, куда он поступал еще в 1912г. За два года учебы он заслужил высокую репутацию талантливого композитора и зрелого музыканта и поэтому по окончании консерватории он стал желанным членом преподавательского коллектива.

Известно, что в середине 1920-х годов в Ленинградской консерватории разразился кризис музыкального образования: преподавание теоретических дисциплин носили примитивно-эмпирический и догматический характер. Коренной перелом в музыкально-теоретическом образовании наступил в 1925г., когда при содействии проректора А.В. Оссовского в реформаторскую работу были привлечены Ю.Н.Тюлин (курс гармонии), П.Б.Рязанов(курс мелодики), М.А.Юдин(курс сольфеджио), Х.С.Кушнарев(курс полифонии). О реформе учебного дела консерватории очень подробно пишет Х.С.Кушнарева в своей статье “Годы в Петербургской-Ленинградской консерватории” [14]. Среди теоретиков нового поколения Х.С.Кушнарев был наиболее зрелым педагогом, имевшим уже опыт преподавания в Тбилисской консерватории

и, окрепшее еще в годы учебы, убеждение коренного пересмотра курса полифонии. В историю российского музыкознания Х.С.Кушнарев вошел как основатель Ленинградской полифонической школы и как автор методики преподавания полифонии, пришедший на смену господствовавшей во всем мире на протяжении более ста лет системы разрядов Фукса. Насколько этот метод оказался прогрессивным свидетельствует широко цитируемое высказывание ведущего полифониста XX века П.Хиндемита: ”Этого не может быть!”

В основу своего курса Х.С.Кушнарев положил два главных постулата – главенство мелодии и творческий подход к выполнению полифонических заданий. Примечательно то, что для оживления интонационной стороны работы в качестве тем фуг он просил студентов-композиторов избирать либо темы, близкие их собственному стилю, либо народные мелодии. Такой подход при известной многонациональности студенческого состава способствовал органическому усвоению курса полифонии. Важным шагом на пути оформления своего метода явилось создание Х.С Кушнаревым “Методической записки”. ”Фактически это единственное подробное изложение основ курса, поскольку Х.С.Кушнарев так и не успел оформить в законченный научный труд свое видение полифонии. Но даже из этой “Записки” мы можем понять всю масштабность курса, его оригинальность, его детальную проработку”[15].

Другое важное новшество в образовательной структуре Ленинградской консерватории, а именно введение курса эстетики, связано с именем выдающегося эстетика и музыканта, педагога и композитора Аршака Абгаровича Адамяна (1884–1956).

С 1936-1943гг. А.Адамян жил в Ленинграде, где по приезде становится ученым секретарем Музыкального научно-исследовательского института (позднее Института театра, музыки и кинематографии). Через год его приглашают в Ленинградскую консерваторию читать курс лекций по истории

эстетических учений. В течении двух лет он является деканом теоретико-композиторского факультета, погружается в кипучую организационно-методическую работу и быстро становится заметной фигурой в культурной жизни Ленинграда. Под его руководством вышеназванные учебные заведения сделались ведущими центрами научной искусствоведческой и эстетической мысли. Здесь он сближается со многими замечательными деятелями культуры – Х.С.Кушнаревым, И.И.Солертинским, Р.И.Грубером, Ю.Н.Тюлиным, Б.А.Фингертом (ученый-философ). Именно в Ленинграде проявились незаурядные способности и дарования Адамяна как исследователя, педагога, музыканта, философа. Как отмечает Светлана Корюновна Саркисян ”присуще Адамяну редкое знание истории эстетики – от античных мыслителей до современных, в сочетании с природной склонностью к глобальному философствованию придавали особую весомость каждой иа его исследовательских разработок. Если к сказанному добавить музыкальную эрудицию Адамяна, являющегося автором нескольких музыкальных произведений и оперного либретто, редактором ряда книг, например тюлинского “Учения о гармонии”, то можно представить себе фундаментальность его знаний”[14, с.113].

С начала деятельности в Ленинградской консерватории он совмещал педагогическую и научную деятельность, итогом которого стал курс лекций по истории эстетических учений, превращенный к началу 1941 года в первый том “Истории эстетических учений”– труд, “которому в те годы не было равных в советской научной литературе (и шире – в марксистской эстетике в международном масштабе)”[1, с. 49].

Всю свою жизнь А.Адамян посвятил изучению коренных вопросов общей эстетики. Но в центре его научных интересов всегда стояли вопросы философского осмысления музыки. И поэтому, как утверждает А.Фарбштейн: “С именем Адамяна связано становление советской музыкально-эстетической мысли. Наследие Адамяна как музыкального

эстетика принадлежит всей советской музыкальной науке наряду с трудами таких выдающихся мыслителей, как А.В.Луначарский, Б.Л.Яворский, Б.В.Асафьев, И.И. Солертинский.[1, с. 141].

Вторая часть статьи будет посвящена историческому периоду 1930-1950гг. В ней будут рассмотрены деятельность А.И.Шавердяна и Г.Н.Хубова.

Литература

1. Фарбштейн А. Аршак Адамян, Монография. Ер.1989.
2. Корганов В.Д. Статьи, воспоминания, путевые заметки, Ер. 1968.
3. Корганов В.Д. А.С.Пушкин в музыке. С приложением перечня музыкальных произведений, написанных по Пушкину. Тифлис, 1899.
4. Корганов В.Д. Дж.Верди. М. 1897.
5. Корганов В.Д. Жизнь и сочинения Людвига ван Бетховена. Тифлис, 1888.
6. Корганов В.Д. Ф.И.Шаляпин. “Тифлисский листок”, Тифлис, 1910, N 211.
7. Из истории армяно-русских культурных связей. Воспоминания, письма. Составление, вступительная статья и комментарии К.Григорян. Ер. 1971.
8. Корганов В.Д. Письмо в редакцию, “Молва”, СПб, 1905, N21.
9. Корганов В.Д. Музыкальное образование в России(проект реформ) с приложением Устава Венской консерватории. СПб. Типо-литография М.Рудометова, Тифлис, 1899.
10. Корганов В.Д. Чайковский на Кавказе.(по дневникам и письмам его, по сведениям тифлисских газет и по личным воспоминаниям) Общ. редакция проф. К.С.Сараджева. Ер., Армгиз, 1940.
11. Корганов В.Д. Александр Николаевич Серов. Биографический очерк, композиции, критика., “Кавказ”, Тифлис, 1896, NN64,71,77.
12. Корганов В.Д. Антон Григорьевич Рубинштейн, “Кавказ”, Тифлис 1894, NN300 и 302.

13. Корганов В.Д. “Музыка” А.Г.Рубинштейна, “Кавказ”, Тифлис,1892, N10.

14. Саркисян С.К. Новаторские разработки в области теории и эстетики музыки. Аршак Адамян, Христофор Кушнарев.//сб. Петербургские страницы русской музыкальной культуры, Санкт-Петербург, 2001.

15. Кушнарёв Х.С. Статьи. Воспоминания. Материалы, сост. Ю. Н. Тюлин, М.-Л., 1967.

16. Ходорковский А. Христофор Степанович Кушнарев – основатель Ленинградской-Петербургской полифонической школы. Интернет.

17. КОРГАНОВ Василий Давидович [22 I (3 II) 1865, Тбилиси - 6 VI 1934, Ереван] – Заслуженный деятель искусств АрмССР (1934),В конце 1880-х гг. окончил Военно-инженерное училище в Петербурге. С 1888 жил в Тбилиси. В 1891—1901 директор и преподаватель теории музыки и эстетики в Музыкальном училище Тифлисского отд. РМО. В 1900 основал первый в Закавказье ежемесячный научно-литературный журнал на рус. яз. «Кавказский вестник», сыгравший важную роль в пропаганде культуры народов Кавказа (был редактором и издателем до 1902).В 1902-1904 слушал лекции по истории музыки в Берлине у О. Флейшера, М. Фридлендера, И. Вольфа. Участвовал в работе Международного муз. общества. С 1926 профессор-консультант Эриванской консерватории. В 1925—1930 пом. директора Гос. публичной библиотеки АрмССР, председатель Музсектора Госиздата Армении.

18. КУШНАРЁВ Христофор Степанович [23 V (4 VI) 1890, Симферополь - 25 I 1960, Ленинград] - советский композитор, муз. теоретик и педагог. Заслуженный деятель искусств АрмССР (1939), УзССР (1943) В 1921—1923 преподаватель Муз. ин-та и конс. в Тифлисе. В 1944—1949 научный сотрудник и зав. сектором истории и теории музыки АН АрмССР.

19. АДАМЯН Аршак Абгарович [22 IV (4 V) 1884, Баку - 17 II 1956, Ереван] - Заслуженный деятель искусств Арм. ССР (1945). В 1921-24 председатель Дома арм. искусства в Тбилиси; в 1924-26 директор консерватории в Ереване; в 1926-36 консультант Закавказского ЦИК по вопросам искусства. В 1944-49 старший научный сотрудник сектора философии АН Арм. ССР; в 1950-56 преподаватель эстетики в Художественно-театральном институте и консерватории в Ереване.

«Безопасность» и российско-армянские отношения

«Безопасность» и российско-армянские отношения

“Security” and Russia-Armenia relations

Аннотация. Рассмотрена эволюция российского и армянского подходов к политике обеспечения безопасности на примере национальных доктринальных источников. Проанализированы ключевые понятия и региональные приоритеты стран в военной сфере. Исследованы существующие противоречия, не позволяющие достигнуть полного единства национальных подходов. Сделан вывод о том, какие из обозначенных в доктринальных документах области являются приоритетными для двустороннего сотрудничества, а какие требуют дальнейшей унификации и гармонизации.

Annotation. The article reviews the evolution of the Russian and Armenian approaches towards security policy on the basis of the national doctrines. It analyzes the key terms and regional priorities of the states in military domain. The existing contradictions that translate into inconsistency of the national approaches are being investigated. It is concluded which of the areas identified in the doctrines are prior for the bilateral cooperation and which of them need to be further unified and harmonized.

Ключевые слова. Национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности, военная доктрина, Россия, Армения, Южный Кавказ.

Key words. National security, National Security Strategy, Military Doctrine, Russia, Armenia, the South Caucasus.

В современном мире безопасность продолжает оставаться альфой и омегой многих политических институтов. За последние несколько десятилетий угрозы национальной безопасности преодолели значительную трансформацию, вынуждая акторов задуматься не только о повышении обороноспособности государства, но и о способности дать ответ на такие вызовы, как международный терроризм, киберугрозы и наркоторговля. Но и угрозы классического характера не ушли в прошлое, в связи с чем остается актуальным и сотрудничество государств в сфере обеспечения безопасности. На современном этапе сложно представить поддержание национальной безопасности без обеспечения безопасности региональной. Для России и ее союзников данный вопрос также продолжает играть одну из ключевых ролей, и в этом контексте важно, что сегодня позиции Москвы и Еревана в этой сфере не сходятся [13. P. 11]. Чтобы понять, как государства должны выстраивать свое взаимодействие в данной сфере, следует определиться,

ЭЙРИЯН Вартан Арсенович — магистрант МГИМО(У) МИД РФ.

в чем именно заключается различие в восприятии безопасности российскими и армянскими властями, и постараться прийти к выводу, возможно ли преодолеть существующие разногласия.

Данный вопрос представляет не только научную ценность, если учесть, что итоги «второй Карабахской войны» 2020 г. по-разному воспринимаются в России и в Армении. Единства в понимании сущности российско-армянского тандема на Южном Кавказе нет ни среди политиков, ни среди представителей общественности.

Следуя букве закона

Первичным источником, на основе которого можно сделать выводы о восприятии понятия «безопасность» в том или ином государстве, являются нормативно-правовые и доктринальные документы. В данном случае уместно обратиться к Стратегиям национальной безопасности и Военным доктринам России и Армении. Их целостное рассмотрение не является целью данной статьи, вследствие чего надо остановиться именно на понимании концепта «безопасность», региональных приоритетах в сфере безопасности, а также готовности к партнерству со своим визави. Разумно обратиться к положениям доктринальных источников за последние 10—15 лет, т. к. именно на этом этапе в Москве складывается представление о Ереване как «главном партнере на Южном Кавказе» [6. С. 113].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. подчеркивается значимость противостояния как внутренним, так и, что важно для нас, внешним угрозам. Статья 7, содержащая упоминание «военной и оборонно-промышленной сфер», акцентирует внимание на необходимости развития и модернизации ВПК, необходимого для поддержания обороноспособности государства, что в контексте внешних угроз также может быть истолковано и как необходимость работы с российскими партнерами в этой сфере [12]. Ряд пунктов, обобщенных в раздел «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития», позволяет выявить особое положение постсоветского пространства, которое упоминается сразу после таких многосторонних институтов, как ООН, БРИКС, «Группа восьми» и «Группа двадцати», и отношения со странами которого являются единственным примером прямого указания на значимость двустороннего диалога с государственными акторами, помимо отношений с США. Вместе с тем никаких упоминаний непосредственно тандема с Ереваном в источнике нет, хотя Стратегия и содержит интересную отсылку: статьи 26 и 93 намекают на возможность размещения российского миротворческого контингента «в конфликтных регионах» с целью купирования вооруженных столкновений регионального масштаба [12]. Особого внимания отношения с Арменией не удостаиваются в документе и из-за отсутствия общей границы. В отличие от Еревана, Нур-Султан, Киев, Тбилиси и Баку упомянуты отдельно.

Во всем документе в военно-политическом ключе ни разу не упоминается понятие «региональная безопасность», вместо которого можно дважды встретить упоминание «региональной стабильности». Это может свидетельствовать о четком ранжировании приоритетов россий-

186

ского руководства, для которого безопасность исчисляется именно национальным измерением. Не включая дополнительных положений о Южном Кавказе, документ относительно немногословен и в отношении столь значимого для постсоветского пространства института, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Согласно Стратегии, она отвечает на «региональные вызовы», определения которых документ также не предлагает. Эволюцию национальных подходов можно проследить при помощи сопоставления числа применения в Стратегии понятия «региональный» в отношении военно-политического аспекта безопасности вообще (без привязки к постсоветскому пространству) и, соответственно, прямых указаний на данный аспект на пространстве СНГ. Анализ Стратегии 2009 г. показывает, что всего в тексте источника упоминание «региональной» компоненты военно-политического измерения безопасности встречается 10 раз, а в отношении государств—участников СНГ — лишь 4 [12].

Составители Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. отказались от уточнения, какие именно военные измерения включаются в понятие «безопасность», выделив при этом так называемую государственную безопасность, по-видимому, включающую в себя упоминаемые в прошлой версии документа военный и оборонно-промышленный аспекты. Отдельно авторы останавливаются на значимости процесса регионализации, который продолжает набирать обороты: так, статья 25 прямо указывает на распространение практики взятия «на себя ответственности за дела в своих регионах» [11]. Однако признаков повышения интереса России к обеспечению военно-политического аспекта региональной безопасности нет: составители сразу уточняют, что речь идет в первую очередь об измерении экономическом. Симптоматично, что в Стратегию наконец была включена ссылка на Военную доктрину Российской Федерации. Этим обеспечивается гармонизация положений, посвященных непосредственно военной политике, однако это не помешало составителям Стратегии сделать характерную оговорку. В статье 29 жестко постулируется, что использование военных инструментов неприемлемо, пока не исчерпаны другие пути урегулирования конфликтных ситуаций [11], о чем в предыдущей версии Стратегии не упоминалось.

Касательно региональных приоритетов можно отметить, что постсоветское пространство сохранило свои позиции, но важность развития двусторонних связей подчеркивается не только в отношении государств—участников СНГ и США, но и относительно Китая, Индии и других держав. Отметим актуальный как для России, так и для Армении пункт: деятельность ОДКБ, согласно Стратегии 2015 г., теперь также направлена на противостояние международному терроризму и экстремизму в пределах своей зоны ответственности. Между тем упоминание конкретных государств—участников СНГ исчезает из источника, а вместе с ним снижается и частотность упоминания военно-политической безопасности на пространстве СНГ. Данный документ содержит десять отсылок к региональному измерению военно-политической безопасности, как и Стратегия 2009 г., но в отношении СНГ этот аспект звучит лишь три раза [11].

Это можно считать признаком того, что вектор внимания Кремля изменился, и в 2015 г. его взор был обращен на другие регионы и проблематики. Относительно формулировок и использования важнейших для понимания рассматриваемой нами проблемы терминов хочется заметить, что в Стратегии впервые упоминается региональная безопасность, но исключительно в паре с фигурировавшей ранее региональной стабильностью, понятие которой используется авторами в отношении Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов [11].

Взгляд из Еревана

Если Россия, будучи глобальной державой, концепт «безопасности» рассматривает преимущественно сквозь призму мировой политики и стремится к учету всех факторов, влияющих на обеспечение ее безопасности, включая внерегиональные, то подход Армении сконцентрирован именно на региональных аспектах. Не изобилуя положениями, раскрывающими сущность ключевых понятий (что характерно для доктринальных документов постсоветских государств), Стратегия национальной безопасности 2007 г. сразу указывает на приоритеты армянского руководства.

Акценты в военно-политическом измерении безопасности расставлены так, что на первый план выходят «установление прочного мира в регионе» и борьба с транснациональными угрозами, а в качестве «стержневой задачи национальной безопасности» Армении обозначается урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта [10]. Помимо очевидно принципиальных для армянских властей пунктов об угрозе применения Баку и Анкарой силы против Еревана и Степанакерта, звучат и пути решения данной проблемы, направленные на минимизацию рисков начала открытых военных действий. Так, Армения заинтересована в дальнейшем развитии ОДКБ и укреплении данного института в качестве военного блока, способного гарантировать безопасность государств-членов. Данной цели должно служить «уточнение регламентов участия» всех государственных акторов, входящих в состав ОДКБ, что может свидетельствовать, во-первых, о незавершенности данной процедуры в рамках военно-политического альянса по состоянию на 2007 г. и, во-вторых, об опасениях Еревана столкнуться с ситуацией, при которой союзники по ОДКБ проигнорировали бы запросы армянской стороны [10].

Подобные предложения не противоречат озвученным Ереваном принципам, которые были положены в основу внешнеполитической доктрины и сейчас нередко подвергаются критике: принципы комплементаризма и вовлеченности, обозначенные в источнике, де-факто говорят о гибкости политики Еревана и его готовности сотрудничать со всеми сторонами, чьи интересы пересекаются с устремлениями армянского народа. Вместе с тем отечественными исследователями был справедливо поднят вопрос относительно того, насколько правомерно говорить о пророссийской ориентации Армении в условиях провозглашенного «выбора европейского пути развития» [1. С. 110]. Даже если согласиться с позицией, что армянское руководство рассматривало альянс с Рос-

сией лишь в качестве необходимости, способной помочь достигнуть урегулирования Нагорно-карабахского конфликта в выгодном для Еревана ключе, стоит заметить, что «стратегические отношения с Россией» предусмотрительно были обозначены составителями в качестве первого пункта, раскрывающего сущность вовлеченности Армении в международные процессы [10]. Помимо того факта, что международное признание Нагорно-Карабахской Республики и дальнейшее обеспечение ее безопасности объявлены в доктрине одним из raisons d'être Республики Армения, армянские власти постулируют необходимость разрешения существующей ситуации исключительно мирными средствами, признавая при этом ключевую роль Минской группы ОБСЕ, сопредседателями которой являются Россия, США и Франция. Дополнительного апеллирования к союзу с Россией в данном случае не прослеживается, хотя, будучи заинтересованным региональным игроком, Россия, в отличие от двух других сопредседателей, обладает бóльшим инструментарием для воздействия на ситуацию.

Подход Армении к обеспечению безопасности базируется на поддержании тесных двусторонних отношений с важнейшими для ее внешней политики акторами. В любом разделе, включающем в себя список важнейших визави, Москву и москвоцентричные структуры (ОДКБ и СНГ) неизменно ставят на первое место, вследствие чего дополнительно акцентируется приоритетность данного направления. В этом контексте особенно интересно то, что Ереван придерживается понятия «постсоветское пространство», которое далеко не всегда находит понимание у руководства государств—членов СНГ. Даже в российских доктринальных документах, посвященных внешнеполитическому измерению, подобный термин используется крайне редко — лишь в Концепциях внешней политики России 2013-го и 2016 г. в контексте обеспечения безопасности.

В качестве второго важного пункта следует подчеркнуть оригинальный подход Еревана к пониманию региональной безопасности. Выделяя соответствующий тематический раздел, составители, во-первых, вынесли отношения с Россией в отдельный пункт, остановившись несколько раз на том, что Россия является частью региона и играет особую роль в поддержании региональной стабильности. Во-вторых, в контексте отношений с Россией пространство именуется «Кавказским регионом», в то время как пункт Стратегии, освещающий диалог с Ираном, содержит отсылку исключительно к Южному Кавказу [10]. В таком случае резонно предположить, что в глазах армянских властей региональное пространство безопасности следует рассматривать в широком ключе и не ограничиваться территориями «закавказской тройки», Ирана и Турции; но при этом диалог с последними ограничивается именно проблематикой Южного Кавказа, субрегиональной по своей сути. Следуя такой логике, мы можем сделать вывод, что последнее слово в отношении региональных аспектов безопасности, касающихся всего Кавказа, принадлежит именно Москве, а не партнерам Еревана по субрегиональному диалогу.

В Стратегии национальной безопасности 2020 г. армянские политики, вновь не останавливаясь подробно на понятийном аппарате, уже конкретизируют вызовы национальной и региональной безопасности.

189

Лейтмотивом доктрины является безопасность Республики Арцах (Нагорно-Карабахской Республики), которую обязуется обеспечить Армения, в связи с чем сразу возникает определенный диссонанс между «национальным» и «территориальным» восприятием концепта безопасности. Вероятно, сознавая сложность данной дилеммы, отказаться от которой Ереван не может, составители неоднократно апеллируют к региональной безопасности, что позволяет интегрировать в Стратегию национальной безопасности Армении и положения, касающиеся непризнанной республики. Вместе с тем уже в преамбуле руководством страны подчеркивается необходимость опоры на собственные силы: Армения хочет позиционировать себя не только как «потребитель», но и как «провайдер» безопасности [10]. В этих словах можно найти не только серьезные претензии на усиление собственного потенциала или популистские заявления, но и частичную эволюцию подхода. Согласно Стратегии, взаимодействие Еревана со многими акторами осложнено «напряженностью между международными и региональными силовыми центрами и структурами»: Армении все сложнее удерживать балансирующую позицию, что отчасти можно воспринимать как еще один удар по принципу комплементаризма [9]. Вместе с тем на ранжировании приоритетов кардинальным образом это не сказалось: России и ее «системным» или «структурным» проектам все еще отдается предпочтение, но от диалога с США, НАТО и другими акторами, отношения которых с Россией находятся в кризисе, Армения отказываться не готова. Последствия ухудшения отношений между различными центрами силы Ереван склонен видеть и в региональных делах, причем в Стратегии 2020 г. регион именуется уже исключительно Южным Кавказом.

В отношении новых вызовов звучит относительно стандартная позиция, которая сближает видения Еревана и Москвы: выделяется феномен гибридных войн, высказываются опасения киберпреступности и международного терроризма, указывается на необходимость обеспечения информационной безопасности, — но главным вызовом продолжает оставаться возможное применение военной силы Азербайджаном. Риторика в отношении Баку становится жестче: в статье 2.8 составители обрушиваются на модель поведения Азербайджана, которая вызывает беспокойство Еревана. Это разительно отличается от более дипломатичных и осторожных формулировок 2007 г., характерных для подобных документов [10].

Формат отношений с Москвой также претерпел изменения. Характер двустороннего взаимодействия, включая сотрудничество в оборонной сфере, достиг уровня «стратегических союзнических отношений» [10]. Намечено дальнейшее расширение сотрудничества по линии коллективной обороны, играющей существенную роль в обеспечении национальной безопасности. Армения продолжает выказывать заинтересованность в развитии структур ОДКБ, на этот раз не предлагая конкретных мер, но очерчивая приоритетный для страны контур, заключающийся в «гарантировании выполнения... *союзнических обязательств...* и повышения эффективности организации» [10]. Прошлые опасения Еревана никуда не исчезли — по мнению авторов Стратегии, ОДКБ все

еще нуждается в развитии механизмов гарантированного обеспечения безопасности государств-членов. Чувствуется и косвенная критика института: в той же статье 2.8 составители намекают на несовпадение интересов отдельных участников организации, приводя пример поставок оружия в Азербайджан, что подрывает безопасность Еревана.

Эволюция Стратегий национальной безопасности Республики Армения заключается в первую очередь во все более точечном указании на проблему отношений с Азербайджаном при наметившихся сомнениях в дальнейшей способности придерживаться принципа комплементаризма. Вместе с тем отказа от приоритетного отношения к взаимодействию с Россией найти в документе нельзя: если Степанакерт считает гарантом своей безопасности Ереван, то для Еревана характерно воспринимать подобным образом Москву.

Дела военные

Прежде чем перейти к поиску общего знаменателя между подходами России и Армении, надо уточнить отдельные аспекты политики обеспечения безопасности на примере военных доктрин государств. В рассматриваемый нами период Москвой было разработано два подобных документа (2010 и 2014 гг.), в то время как Ереваном — лишь один: несмотря на популярные в последние годы слухи о том, что армянское руководство проведет пересмотр положений основополагающего акта, определяющего приоритеты страны в оборонной сфере, базисным документом в данной области продолжает являться Военная доктрина 2007 г. [7].

Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. изобилует важными для понимания российского подхода пунктами. Стоит отметить проработанность понятийно-категориального аппарата: составители различают локальные, региональные и крупномасштабные войны, подчеркивая, что даже конфликты первых двух типов способны привести к началу наиболее опасных военных столкновений. Военная политика России включает в себя необходимость учета национальных интересов союзников — обеспечение безопасности российских партнеров рассматривается сквозь призму предотвращения региональных конфликтов, способных спровоцировать полномасштабную военную кампанию у границ России. Соответственно, защита данных интересов обеспечивается использованием различных инструментов, среди которых отдельно упомянуты и военные.

Одним из важнейших пунктов Военной доктрины является положение, раскрывающее сущность «внешних военных опасностей», угрожающих Москве. Именно здесь видна особая важность постсоветского пространства: исходя из статьи 8, особое внимание обращено именно на «территории сопредельных государств». Ведь применение военной силы в регионе, эскалация межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность террористических и экстремистских группировок могут угрожать национальной безопасности России [4]. Актуальным выглядит тезис об опасности территориальных претензий к Москве и союзным столицам, что наверняка находит горячее понимание

в Ереване. Но куда более опасной акцией российским властям видится «создание и подготовка незаконных вооруженных формирований». О повышенном внимании к подобным вызовам свидетельствует сама формулировка, избранная составителями: если ранее упомянутые вызовы были обозначены в качестве «военных опасностей», то теперь они стали еще и примером «военной угрозы» [4].

В отличие от Стратегий национальной безопасности Российской Федерации, Военные доктрины делают значительный акцент на региональном уровне. Постулатом российской политики остается предотвращение открытых конфликтов. Реверанс в сторону ОДКБ лишь подчеркивает важность региональной безопасности как элемента, прямо влияющего на обеспечение национальной безопасности России: Москва напоминает о «коллективной поруке» в рамках структуры, останавливаясь не только на традиционных вызовах, но и на печально известных транснациональных угрозах, на борьбу с которыми во многом направлено взаимодействие государств—членов института.

Особый интерес представляют региональные приоритеты в области военной политики. Статья 51 четко ранжирует важнейших партнеров Москвы в данной сфере, причем ключевым моментом для понимания российского восприятия обстановки на Южном Кавказе является не первенство структур постсоветского пространства среди всех многосторонних институтов, но постановка государств—членов ОДКБ выше по значимости, нежели участников СНГ. Тем не менее это не означает, что диалог с Ереваном должен всегда превалировать над отношениями с Баку. В рамках данных структур Россия планирует преследовать различные цели: с государствами—членами ОДКБ ведется работа по «консолидации усилий и созданию коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и обороны», в то время как Содружество (вероятно, в силу его разнородности) невозможно консолидировать, вследствие чего совместная деятельность направлена на «обеспечение региональной безопасности» [4]. Видимо, составители намеренно проводят разделительную линию между понятиями «коллективная безопасность» и «региональная безопасность»: оба понятия апеллируют де-факто к постсоветскому пространству; но в первом случае упор делается на взаимности усилий акторов по поддержанию стабильности, во втором же — лишь на зону ответственности.

Вместе с тем пункты, роднящие ОДКБ и СНГ, также указывают на тесное сотрудничество России с государствами—членами интеграционных объединений. Лишь в отношении этих стран используется понятие «союзнические отношения». Кроме того, входящие в состав данных группировок государства пользуются особым вниманием России в военно-политической и военно-технической сферах, о чем может свидетельствовать пункт «м» статьи 30, посвященной «основным задачам военной организации» [4]. Стоит остановиться и на акценте на совершенствовании сети военных пунктов базирования ВС России за ее пределами, что в реалиях российско-армянских отношений означает приверженность Москвы соглашению о дислокации воинского контингента на 102-й базе в Гюмри.

192

Содержание Военной доктрины 2014 г. в целом не претерпело кардинальных изменений, но составителями был внесен ряд важных указаний. Прежде всего, речь идет о целесообразности использования военных инструментов, лишь когда все остальные возможности исчерпаны, что подчеркивает оборонительный характер российских доктринальных документов. Вводится понятие «системы неядерного сдерживания», что особо актуально в региональном контексте [3].

Раздел, посвященный «внешним военным опасностям», был переработан: составители не отошли от акцентирования значимости постсоветского пространства для обеспечения безопасности России, но, в отличие от прошлой редакции доктрины, подробнее остановились на стабильности на региональном уровне, проблемах, связанных с международным терроризмом, а также на так называемых оранжевых революциях, вследствие которых в сопредельных странах устанавливаются режимы, «политика которых угрожает интересам Российской Федерации» [3]. Последствия украинского кризиса оказали серьезное влияние на военно-политическое прогнозирование: любое дальнейшее укрепление враждебно настроенных режимов в непосредственной близости от российских границ — повод не для алармистских заявлений, а для скорейшей выработки стратегии по купированию возможных рисков.

Несколько изменились и региональные приоритеты. Помимо диалога с Белоруссией, традиционно являющейся «первым среди равных» союзников Москвы, отдельного упоминания удостоились двусторонние отношения с Абхазией и Южной Осетией. Череду многосторонних форматов, играющих существенную роль в российском видении обеспечения безопасности, теперь открывают не структуры на постсоветском пространстве, а БРИКС, сотрудничество с участниками которого интенсифицировалось за последнее время. Негативным образом на военно-политическом сотрудничестве в рамках ОДКБ и СНГ это не сказалось, примером чего может служить создание совместной российско-армянской системы ПВО, поддерживающей противовоздушную оборону на Кавказе [8]. Если обратиться к частотному анализу, можно заметить, что внимание к интересам «союзников» лишь растет: в отличие от Стратегий национальной безопасности, в которых можно наблюдать количественный спад упоминаний постсоветского пространства в контексте безопасности, Военные доктрины России содержат 14 и 16 упоминаний «союзников» [3; 4].

Военная доктрина Армении также содержит ряд принципиальных для понимания национального подхода положений. Подобно российскому аналогу, армянский источник указывает на исключительно оборонительный характер доктрины, нормативно закрепляя принцип ненападения. Тезис подтверждается наличием постулата о возможности прибегать к использованию инструментов военного характера исключительно в случаях невозможности урегулировать ситуацию мирными средствами.

Вместе с тем, как и Стратегия национальной безопасности, армянская Военная доктрина носит скорее экстерриториальный характер: будучи гарантом безопасности Нагорного Карабаха, Ереван выстраивает

описательную модель военных угроз, исходя из необходимости обеспечить стабильность в непризнанной республике. Именно этим объясняется особый упор на опасности, исходящей от Азербайджана, и угрозах Баку применить военную силу. Стоит обратить внимание на то, что подготовительная работа Азербайджана также воспринимается настороженно: «стремление Азербайджанской республики к достижению военного превосходства над Республикой Армения» рассматривается в качестве одной из ключевых угроз.

Однако интереснее то, что на момент 2007 г., по мнению армянских политиков, существовал паритет в военной сфере, что служило сдерживающим фактором, и дальнейшее наращивание военного потенциала справедливо трактовалось в качестве экзистенциальной опасности [2]. Подтверждение этому тезису можно заметить и в главе доктрины, посвященной международному военному и военно-техническому сотрудничеству: Еревану важно не только сохранить паритет мощи вооруженных сил, но и не допустить искажения баланса в ту или иную сторону, когда речь идет о военно-политических альянсах, сложившихся вокруг ситуации на Южном Кавказе. В текущей ситуации, как мы понимаем, это должно вызывать особую обеспокоенность армянских лидеров. Следуя букве доктрины, автор может предположить, что ответом на усиление позиций тандема Азербайджан—Турция должно явиться более тесное сотрудничество России и Армении в данной сфере, т. к. только это способно вновь привести к паритету.

Все остальные вызовы, перечисленные в доктрине, демонстрируют, что Москва и Ереван смотрят в одном направлении. Транснациональные угрозы являются «общим врагом № 1», противостояние которому всегда являлось мостиком, позволяющим добиться развития сотрудничества в военно-политической сфере. Более показателен пункт об «арменофобии»: армянское руководство осознает значимость опасности пропаганды, которая способна не только привести к столкновению на этнической почве, но и настроить внутренние аудитории отдельных игроков против Еревана, что негативным образом скажется на его внешнеполитической деятельности. В видении этой проблемы Ереван встречает понимание Москвы: будучи многонациональным государством, Россия не заинтересована ни в постоянном апеллировании к национальной тематике, ни в возникновении очага межэтнической напряженности у своих границ, последствия которого могут оказаться болезненными для ее южных регионов.

В качестве инструмента снижения военных рисков Ереван отдельно останавливается на своем участии в многосторонних форматах, но, в отличие от Москвы, ранжирует список так, что на первом месте все-таки оказывается ООН, лишь после которой упоминается ОДКБ. Не следует искать в этом попытку принизить значимость ключевого института по поддержанию безопасности на постсоветском пространстве. Первичность ООН является хрестоматийной и может лишь дополнительно свидетельствовать о том, что Армении важно показать, насколько последовательно она придерживается норм международного права и как принципиален для нее каркас структуры международных отношений.

194

Куда большую важность имеет то, что в рамках данного подпункта абсолютно игнорируется СНГ. Безусловно, Содружество могло быть включено в понятие «других международных организаций», но, возможно, Ереван указывает на то, что в реальности обсуждать вопросы военно-политической безопасности он готов лишь в той пророссийской комбинации, где Баку не будет пытаться уравнять позиции [2]. В этом плане подходы России и Армении несколько отличаются — как мы помним, «региональная безопасность», согласно российским доктринальным документам,— прерогатива в том числе и СНГ.

Региональные приоритеты закавказской республики, обозначенные в Военной доктрине, во многом дублируют постулаты, рассмотренные нами на примере Стратегий национальной безопасности. Ставка на сотрудничество с Россией и, соответственно, ОДКБ прослеживается и в данном источнике, но здесь появляется характерная формулировка — одной из целей взаимодействия в рамках ОДКБ является «развитие системы коллективной безопасности по региональному признаку» [2]. Это говорит о том, что само понятие «коллективной безопасности», которое для российских политиков отнюдь не является синонимом безопасности региональной, принимается армянской стороной. Но при этом Ереван указывает, что подобная «коллективная порука» интересует армянское руководство не столько по всему периметру зоны ответственности ОДКБ, сколько на региональном или даже субрегиональном уровне. Де-факто это служит подтверждением того, что в рамках структуры безопасности прослеживается пресловутая региональная многовекторность, в силу которой отечественные эксперты останавливаются на «формировании трех группировок сил», т. е. российско-белорусского и российского-армянского тандемов, а также взаимодействия Москвы с центральноазиатскими столицами [5. С. 13].

Показательна статья 14, текст которой предусматривает готовность обращаться к союзным государствам для получения необходимой поддержки в рамках обеспечения военной безопасности. Ереван отдает себе отчет в том, что экстерриториальность положений доктрины, касающихся Карабаха, спорно соотносится с нормами международного права, а также конкретными обязательствами, взятыми на себя партнерами Армении. Армянские власти осознают, что обеспечение безопасности Нагорно-Карабахской Республики — национальная задача, которую сложно переложить на плечи союзников, но сама формулировка «военная безопасность» в увязке с раскрытием понятия в доктрине оставляет простор для разночтений. Его невозможно использовать на международной арене, но для внутренней аудитории это может служить дополнительным фактором уверенности в завтрашнем дне. При этом в Ереване здраво оценивают ситуацию и понимают, что односторонняя помощь Армении при всей заинтересованности отдельных акторов в регионе не может служить надежным фундаментом для развития двусторонних или многосторонних отношений в сфере обеспечения безопасности: составители подчеркивают, что Армения готова взять на себя долю ответственности и способствовать поддержанию стабильности на международном уровне.

Завершая анализ Военной доктрины Армении, заметим, что международные аспекты военно-технического и военно-экономического сотрудничества не освещены в документе. Несмотря на большую важность дальнейшего сотрудничества с Россией в военно-технической сфере, армянские власти предлагают опереться на собственную производственную базу, что, безусловно, отвечает интересам страны, но может не дать искомых результатов в краткосрочной перспективе. Несколько проигнорировав данное измерение, авторы все же останавливаются на другом критичном пункте — взаимосовместимости национальных вооруженных сил. Армения намерена последовательно работать над повышением этого параметра в отношении собственных ВС и ВС союзников: в контексте диалога с Россией это должно привести к координации действий национальных систем безопасности, унификации отдельных положений, влияющих на эффективность использования ВС, и повышению взаимодоверия.

Точка сопряжения: возможно ли найти общий язык?

Москва и Ереван по многим вопросам способны выступать единым фронтом, но некоторые аспекты требуют дополнительной проработки. Как мы видим, принципиальных разногласий не так много, но они всетаки есть.

Прежде всего, это разница подходов к трактовке понятия «национальная безопасность». Москва мыслит территориально, а Ереван — экстерриториально, справедливо полагая, что будущее армянского населения непризнанной республики во многом зависит от его позиции. Подчеркнем, эта разница прослеживается именно в доктринальных документах, не в последнюю очередь ориентированных на внутреннюю аудиторию и влияющих на восприятие того или иного вопроса национальными политиками. Положения любых двусторонних договоров — к примеру, Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Арменией, — распространяются на последнюю исключительно в границах, признанных международным сообществом. Но данное противоречие способно порождать недопонимание между акторами, которое к тому же легко использовать в политической пропаганде. Распространяемые в СМИ в период «второй Карабахской войны» слухи о необходимости обратиться в структуры ОДКБ по вопросу обеспечения безопасности Нагорно-Карабахской Республики, к сожалению, тоже являются следствием неполного понимания обязательств сторон и реальных областей сотрудничества.

Камнем преткновения отчасти являются и различные региональные приоритеты. Военные доктрины России в большей степени ориентированы на постсоветское пространство, нежели Стратегии национальной безопасности, однако и в них важнейший статус, которым де-факто располагает Армения, может быть истолкован лишь как «государство—член ОДКБ». Российские доктринальные источники не изображают кавказское измерение в качестве одного из ключевых для внешней политики Москвы регионов, несмотря на дифирамбы всему СНГ-пространству. В то же время и армянские концепции, делая ставку на альянс с Москвой,

не могут до конца забыть о принципе комплементаризма, который, тем не менее, в Стратегии 2020 г. уже не значится. Не отрицая значимости подобного гибкого курса для Армении, исследователи могут задать вопрос: как именно это воспринимается в Москве и не служит ли это препятствием дальнейшему развитию отношений? Постепенный отказ от прямого указания на подобный вектор в армянских доктринальных источниках, возможно, мог бы дополнительно продемонстрировать приверженность союзу с Россией, которая представлена в качестве основного гаранта армянской безопасности.

Некоторые сомнения могут также возникать относительно терминологии, используемой национальными авторами. Маловероятно, что внутренние аудитории заняты поиском глубинной разницы между «региональной безопасностью» и «коллективной безопасностью», но унификация национальных понятийно-категориальных аппаратов и приведение их в соответствие с терминологией, фигурирующей в двусторонних соглашениях и нормативных документах ОДКБ, способствовали бы частичному сглаживанию углов, возникающему из-за разницы трактовок, казалось бы, очевидных терминов.

Также стоит глобальнее посмотреть на проблематику военно-технического и военно-экономического сотрудничества. Армянская сторона исходит из правильной предпосылки о необходимости создания и модернизации собственной военно-промышленной базы; однако, находясь во многом в зависимости от поставок российского оружия, могла бы точечно указать на дальнейшие направления совместной работы в этой сфере.

Россия и Армения солидарны по многим вопросам, причем борьба с транснациональными угрозами и продолжение координации национальных систем безопасности представляли и представляют исключительную важность. Обе стороны все активнее указывают на необходимость обеспечения информационной безопасности, что может стать одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества не только двух государств, но и всех членов ОДКБ при наличии общности подходов. Апеллирование к позитивной повестке и демонстрация реальных результатов взаимодействия выглядят едва ли не важнейшими задачами, повышающими взаимодоверие и позволяющими нащупать дополнительные точки соприкосновения по тем вопросам, которые урегулировать сложно.

Сейчас, когда в обоих государствах назрела необходимость хотя бы частичного пересмотра доктринальных документов, важной задачей является согласование отдельных положений или, по крайней мере, избавление от явных противоречий. Конечно, основные направления сотрудничества и векторы взаимодействия обозначены двусторонними соглашениями, а не доктринальными источниками, но выработка дальнейшей модели кооперации во многом зависит и от того, каким образом политики обеих стран смогут объяснить собственному населению важность этого процесса. Стоит учитывать, что заинтересованность Москвы в Ереване все же ниже, чем Еревана в Москве, а потому пролоббировать армянскую модель экстерриториального видения не получится,

197

что армянское руководство явно понимает. С точки зрения армянского подхода здесь может быть лишь один вывод, сообразующийся с пророссийской ориентацией: Армения стремится к расширению диалога в рамках позитивной повестки, параллельно способствуя преодолению тех разногласий, что можно решить, а обеспечением безопасности Нагорного Карабаха занимается преимущественно самостоятельно. Видение Москвы при подобном поведении Еревана должно быть симметричным — развитие военной интеграции и дальнейший военно-политический диалог отвечают интересам обеих стран ровно до тех пор, пока национальные курсы предсказуемы, стабильны и не противоречат важнейшим постулатам своего визави.

Литература

1. **Бабаджанов А. Я.** Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств : Проблема сочетаемости национальных подходов. М. : Аспект Пресс, 2014.

2. Военная доктрина Республики Армения // Официальный сайт Объединенного штаба Организации Договора о коллективной безопасности. — https://www.jscsto.org/upload/iblock/17f/17fe9ea0a845818ec94168efdc10e83d.pdf (дата обращения: 06.04.2021).

3. Военная доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. — https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2940 (дата обращения: 30.03.2021).

4. Военная доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — http://www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения: 30.03.2021).

5. **Кокошина З. А.** ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений. М. : Ленанд, 2019.

6. **Мещеряков К. Е.** Внешняя политика России на Южном Кавказе: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб. : Скифия-принт, 2012.

7. СМИ: Армения пересмотрит военную доктрину в соответствии с новыми вызовами // Eurasia Daily. 2020. 17.01. — https://eadaily.com/ru/news/2020/01/17/smi-armeniya-peresmotrit-voennuyu-doktrinu-v-sootvetstvii-s-novymi-vyzovami (дата обращения: 06.04.2021).

8. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о создании объединенной региональной системы противовоздушной обороны в Кавказском регионе коллективной безопасности // Интернет-портал правовой информации «Контур». 2015. 23.12. — https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=287539 (дата обращения: 06.04.2021).

9. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Официальный сайт Аппарата Совета безопасности Армении. — https://www.seco.am/about/legislation?lang=ru (дата обращения: 04.04.2021).

10. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Официальный сайт Министерства иностранных дел Армении. — https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. — http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/ (дата обращения: 30.03.2021).

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — http://www.kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 30.03.2021).

13. **Iskandaryan A.** The Second Karabakh War, or The First Post-Post Soviet War. Vienna : Institute for Security Policy (ISP), 2020.

◆

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.161.1 + 398.23

Иванян Елена Павловна
доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Ivanyan Elena Pavlovna
Professor, Dr.Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: ivanyan@pgsga.ru

Е.П. Иванян

АНЕКДОТЫ АРМЯНСКОГО РАДИО:ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ С ЭТНИЧЕСКИМ СУБСТРАТОМ, СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СУБСТРАТА

Аннотация. Актуальность исследования проистекает из недостаточной изученности темы анекдотов армянского радио, спорности вопроса об этническом субстрате и значимости решения данного вопроса как сущностного для жанра анекдота. На материале «Указателя анекдотов» М. Мельниченко, Национального корпуса русского языка, российских и армянских интернет-ресурсов методами теоретико-аналитическим, функционально-семантическим, сплошной выборки и статистической обработки данных данный вопрос рассматривается в трех аспектах: выявления и характеристики тематических групп анекдотов, содержащих этнический субстрат; описания видов реализации этнического субстрата в анекдотах армянского радио; решения вопроса об «акценте» как маркере этнического субстрата. Показано, что национальный субстрат по-разному представлен в различных аспектах: имеется в 13 тематических группах: представлен лексически или экстралингвистически – при передаче шаржированных признаков армянина. Армянский акцент факультативен, обусловлен пуантом анекдота или акцентуацией рассказчика на национальности.

Ключевые слова: анекдоты армянского радио, русская лингвокультура, армянская лингвокультура, этнический субстрат

E.P. Ivanyan

ONTOLOGY OF THE ETHNIC SUBSTRATUM IN THE ANECDOTES OF THE ARMENIAN RADIO: THEMATIC GROUPS AND WAYS TO IMPLEMENT THE ETHNIC SUBSTRATUM

Abstract. The relevance of the study stems from the lack of knowledge about anecdotes of the Armenian radio, the controversial issue of the ethnic substratum and the importance of solving this issue as an essential one for the genre of anecdote. On the material of the "Index of anecdotes" by M. Melnichenko, National Corpus of the Russian Language, Russian and Armenian Internet resources by the methods of theoretical-analytical, functional-semantic, continuous sampling and statistical data processing, this issue is considered in three aspects: identification and characterization of thematic groups of anecdotes containing an ethnic substratum; description of the types of implementation of the ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio; solving the issue of "accent" as a marker of the ethnic substratum. It is shown that the national substratum is presented differently in various aspects. It is present in 13 thematic groups; lexically or extralinguistically - when transmitting caricatured features of the Armenian. The Armenian accent is optional, due to the pointe of the anecdote or the narrator's emphasis on nationality.

Keywords: anecdotes of the Armenian radio, Russian linguoculture, Armenian linguoculture, ethnic substratum

Введение

Данная статья выполнена в русле нашего исследования «Анекдоты армянского радио в онтологическом освещении» и содержательно продолжает изучение онтологии этнического субстрата, опубликованное в статье «Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация» [3].

В настоящее время представлены противоположные точки зрения на этнический субстрат анекдотов АР. Согласно одной точке зрения, анекдотам АР отказано в наличии национальной составляющей, см. [1]. Доводы такой позиции: анекдоты АР придумывали русские или евреи, напр.:

Но самое, пожалуй, смешное – это то, что армяне безвозмездно передали российской стороне шедевры своего ***армянского радио****. Хотя существует подозрение, что авторами были все-таки сами русские, но в силу своей скромности они легко приписывали свои шедевры друзьям из Еревана* (Комсомольская правда. 02.06.2001).

Согласно другой точке зрения, истоки анекдотов АР видятся в Армении, см. исследования [6; 7; 2] и др. Современный фольклорист из Армении А. Саркисян отмечает, что анекдоты АР и в настоящее время широко представлены в армянской среде [8]. Вопрос об этническом субстрате серии армянского радио[1] (АР) признаем сущностным для жанра анекдота и нерешенным, поскольку как цель научного исследования он ставится впервые. В данной статье ставятся задачи изучения феномена этнического субстрата в трех аспектах: 1) описание особенностей тематических групп (ТГ) анекдотов АР; 2) характеристика видов реализации этнического субстрата в анекдоте; 3) решение вопроса о т. н. «акценте» как маркере этнического субстрата в анекдотах АР.

Что касается языкового материала исследования, то за основу взят сборник, составленный М.А. Мельниченко «Советский анекдот: (указатель сюжетов)» [4], далее по тексту статьи – «Указатель». Языковой материалом извлекался методом сплошной выборки из данного «Указателя». Для подтверждения теоретико-методологических положений мы обратились к «Национальному корпусу русского языка» [5], российским и армянским интернет-ресурсам, напр. [12]. Теоретико-методологическую основу исследования составили функционально-семантический аспект (анализ), теоретико-аналитический подход; применялись приемы сплошной выборки эмпирического материала из [4] и статистической обработки полученной эмпирики.

Характеристика ТГ анекдотов АР

«Указатель» М.А. Мельниченко составляет **5852** сюжета анекдотов. Эти сюжеты распределены составителем по **65** большим ТГ. При этом, согласно осуществленному нами исследованию, анекдоты АР представлены в **51** ТГ и составляют **620** сюжетов; это – **10,6**% от общего фонда анекдотов «Указателя», что отражено в таблице 1.

[1] Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Национальной Академии наук Республики Армения З.Г. Айрян за помощь в поиске материалов по анекдотам АР на армянском языке.

Таблица 1

Представленность серии анекдотов армянского радио
в «Советском анекдоте (указателе сюжетов)» М.А. Мельниченко

Номер п/п	**Тематическая группа**	**Процентное соотношение, %**	**Частотность тематической группы**	**Число анекдотов с вербально маркированным этническим субстратом**
1	Революция и гражданская война	-	-	-
2	Военный коммунизм и новая экономическая политика	-	-	-
3	РКП(б) – ВКП(б) – КПСС	4,19	Высокая	-
4	Мировая революция. Строительство социализма. Коммунизм.	7,26	Высокая	-
5	Ленин	2,74	Средняя	-
6	Троцкий	-	-	-
7	Сталин	1,77	Средняя	-
8	Хрущев	5,97	Высокая	1
9	Брежнев	4,52	Высокая	-
10	Андропов	2,26	Средняя	-
11	Черненко	1,77	Средняя	-
12	Горбачев	1,77	Средняя	--
13	Советские вожди и деятели культуры	1,29	Средняя	1
14	Аппарат государственной безопасности	0,48	Низкая	-
15	Репрессии и реабилитация	1,45	Средняя	1
16	Отношение к советской власти	2,9	Средняя	-
17	Жизнь в СССР	3,71	Высокая	-
18	Коллективизация, колхозная жизнь и сельское хозяйство	1,77	Средняя	-
19	Индустриализация, планирование и производство	3,54	Высокая	1
20	Денежная система, изъятие ценностей, налогообложение и займы	0,97	Низкая	-
21	Голод, дефицит, дороговизна	4,52	Высокая	1
22	Система распределения, очереди	0,97	Низкая	-
23	Качество продукции и услуг	0,48	Низкая	-
24	Квартирный вопрос, коммуналки, быт и городское благоустройство	0,97	Низкая	-
25	Транспорт и дороги	0,16	Низкая	-
26	Свобода выбора и свобода слова	2,10	Средняя	-
27	Средства массовой информации	1,60	Средняя	2
28	Религия	-	-	-
29	Образование и уровень культуры	0,48	Низкая	-

30	Редактирование, опечатки, лозунги, сокращения	0,16	Низкая	-
31	Анекдотчики	2,26	Средняя	10
32	Социалистическая законность и милиция	0,32	Низкая	-
33	Беспризорники, хулиганство, бандитизм	-	-	-
34	Коррупция, взятки, расправы, воровство на производстве	0,97	Низкая	1
35	Армия	0,8	Низкая	-
36	Пионерия и комсомол	-	-	-
37	Здравоохранение	0,32	Низкая	-
38	Алкоголь	1,94	Средняя	1
39	Отношения полов, семья, аборты, измена, алименты	0,48	Низкая	-
40	Искусство	2,26	Средняя	-
41	Наука	2,9	Средняя	-
42	Космос	1,77	Средняя	1
43	Чернобыль	6,19	Высокая	-
44	Олимпиада	0,32	Низкая	-
45	Перестройка	1,6	Средняя	-
46	Чапаев	-	-	-
47	Штирлиц	-	-	-
48	Чукчи	-	-	-
49	СССР и мир в послевоенный период	-	-	-
50	Гитлер, Германия и её союзники	0,16	Низкая	-
51	Советская Армия и тыл в годы войны	-	-	-
52	Второй фронт. Анекдоты о Сталине, Рузвельте и Черчилле. «Новеллы союзников».	-	-	-
53	Солдаты на оккупированных территориях	-	-	-
54	Последствия войны. Анекдоты о генеральшах	0,32	Низкая	-
55	СССР и мир в послевоенный период	3,39	Высокая	-
56	Восточная Германия	0,65	Низкая	-
57	Польша	0,32	Низкая	-
58	Чехословакия	3,39	Высокая	1
59	Китай	2,90	Средняя	-
60	Афганистан	-	-	-
61	Автономные республики	0,65	Низкая	3
62	Евреи	0,16	Низкая	-
63	Борьба с космополитизмом и антисемитизм	1,29	Средняя	-
64	Выезд	2,10	Средняя	-
65	Израиль	2,74	Средняя	1

Таблица 1 иллюстрирует, какие ТГ не содержат анекдотов АР. Это ТГ, являющиеся самостоятельными сериями: анекдоты о Чапаеве, Штирлице, чукчах, а также некоторые политические ТГ, не составляющие серию, напр., «Религия»; «Выезд» и др.

В целом невысокий процент анекдотов АР по ТГ объясняется значительным количеством ТГ, включающих анекдоты данной серии в общем фонде «Указателя». Можно заключить, что анекдоты АР – своего рода энциклопедия советской культуры в целом и политических смыслов в частности. Серия анекдотов АР отражает взаимодействие русской и армянской лингвокультур.

С точки зрения частотности все ТГ, содержащие анекдоты АР, мы определяем как низкочастотные (менее 1 %); среднечастотные (включающие анекдоты АР более 1, но менее 3 %); высокочастотные – свыше 3%.

Этнический субстрат вербально маркирован в **13** ТГ с анекдотами АР. В целом наблюдается некоторое соотношение (тенденция взаимосвязи) между частотностью ТГ с анекдотами АР и наличием в данных анекдотах вербально выраженного этнического субстрата: среди ТГ, содержащих вербально отмеченный этнический субстрат, преобладают высокочастотные и среднечастотные, таких ТГ **11**, что составляет в целом 84%, напротив, только **2** низкочастотные ТГ с маркированным этническим субстратом (16 %).

Виды реализации этнического субстрата в анекдотах АР

Различаем **2** вида словесно отмеченного этнического субстрата в анекдотах АР: **1) лексическая маркировка**, т. е. анекдот содержит слова ТГ «Армения» (*Армения, гора Арарат, Ереван, Ной, армянский, коньяк*, армянские имена, фамилии, в том числе прецедентные, напр., *Микоян*); **2) экстралингвистическая маркировка** – анекдот включает слова-характеристики стереотипа, сложившегося в советской лингвокультуре об армянах. Характеристики, как это свойственно анекдоту, преимущественно шаржированные, ср.: [9].

При **лексической маркировке** этнического субстрата представлены топонимы (название республики, горы, столицы), антропонимы (преимущественно прецедентные), напр.:

(1) А/р *«Какой город самый красивый?» – «**Ереван**». – «Сколько надо атомных бомб, чтобы уничтожить самый красивый город?» – «Мы ошиблись. Самый красивый город – Тбилиси»* (Указатель);

(2) А/р *«Почему вас не слышно?» – «Раньше мы передавали из **Эривани**, а теперь из Магадани (/Плохая связь с Колымой)»* (Указатель).

Отметим, что вариантность анекдота как формы городского фольклора XX – XXI вв. – это его имманентное свойство, ср.: [9]. Вариантность обнаруживает наличие / отсутствие вербально маркированного этнического субстрата, см. вариант ответа АР «Плохая связь с Колымой» в (2). Напротив, в варианте (*из Эривани, а теперь из Магадани*) вербализация этнического субстрата усиливается моделированием «акцента»: кроме рифмовки топонимов наблюдается искажение названия *Магадан* по аналогии с топонимом *Эривань*. Сходная вариантность наблюдается в:

*«Что получится, если сбросить Хрущева (/Брежнева) с горы (/горы **Арарат**)?» – «Подгорный»* (Указатель).

Этнический субстрат (*гора Арарат*) словесно маркируется или элиминируется из ответа АР. Прецедентный для XX в. антропоним *Микоян* представлен во многих сериях анекдотов, в различных ТГ серии АР, напр.:

(1) Армянское радио. *«Какие новые олимпийские медали завоевали советские спортсмены в этом году?» – «Брежнев – за толчок, Хрущев – за прыжок с высоты,* ***Микоян*** *– за эквилибристику»* (Указатель);

(2) Армянское радио. *«Нужна ли в русском языке буква “М”?» – «Не нужна. Мяса нет, маргарина нет, молока нет. Маленкова нет, Молотова тоже нет. Остался один* ***Микоян****, и тот не русский»* (Указатель).

Согласно «Указателю», (2) фиксируется в большом количестве сборников в 30-х, 40-х, 50-х, 80-х и 90-х гг. XX в. Данный этнический субстрат (*Микоян*) вербально усиливается комментарием *и тот не русский.*

См., как представлен этнический субстрат в ТГ «Израиль»:

А/р *«Кто лучшие нападающие 1967 года?» – «****Паркуян****,* ***Мунтян*** *и* <u>*Даян*</u>*»* (Указатель).

В примере комически обыгрывается сходство армянских фамилий советских и украинских футболистов В.Ф. Мунтя́на и В.С. Паркуяна (Поркуяна) с фамилией израильского военного и государственного деятеля, министра обороны Израиля во время Шестидневной войны Моше́ Дая́на.

Особо следует охарактеризовать ТГ «Анекдотчики». Этнический субстрат в анекдотах АР здесь представлен повтором словосочетания *армянское радио*: оно названо как в структуре анекдота, так и собственно в сюжете (вопросе или ответе), напр.:

А/р *«Правда ли, что все сотрудники* ***Армянского радио*** *– секретные агенты империалистических разведывательных служб?» – «Наши сотрудники – агенты настолько секретные, что ни нам, ни этим службам о них ничего не известно»* (Указатель);

А/р «*Кто является основными идеологическими противниками КПСС?» – «“Голос Америки” “****Армянское радио****”»* (Указатель).

Второй вид реализации этнического субстрата в анекдотах АР – **экстралингвистический**: комический эффект достигается маркировкой шаржированных свойств, приписываемых образу армянина советской (русской в своей основе) лингвокультурой. Таковы: склонность к бизнесу, «умение зарабатывать деньги не на «социалистическом производстве»» [10, с. 101], противостояние грузинам и др., напр.:

А/р: «*Можно ли прожить на зарплату?» – «Не знаем, не пробовали»* (Указатель). Ср.: **[Интервью с народным артистом СССР, фокусником А. Акопяном. Корреспондент:]** *Пришлось ли вашей семье столкнуться с дефицитом?* Акопян: *Если позволите, о, драгоценный алмаз моего сердца, в тональности нашего разговора, в русле ваших вопросов быстренько рассказываю ершистое дитя фольклора, неувядающий литературный жанр – анекдот. Армянскому радио задают вопрос: «Скажите, а можно прожить на одну зарплату?» Они отвечают: «Не знаем. Не пробовали»* (Комсомольская правда. 13.08.2011).

Отметим, что данный анекдот и поныне бытует в современном армянском дискурсе, см., напр., сайт: [12]. Равно, как и пример:

А/р *«Что делать, если работать хочется?»* - *«Полежите, пройдет»* (Указатель).

Пример шаржированного противостояния грузинам:

А/р *«Как бороться с хвостатыми грызунами?» – «Не с хвостатыми, а с усатыми. И не с грызунами, а с грузинами. И не бороться, а уничтожать!»* (Указатель).

В целом о вербализации этнического субстрата второго вида можно говорить при учете знаний адресата экстралингвистических факторов: при отсутствии таких знаний адресат не поймет, в чем состоит шутка.

Так называемый акцент как маркер этнического субстрата в анекдотах АР

Имитацию акцента в текстах, безусловно, следует признать маркером этнического субстрата. Вопрос акцента ставится во многих зарубежных исследованиях этнических анекдотов. Что касается анекдотов АР, то по феномену акцента в этой серии представлены не полностью достоверные сведения. Так, Е. Драйцер, К. Цукадзаки указывают на наличие акцента в анекдотах серии АР [13; 11]. Однако такое утверждение неточно, поскольку многие анекдоты серии АР не маркируются акцентом.

Для стереоскопического решения данного вопроса следует учитывать две формы бытования анекдотов: первичную – устную («хорошо рассказанный анекдот – это своеобразный спектакль, «театр одного актера»), см.: [9], и вторичную – письменную (фиксацию анекдотов в сборниках, размещение их на сайтах и проч.).

В письменной манифестации в «Указателе» М. Мельниченко т. н. акцент в серии анекдотов АР отсутствует, хотя представлен в примере армянской загадки из примечания, см. нашу статью «Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация» [3].

Как показывает наш анализ бытования серии анекдотов АР, в устной манифестации акцент факультативен и обусловлен либо **1**) собственно пуантом анекдота. Так, Е.Я. и А.Д. Шмелевы отмечают, что «акцент» в анекдотах АР появляется, когда необходимо подчеркнуть этническую составляющую, напр., в анекдоте о хула-хупе АР спрашивают: - *А если хула-хуп не налезает на фигуру? –* ***Вах,*** *зачем портить такую фигуру?* Ученые пишут, что при произнесении последней реплики у рассказчика почти непременно появляется «кавказский» акцент [10, с. 102]. **2**) Либо акцент возникает вследствие акцентуации рассказчика на национальностях (есть люди, которые в разговоре всегда подчеркивают национальность объекта речи), см. примеры из НКРЯ:

(1) *За соседним столиком не знали, о чем говорить, но молчать было нельзя, и вот один стал рассказывать анекдоты <...>. Вопрос* ***армянскому радио****, - говорил первый с* *<u>акцентом</u>*. *- Можно ли убить чэловэка газэтой? Атвэчаем: можно! Надо в газэту завэрнуть утюг!* (Ю. Казаков. Проклятый Север,1964);

(2) *Валька, дура, кокетничала <...> и с жутким, ни на что не похожим* *<u>акцентом</u>* *рассказывала анекдоты про* ***армянское радио****: - Может ли «Запорожец» развит скоруст сто киламетрув в час? Атвичаим: можит, если спустыт его с гары Арарат* (С. Юрский. На дачах, 1974-1983).

В (2) этнический субстрат лексического вида (лексемы из ТГ «Армения»: *гора Арарат*) усиливается моделированием акцента рассказчика (Вальки). Следовательно, примеры из НКРЯ подтверждают наши наблюдения.

Выводы

Анекдоты серии АР содержат этнический субстрат, и он по-разному проявляется в различных аспектах. В 13 ТГ «Указателя» анекдоты АР представлен вербально маркированный этнический субстрат. Обнаружена тенденция зависимости между частотностью ТГ с анекдотами АР и наличием национального субстрата: преобладают высокочастотные и среднечастотные ТГ, содержащие словесно выраженный этнический субстрат, составляющие 84% против 16 % низкочастотных ТГ.

Этнический субстрат в анекдотах АР представлен лексически, номинациями ТГ «Армения», либо экстралингвистически – при характеристике в анекдоте шаржированных черт образа армянина. Учет устной и письменной формы анекдота

позволяет скорректировать мнение зарубежных исследователей о т. н. акценте этой серии: акцент факультативен, зависит от пуанта анекдота или акцентуации рассказчика на национальности объекта речи.

Данная статья в совокупности со статьей [3] содержит модель анализа, учитывающую результаты изучения российских и армянских интернет-ресурсов и языкового материала из НКРЯ. Обращение к названной модели будет плодотворным при исследовании этнического субстрата анекдотов АР, включающего бытование анекдотов АР в XXI в.

Библиографический список

1. Воробьева М.В. Образ героя анекдотов 1960-1980-х годов из серии «армянское радио спрашивают» // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 2014. – С. 197–202.
2. Давтян А. История. Праздник формирования культуры. URL : http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (дата обращения: 31.05.2021).
3. Иванян Е.П. Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация // Русистика без границ. 2021. – № 2. – С. 47 – 54.
4. Мельниченко М. Советский анекдот: (указатель сюжетов). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 1104 с.
5. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 31.05.2021).
6. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований ТД Алгоритм, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (дата обращения: 06.08.2020).
7. Раскин И.З. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. – М., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (дата обращения: 06.08.2020).
8. Саркисян А.Ш. Средство проявления курьеза в армянских народных сатирических миниатюрах и смешных высказываниях: автореф. дис. … доктора филол. н. – Ереван, 2018. – 50 с. (На армянском).
9. Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб. , 2002. С.17–31.
10. Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
11. Цукадзаки К. Анекдот советской эпохи. Серия "Армянское радио".URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (дата обращения: 31.05.2021). (На японском).
12. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (дата обращения: 31.05.2021).
13. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State University Press, 1998. – 199 p. (На английском).

References in Roman script

1. Vorob'eva M.V. Obraz geroya anekdotov 1960-1980-h godov iz serii «armyanskoe radio sprashivayut» // Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashchem. – Ekaterinburg, 2014. – S. 197–202.
2. Davtyan A. Istoriya. Prazdnik formirovaniya kul'tury. URL: http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (data obrashcheniya: 31.05.2021).
3. Ivanyan E.P. Ontologiya etnicheskogo substrata v anekdotah armyanskogo radio: genezis i strukturno-semanticheskaya organizaciya // Rusistika bez granic. 2021. - № 2. – S. 47 – 54.
4. Mel'nichenko M. Sovetskij anekdot: (ukazatel' syuzhetov). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 1104 s.
5. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 31.05.2021).

6. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. Osnovy voenno-kommunikativnyh issledovanij TD Algoritm, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (data obrashcheniya: 06.08.2020).
7. Raskin I.Z. Enciklopediya huliganstvuyushchego ortodoksa. – M., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (data obrashcheniya: 06.08.2020).
8. Sarkisyan A.SH. Sredstvo proyavleniya kur'eza v armyanskih narodnyh satiricheskih miniatyurah i smeshnyh vyskazyvaniyah: avtoref. dis. … doktora filol. n. – Erevan, 2018. – 50 s. (Na armyanskom).
9. Himik V.V. Anekdot kak unikal'noe yavlenie russkoj rechevoj kul'tury // Anekdot kak fenomen kul'tury: Materialy kruglogo stola 16 noyabrya 2002 g. – SPb., 2002. S.17–31.
10. SHmeleva E.A., SHmelev A.D. Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 144 s.
11. Cukadzaki K. Anekdot sovetskoj epohi. Seriya "Armyanskoe radio".URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (data obrashcheniya: 31.05.2021). (Na yaponskom).
12. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (data obrashcheniya: 31.05.2021).
13. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State Univer¬sity Press, 1998. – 199 p. (Na angliyskom).

References

1. Vorobyova M.V. The image of the hero of jokes of 1960-1980-ies from the series "Armenian radio ask" / / Russia and the East: cultural ties in the past and present. – Yekaterinburg, 2014. – pp. 197–202. (In Russian).
2. Davtyan A. History. Celebration of the formation of culture. URL : http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/110150-1-armen-davtyan-istoriya-prazdnik-formirovaniya-kulturi-pervie-stroyki-sobstvenno-erevana-ka.php (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
3. Ivanyan E.P. Ontology of the ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio: genesis and structural-semantic organization // Russian Studies without Borders. 2021. – No. 2. – pp. 47 – 54. (In Russian).
4. Melnichenko M. Soviet anecdote: (index of plots). – M.: New Literary Review, 2014. – 1104 p. (In Russian).
5. National Corpus of the Russian Language. URL: ruscorpora.ru (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
6. Pocheptsov G. G. Information wars. Fundamentals of military-communicative research TD Algorithm, 2015. URL: https://avidreaders.ru/book/informacionnye-voyny-osnovy-voenno-kommunikativnyh-issledovaniy.html (date of request: 06.08.2020). (In Russian).
7. Raskin I.Z. Encyclopedia of the hooliganist Orthodox. – M., 2005. URL: https://www.litmir.me/br/?b=124148&p=16. (date of request: 06.08.2020). (In Russian).
8. Sarkisyan A.Sh. The means of displaying the curiosity in the Armenian folk satirical miniatures and funny sayings: autoref. dis. ... doctor of Philology - Yerevan, 2018. – 50 p. (In Armenian).
9. Himik V.V. Anecdote like a unique phenomenon of Russian speech culture / / Anecdote like a phenomenon of culture: Materials of the round table November 16, 2002-St. Petersburg, 2002.– pp. 17–31. (In Russian).
10. Shmeleva E.A., Shmelev A.D. Russian anecdote: Text and speech genre. - M.: Languages of Slavic culture, 2002. – 144 p. (In Russian).
11. Tsukazaki K. Anecdote of the Soviet era. "Armenian Radio" series. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/slavic_eurasia_papers/no1/02tsukazaki.pdf. (date of request: 31.05.2021). (In Japaneese).
12. Armenia sputnik URL: https://armeniasputnik.am/armenia/20180213/10522864/armenia-radioyi-or-haykakan-radio.html (date of request: 31.05.2021). (In Russian).
13. Draitser E. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. – Detroit: Wayne State University Press, 1998. – 199 p. (In English).

УДК 94(470)»19+94(479.25)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.2

К. Р. Амбарцумян

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1921 ГОДУ[1]

В статье автор обращается к проблеме развития советско-турецких отношений в связи с советизацией Армении и попытками большевиком урегулирования территориальных проблем на бывших имперских окраинах. Исторически Россия и Турция являются соперниками и Кавказ всегда был ареной активного противостояния. В данном исследовании автор наглядно показала, что даже в 1921 г. в связи с подписанием Московского договора «О дружбе и братстве» противостояние перешло в новую плоскость и было не таким открытым как ранее. Неразрешенность армянского вопроса стала одним из препятствий для полного включения Закавказья в сферу влияния большевиков. Кемалистское и большевистское правительства не могли приступить к полноценному государственному строительству не разрешив конфликты на национальных окраинах. В армянском вопросе Советская Россия оказалась более уступчивой, нежели в других кавказских противоречиях. Важно было сохранить влияние в советском Азербайджане, укрепиться в Грузии и не уступить Батум Турции. С другой стороны, Турция отказалась от реализации Александропольского договора, так как нуждалась в российской помощи в борьбе за независимость.

Новизной исследования стало изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в международном и региональном контекстах внешней политики обоих государств. Автором были введены в научный оборот архивные документы Архива внешней политики Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории. На неопубликованном материале показано дипломатическое закулисье, которое сопровождало внешне мирное взаимодействие Турции и РСФСР. Впервые последовательно изучен ход событий 1921 г., который стал переломным в разрешении армянского вопроса. Армения, оказавшись объектом соперничества двух довольно молодых государств с неустойчивой позицией, потеряла ряд территорий и шансы на восстановление в границах, определенных Севрским договором. Данный исход оказался возможен еще и в связи с позицией ведущих мировых держав, которые фактически отказались от всего Кавказа как сферы влияния и были увлечены разрешением других проблем послевоенного мира.

Ключевые слова: армянский вопрос, Московский договор 1921 г., Карсский договор, советизация, международные отношения.

Karine Ambartsumyan

ARMENIAN ISSUE IN SOVIET-TURKISH RELATIONS IN 1921

The article studies Soviet and Turkish approaches to Armenia and its territorial problems after Sovietization of the republic. Traditionally Russia and Turkey were adversaries and the Caucasus was the main area of their active rivalry. The research shows that Moscow Treaty on Friendship and Brotherhood signed in 1921 was as not the final point of geopolitical contest. It proceeded after the treaty but was not as apparent as in the past. The unsolved Armenian issue became one of the obstacles to the full inclusion of the Transcaucasia into the Bolsheviks sphere of power. The Kemal and Bolshevik governments weren't able to begin state building without getting over conflicts in the national peripheries. In the Armenian question, Soviet Russia turned out to be more compliant than in other Caucasian contradictions. It was important to maintain influence in Soviet Azerbaijan, to gain a foothold in Georgia and not to cede Batum to Turkey. On the other hand, Turkey refused to implement the Treaty of Alexandropol, as it needed Russian assistance in the struggle for independence.

The novelty of the research lies in the study of Armenian issue as a part of Soviet and Turkey within international and regional framework of both governments policy. The author introduced into scientific use the archival documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Russian Archive of Social and Political History. The unpublished material shows the diplomatic backstage that accompanied the seemingly peaceful interaction between Turkey and Soviet Russia. First, the order of events in 1921 was studied consistently, which became a turning point in the solution of the Armenian question. Armenia, having found itself an object of rivalry between two quite young states with an unstable position, lost a number of territories and the chances for restoration within the boundaries defined by the Treaty of Sevres. The denouement was also possible in connection with the position of the leading world powers, which actually left the Caucasus as a sphere of influence and were keen on resolving other problems of the post-war world.

Key words: Armenian question, Moscow Treaty of 1921, Treaty of Kars, Sovietization, international relations.

Раннесоветская история остается одним из востребованных направлений современной истории. Особенно остро стоит вопрос о внешней политике тех лет, тогда как международный контекст советской истории носил сложный характер.

Укрепление большевистской власти внутри страны во многом зависело от налаживания отношений с окружающим миром и, конечно, с ближайшими соседями, к коим относилась Турция. Как большевистская Россия, так и кемалистская

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

Турция оказались политически изолированными от мирового сообщества и пребывали в состоянии внутренней революционной борьбы. После подписания Мудросского перемирия в 1918 г. державы-победительницы приступили к фактическому разделу бывшей Османской империи. В 1920 г. был оккупирован Константинополь, затем военные действия против Турецкого государства при поддержке Великобритании начала Греция. В августе 1920 г. Антанта и константинопольское правительство подписали Севрский договор, среди условий которого было присоединение Западной Армении к Республике Армения. В это время в Турции создавалось национально-освободительного движения под руководством генерала Мустафы Кемаля-паши. В Анатолии в Ангоре (Анкаре) в 1920 г. было открыто Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), образовавшее национальное правительство. Новая турецкая власть, равно как и большевистская в России, не признавались международным сообществом. Таким образом, традиционные геополитические соперники оказались союзниками поневоле.

В историографии советско-турецкие отношения освещены как советскими учеными, так и современными исследователями. Наиболее полной работой по восточной политике большевиков является монография А.Н. Хейфеца [21], в которой трудности достижения компромиссов между большевиками и кемалистами объяснялись происками «империалистов». Что касается Кавказа, то ситуация вокруг армянских территорий и порта Батума, освещены историком критически, он негативно оценивает политику Ангоры и турецкого командования. Что касается самой категории «армянский вопрос» применительно к данному периоду, удачную формулировку предложила российская исследовательница Н. Е. Шутова, которая под ним понимает борьбу армянского народа за сохранение национальной самобытности, проживание на исторической территории и создание на ней собственной государственности. При этом армянский вопрос прочно вписан в международный контекст, так как ход борьбы и ее результативность определялась главным образом политикой России и Турции в Закавказье [22]. Интересы Турции в Армении после ее советизации Н.Е. Шутова определяет, как захватнические. Турецкий исследователь М. Озтюрк, напротив, утверждает, что Анкара советизацию Закавказья принимала, но при условии того, что большевизм не пересечет границ Анатолии [14]. Если А. Н. Хейфец рассматривает Московский и Карсский договоры, как дипломатическую победу, то для современной историографии эти соглашения далеко неоднозначны. Есаян Н. К. расценивает их как уступку, сделанную советским правительством и фактическое выполнение ряда положений Брестского договора [8]. Историк П. В. Густерин рассматривает данные договоры, как целесообразный с точки зрения восточной политики РСФСР, кроме того он полагает, что они учитывали реальное положение дел на Кавказе [7].

Целью данной статьи является изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в 1921 г., когда советизация Кавказа становилась реальностью и процесс возвращения региона Россией являлся делом ближайшего будущего. Представляется целесообразным рассмотреть, как региональный, так и международный контекст заключения Московского и Карсского договоров, приведших к утрате Арменией своих исторических территорий.

4 декабря 1920 г. было обнародовано заявление наркома по делам национальностей И. В. Сталина об установлении советской власти в Армении [9]. Однако армянский вопрос в советско-турецких отношениях нельзя считать полностью урегулированным только в связи с завершением процесса советизации. Территориальные споры на армяно-турецкой границе по-прежнему оставались неурегулированными. 2 декабря 1921 г. дашнакское правительство подписало Александропольский договор, согласно которому Шарур, Шахтахты, Нахичевань отдавались под турецкий протекторат. Далее планировалось проведение референдума, в рамках которого население определило бы свое будущее. Свержение дашнакского правительства и стремительное провозглашение советской власти ставили под сомнение легитимность Александропольского договора, большевики отказались его признавать. Когда с дашнаками представитель РСФСР Б.В. Легран подписал соглашение об объявлении Армении Социалистической Советской Республикой, официально власть в республике перешла к Военно-революционному комитету. Согласно соглашению, территория Армении определялась следующими границами: Эриванская губерния, часть Карсской области, Зангезурский уезд, часть Казахского уезда и те части Тифлисской губернии, которые находились во владении Армении до 28 сентября 1920 г. [10]. В июле 1921 г. было заключено соглашение с Азербайджаном о Нагорном Карабахе, который включался в состав Советской Армении [2, с.732]. 4 июля состоялось заседание Пленума Кавбюро, на котором обсуждался вопрос Карабаха. Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров, Назаретян образовали большинство, проголосовавшее за оставление Нагорного Карабаха в составе Армени и проведении референдума средина армянского и мусульманского населения. Однако, уже 5 июля было принято решение об включении Карабаха в состав Азербайджана в качестве автономии и никакого плебесцита уже не предусматривалось [12, с.649 – 650]. Если о Нахичевани договаривались в рамках Московского и Карсского соглашений, то Карабах ни в одном из документов не упоминался.

Официальное провозглашение советской власти не означало завершение фактической советизации Армении. В феврале 1921 поднялось антисоветское восстание, только 2 апреля 1921 г. была отбита у дашнаков Эривань, а оставшиеся силы сосредоточились в Зангезуре. 12 июля части Красной армии вытеснили их на территорию Персии. Данный акт заставлял опасаться реставрации прежней власти в уже советизированной республике и еще больше консолидироваться с Турцией.

В Москве Наркомат иностранных дел (НКИД) и его глава Г.В. Чичерин рассчитывал на легкое урегулирование турецко-армянских отношений. Инструктируя члена Кавбюро Г.К. Орджоникидзе, он просил подтолкнуть Армению сделать первый шаг и пригласить турецкую делегацию на закавказскую конференцию. В начале 1921 г., когда турецкие представители вели переговоры с большевиками в Москве, Г.В. Чичерин настаивал на обращении армянского правительства с нотой к одному из участников Юсуфу Кемалю с тем, чтобы начать переговоры с последующим заключением договора [4, л.61]. Турция, имея сложные отношения с Арменией, даже в лице новой кемалисткой власти по-восточному требовала повиновения и дипломатических шагов навстречу первой делать не желала. НКИД РСФСР и Кавбюро фактически становились посредниками между этими государствами. Понимая всю глубину противоречий, большевики форсировали достижение любой, даже декоративной, договоренности, чтобы повысить престиж советской власти и в Армении, и в Закавказье, в целом.

Первоначально Г.В. Чичерин перед Кавбюро ставил задачу подчеркивать дружелюбное отношение к туркам, но не идти на уступки во всем и не поддаваться на шантаж. Наоборот, он призывал торговаться: «Надо им выяснить, что у нас вовсе нет какой-то особой слабости к армянам… Сам факт советизации Армении имеет для нас серьезные политические последствия, ибо престиж советской власти не позволяет нам бросить на произвол судьбы братскую советскую республику» [4, л.14]. Реальность сильно отличалась от ожиданий советского наркома, так как конфликт между Арменией и Турцией был намного острее и противоречия глубже, нежели их представляли в Москве. Турецкое военное присутствие в Армении не устраивало Кавбюро. Г.К. Орджоникидзе полагал, что развитие успехов кемалистами может свести на нет советизацию и препятствовать дальнейшему продвижение Красной Армии в Закавказье: «Армянский вопрос является самым больным местом турецкой политики. Турки живут успехами в Армении. Многолетняя ненависть к армянам несмотря на некоторые старания со стороны высшего командования не в состоянии предотвратить те эксцессы, которые очень сильно преувеличиваются и раздуваются тов<арищами> армянами» [20, л.3]. В феврале 1921 г. когда турецкая делегация находилась в Москве, советское правительство и Кавбюро были одержимы одной целью – любой ценой довести дело до подписания российско-турецкого соглашения. Так как Г. К. Орджоникидзе работал непосредственно в регионе и видел реальную ситуацию, он призывал подписать любой договор «чисто агитационного характера», дабы Ангора не переметнулась на сторону Антанты. Зная настроение турецкого командования, он еще на стадии советско-турецких переговоров предупреждал о целесообразности отстаивать Александрополь, тогда как отстаивать Карс смысла не было [20, л.8 – 10].

Традиционное российско-турецкое соперничество за Кавказ никуда не ушло, но оно имело завуалированный характер, так как на конфронтацию кемалисткая Турция и Советская Россия тогда не были способны. Иллюзий относительно прочности дружбы с Анкарой не было, и опасения по поводу стабильной позиции кемалистов открыто высказывались большевиками. В частности, о возможном «правом уклоне» правительства М. Кемаля высказывал нарком по делам национальностей И. В. Сталин: «Борьба кемалистов с Антантой и усилившееся на этой почве брожение в колониях Англии, с одной стороны, разгром Врангеля и падение Венизелоса в Греции — с другой, заставили Антанту значительно смягчить свою политику в отношении кемалистов. Разгром Армении кемалистами при абсолютном «нейтралитете» Антанты, слухи о предполагающемся возвращении Турции Фракии и Смирны, слухи о переговорах между кемалистами и султаном, агентом Антанты, и о предполагающемся очищении Константинополя, наконец, затишье на Западном фронте Турции, – всё это симптомы, говорящие о серьёзном заигрывании Антанты с кемалистами и о некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо» [15].

Несмотря на настороженное отношение, необходимость поддерживать благоприятные отношения и для Турции, и для Советской России была очевидна. Оба государства были фактически непризнанными и имели статус своего рода изгоев в международном сообществе. Ведущие державы не признавали ни кемалистского, ни большевистского правительств, что неизбежно толкало два молодых и неокрепших правительства навстречу друг другу. Для большевиков добрососедские отношения с Турцией позволяли контролировать традиционного соперника и упрочить свои позиции на Кавказе. Правительство М. Кемаля в свою очередь нуждалось в советской помощи деньгами и оружием. Все силы Ангоры были направлены на борьбу за независимость и сохранение целостности Турции, поэтому потребности в средствах были огромными. Греческая армия

успешно наступала в сторону Ангоры, продвижение было успешным и в конце августа – начале сентября 1921 г. бои шли уже непосредственно у города. Только к 18 сентября 1922 г. была освобождена Анатолия. В этой связи помощь большевиков была важным подспорьем в этой борьбе и заставляла считаться с Россией. Москва всячески стремилась удерживать Ангорское правительство на своей стороне, поэтому снабжая его деньгами и оружием отчасти покупала союзника. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин прямо указывал И. В. Сталину на необходимость продолжения данной политики, так как сближение с турками было бессмысленным и бесперспективным, если не оказывать ощутимой помощи: «Если им не помочь, они могут фактически увидеть себя вынужденными изменить свою политику» [6, с.192].

Успехи дашнакских сил в Эривани, осложняли задачи советской власти в деле определения границ с Турцией. Первоначально речь шла об участии представителей Армянской АССР в работе конференции, но после захвата власти в Эривани представитель дашнакского правительства С. Врацян заявил по радио, что нарком иностранных дел А. Бекзадян не является уполномоченным представителем Армении. В свою очередь турки заявили, что не будут вести переговоры с Арменией. Таким образом конференция в Москве была сведена к формату российско-турецких переговоров [21, с.92–94].

16 марта 1921 г. в Москве Г. В. Чичерин и турецкий министр иностранных дел Юсуф Кемаль подписали долгожданный договор. Большевики пошли на следующие территориальные уступки: Карс, Ардаган, Артвин отходили Турции, Батум[1] – к Грузии, Нахичевань в качестве автономной области передавалась под протекторат Азербайджана. Относительно Нахичевани Чичерин планировал формальную передачу, а фактически она должна была остаться под контролем Красной армии [3, л. 4]. Достижение компромисса не было полным и для большевиков не означало установления полного контроля над Закавказьем, в том числе и над Батумом, который турецкий командующий Восточным фронтом Кязым Карабекир не спешил уступать Красной армии. Он утверждал, что порт когда-то принадлежал Турции и теперь он справедливо возвращен ей грузинскими меньшевиками [5, с.32].

В момент самой конференции в Москве гораздо более болезненным вопросом для большевиков, чем армянский, был Батум. Кемалисты активно на него претендовали, большевики ни при каких условиях отдать город не могли, так как дальше открывался путь по железной дороге на Баку. Утрата Батума наносила бы серьезный удар по нефтяной отрасли и по ее экспортным возможностям. 17 марта 1921 г. Кязим Карабекир провозгласил себя генерал-губернатором Батума и издал указ о его присоединении к Турции. Командующий турецкой армии воспользовался заминкой, пока происходило падение грузинских меньшевиков, и решил захватить жизненно важный для всего Кавказа порт.

Советско-турецкие переговоры в Москве осложнялись не только наличием неразрешенных территориальных споров в Закавказье, но и плохо налаженными коммуникациями. И большевистская, и кемалистская стороны были как власть молоды и пока непрочно стояли у руля. Например, турецкая делегация в Москве постоянно испытывала трудности в сношениях с Ангорой и с Кязым Карабекиром. Вскоре после подписания Московского договора, народный комиссар иностранных дел Турции Ахмед Мухтар, вернее временно исполняющий обязанности в связи с отъездом Бекира Сами Кундуха на Лондонскую конференцию, возражал против очищения турками Александрополя, Ахалциха, Ахалкалаки и Батума. В своей телеграмме на имя Г.В. Чичерина он требовал освободить эти территории от частей Красной армии. Однако 19 марта 1921 г. дивизия под командованием Д. П. Жлобы вступила в Батум. В это же время Г. К. Орджоникидзе приказал временно приостановить отправку оружия в Турцию. И уже 22 марта 1921 г. Карабекир начал эвакуацию турецких частей. Кавказские события периода московских переговоров определили расстановку приоритетов, Батум был гораздо более значим с точки зрения экономики и геополитики, чем армянские территории, частью которых можно было пожертвовать.

С делегацией Турции в Москву прибыл азербайджанский политик Бехбуд Шахтахтинский, который информировал Ахмед Мухтара о подписании договора и об определении границ на Кавказе, что и вызвало резкие возражения: «Мы утверждаем, что известие об очищении нами Александрополя совершенно ложно, равно как и известие о нашем соглашении с грузинами и дашнакцаканами. Что же касается договора, заключенного нашими делегатами в Москве, мы об его существовании ровно ничего не знаем, так как не получали никаких телеграмм от нашей делегации» [19, л.7]. Возможно действительно телеграммы доставлялись с опозданием, поэтому Ангора, делегация в Москве и Кязым Карабекир не успевали согласовать свои действия. Однако, можно и предположить, что так как Бекир Сами Кундух находился на конференции с европейскими державами в Лондоне, более того, султанский представитель Тевфик-Паша признал за ангорской делегаций право представлять всю Турцию, то отступление с Кавказа можно было затягивать на фоне данного успеха и надеяться на договоренность с Францией и Великобританией.

1 Турции предоставлялось право свободного транзита товаров через Батумский порт.

Лондонская конференция показала, что Севрский мир Антанта пересматривать не намерена. Бекир Сами возложенных надежд не оправдал, достигнутые договоренности не устроили М. Кемаля. Например, в соглашении с англичанами не все турецкие пленные подлежали обмену. Те, которые обвинялись в жестоком обращении с армянами и пленными англичанами домой не возвращались. Французам обещались концессии и сохранение их жандармерий в оккупированных районах. Такого рода уступки ради мира любой ценой Кемаля не устроили [11, с.14 – 16]. Поэтому ставки на союз с большевиками только усилились, и поэтому конференция в Москве завершилась договором.

В армянском вопросе Советская Россия не действовала решительно еще и потому, что были непредсказуемы турецко-грузинские отношения. Представитель РСФСР в Турции Б. Мдивани телеграфируя Г.К. Орджоникидзе и Г.В. Чичерину незадолго до подписания Московского договора в феврале 1921 г. предупреждал: «События в Грузии развили аппетиты Ангорского правительства. По всем данным оно не ограничится Ардаганом и Картвином, о чем я сообщал Вам вчера, а будут стремится занять Батум. Подозрительны также отношения турок к перевороту в Армении, заметна тенденция уговориться и поддержать всплывшее Дашнакское правительство в расчете легче сломать Армению при Дашнаках, чем Советскую при поддержке России. В правительственных сферах ставится вопрос захочет ли Россия снова советизировать Армению находя этакое желание большой ошибкой» [18, л.2].

Г. В. Чичерин продолжал настаивать на необходимости первого шага со стороны Армении, о чем писал представителю РСФСР в советской Армении Б. В. Леграну даже в августе 1921 г.: «Юсуф Кемаль ожидает, чтобы Армения первая высказалась о своем желании участвовать в конференции Турции с кавказскими республиками. Еще в период наших московских переговоров Турция считала Александропольский договор оставшимся в силе и после его отмены посредством нашего договора он в отношениях между Турцией и армянами ничем не был заменен» [4, л.66].

Послом Турции в Москве был назначен Али Фуад-паша, полпредом в Турцию от РСФСР был направлен С. П. Нацаренус. Далее началась дипломатическая борьба вокруг выполнения статей Московского договора. Однако, турецкая армия, несмотря на достигнутые договоренности и подписанный договор, покидать Закавказье отказывалась. Выше были описаны перипетии с Батумом, который Карабекир не желал оставлять.

Али Фуад в ноте Г. В. Чичерину подчеркивал, что военные силы Турции ставили своей целью служить элементом равновесия. В то время как советская власть считала Александропольский договор недействительным, турецкий посол ссылался именно на него, когда речь шла об оккупации Армении. Кемалисты заявляли, что освободят армянскую территорию только в случае введения в действие Александропольского договора. Данное положение было заложено в самом договоре, учитывая кабальность его статей, их соблюдение продлевало пребывание турок в Армении до бесконечности. По договору помимо территориальных потерь, предусматривалась утрата Арменией фактического суверенитета. Например, Турция получала право контролировать железные дороги, армянские представители отзывались из стран Европы. Учитывая провозглашение советской власти, возникал конфликт российских и турецких интересов, так как реализация договора сводила на нет все усилия большевиков и отдавала Армению Турции.

Настойчивость кемалистов расценивалась НКИД РСФСР как попытка аннулировать Московский договор [13]. Позиция турок была довольно уклончивой, так Али Фуад в одной из нот писал о возможности отхода турецких войск в случае прихода к власти в Эривани «подлинно Советского Армянского Правительства» [13, с. 53]. Ангора, посол в Москве и Кязым Карабекир всячески затягивали время отхода, последний занимал наиболее твердую позицию и не давал команды отступления. Ангора и турецкое посольство в Москве отвечали уклончиво, ссылаясь то на плохо налаженную связь, то на самодеятельность Карабекира. Ахмед Мухтар продолжал отправлять ноты в НКИД РСФСР, в которых не было четких сроков выхода турецких войск из Александрополя. Тогда решительность проявил Г.К. Орджоникидзе, 11 апреля 1921 г. он снова потребовал прекратить поставки боеприпасов и золота в Турцию. Вслед за ним командующий XI армией А. И. Геккер пригрозил Каребекиру вводом красных частей в оккупированный турками районы Армении. А.И. Геккер, докладывая Г.В. Чичерину о ситуации на месте давал неприглядную характеристику действиям турецкой армии: «Турецкое командование требует от дашнаков большевиков. Турецкое командование приказало снять все красные нашивки и если у кого-либо обнаружили, то расстреливали» [2, л. 36].

Турецкие части вынуждены были отступить, но для населения их уход обернулся новой катастрофой. Председатель СНК АрмССР А.Ф. Мясников в записке Г. В. Чичерину описал следующие последствия: «После очищения Александрополя на территории Александропольского района была обнаружена масса трупов вырезанных женщин и детей из ряда армянских сел. Комиссии расследования этого закончили свою работу. Комиссия для погребения в Акбулогском и Джаджурском районах насчитала 12 тысяч 50 трупов, имеется масса трупов молодых девушек и женщин» [2, л.52].

В свете налаживания советско-турецких отношений и того, что в Азербайджане советская власть имела наибольшие успехи, вопрос о спорных территориях решался не в пользу Армении, где сохранялась угроза возвращения дашнаков или их поддержки со стороны Антанты. Кроме того, решения, принимаемые в пользу Азербайджана, повышали престиж советской России в глазах Турции и всего мусульманского Востока, на который в этот период ориентировалась внешняя политика большевиков. Именно на это упирал представитель АССР Б. Шахтахтынский, начиная с 1920 г. Он обращался к Г. В. Чичерину и его заместителю Л. М. Карахану, настаивал на необходимости сохранить за Азербайджаном Закатальский округ[1], Карабах и Нахичеванский край: «Означенные выше территории при Муссаватском Правительстве и всегда составляли его органическую часть…» [1, л. 2]. Большевики, стремясь сохранить Турцию как союзника на Востоке, старались не ущемлять территориальные претензии Азербайджана, поэтому вопрос о Нахичевани был решен не в пользу Армении. Кавбюро имело по этому вопросу свое мнение. Г.К. Орджоникидзе призывал НКИД РСФСР не отдать Нахичевань, Карабах, Зангезур ни Азербайджану, ни Армении, а сохранить их под протекторатом советской оккупационной власти [17, л.18 – 19]. Но в конечном итоге, решение вопроса не зависело ни от местного населения, ни от местных советов.

На Кавказе в это время Армения, с пока еще неустоявшимися границами, активно вовлекалась в орбиту влияния РСФСР. В своем обращении к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики в апреле 1921 г. В. И. Ленин соединил все советизированные территории в общий ареал доминирования советского влияния. Армения мыслилась как часть общего советского Кавказа, региона на который делалась ставка как на канал налаживания «товарообмена с капиталистическим Западом» [14]. Ставя перед собой столь масштабные задачи, советское руководство закономерно стремилось урегулировать все разногласия по армянскому вопросу. Не имея возможности мирно разрешить все этнотерриториальные конфликты в Закавказье, Москва брала курс на объединение всех республик. Технически этому процессу начало было положено в апреле 1921 г. объединением железных дорог в одну Закавказскую сеть под руководством одного управления, локализованного в Тифлисе. Вся система функционировала по правилам и положениям железных дорог, утвержденных в РСФСР. Структурно Управление было включено в состав Кавказского округа путей сообщения, а отдельные комиссариаты путей сообщения в закавказских республиках ликвидировались [4, л.64]. Сам по себе факт ничего неговорящий, если его не соотнести с определенным контекстом советско-турецких отношений. Примерно в это время еще шли споры по поводу очищения от турецких войск Закавказья, дискуссии о легитимности Александропольского договора и подписании Турцией соглашения с Арменией, Грузией и Азербайджаном. Конкурентное преимущество большевиков сказалось в умении мыслить ситуативно, не дожидаясь окончательного дипломатического урегулирования. Они взялись за установление экономического контроля и налаживание хозяйственной жизни в Закавказье, включая Армению. Прежде чем установить контроль «сверху», большевики закреплялись «снизу».

По мере укрепления советской власти принадлежность тех или иных территорий какой-либо закавказской республике имела второстепенное значение, так как Кавказ должен был вернуться целиком с его ресурсами и инфраструктурой в состав российской государственности. Переговоры о заключении тремя закавказскими республиками договора с Турцией по модели Московского были еще в разгаре, и в это же время НКИД РСФСР инициировал экономическую интеграцию. Так, 2 июня 1921 г. Грузия, Армения и Азербайджан заключили договор об объединенном Внешторге [10, с.732]. Следующим шагом по закреплению пока экономического, но не дипломатического успеха, накануне Карсского договора стало соглашение между РСФСР и советской Арменией по финансовым вопросам, подписанное 30 сентября 1921 г. В результате проводимой политики и подписанных соглашений все три республики Закавказья лишились права на внешнеэкономическую деятельность, даже торговые договоры или о предоставлении концессий могли быть подписаны после согласования с РСФСР.

Дальнейшие действия НКИД РСФСР были направлены на форсирование процесса подписания договоров Турции с Арменией, Азербайджаном и Грузией. В их основе предположительно должен был лежать Московский договор. Договор с Арменией был первоочередной задачей, так как нужно было дезавуировать Александропольский договор, который турецкую сторону устраивал, но не мог быть принят большевиками.

По сведениям Б.В. Леграна поведение турок на Кавказе непредсказуемо, и перспективы подписания договора с тремя закавказскими республиками весьма туманны. В июне 1921 г. он докладывал Г.В. Чичерину о попытках турок влиять на Азербайджан и их недовольстве зависимостью республики от РСФСР. Так же из наблюдений Б. В. Леграна следовало, что турецкие представители по пути в Москву на переговоры встречались членами партии «Иттихат», боровшейся против большевиков. Кроме того, предпринимались попытки «расшатывания престижа советской власти в мусульманских массах» в Аджарии [3, л.29 об – 30].

1 Спорный с Грузией.

26 сентября 1921 г. начала свою работу Карсская конференция. НКИД РСФСР удалось отстоять именно Карс, при том что турецкая сторона предлагала местом встречи Анкару. Однако, к греческая армия к концу августа 1921 г. вплотную подошла к городу, соответственно о проведении конференции здесь речи идти не могло. Главой турецкой делегации был назначен Карабекир. Примечательно, что РСФСР представлял Яков Ганецкий – полномочный представитель советской России в Литве, кандидатуру Б.В. Леграна отклонила турецкая сторона, под предлогом того, что он чрезмерно благоволит к армянам [3, л.55]. Накануне Б.В. Легран был проинструктирован о том, что необходимо информационно поддерживать Ганецкого и предоставлять ему необходимые материалы. В ходе конференции Ганецкий фактически не советовался с Леграном. Кроме двух телеграмм несущественного содержания никаких других сведений он Леграну не предоставил. Армянская ССР была представлена А. Мравяном и П. Макинянцианом, Азербайджан направил Б. Шахтахтынского, Грузия – Ш. Элиаву и А. Сванидзе. В советской историографии ход конференции идеализировался и представлялся как пример единения всех трех республик [См., например: 20, с.164]. Однако, по сведениям Б.В. Леграна, который старался все-таки вникать в ход конференции, каждая из республик перетягивала переговоры в свою сторону. НКИДы отдельных республик ограждали себя от вмешательства российской миссии, в лучшем случае обращались напрямую в Москву, минуя представительство: «Я полагаю, что настало время провести через ЦК РКП постановление, обязывающее Наркоминделы и Центральные Комитеты независимых республик не предпринимать никаких шагов в иностранной политике без предварительного осведомления представительства РСФСР» [3, л.87].

Радикально ничего нового в сравнении с Московским Карсский договор предложить не мог. Турция по-прежнему находилась в трудном военном положении и нуждалась в российской помощи, а советское правительство ставило задачей повысить свой престиж у народов Востока. В этой связи Г.В. Чичерин призывал не давить на Турцию, не пытаться воспользоваться ситуаций и тем самым потерять поддержку всех восточных народов [3, л.56].

13 октября был заключен четырехсторонний договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской Советскими Социалистическими Республиками, с одной стороны, и Турцией – с другой. Как и предполагалось, текст повторял Московский договор, и Нахичеванская область оставалась в качества автономии Азербайджану.

Таким образом, советизация Армении не стала последней точкой в урегулировании армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Турция упорно не желала сдавать позиций по Александропольскому договору и колебалась, пока окончательно не убедилась в невозможности договориться с Антантой и обойтись без советской помощи. Со своей стороны, большевики, не упрочив позиции в Закавказье, не решались действовать радикально и предпочли пойти на уступки в вопросе армянских территорий, при этом сохранить Батум и не оттолкнуть мусульманское население региона. Кроме того, дружба с Турцией была важна в свете провала большевистской идеи революции в Европе и переориентировки на страны Востока.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.04. Оп. 51. Папка 321. Д.54859.
2. АВП РФ. Ф. Референтура по Турции. Оп.4. Папка 5. Д.10.
3. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 321 а. Д.54877.
4. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 322. Д.54908.
5. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922-1923. М.: Изд-во ИМО, 1960. 222 с.
6. Г. В. Чичерин – И. В. Сталину. 10 марта 1921 г. // Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927 / сост. А. В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. С.190 – 192.
7. Густерин П.В. Заключение Советско-турецкого договора 1921 года URL: https://proza.ru/2017/04/26/630 (Дата обращения: 21.08.2021).
8. Есаян Н. К. Брестский мир (1918) и его последствия для армянского народа в борьбе за национальное единство: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004. 172 с.
9. Заявление Народного Комиссара по Делам Национальностей о победе Советской власти в Армении // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.366 – 367.
10. Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов (декабрь 1920 – декабрь 1921 гг.) // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.727 – 767.
11. Кемаль М. Путь новой Турции: [В четырех томах]. Т.IV. Победа новой Турции. 1921 – 1927. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 571 с.
12. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: Сборник документов и материалов / отв. ред. В.А. Микаелян. Ереван: АН Армении, 1992. 756 с.
13. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Турции в РСФСР Али Фуаду. 8 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.52 – 53.
14. Обращение В. И. Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики. 14 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.64 – 66.

15. Озтюрк М. Взаимные сомнения и недоверие между большевиками и кемалистами в период становления советско-турецких отношений в 1920 – 1922 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. №5 (84). С.181 – 190.
16. Правда. 1920. 30 ноября.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.64. Оп.1. Д.17.
18. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С - Турция. Д. 40.
19. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.79.
20. РГАСПИ. Ф.85. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.3.
21. Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921 – 1927. М.: Наука, 1968. 326 с.
22. Шутова Н. Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях: 1911 – 1921 гг.: дисс. канд. ист. наук. Владимир, 2006. 197 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F.04. Inv. 51. Papka 321. D.54859. (In Russian).
2. AVP RF. F. Referentura po Turtsii. Inv.4. Papka 5. D.10. (In Russian).
3. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 321 a. D.54877. (In Russian).
4. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 322. D.54908. (In Russian).
5. Aralov S.I. Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922-1923 (Memoirs of a Soviet diplomat. 1922-1923). Moscow: IMO publ., 1960. 222 p. (In Russian).
6. G.V. Chicherin – I.V. Stalinu. 10 marta 1921 g. (G.V. Chicherin - I.V. Stalin. March 10, 1921) // Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912 – 1927 / A.V. Kvashonkin, O.V. Khlevnyuk, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEN publ., 1996. P.190 – 192. (In Russian).
7. Gusterin P.V. Zaklyuchenie Sovetsko-turetskogo dogovora 1921 goda (Conclusion of the Soviet-Turkish Treaty of 1921) URL: https://proza.ru/2017/04/26/630 (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
8. Esayan N.K. Brestskiy mir (1918) i ego posledstviya dlya armyanskogo naroda v bor'be za natsional'noe edinstvo (The Brest treaty (1918) and its consequences for the Armenian people in the struggle for national unity): thesis. St. Petersburg, 2004. 172 p. (In Russian).
9. Zayavlenie Narodnogo Komissara po Delam Natsional'nostey o pobede Sovetskoy vlasti v Armenii (People's Commissar for Nationalities Affairs declaration on the victory of Soviet power in Armenia) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury publ., 1958. P.366 – 367. (In Russian).
10. Iz godovogo otcheta Narodnogo Komissariata Inostrannykh Del RSFSR k IX S»ezdu Sovetov (dekabr' 1920 – dekabr' 1921 gg.) (From the annual report of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR to the IX Congress of Soviets (December 1920 - December 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.727 – 767. (In Russian).
11. Kemal' M. Put' novoy Turtsii: [V chetyrekh tomakh]. Vol.IV. Pobeda novoy Turtsii. 1921 – 1927 (The Way of the New Turkey: [In four volumes]. T.IV. The victory of the new Turkey. 1921 - 1927). Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 571 p. (In Russian).
12. Nagornyy Karabakh v 1918–1923 gg.: Sbornik dokumentov i materialov (Nagorno-Karabakh in 1918 – 1923: Collection of documents and materials) / ed by. V.A. Mikaelyan. Erevan: Armenian SA publ., 1992. 756 p. (In Russian).
13. Nota Narodnogo Komissara Inostrannykh Del RSFSR Poslu Turtsii v RSFSR Ali Fuadu. 8 aprelya 1921 g. (People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR note to the Ambassador of Turkey in RSFSR Ali Fuad. April 8, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.52 – 53. (In Russian).
14. Obrashchenie V. I. Lenina k kommunistam Azerbaydzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoy Respubliki. 14 aprelya 1921 g. (Lenin's appeal to the communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, the Mountain Republic. April 14, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.64 – 66. (In Russian).
15. Oztyurk M. Vzaimnye somneniya i nedoverie mezhdu bol'shevikami i kemalistami v period stanovleniya sovetsko-turetskikh otnosheniy v 1920 – 1922 gg. (Mutual doubts and mistrust between the Bolsheviks and the Kemalists during the formation of Soviet-Turkish relations in 1920 – 1922) // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2010. No.5 (84). P.181 – 190. (In Russian).
16. Pravda. 1920. November 30. (In Russian).
17. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F.64. Inv.1. D.17. (In Russian).
18. RGASPI. F.85. Inv.S - Turtsiya. D. 40. (In Russian).
19. RGASPI. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.79. (In Russian).
20. RGASPI. F.85. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.3. (In Russian).
21. Kheyfets A.N. Sovetskaya diplomatiya i narody Vostoka. 1921 – 1927 (Soviet diplomacy and the peoples of the East. 1921 – 1927). Moscow: Nauka, 1968. 326 p. (In Russian).
22. Shutova N.E. Armyanskiy vopros v rossiysko-turetskikh otnosheniyakh: 1911 – 1921 gg. (The Armenian Question in Russian-Turkish Relations: 1911 - 1921): thesis. Vladimir, 2006. 197 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

УДК 94(44/99)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.7

И. Н. Назарьян

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ ИРАНА[1]

Переселение армян шахом Аббасом I в 1604 г. решающим образом отразилось на формировании крупной христианской группы Ирана. На протяжении XVII – XXI вв. армянская диаспора подвергалась влиянию политического курса центральной власти Ирана и за весь указанный период община имела главной необходимостью сохранение своей национальной идентичности. Так, например, победа Исламской революции 1978 – 1979 гг., подтолкнула представителей диаспоры армян и исламское правление к поиску компромиссов, которые позволили общине сохранить частично, либо в полной мере свою автономность. При этом армянское население Ирана, обладая высокой степенью организации и взаимодействия внутри диаспоры и связи с исторической Родиной, способствовало налаживанию всестороннего христианско-мусульманского взаимодействия.

Данное исследование рассматривает социальную, культурную и политическую деятельность армянской диаспоры Ирана, привлекая в качестве средства изучения веб-ресурсы общины. Подобная форма работы выбрана не случайно, сеть «Интернет» в настоящее время открывает доступ к широкой базе информации, которая способствует увеличению исследовательского потенциала. В связи с данным фактором, важной задачей является разработка наиболее эффективных методов и форм использования веб-технологий. Исходя из этого, автор статьи уделила внимание анализу преимуществ и недостатков интернет-ресурсов в целом, затем была проведена работа над выявлением политики иранского правительства в отношении сети «Интернет». Решение указанных задач способствовало изучению веб-страниц, содержащих информацию непосредственно касающейся армянской диаспоры Ирана.

Так путем «от общего к частному» удалось провести общий обзор развития армянской общины Ирана, выявить актуальные данные о формах деятельности и задачах диаспоры, оценить роль медиатехнологий в осуществлении коммуникации общины.

Ключевые слова: история армянской диаспоры, Иран, Нор-Джуга, веб-ресурс, интернет-источники.

Ilona Nazar'yan

INFORMATION POSSIBILITIES OF INTERNET RESOURCES FOR STUDYING THE HISTORY OF THE ARMENIAN DIASPORA IN IRAN

The relocation of Armenians by Shah Abbas I in 1604 formed a large Christian group in Iran. During XVII – XXI centuries the Armenian diaspora of Iran was influenced by the political course of the central government of Iran. Over the entire period of life in Iran, the Armenian community had a need to preserve its national identity. The victory of the Islamic Revolution of 1978-1979 forced the representatives of the Armenian Diaspora and the Islamic government to search for compromises. In consequence, the community retained its autonomy. The Armenian population of Iran has a high degree of internal organization and interaction with the historical Homeland, which contributes to Christian-Muslim cooperation in culture and economy.

This study examines the social, cultural and political activities of the Armenian Diaspora in Iran, using the community's web resources as a means of studying, this form of work was not chosen by chance. The Internet currently provides access to a wide database of information that contributes to increasing research potential. In connection with this factor, an important task is to develop the most effective methods and forms of using web technologies. Based on this, the author of the article first focused on the analysis of the advantages and disadvantages of Internet resources in general. Then, the work was carried out to identify the policy of the Iranian government regarding the Internet. The solution of these tasks made it possible to study web pages containing information directly related to the Armenian Diaspora of Iran.

Thus, deductively it was possible to create a holistic picture of the development of the Armenian community of Iran, to identify relevant data on the forms of activity and tasks of the Diaspora, to assess the role of media technologies in the implementation of community communication.

Key words: history of the Armenian diaspora, Iran, Nor-Jugha, web resource, internet sources.

Армянская диаспора в Иране имеет давнюю историю. В 1604 г. шах Аббас I переселил большое количество армян с их родины на реке Аракс, где в пригороде Исфахана переселенцы основали Новую Джульфу (Нор-Джуга). Армяне стали основой внешней торговли Ирана и благодаря этому фактору армянам были предоставлены религиозные и культурные привилегии, в которых обычно отказывали другим немусульманским общинам. Мусульманам было запрещено селиться в Новой Джульфе, что сделало пригород Исфахана фактически государством в государстве, где христиане могли уклоняться от исламских законов, применяемых в других местах Ирана.

На протяжении XVIII – XX вв. развитие и укрепление армянской диаспоры Ирана зависело от политического курса иранских правителей. Для середины XIX в. становится характерным

1 Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. Проекта АААА-А19-119011190185-9

открытие в Иране армянских школ и появление армянской периодической печати, начинается укрепление позиций армянской общины в Тегеране. Активизация роли армянской общины в политике Ирана началась в городе Тебризе, где вела деятельность «Армянская революционная федерация» и действовала «Ассоциация армянских женщин Тебриза». Во время правления Реза-шаха Пехлеви 1925–1941 гг. был введен запрет преподавания на армянском языке, в связи с этим возникла необходимость сохранения своей национальной идентичности путем политического участия под влиянием Дашнацутюн. Новый виток возрождения армянской диаспоры в Иране начался, когда власть сосредоточилась в руках Мохаммеда Пехлеви. Возродился интерес к армянской культуре, в университете Исфахана была открыта программа по изучению армянского языка и истории.

Взаимодействие армянской диаспоры с центральной властью Ирана с момента победы Исламской революции 1979 г. по настоящее время можно охарактеризовать как период поиска компромисса в культурной и в религиозной сфере.

По рассмотренному пласту историографии, можно сделать вывод, что научное изучение армянской общины Ирана началось с 1970-х гг. Классификация исследований включает в себя проработку религиозных, культурных, политических процессов. Можно отдельно отметить изучение Новой Джульфы как центра армянской жизни в Иране: данной теме уделил внимание Вазкен Гугассян в монографии «Возникновение Армянской епархии Новой Джульфы в XVII веке» [21], которая является комплексным исследованием не только религиозной деятельности диаспоры, но и начального этапа расселения армян в пригороде Исфахана. Стоит также выделить диссертации отечественных исследователей по общине армян Новой Джульфы: Родионовой Е. М. «История развития армяно-иранских этнокультурных связей в XVII веке» [9], Степаняна А. В. «Роль армян Новой Джуги в русско-иранских культурных взаимоотношениях (XVII – XVIII вв.)» [10], Хачикян Ш.Л. «Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII – XVIII вв.)» [12]. В этих работах отражена важная роль армянской общины Новой Джульфа в укреплении торговых отношений между Востоком и Западом, связи мусульманского мира с христианским.

Сборник «Армяне Ирана: парадоксальная роль меньшинства в доминирующей культуре; статьи и документы» под редакцией Косро Чакери [18], материалы сборника содержат в себе информацию о формировании и деятельности армянской диаспоры на протяжении XIX – XX веков истории Ирана и дают целостное преставление о взаимодействии двух культур.

По периоду XX в. исследование Ури Бербериан «Армяне и Конституционная революция в Иране 1905 – 1911 годов: Любовь к свободе не имеет Отечества» [16], где ставится акцент на политической активности армянской диаспоры на территории Восточного Азербайджана, которая в последующем определит недоверительное отношение власти Ирана по отношению к армянской общине.

Сложное взаимодействие в середине XX в. между армянской диаспорой и шахским правлением раскрывает обзорная статья Васико Папава «Иранские армяне в период династии Пехлеви» [7].

Барри Джеймс в своей монографии «Армянские христиане в Иране: этническая принадлежность, религия и идентичность в Исламской Республике» [24] исследует армянскую диаспору после победы Исламской революции в Иране, раскрывая отношения армянской общины и исламским режимом после победы революции 1979 г. и связи диаспоры с исторической Родиной.

Переселение армян в Иран и создание Новой Джульфы стало значительным периодом в армянской истории и нашло отражение в источниках того времени трудах хронистов и путешественников, к которым мы сегодня имеем доступ. В первую очередь это сочинение Аракела Тебризского (Даврижеци) «Книга историй» [3], оригинал которого был написан на армянском языке и издан в Амстердаме в 1669 г. Само переселение в Исфахан Аракел Даврижеци описывает как тягостное испытание и указывает категории армянского населения, которым оно давалось труднее. Из хроники возможно определить по каким причинам шах Аббас I стремился удержать армян под своим контролем. Имеются также свидетельства о притеснении христиан, причем не только со стороны персов, но и со стороны армян вероотступников. Аракел Тебризский дает емкие описания не только переселению, но и дальнейшей жизни армян и взаимодействия с персами в Новой Джульфе, соответственно затрагивая все области жизнедеятельности.

Заметки иностранных путешественников, таких как Томас Герберт «Путешествие по Персии (1627–1629)» [22] и Жан Шарден «Путешествия господина дворянина Шардена, в Персию и другие места Востока» [11], имеют несколько иную наполненность, в отличие от хроники Аракела Даврижеци, который с состраданием описывает трагичность переселения армян в Новую Джульфу. Английские и французские путешественники воспринимали Восток как нечто диковинное, и ставили перед собой задачу первичного сбора информации о стране. Поэтому в описаниях Томаса Герберта первого английского посла в Персию мы не находим упоминаний о трудностях взаимодействия армянского христианского меньшинства с персами мусульманами. Наоборот, Герберт подчеркивает зажиточность населения

Новой Джульфы, уважительного отношения шахской администрации к армянам. Такое же описание населения Новой Джульфы представлено в заметках французского путешественника Жана Шардена. Ценность европейских заметок состоит в полном описании политики, культуры, экономики крупных городов Персии, что предоставляет возможность выявить области жизнедеятельности, в которых было занято преимущественно армянское население.

Информация об армянах, проживающих на территории Персии в первой половине XIX века, содержится в воспоминаниях Бларамберга И. Ф. [2] российского посланника в Персию с 1837–1840 гг. Из источника мы узнаём о быте, роли армян в русско-персидской торговле и об антиармянской политике, проводимой Каджарами, получаем обширные сведения об армянах Тебриза, Тегерана, Бендер-Аббаса и численности армянского населения.

Армянская диаспора Ирана была вовлечена и в политику, активное проявление нашла в Конституционной революции 1905–1911 гг. Сведения об этом мы находим в периодической печати на армянском языке. Газеты «Дрошак» [1] и «Гахапар» [17], хотя их издательство не находилось на территории Ирана, незамедлительно освещали деятельность иранского отделения «Дашнакцутюн», таким образом представляя обзор политики Ирана и участия в ней армянских представителей.

Рассмотренные выше традиционные источники содержат большой пласт информации, но данный вид источников долгое время являлся труднодоступным и с момента появления сети «Интернет», возросла возможность повсеместно привлекать их к гуманитарным и социальным исследованиям. Теоретически «Интернет» – это открытый информационный ресурс, предоставляющий безграничную информационную сеть. Его открытая конструкция дает доступ к гораздо большему количеству информации, чем традиционные ресурсы. С появлением сети «Интернет» происходит расширение прикладных исследований в социальных и гуманитарных науках. Методология исследований, опирающихся на использование интернет-ресурсов, варьируется от общенаучных до специальных, характерно также применение междисциплинарного подхода.

Целью данного исследования является анализ веб-ресурсов как средства изучения социальной, культурной и политической деятельности армянской диаспоры Ирана. Для достижения указанной цели, необходимо:

1. Рассмотреть деятельность иранского правительства по отношению к сфере интернет-коммуникаций в целом и функционированию армянской общины на территории Ирана, в частности;
2. Выявить ресурсы, содержащие сведения о деятельности армянской диаспоре Ирана;
3. Категоризировать выявленные ресурсы и сделать анализ их содержания;
4. Оценить какую роль играют медиа технологии в объединении армянской общины Ирана.

Выделим новые возможности, которые предоставляет использование веб-ресурсов к исследованиям:

1. Привлечение ранее недоступных ценных источников информации и упрощение доступа к традиционным источникам: необходимые материалы появились на сайтах библиотек и архивов, страницах социальных сетей;
2. Анализ страниц социальных сетей, которые предоставляют доступ к повседневным обменам между участниками сообществ и генерируют данные по личным предпочтениям и мнениям пользователей;
3. Расширение возможностей проведения социологических опросов, так как Интернет предоставляет новые формы коммуникации с аудиторией: интерактивные анкеты, рассылка анкет электронными письмами необходимой социальной группе;
4. Упрощение взаимодействия исследователей, обмена информацией, обсуждения научных проблем, консультаций.
5. Поиск и просмотр фото-, видео-, аудиоматериалов.

Используя интернет-ресурсы в качестве источника, необходимо учитывать, что в сегодняшних условиях веб-страницы являются наиболее доступными для исследования и предлагают широкую информационную сеть, имеет возможность прямого взаимодействия с интернет пользователями. Наряду с возможностями, которые предоставляют веб-ресурсы они имеют и ограничения (недостатки) – прежде всего, используемую информацию необходимо подвергать тщательной проверке, так как встречаются вбросы недостоверных сведений; не являются редкостью редактирование сведений на сайтах, а также блокировка сайтов, соответственно впоследствии можно столкнуться либо с потерей, либо с изменением содержания материалов. Стоит учитывать, что оцифрованные источники из архивов и библиотек, попадая на интернет-ресурс, теряют свою уникальность. Однако, традиционные информационные ресурсы в отличии от интернет-ресурсов не смогут предоставить возможность активной дистанционной коммуникации, оперативного получения актуальных сведений, вплоть до возможности слежения за событиями по онлайн-трансляции, когда исследователь становится прямым наблюдателем событий.

Интернет стал частью иранской культуры с середины 1990-х годов и позволил пользователям вести свои блоги, в которых блогеры поднимали вопросы, посвященные построению гражданского

общества, реализации либеральных реформ. Блоги повлияли на политическую культуру Ирана, позволив взглядам, выступающим против правящей партии, появляться в Интернете. Начало общественно-политическому блогингу на персидском языке было положено Хоссейном Дерахшаном в 2001 году, его интернет-страница под названием «Редактор: я» побудила многих иранских активистов, студентов и журналистов реформистского крыла, живущих в Иране вести блоги.

Первыми использовать сеть «Интернет» для консолидации вокруг определенных идей стали использовать студенты. После внедрения информационно-коммуникационных технологий в университетах Ирана, они использовали Интернет для организации студенческих акций в поддержку протестов 2003 г., которые являются примером того, как антиправительственные силы в Иране эффективно использовали Интернет для мобилизации оппозиции и ее организации для публичных демонстраций. Затем, в течение нескольких месяцев после выборов 2009 г. и протестов, последовавших за ними, иранское правительство постепенно усилило мониторинг активности граждан в Интернете. Во время первого срока президентства Махмуда Ахмадинежада 2005 – 2009 гг. в онлайн сети усилились действия политической оппозиции. Иранское правительство быстро пошло на ограничение свободы слова в Интернете [27, p. 67].

Оппозиционные протесты на выборах 2009 г. сформировали у иранского правительства понимание блогов и социальных сетей как новой формы организации народных масс. Данный вывод, побудил власть к внедрению технологий мониторинга социальных сетей, замедлению работы Интернета во время крупных публичных мероприятий. Был принят «Закон о виртуальной преступности» [5] в мае 2009 г. и создана Комиссия по определению преступного контента [4], и позже, в 2012 г. сформирован Высший совет по киберпространству [13], который усилил контроль за онлайн-деятельностью.

Поэтому при изучении иранских интернет-ресурсов стоит учитывать усиление цензуры со стороны правительства и соответственно оценивать политическую ориентацию применяемых ресурсов. Повышение цензуры в онлайн пространстве иранскими властями прежде всего направлено на контроль оппозиционных настроений. Сайты национальных групп также подвергаются мониторингу со стороны правительственных ведомств.

История армянской общины в Иране позволяет сделать вывод о том, что с момента переселения в XVII в. армяне вносили значительный вклад в развитие культурной и экономической сферы Ирана. И сегодня армянская община в Иране существует как признанное конституцией этническое и религиозное меньшинство, имеет возможности для культурной, спортивной, политической и экономической деятельности. Важной целью общины остается сохранение национальной идентичности и привязанности к своей исторической родине.

Взаимодействие между этническими группами (диаспорами) и государством может быть до определенной степени разнонаправленным. Так, в отношениях между армянской диаспорой и иранским режимом можно проследить стремление армян сохранить свою автономию через язык, школы, религию и общинные центры вопреки политике исламского режима по ограничению свободы действий общины в культурной сфере. Этническое и религиозное разнообразие Ирана требует выстраивания общей государственной политики в отношении меньшинств с учетом их реакции. Понимание этого привело к тому, что конфронтационные действия режима 1980-х гг. постепенно сменились гибкими и менее жесткими методами в отношении армянской диаспоры. Иранские армяне стали конституционно признанным немусульманским меньшинством, по 13, 14, и 15 статьям конституции ИРИ [6], в связи с чем получили языковую, религиозную и культурную свободу. В настоящее время при изучении сайтов и страниц социальных сетей армянской диаспоры Ирана находим возможность просмотра веб-страниц на этническом языке группы, данный факт свидетельствует, что иранское правительство не пресекает использование армянского языка в виртуальном пространстве.

Среди веб-ресурсов по армянской диаспоре Ирана можно выделить следующие категории: группы социальных сетей «Facebook», «Twitter», «Youtube»; веб-страницы архивов, библиотек, социальных, политических и культурных организаций. Указанные ресурсы дают электронный доступ к письменным, кино- фото- фоно- документам. При этом письменные источники находящиеся на интернет-порталах можно разделить на:

- оцифрованные копии ранее напечатанных документов, которые зачастую загружаются в сеть Интернет в файловом формате и сохраняют сведения об авторе и издании оригинала;
- тексты, созданные на веб-сайтах, особенностью их является возможное отсутствие указания авторства и периода создания, поэтому требуют привлечения дополнительных материалов.

Интернет-ресурсы также предоставляют возможность использования гиперссылок, которые позволяют связать воедино данные с нескольких веб-страниц, что расширяет информационные сведения, содержащиеся в документе.

В первую очередь интерес представляют ресурсы, содержащие сведения о становлении организаций, находящихся в Новой Джульфе, так как она являлась главным центром формирова-

ния армянской общины в результате переселения армян в XVII в. шахом Аббасом I. Так как церковь в жизни армян играет важную роль, первые библиотеки создавались при религиозных учреждениях. На данный момент армянское духовенство Ирана имеет цель сохранения исторической памяти, потому в фондах библиотек сохранились источники периода нового и новейшего времени, доступ к которым имеет через интернет-ресурсы и соответственно нацелены на широкий круг заинтересованных пользователей.

Веб-сайт библиотеки святого Нерсеса Шнорали [25] включает в себя художественную литературу, прессу, энциклопедии, графические материалы, отражающие жизнь армянской общины Ирана с XVII в. по настоящее время. Сложность работы состоит в недостаточной проработанности навигации по сайту. Сайт не дает описания всех своих фондов, предлагая лишь запрашивать конкретные материалы в поисковой строке. Помимо материалов, изданных в Иране, библиотека также включает в себя тексты, изданные в СССР и переведенные на армянский язык.

Следующим немаловажным ресурсом является веб-сайт Национальной резиденции Армянской Епархии Исфахана [28]. Он наполняется сведениями об истории армян Новой Джульфы, культурной, религиозной и общественной жизни общины Исфахана, имеет раздел, в котором размещается еженедельный вестник общины Новой Джульфы [26], а также религиозные материалы. Сайт носит новостной характер и подходит для изучения жизни общины в XXI в. Обе перечисленные веб-страницы имеют ссылки на свои группы в «Facebook» в которых публикуют анонсы мероприятий, причем по комментариям на странице можно оценить личные отношения пользователей к публикациям, соответственно группы могут также играть роль источникового ресурса.

Армяне развивали книгопечатание в Иране с XVII в., соответственно практически сразу после переселения в Новую Джульфу [8, с. 310], но в последующем именно периодика общины займёт значительную роль в освещении деятельности диаспоры. С конца XIX в. среди армянского населения Ирана возникает потребность в создании периодического издания, отражающего политические инициативы общины, обусловлено это было необходимостью иметь армянского представителя в меджлисе (что и было достигнуто в результате Конституционной революции 1905–1911 гг.), а также возросшей активностью партии «Дашнакцутюн». Данные факторы породили множество еженедельников, которые, по сути, сменяли друг друга, но до XXI в. сохранили свою деятельность лишь единицы. Таковой является газета «Алик» [14], которая выходит в свет уже более ста лет и была первым крупным периодическим изданием диаспоры, печатающимся на армянском языке. В настоящее время газета имеет действующий сайт, он представляет интерес тем, что наполняется актуальными новостями армянской общины; Республики Армения; анализом стороны иранских армян конфликта в Нагорном Карабахе и политической жизни Ирана.

Армянское население Ирана имеет своей основной целью сохранение национальной идентичности, на этой цели базируется образовательная программа общинных школ. Для этого после Исламской революции 1979 г. руководство диаспоры выступало за сохранение автономии учебных заведений общины, постреволюционное десятилетие прошло в попытке найти компромисс в сфере образования между общиной и исламским руководством. Армяне стремились сохранить школьные предметы необходимые подрастающему поколению общины – армянский язык, историю армянского народа и изучение христианской религии.

Анализ деятельности действующих армянских школ Ирана показал, что, подчиняясь министерству образования и воспитания Исламской Республики Иран, им удается проводить дополнительные занятия по армянскому языку, истории и религии. При изучении страницы «Facebook» армянской школы для мальчиков, расположенной в Новой Джульфе «Катаринян» [20], было установлено, что основой концепции данного учебного заведения является патриотическое воспитание армянской молодежи. Но стоит также отметить, что мероприятия проводятся на персидском языке, такие, например, как семинар «Фальсификаторы истории», посвященный конфликту в Нагорном Карабахе.

В системе высшего образования Ирана имеются учреждения, занятые исследованием армянских вопросов. Таковым является институт Хур [23], в котором проводятся совещания, конференции, но основная деятельность заключается в переводе и издании книг по истории и культуре Армении и Геноциду армянского народа. Таким образом, исламское руководство не препятствует исследовательской деятельности армянской диаспоры.

Помимо политических партий и представителей от общины в меджлисе интересы армянской диаспоры в Иране продвигают и защищают общественные, культурные и спортивные организации. Целью первых армянских объединений, возникших в конце XIX в., являлась благотворительная помощь нуждающимся из общины. Позднее, затем с учетом изменения политической обстановки в Иране, расширялся круг вопросов, которые необходимо было решать внутри диаспоры. Имея широкий охват среди армянского населения Ирана, общественные организации ставят перед собой задачи материального обеспечения армянских учебных заведений; проведения национальных праздничных мероприятий; организацию

дней памяти жертв Геноцида армян 1915 г.; сохранения культурного наследия иранских армян, а также популяризация армянской культуры в целом в Иране. Значительна роль армян в развитии иранского общества, потому важной целью организаций диаспоры является сохранение двустороннего культурного сотрудничества с представителями иранской интеллигенции, в связи с чем, возникают различные совместные проекты, например, издание и перевод книг, содержащих сведения о тесном взаимодействии армянской общины и иранского общества.

Крупной действующей культурно-спортивной организацией армян в Иране является клуб «Арарат», он создан в середине XX в. в Тегеране, имеет обширную материальную базу (стадион, футбольную команду, помещения для проведения мероприятий). Анализ веб-страницы организации «Арарат» [15] показал, что деятельность сосредоточена на пропаганде спорта среди диаспоры, проведении научных и творческих форумов, постановке спектаклей по произведениям армянских авторов. Сайт организации полезен тем, что имеет наполнение актуальными новостями и включает в себя архивные сведения о деятельности клуба, которые позволяют воссоздать путь создания и развития клуба «Арарат».

Армянская диаспора Ирана имеет распределение по провинциям на севере и юге страны, что обуславливает потребность в непрерывном взаимодействии между общинами и связях с исторической родиной. В данном отношении веб-ресурсы могут выступать в качестве эффективного средства коммуникации, которое позволяет объединить группы, не имеющие возможность живого общения, и вовлечь в информационный обмен большее количество людей, что является весьма важным фактором при широкой рассеянности армянской диаспоры. Карантинные меры, вызванные пандемией COVID-19, подняли спрос на платформы, использующие технологии видеосвязи и интерактивной работы. Так, библиотека святого Нерсеса Шнорали города Исфахан информировала подписчиков своей страницы «Facebook» о проведении молодежной конференции в Матенадаране [19], формат участия предполагал применение платформы «Zoom», соответственно представить свои доклады в дистанционном режиме могли и армянские студенты из Ирана. Это в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что использование виртуальных сетей способствует расширению культурного и научного обмена между Арменией и иранской армянской диаспорой. Указанные выше примеры, иллюстрируют возникший после пандемии COVID-19 переход в онлайн-взаимодействие, повлекший за собой увеличение базы интернет-источников, которые в свою очередь способствуют детальному анализу жизнедеятельности армянской диаспоры Ирана для исследователя находящегося за пределами изучаемого региона. Также расширяется доступ к использованию прямых видеотрансляций, позволяющих стать очевидцем происходящих событий и тем самым получить объективную информацию.

Рассмотренные особенности информации, опубликованный в веб-пространстве позволяют сделают вывод, что при наличии положительных сторон (упрощение доступа к данным, появление новых видов источников (форумы, блоги, он-лайн трансляции) имеет и свои минусы в виде ограничения интернет-ресурса как с точки зрения содержательной стороны (вбросы недостоверных сведений, потеря и изменение опубликованных материалов.). Анализируя веб-ресурсы необходимо также уточнять их принадлежность. Официальные сайты церковных, культурных, образовательных и общественных учреждений имеют своей целью отразить полноту своей работы в настоящем, а также описать историю своего формирования и развития, сведения на данных ресурсах ограничиваются родом деятельности организации и разделены по категориям, в них содержится наиболее объективная информация о мероприятиях проводимыми армянской диаспорой Ирана. Личные веб-страницы отражают взгляды пользователей на те или иные события, содержат предельно субъективные сведения, а также зачастую не имеют строго ограниченной тематики.

Так, использование веб-ресурсов, включающих в себя разнообразные виды письменных источников, позволяют провести полноценное исследование истории и деятельности армянской диаспоры, проживающей на территории Ирана.

Источники и литература

1. Веб-архив газеты «Дрошак» 1890 – 2021 гг. URL: http://tert.nla.am/mamul/Droshak-1890/Table.html (Дата обращения: 05.03.21). (на арм. яз.).
2. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978. 357 с.
3. Даврижеци А. Книга историй. М.: Наука, 1973. 628 с.
4. Задачи и миссии комиссии по определению преступного контента. URL: https://www.cyberpolice.ir/abouts#vzayef (Дата обращения: 23.05.21). (на перс. яз.).
5. Закон о виртуальной преступности от 15.05.2009. URL: https://internet.ir/law.html (Дата обращения: 30.05.21). (на перс. яз.).
6. Конституция Исламской республики Иран от 24. 10. 1979 года (с учетом поправок, внесенных к Конституции ИРИ от 28.04.1989). URL: https://dlp.msrt.ir/file/download/regulation/1497687031-.pdf (Дата обращения: 07.02.21). (на перс. яз.).

7. Папава В. Иранские армяне в период династии Пехлеви (1925 – 1978) // Караван: электронный журнал. 2019. № 72. С. 99–130. URL: https://www.academia.edu/41600878/Электронный_журнал_КАРАВАН_72 (Дата обращения: 25.04.21).
8. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 391 с.
9. Родионова Е. М. История развития армяно-иранских этнокультурных связей в XVII веке: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2010. 28 с.
10. Степанян А. В. Роль армян новой Джуги в русско-иранских культурных взаимоотношениях (XVII – XVIII вв.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990. 18 с.
11. Шарден Ж. Путешествие Шевалье Шардена по Персии и другим странам Востока. М., 1937. 29 с.
12. Хачикян Ш. Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII–XVIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1984. 166 с.
13. Цели и политика Высшего совета по киберпространству. URL: http://majazi.ir/general_content/76436-اهداف-سیاستهای-مرکز-ملی-فضای-مجازی.html?t=محتوای-عمومی (Дата обращения: 21.05.21). (на перс. яз.).
14. Alikonline. Веб-архив номеров газеты «Алик». URL: https://alikonline.ir/fa/news/pdf/item/3953-18-خرداد-1396-شماره-صد-و-هفتاد-و-دوم (Дата обращения: 18.04.21). (на перс. яз.).
15. Araratorg. Официальный сайт организации «Арарат». URL: http://www.araratorg.org/ (Дата обращения: 03.05.21). (на перс. яз.).
16. Berberian H. Armenians and the Iranian Constitutional Revolution of 1905–1911: «the Love for Freedom Has No Fatherland». Boulder, 2001. 226 p.
17. British Library. Архив газеты «Гахапар». 1894. № 1. URL: https://eap.bl.uk/archive-file/EAP613-2-3-16 (Дата обращения: 14.03.21). (на арм. яз.).
18. Chaqueri C. The Armenians of Iran, The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. Cambridge, 1998. 409 p.
19. Facebook. Информационное письмо «6-я молодежная конференция, посвященная 100-летию Геворга Абгаряна. Ереван 28 – 29 сентября 2020 г.». URL: https://www.facebook.com/library.newjulfa/posts/2839785269591288 (Дата обращения: 30.03.21). (на арм. яз.).
20. Facebook. Страница фейсбук армянской школы Катаринян. URL: https://www.facebook.com/Կատարինեան-Katarinian-1742486675977527/ (Дата обращения: 13.04.21). (на арм. яз.).
21. Ghougassian V. S. The emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the seventeenth century. Atlanta, 1998. 326 p.
22. Herbert T. Travels in Persia 1627 – 1629. London, 1928. 122 p. URL: https://archive.org/details/in.gov.ignca.33664 (Дата обращения: 12.03.21).
23. Hoosk. Официальный сайт института перевода и исследований Хур. URL: https://hoosk.ir/ (Дата обращения: 17.05.21). (на перс. яз.).
24. James B. Armenian Christians in Iran: Ethnicity, Religion, and Identity in the Islamic Republic. Cambridge, 2019. 312 p.
25. Lib.norjugha. Официальный сайт библиотеки святого Нерсеса Шнорали. URL: http://lib.norjugha.ir/opac/ (Дата обращения: 23.01.21). (на перс.яз.).
26. Norjugha. Веб-архив вестника армянской общины «Нор-Джуга». URL: http://www.norjugha.ir/տեղեկատու.html (Дата обращения: 13.02.21.). (на арм. яз.).
27. Parviz B., Kamal H. Access to information and rights of withdrawal in Internet contracts in Iran: The legal challenges // Computer Law and Security Review. 2015. Vol. 31. P. 59 – 83.
28. Vank. Официальный Сайт Национальной резиденции Армянской Епархии Исфахана URL: http://www.vank.ir/ (Дата обращения: 27.01.21). (на перс. яз.).

References

1. Veb-arkhiv gazety «Droshak» (Archive of the newspaper «Droshak») 1890–2021 гг. URL: http://tert.nla.am/mamul/Droshak-1890/Table.html (Accessed: 05.03.21). (In Armenian).
2. Blaramberg I.F. Vospominaniya (Memories). M.: Nauka, 1978. 357 p. (In Russian).
3. Davrizhetsi A. Kniga istorii (The Book of Stories). M.: Nauka, 1973. 628 p. (In Russian).
4. Zadachi i missii komissii po opredeleniyu prestupnogo kontenta (Tasks and missions of the Commission for the definition of criminal content). URL: https://www.cyberpolice.ir/abouts#vzayef (Accessed: 23.05.21). (In Persian).
5. Zakon o virtual'noi prestupnosti ot 15.05.2009 (The law on virtual crime of 15.05.2009). URL: https://internet.ir/law.html (Accessed: 30.05.21). (In Persian).
6. Konstitutsiya Islamskoi respubliki Iran ot 24. 10. 1979 goda (s uchetom popravok, vnesennykh k Konstitutsii IRI ot 28.04.1989) (The Constitution of the Islamic Republic of Iran of 24.10. 1979 (with the amendments made to the Constitution of Iran of 28.04.1989)). URL: https://dlp.msrt.ir/file/download/regulation/1497687031-.pdf (Accessed: 07.02.21). (In Persian).
7. Papava V. Iranskie armyane v period dinastii Pekhlevi (1925 – 1978) (Iranian Armenians during the Pahlavi Dynasty (1925-1978)) // Karavan: elektronnyi zhurnal. 2019. № 72. P. 99 – 130. URL: https://www.academia.edu/41600878/Электронный_журнал_КАРАВАН_72 (Accessed: 25.04.21). (In Russian).
8. Pigulevskaya N.V., Yakubovskii A.Yu., i dr. Istoriya Irana s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka (The history of Iran from ancient times to the end of the XVIII century). L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1958. 391 p. (In Russian).
9. Rodionova E. M. Istoriya razvitiya armyano-iranskikh etnokul'turnykh svyazei v XVII veke (The history of the development of Armenian-Iranian ethno-cultural relations in the XVII century). Sankt-Peterburg, 2010. 28 p. (In Russian).
10. Stepanyan A. V. Rol' armyan novoi Dzhugi v russko-iranskikh kul'turnykh vzaimootnosheniyakh (XVII – XVIII vv.) (The role of the Armenians of the New Jugha in Russian-Iranian cultural relations (XVII-XVIII centuries)). Erevan, 1990. 18 p. (In Russian).

11. Sharden Zh. Puteshestvie Sheval'e Shardena po Persii i drugim stranam Vostoka (Chevalier Chardin's Journey through Persia and other Eastern countries). M., 1937. 29 p. (In Russian).
12. Khachikyan Sh. L. Armyanskoe kupechestvo Novoi Dzhul'fy i ego rol' v armyano-russkikh torgovykh otnosheniyakh (XVII–XVIII vv.) (Armenian merchants of New Julfa and their role in Armenian-Russian trade relations (XVII-XVIII centuries)). Erevan, 1984. 166 p. (In Russian).
13. Tseli i politika Vysshego soveta po kiberprostranstvu (Goals and policies of the Supreme Cyberspace Council). URL: http://majazi.ir/general_content/76436-اهداف-سیاست‌های-مرکز-ملی-فضای-مجازی.html?t=محتوای-عمومی (Accessed: 21.05.21). (In Persian).
14. Alikonline. Veb-arhiv gazety «Alik» (Archive of the newspaper «Alik»). URL: https://alikonline.ir/fa/news/pdf/item/3953-18-خرداد-1396-شماره-صد-و-هفتاد-و-دوم (Accessed: 18.04.21). (In Persian)
15. Araratorg. Ofitsial'nyi sait organizatsii «Ararat» (Official website of the «Ararat» organization). URL: http://www.araratorg.org/ (Accessed: 03.05.21). (In Persian).
16. Berberian H. Armenians and the Iranian Constitutional Revolution of 1905 –1911: «the Love for Freedom Has No Fatherland». Boulder, 2001. 226 p.
17. British Library. Arkhiv gazety «Gakhapar» (Archive of the newspaper «Gahapar»). 1894. № 1. URL: https://eap.bl.uk/archive-file/EAP613-2-3-16 (Accessed: 14.03.21). (In Armenian).
18. Chaqueri C. The Armenians of Iran, The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. Cambridge, 1998. 409 p.
19. Facebook. Informatsionnoe pis'mo «6-ya molodezhnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu Gevorga Abgaryana. Erevan 28 – 29 sentyabrya 2020 g.» (Information letter «The 6th Youth Conference dedicated to the 100th anniversary of Gevorg Abgaryan. Yerevan, September 28 – 29, 2020»). URL: https://www.facebook.com/library.newjulfa/posts/2839785269591288 (Accessed: 30.03.21). (In Armenian).
20. Facebook. Stranitsa feisbuk armyanskoi shkoly Katarinyan (Facebook page of the Katarinyan Armenian School). URL: https://www.facebook.com/Կատարինեան-Katarinian-1742486675977527/ (Accessed: 13.04.21). (In Armenian).
21. Ghougassian V. S. The emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the seventeenth century. Atlanta, 1998. 326 p.
22. Herbert T. Travels in Persia 1627 – 1629. London, 1928. 122 p. URL: https://archive.org/details/in.gov.ignca.33664 (Дата обращения: 12.03.21).
23. Hoosk. Ofitsial'nyi sait instituta perevoda i issledovanii Hur (Official website of the Hur Institute of Translation and Research). URL: https://hoosk.ir/ (Accessed: 17.05.21). (In Persian).
24. James B. Armenian Christians in Iran: Ethnicity, Religion, and Identity in the Islamic Republic. Cambridge, 2019. 312 p.
25. Lib.norjugha. Ofitsial'nyi sait biblioteki svyatogo Nersesa Shnorali (Official website of the Library of St. Nerses Shnorali). URL: http://lib.norjugha.ir/opac/ (Accessed: 23.01.21). (In Persian).
26. Norjugha. Veb-arkhiv vestnika armyanskoi obshchiny «Nor-Dzhuga» (Archive of the bulletin of the Armenian community «Nor-Jugha»). URL: http://www.norjugha.ir/տեղեկատու.html (Accessed: 13.02.21.). (In Persian).
27. Parviz B., Kamal H. Access to information and rights of withdrawal in Internet contracts in Iran: The legal challenges // Computer Law and Security Review. 2015. Vol. 31. P. 59–83.
28. Vank. Ofitsial'nyi Sait Natsional'noi rezidentsii Armyanskoi Eparkhii Isfakhana (Official Website of the National Residence of the Armenian Diocese of Isfahan). URL: http://www.vank.ir/ (Accessed: 27.01.21). (In Persian).

Сведения об авторе

Назарьян Илона Никитична – стажёр-исследователь лаборатории политологии и права Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону) / Nazarjani@yandex.ru

Information about the author

Nazar'yan Ilona – intern-researcher of the Laboratory of Political Science and Law of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don) / Nazarjani@yandex.ru